

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДENA Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2021

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2021 — 2(63)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Сущностный» писатель равнины русской словесности (К 150-летию со дня рождения видного русского писателя Леонида Николаевича Андреева (1871—1919)).....	3
К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА	
Геннадий Мурников. В поисках истинной веры. Трагедия личности.....	26
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ИЗБРАННОЕ ИЗ КНИГИ. ПОВЕСТЬ. ОЧЕРК	
Борис Винокуров. Новелла пятая. Тайна замка Казановы.....	36
Олеся Янгол. Дружба в ритме танго.....	49
Борис Григорьев. Рабы с Востока (советские военнопленные в Новегии (1941—1945)).....	61
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Валерий Кулешов. «Высказы».....	73
Александр Петренко. Энолог.....	81
Петр Любестовский. Рассказы.....	85
Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье».....	93
Игорь Карлов. Предчувствие осени.....	108
Николай Макаров. В сельской школе.....	111
Евгений Асташкин. Неожиданная встреча.....	120
Яков Шафран. Самая большая награда.....	131
Инна Часевич. Военные рассказы.....	137
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Николай Еремин. <i>Personalia</i> : Сладкие желания.....	146
Эдуард Побужанский. Агент неба (стихи из новой книги).....	154
Владимир Резцов. Главы из исторической поэмы.....	159
Валерий Демидов. Случайность и закономерность.....	166
Андрей Новиков. Иронические стихи.....	168
Аркадий Польшин. Ангелы (поэма).....	174
Сергей Прохоров. Я готов жить лет триста.....	183
Олег Пантюхин. Звуки души.....	189
Владимир Лебедев. Круги в море.....	190
Владимир Шугля. С небес звезда летит.....	192
Владимир Корнилов. Пасхальные стихи.....	195
Юрий Токарь. Донбасским детям.....	198
Иван Нечипорук. «А сверху город, словно сказка...».....	200
Екатерина Мотыженкова. Русь.....	203
Николай Жуков. Третьяковской галерея.....	205
Сергей Сметатин. Осмыслить судьбу России.....	207

Валерий Мухин. Жемчужина Севера.....	210
Надежда Давыдова. Виниловый вечер.....	212
Людмила Бечеркина. Белая синица.....	215
Владимир Королев. Михаилу Морозову.....	219
Александр Малыгин. Братья. Послесловие к революции.....	223
Сергей Забавин. Предназначение.....	224
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Александр Балтин. К 195-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	229
Геннадий Маркин. За день до весны.....	231
Владимир Трусов. Полярность как показатель творческого диапазона (очередной экспурс в поэтический мир Кольского края).....	235
Алла Новикова-Строганова. Пасха и русская литература.....	245
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	255

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

**Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)**

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав.
отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Москва) — зав. отделом
международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владimir САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам.
председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом
критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный
президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Мурманские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная»
(Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в
электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте
«Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>
Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори»
публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и
<http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха
«Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе
русскоязычных литературных журналов и альманахов:
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и
«Ковчег» в Фэйсбуке:
<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>
<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?ref=ts>

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«СУЩНОСТНЫЙ» ПИСАТЕЛЬ РАВНИНЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

**К 150-летию со дня рождения видного русского писателя
Леонида Николаевича Андреева (1871—1919)**

*Ока берет начало несколько южнее Орла. Ху-
денькая еще в Орле и скромная, скромно восходит
прямо на север, к Калуге. Медленно, неустанно про-
низывают извилиами зеркальными Русь через Рязань
до Волги — светлая душа страны... В необъятной
России как бы область известной гармонии — те
места подмосковья, орловско-тульско-калужские,
откуда чуть не вся русская литература и вышла.*

Борис Зайцев «Жизнь Тургенева» (1932 г.)

◆ ...Являясь человеком военно-морского воспитания, то есть мыслящим «дисци-
плинарно-логически» даже в своих литературно-художественных сочинениях (не
полагаем это недостатком), сначала разъясним смысл название этого очерка. Начнем
с определения «равнины русской словесности», введенного нами <надеемся> в лите-
ратурный обиход в интервью* к юбилею журнала «Приокские зори». Слова-то наши,
но образы такового предмета даны многими, почти всеми русскими писателями, вы-
ходцами с этой славной для отечественной литературы равнине — см. выше эпи-
граф, слова замечательного русского писателя Бориса Константиновича Зайцева
(1881—1972), кстати, тоже юбиляра текущего года.

Но еще образнее — на то он и классик у истоков великой русской литературы
XIX века! — эту «равнину русской словесности» в природном ее ареале определил
Гоголь, начав с нее первую главу <узелевших от сожжения черновиков> второго то-
ма «Мертвых душ». С первым-то томом хотя бы по школьной программе и кинемато-
графии всяк знаком, возможно, даже и нынешние компьютерно мыслящие «онлайн-
кины» и «недолайкины», но не всякий простор свое любопытство до сохранившихся
недописанных, недоработанных Николаем Васильевичем глав тома второго. А пото-
му сочтем нeliшним и благополезным привести ниже пространную цитату о «рав-
нине»: «...Вид был очень недурен, но вид сверху вниз, с надстройки дома на равнине и
отдаленя, был еще лучше. Равнодушино не мог выстоять на балконе никакой гость и
посетитель. У него захватывало в груди, и он мог только произнесть: «Господи, как
здесь просторно!» Пространства открывались без конца. За лугами, усеянными ро-
щами и водяными мельницами, зеленели и синели густые леса, как моря или туман,

* Равнина русской словесности: Интервью Геннадия Маркина с главным редактором журнала «Приокские зори» Алексеем Яшиным //Общеписательская литературная газета.— 2019.— № 5(114).— С. 13 (...увы, это был последний номер всероссийской писательской газеты: понятно, по причине исчезновения и
без того скучных финансовых средств).

далеко разливавшийся. За лесами, сквозь мглистый воздух, желтели пески. За песками лежали гребнем на отдаленном небосклоне меловые горы, блеставшие ослепительной белизной даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. Кое-где дымились по ним легкие туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни, но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая подобно искуре золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селение. Все это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски воздушных певцов, наполнявших воздух. Словом, не мог равнодушно выстоять на балконе никакой гость и посетитель, и после какого-нибудь двухчасового созерцания издавал он то же самое восклицание, как и в первую минуту: «Силы небес, как здесь просторно!»

И самый образный певец равнины русской словесности И. С. Тургенев благодарили за ее чарующий простор и покой: «Спасибо, сторона родная...»

«Где родился, там и пригодился», — гласит народная мудрость. И это как нельзя кстати завершает определение равнины: ее великий покой и простор феногенотипически, а по-русски наследственно, по мудреным законам науки психологии воплощается в творчество писателей, урожденных и выросших в лоне этой равнины. Здесь можно долго (и нудновато!) рассуждать, аппелируя то к социопсихологии, то к этнографии — в последней к популярной в девяностые — начале двухтысячных годов теории пассионарности Л.Н. Гумилева... По всей видимости, и в самом Льве Николаевиче, создавшем эту великолепную и занимательную, но не имеющую естественно-научного базиса, теорию, ярко сказалась эта самая феногенотипика — наследственность глубоко поэтических натур его родителей: Николая Гумилева и Анны Ахматовой... Ну-у, это к слову, хотя бы и существенному по развивающей в очерке теме. А говорить на эту тему суть *relata referto* — говорить известное об известном, как гласит латинская — на века и тысячелетия! — мудрость. И подстать ей русская — см. выше.

О «сущности» будем говорить по тексту, но таковое определение творческой манеры Андрееваочно устоялось в литературоведении. Краткое же определение таково, как не только нам представляется: сущностный — это более экспрессивно выразительный, но не изобразительный по образности писатель. Опять же — вернемся с подробностями ниже.

Наконец, может возникнуть и вопрос: почему Леонид Андреев назван *видным*, а не поименован в подзаголовке названия очерка иным титлом? ... В наше время компьютерного, то есть алогического, информационно-шумового, мышления, что есть исполнение программы Великого глобализатора (родного брата Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых») по расчеловечиванию и превращению человека в биоробота, категории творческого и иного титулования нарочито запутаны. Удачливого портняжку («аршавского портного из Парижу», — как в русской классике), одевшего весь мир в «живописные» дерюжки, но с лайбой своего имени, СМИ, то есть учреждения пропаганды на 100 %-ом содержании политики, *business'a* и пр. — сейчас усердных слуг Великого глобализатора, иначе как гением всех времен и народов не именуют. Что уж здесь говорить о нынешней госрелигии глобализма — футболе? То есть мощнейшем средстве обезличивания? Так здесь и высших степеней и званий СМИ не может подобрать для европейских и бразильских «кумиров мяча». Сверхгении, словом. Даже в нашем отечестве, с его футбольной глухой провинцией от мирового досуга этой славной игры, великим и гениальным порой поименуют пинателя мяча, за хулиганский мордобой попавшего в узилище... впрочем, не надолго — до скорого условно-досрочного.

И совсем не хватает эсмэй-восторгов в остеинении безголосых (зато в одних трусах на сцене) певичек, скандальных «оперных див» и иных завсегдатаев телепередач «Светская хроника». Плюнуть и растереть!

...Это мы, в контексте с означенной выше экспрессией в творчестве Андреева, потому и «экспрессивно» коснулись современной практики титулования, что в русской, потом советской литературе таковая табель о рангах соблюдалась почище строгой дисциплинарности (с чего мы и начали очерк...) военно-морского устава. А именно, «сверху вниз»: гениальный, великий, выдающийся, видный ≡ крупный (то есть равнозначие), маститый, талантливый ≡ самобытный (тож равнозначие), своеобразный, известный, подающий надежды (порой и всю жизнь...) ≡ «рано ушедший и не реализовавший в полноте свой талант», «известный не только в <имярек губернии, области>, но и за ее пределами», «способный к литературному творчеству ≡ известный в <имярек губернии, области>» и так далее, бесконечно и многословно дробясь, вплоть до дипломанта литературного конкурса ЖЭУ-17 на тему «Наш чистый двор»... И это даже не шутка. Кто был знаком с «литературной кухней» советских времен (сейчас это сугубая обстракция; остались лишь два отличия: пиарщик и шелупонь!) лично или по публицистике, а всего лучше — прочитал внимательно «Мастера и Маргариту», тот живо представит, как ревностно и подозрительно следили друг за другом труженики пера: не дай, бог, визави в аннотации к своей новой книжке проставит титул, хотя бы на 0,25 % превышающий его собственный! Подспудная грызня в части писательского табеля о рангах была почище пресловутых боярских прений — считаться родовитостью — в допетровские времена. То есть сцепились в присутственном месте бояре Барятинский и Тулубеев: кому правее стоять во фланге при входе государя. Первый вцепился в бороду второму, орет благим матом: «Да мой прапур Борята Сивоусый еще при князе Данииле Александровиче, сыне Александра Невского, вышел из угорских лесов с тремя тысячами своих ратников-язычников, принял святое крещенье и был пожалован первым князем московским боярским титлом и вотчиною для прокорма. А твой-то недавний предок Тулубейка, бессермен поганый, ордынский холуенок, стремянной у захудалого темника, лишь при Ахметке-хане, после стоянья на Угре, выкрестом переметнулся под руку Москвы и выклянчил себе хилое княженье и сельцо для прокорма за счет рязанцев*!»

Извиняемся за литературно-историческое *intermezzo*, но так понятнее и веселее прочувствовать былую писательскую ревность в части «степенства». Вернемся к «титлу» Леонида Андреева в этой табели писательских рангов. Понятно, что гении суть товар, во-первых, штучный, а во-вторых, подразделяются на мировых и национальных. Мировых литературных гениев всего два: Достоевский и Шекспир (исключительно в алфавитном порядке их записываем!). В русской литературе по части гениев к Федору Михайловичу безо всяких сомнений добавляем Пушкина и Льва Толстого, причем, Льва Николаевича с припиской что-то вроде «по всенародному голосованию» — зато уже прижизненному, что, вообще говоря, для литературных признаний малохарактерно. А вот для германской литературы по части национальных гениев скорее всего следует назвать Гёте и Томаса Манна; возможно и Гейне. И так далее по национальным литературам — читатель сам с увлечением включится в столь увлекательную нумерологию...

На ступеньку ниже — великие писатели; поэты тож (начиная с великих — все сугубо в национальной окраске идут). Двою из них, наряду с Пушкиным, изваяны в барельефе памятника тысячелетию России в Великом Новгороде: Гоголь и Лермонтов.

---

* Обычная практика XV — первой половины XVI вв., когда уже сложившееся и крепнущее Московское государство «кнутом и пряником» добивало ветшающую Золотую Орду. Пряник — переманивание к себе татарских князьков с их дружинами (почти половина русских старых боярских родов с этими ордынскими корнями...). При этом уделы «для прокорма» Москва им давала... из рязанских земель — в наказание Рязани, помятуя ее былую строптивость, когда, наряду с Москвой и Литвою (нынешняя Белоруссия), она претендовала на главенство в новом (после Киевской Руси) русском государстве. Здесь историческая классика — нынешние рязанские города Касимов и Кадом, отданые Москвой татарам князьям братьям Касиму и Кадыму...

К ним без усилий вспоминания можно добавить два-три, даже четыре, имени из XIX — начала XX вв. и Шолохова из русской литературы советского периода.

Зато выдающихся писателей великая наша литература XIX века дала основательное число. Не обижен ими и двадцатый век: советских и зарубежных эмигрантских. Здесь бы впору и Леонида Андреева «вставить», но... по самой этимологии слова «выдающийся» полагает определение: выдающийся, <чем-то> выделяющийся из сонма (среды) равных или почти равных по таланту, творческому потенциалу, признанию, нетленности литературного наследия и пр. Причем это «выделение» именно и сугубо *индивидуальное*, но никак не в чем-либо обозначенной группе: по направлению (в русской классике это обозначалось как «романы с направлением»...), по сходству творческой манеры, по объектам бытописания или эпохе отображения и просто времени развития творческого потенциала — это как советские писатели «деревенщики» и «шестидесятники»...

Подходит ли Андреев под такое «выделение»? Вот его орловский земляк Николай Лесков, хотя бы и относимый официальным советским литературоведением (нынешнего и в понятиях нет!) к писателям «второго ряда (или плана)», без сомнения — выдающийся писатель*: по творческой манере, по языку, по литературной и иной идеологии... словом, *во всем* отличный, выделенный *на всем* русском литературном развернутом полотне. А вот Леонид Андреев, при чтении его произведений, сразу заставляет невольно вспомнить всю «горьковскую плеяду» — от самого Алексея Максимовича (хотя Горький и ближе к определению «великий», но в своем дореволюционном творчестве) до Серафимовича и Всеволода Иванова. Хотя бы талант Андреева и творческое литературное своеобразие его несомненно выдающиеся. Но в целом под определение «выделения» Андреев не подпадает. Это прекрасно осознавало <очень квалифицированное, хотя бы, по необходимости, и с фиговым листком партполитпросвета...> советское литературоведение, именуя его *крутым* писателем. Или более витиевато: «автором произведений, ставших событием литературной жизни России».

Выше мы поставили знак равнозначения между определениями «крупный» и «видный», но полагаем более точным взять для Леонида Андреева именно второе. Что мы и вынесли в подзаголовок названия очерка. Ибо «крупность» предполагает достаточно крупное — извиняемся за невольную тавтологию — творческое наследие, которое не выходит из ареала литературного внимания, по крайней мере, для трех-четырех последующих поколений; так нам говорили наши добрые наставники в Литературном институте — тогда под эгидой Союза писателей СССР. Но этого с Леонидом Андреевым не случилось. И здесь даже не пресловутая «комиссия Луначарского — Крупской», на достаточно долгое время и «случайно выключившая» его творчество из обихода советских читателей**, причиной, но... действие намного более объективных обстоятельств, к которым вернемся ниже. Пока же заметим, что оба его романа «Сашка Жегулов» и «Дневник Сатаны», а также основные пьесы («Анатэма», «Кайнова печать», «Царь Голод», «К звездам», «Жизнь человека»)... как бы это помягче выразиться? — не закрепились в литературном обиходе.

Словом, вроде решили поначалу кратко пояснить выбранное название очерка, а получились — впрочем все по теме — и своего рода пролегомены к исследованию

---

* Развернутое обоснование этого утверждения см. в № 1, 2021 «Приокских зорь» в нашем очерке «Очарованный странник» русской литературы» (Колонка главного редактора); на сайте www.pz.tula.ru.

** Причина такого «случайного выключения» объяснена в материале к 140-летию писателя: Алексей Яшин. Между бурей и «Буревестником»: К юбилею Леонида Андреева (Колонка главного редактора) // Приокские зори.— 2011.— № 3.— С. 3—6. Он же вошел в книгу: Яшин А. А. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 годов / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 516 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— С. 246—251. Обе публикации см. на сайте www.pz.tula.ru

творчества действительно видного, глубоко своеобразного, «сущностного» писателя равнине русской словесности. ... Никому не обидно и интригует.

◆ Итак, «случайно выключенного» из советского литературного обихода, как бы сказали на современном суконном языке — «по формальным признакам» (поехал на дачу в соседнюю финскую деревушку Нейвала — а кто из столичных жителей даже среднего достатка не имел дачи в тогдашней Российской Финляндии — и оказался уже в чужой стране, где и дожил последние два года своей жизни — вот и попал, как «эмигрант», в проскрипции Луначарского — Крупской...), Леонида Андреева возобновили печатать лишь с конца 50-х годов. Может поэтому первой его книгой, попавшей мне в руки, стал приобретенный в тульской «Буккниге», удивительно богатой в семидесятые годы на дореволюционные издания, переплетенный том «нижнского» издания собрания сочинений Андреева. Так получилось, что именно в этот том вошли наиболее известные его произведения: «Жизнь Василия Фивейского», «Рассказ о семи повешанных», «Христиане», «Жертва», «Иуда Искариот», «Красный смех», пьеса «Анатэма». А из отзывов современников о Леониде Андрееве почему-то запомнились следующие два.

Приобретя все в той же «Буккниге» солидный на вид том из Юбилейного полного собрания сочинений Льва Толстого в девяноста томах (1928—61 гг.) за номером где-то за семьдесят, то есть один из тридцати томов писем, с наслаждением библиофилы в душе посвятили ему неделю вечеров. И в одном из писем Толстого, не помню кому, и нашел запавшую в память фразу, в которой Лев Николаевич, сравнивая Горького и Андреева по творческим возможностям и художественным манерам письма, первенство среди них однозначно отдавал Леониду Андрееву...

Второе запомнившееся суть сценка, описанная кем-то из современников писателя, быть может известным литературным мемуаристом Николаем Телешовым, а может популярным в то время фельетонистом Власом Дорошевичем, «всероссийским королем фельетонистов», как его именовали? — но сценка следующая. На большой литературный вечер «со чтением» вместе приходят Горький с Андреевым, оба в принятой тогда в «круге Горького» одежде: заправленные в высокие смазные сапоги широкие брюки из «чертовой кожи», того же цвета бесформенный расстегнутый пиджак, под которым светлая косоворотка навыпуск и с тонким пояском. Первым из ранее прибывших писателей им встретился Иван Бунин, эстет, щегольски одетый, едва ли не в смокинге, с безукоризненной прической (а Горький с Андреевым нарочито взлохмачены...) и холеной бородкой. Изобразив на лице нарочитую недоуменность, Иван Алексеевич своим бархатным голосом обращается к вошедшему: «А-а вы, господа, охотники?»

Вот такие они «орловцы»: Бунин и Андреев, почти одногодки по рождению. Снова обратимся к эпиграфу — словам Бориса Зайцева о той местности орловско-тульско-калужской, «откуда чуть не вся русская литература и вышла». Именно «орловский куст» здесь наиболее плодоносен: И. С. Тургенев, А. А. Фет, Н. С. Лесков, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, Б. К. Зайцев... Хотя бы последний и был увезен годовалым ребенком из Орла в Калужскую губернию, учился в гимназии и реальном училище в Калуге, но родовая его память — орловская. Потому и говорил он в последнем своем интервью, перешагнув за девяностолетний возраст (умер в Париже в 1972 году): «Прорезает Ока чуть не всю среднюю Россию — на ней расположен Орел Тургенева, Лескова, Бунина, Леонида Андреева», — упоминая любимых своих земляков и писателей.

Действительно, самая русская река Ока — «литературный магнит» на равнине русской словесности. Ведь и родовое имение Николо-Вяземское Толстых тоже на границе Тульской и Орловской губерний, ныне областей, близко к Оке, «худенькой еще в Орле», — по словам Бориса Зайцева. На все той же тульской земле не только Льва Толстого подтягивал литературный магнит Оки, но именно в приречном туль-

ском Белеве, давшем России Жуковского и братьев Киреевских, бурлила в XIX веке в дворянских усадьбах литературная жизнь. И замечательный современный писатель Виктор Греков, автор исторической дилогии «Кара» (о подходе Святослава на хазар кружным путем — по Оке и Волге), тоже родом и проживанием из Белева — «страны князей»*.

◆ Раз речь зашла о писателях «орловского куста», то в первую очередь отметим самую объединяющую их черту — и в прямой связи с их «коллективным» характером, своего рода порождением существа равнинной русской словесности. А именно: все они урожденные патриоты, то есть не квасные, не по должности, не по пропаганде и пр. Раз заговорили об Андрееве и Бунине, то и возьмем их для примерного рассмотрения. Случайно оказавшись «эмигрантом», о чем уже говорилось, Леонид Андреев, человек к тому времени практически аполитичный, даже помыслить не мог о каком-либо противостоянии России, хотя бы уже взбаламученной, большевистской, от которой тот же Горький, автор «Матери», почти что <временно> отрекся... Андреев, не раздумывая и не обдумывая, отказался от предложенного ему поста министра пропаганды в правительстве «Северной армии» Юденича. И за неделю до своей смерти пишет в письме к Н. К. Рериху: *«Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача в Финляндии... Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный мой дом — искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...»*.

...Из всех русских писателей послереволюционной эмиграции не сыскать более последовательного, непреклонного, в чем-то даже активного недоброжелателя, ненавистника Советской России — с логическим ударением на первом слове. От самого отъезда за границу — «Окаймленные дни» как апофеоз антисоветчины! — и до окончания жизни (1953 г.) этот «классик рубежа двух столетий», как его называл К. А. Федин, мучительно тосковал по «Руси ушедшей» и клял Русь советскую. В предвоенные годы даже несколько заигрывал с врагами своей родины, но и его таки прорвало в разгар войны. Имеется его дневниковая запись о том, что при всей его отрицательности современного строя в России, тем не менее уже второй день он просыпается с тревожной мыслью: как бы ничего не случилось со Сталиным на пути в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем! Действительно, прорвало...

Как Бунин, весь мысленно и душевно в старой России, пишет в эмиграции самое свое значительное произведение «Жизнь Арсеньева» (1927—1933), так и другой орловец-эмigrant Борис Зайцев завершает свое дореволюционное творчество повестью «Голубая звезда» (1918; сам Зайцев называл ее романом). Пережив почти всю «старую» эмиграцию, бессменно состоя председателем парижского союза русских литераторов, Зайцев не являлся ненавистником Советской России, но, как и Бунин, жизнь и творчество его остановилось в России прежней. Он пишет в «Слове о Родине» (1938): *«В России мы некогда жили, дышали ее воздухом, любовались полями, лесами, водами, чувствовали себя в своем (выд. Б. К. Зайцевым.— А.Я.) народе. Нечесанный, армяжный мужик был все-таки родной, как и интеллигент российский — врач, учитель, инженер. Жили и полагали: все это естественно, так и надо, есть Россия, была и будет, это наш дом и особенно с ним мудрить не приходится»*.

... Такие вот они разные, орловцы, но в сущности как братья-близнецы в отноше-

---

* Принятое в истории поименование порубежных мест по Оке в ее западном и северо-западном обрамлении тульской земли. В XV — XVI вв. именно по этим участкам реки проходила граница между Московским государством и Великим княжеством литовским. Остерегаясь войн (одна кровь, один <русский> язык...), те и другие переманивали поречных соседей — в застольях с водкой и зубровкой, соответственно — в свое подданство, щедро раздавая скромным сельским дворянам-помещикам княжеские титулы навроде князя Старосельского... Так и получилась «страна князей».

нии к родине, к России, ибо вскормлены равниной русской словесности и, добавим еще, «магнитом» самой русской реки Оки.— Это как соседняя Курская магнитная аномалия... Опять же не признаваемая «высоколобыми» академистами теория пасционарности Льва Гумилева.

Что уж здесь говорить о старших орловцах — Тургеневе и Лескове? Это подлинные певцы, гомеры равнин русской словесности. Какие щемящие строки тоски по родине писал Тургенев из своего зарубежного далека*? А о Лескове см. «Колонку» в № 1, 2021 «Приокских зорь».— Там все сказано, что можно сказать в рассматриваемом контексте. О тоске же оказавшихся в эмиграции русских писателей, орловцев Бунина и Зайцева в особенности, «точно в цель» пишет Олег Михайлов (в послесловии к тульскому изданию «Жизни Арсеньева», 1985), известный современный литературовед: *«Этот страх забвения был стократ усилен порвавшимися связями с родиной и народом. Лишенный притока непосредственных впечатлений о русской действительности, Бунин вызывает в памяти «горький и сладкий сон прошлого» — воспоминания детства и юности. Здесь он не одинок (выд. нами.— А.Я.). Почти все те писатели, что оказались в эмиграции, обращались — с большей или меньшей широтой типизации — к художественным мемуарам».*

...Тоска по родине, страх забвения родиной: от всего лишь двухлетней <случайной> «эмиграции» Леонида Андреева до ушедшего из жизни в 1972 году Бориса Зайцева.

◆ В самый творческий период своей, не достигшей и пятидесятилетия, жизни имени Горького и Андреева в русской читающей публике являлись почти что синонимичными: от иронического бунинского «А-а вы, господа, охотники?» до сотрудничества с одними и теми же издательствами, в одних и тех же изданиях (в том числе созданных Горьким), тесного сходства направленности творчества, моци раскрытия их талантов, участия в общественно-политической жизни (Андреев даже пару недель под тюремным замком просидел...). Эти десять лет искренней дружбы, плодотворного сотрудничества резко прервались в начале 1910-х годов после публикации Леонидом Андреевым рассказа «Тьма», резко осужденного тогдашней общественностью, наэлектризованной событиями первого пятилетия после революции 1905-го года: реакция власти («Не могу молчать!» Л. Н. Толстого), конституция, думский парламентаризм, новая активизация революционной деятельности и пр.

Говоря об отношениях Горького и Андреева, опять же рискнем обратиться к конспирологии, тем более, что в литературоведении она суть «рабочий метод». Итак, вернемся к причине внесения имени Леонида Андреева в проскрипционные списки комиссии Луначарского — Крупской. Интуиция подсказывает, что менее чем двухлетняя «эмиграция» по ту сторону границы с Финляндией, только что явившейся частью Российской империи, явно «не тянет» на проскрипцию. И это при всем том, что в период «бури и натиска» русской литературы критического реализма начала XX века ближайшими соратниками и единомышленниками Леонида Андреева как раз являлись Горький, Чехов, Куприн, Серафимович, Вересаев, тот же «пишущий» Луначарский. То есть, логически рассуждая, с позиции официальной советской литературной историографии автор «Рассказа о семи поведенных» (возможно и «Красного смеха»?) должен бы был занять свое достойное место «между бурей и «Буревестником», то есть между реалистическим, художественным восприятием предреволюционного состояния всего русского общества и собственно призывом к радикальному обновлению одряхлевшего государственного устройства России. Символом же такого призыва стал «Буревестник» Горького.

---

* Мы придерживаемся, так сказать, конспирологической версии почти постоянного пребывания Тургенева в Европе: русский резидент «разведки общественного и политического мнения» на Западе. Это мы обосновали в материалах к 200-летию нашего великого писателя, опубликованных в «Приокских зорях» и в «Общеписательской литературной газете», а также в своих публицистических книгах.

Но как раз Алексея Михайловича осторожное, сверхполиткорректное советское литературоведение почти что намеками и обозначает как «полутайного» инициатора забвения Леонида Андреева. Автору этих строк до определенного времени не давала покоя головоломка: да, «рука» Горького здесь прослеживается однозначно — упомянутая «комиссия» в определенной мере ориентировалась на его мнение,— но что явилось причиной? Ведь более близких товариществ по литературным и политическим убеждениям, по личной дружбе (опять же см. «охотников»), нежели Горький и Андреев, в кругу русских писателей-реалистов 1900—1910-х годов и не было. И в творческом реноме, и в поведенческом плане они воспринимались почти как братья-близнецы. Повторимся...

И так далее, и во всем. Опять же причину конфликта Горького с Андреевым, точнее — причину «рук» первого в забвении творчества Андреева (а это семнадцатитомное прижизненное собрание сочинений, СПб, 1910—1916), то же политкорректное литературоведение видит не столько в публикации Андреевым «Тьмы», обурганный демократами и либералами как ренегатское, сколько в известном «женском вопросе», возникшем в отношениях двух писателей. Но и это не складывается, ведь здесь проигравшей стороной, обидной для любого мужчины, оказался именно Андреев. Возможная разгадка таковой головоломки скорее всего кроется в том сравнительном отзыве Льва Толстого о Горьком и Андрееве, содержание которого приведено выше. Лев Николаевич, как первый авторитет в тогдашней русской и даже мировой литературе, прямо припечатал: он ставит Леонида Андреева в творческом плане выше Горького! По-человечески это понятно: «Рассказ о семи повешенных» и «Жизнь Василия Фивейского» куда как ближе к нравственным исканиям позднего Толстого, нежели бояцкие рассказы и «Мать» Горького. Опять же Лев Николаевич известен своей неординарностью в индивидуальной и сравнительной оценке творчества канонических и современных ему художников слова. Достаточно вспомнить его негативное отношение к Шекспиру (самому Толстому драматургия, мягко говоря, не удавалась — опять же можно «подковырнуть»...). В то же время он высоко ставил таких, столь нелюбимых «передовой общественностью» начала XX века писателей, как Михаил Арцыбашев («У последней черты»*), Федор Сологуб («Мелкий бес») — не путать с графом В. А. Сологубом, автором знаменитого «Тарантаса» (1845 г.), Дмитрий Мережковский («Христос и Антихрист»), хотя бы их писатели-демократы и клеймили порнографистами, мистиками и декадентами.

Но — слово сказано, а Алексей Максимович, при всех его творческих и личностных достоинствах, как и всякий большой писатель, пришедший в большую же литературу «своими шагами», очень щепетильно относился к оценке своего творчества. И тем более в советский период его жизни, когда он практически ничего художественного не создал, исключая пьесу «Сомов и другие» — малоудачную и, как говорится, написанную не ко времени. (Имеем в виду период жизни Горького, когда он окончательно вернулся с Капри в СССР).

...И Горького здесь можно понять: слишком сильный разбег он взял в первую половину своей жизни, раньше времени «выложился» как художник слова. Такое часто бывает с писателями. Тот же классик русской советской литературы Михаил Александрович Шолохов.

Конечно, здесь *нельзя и недопустимо* все упрощать: что-де обиженный отзывом Толстого Горький приказал «сбросить Андреева с корабля истории» — в духе идеологов Пролеткульта (а затем и сам Пролеткульт задавил Союзом писателей...). Это как-то по-бабски: ах, Машка сказала, что Верка стройнее меня смотрится! Ну и вцеплюсь я в кости... Верке! Здесь ситуация намного тоньше и изощреннее; достаточно

* Валентин Пикуль свой известный роман о Григории Распутине назвал «У последней черты» (может не знал об арцыбашевском?), но во втором издании название изменил...

вспомнить реалии «литературной кухни» страны в 20—30-е годы, что так блестяще описал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» (повторяемся...). Среди пестрого состава тогдашних столичных литераторов и окололитературных лиц, где наиболее напористыми являлись пролеткультовцы и «набежавшие классики одесской литературы», было немало подхалимов и вообще державших постоянно нос по ветру — «чего изволите?» Да тут еще Иосиф Виссарионович назначил Горького главным писателем страны, поручив в рамках созданного Союза писателей СССР разгрести авгиевы конюшни литературного пестроцветья указанных выше годов... Эти-то подхалимы и прилипалы «чего изволите?» и оттеснили Леонида Андреева в «попутчики», помятую тот самый отзыв Льва Толстого.

А дальше, вплоть до 80-х годов, все шло по накатанной по главенствующей в советском литературоведении инерции. Даже после возобновления печатания книг Андреева в конце 50-х годов, в официальном мнении писателя относился к некоему третьему разряду. Так, в первом томе Малой Советской Энциклопедии (1958-й год) Леониду Андрееву уделена третья <полустраничной> колонки — без фото и с обтекаемыми эпитетами: «содержит черты критического реализма», «творчество Андреева остается противоречивым» и так далее. Даже не упомянуто лучшее — это не только наше субъективное мнение — произведение Андреева: рассказ «Бездна».

...Написанное выше — не просто занимательный экскурс в «литературную кухню», но косвенное подтверждение того факта, что творчество Леонида Андреева при его <не столь и долгой> жизни и в последующее столетие, то есть до наших дней, принадлежит, по словам Горького, «человеку редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественному в своих поисках истины».

Эти слова охотно подтвердит всякий читатель и почитатель русской литературы, тонко чувствующий художественное слово. Есть в литературном процессе такое понятие, как «дуновение свежего ветра». Растолковать его можно следующим сравнением. Как на человека, живущего на берегу моря и уже привыкшего к ровной штилевой погоде, стоящей не один день, в этой сонной размеренности вдруг налетает резковатый, юодистый ветерок — предвестник скорого шторма, так и на читателя действует «дуновение свежего ветра», когда при долгом чтении великолепных книг классики ему вдруг попадает в руки том нового для него писателя. Не только для него нового, но и для всей устоявшейся традиции литературы.

...Вот именно такое ощущение автор этого очерка и испытал, когда (см. выше) в тульской «Буккниге» приобрел и на едином дыхании прочитал том Леонида Андреева «киевского» издания 1912-го года. Кстати говоря, такое же ощущение испытывал, впервые читая книги упомянутых выше — в связи с Л. Н. Толстым — писателей: Федора Сологуба, Дмитрия Мережковского и Михаила Арцыбашева, то есть всех тех писателей — а Сологуба еще и великолепного поэта (см. его «Нюрнбергского палача»), — каждый из которых, как и Леонид Андреев, ранний Горький, «свежего ветра», чей талант сравним, а в чем-то и превосходит, с признанными классиками русской литературы второй половины XIX — начала XX вв. Но им опять же «повезло» попасть в проскрипционные списки достопамятной «комиссии», то есть до окончания века минувшего их имена и книги были изъяты из литературного процесса. Самое обидное, что были изъяты именно на тот (советский) период, когда наша страна являлась действительно самой читающей в мире. Такого феномена нигде и никогда больше не было, а теперь и не будет... Сейчас — читай не хочу, но дорого яичко в пасхальный день. Время и эпоха чтения от России ушло, а нынешние «гэджики» не для чтения Великим глобализатором предназначены, но... как бы цензурано выразиться? — для эскалации умственного онанизма. Грубовато, но по сути верно.

Опять мы о грустном и на тему деяний Великого глобализатора, оно же конспирологическое Тайное мировое правительство. Ладно, не будем в литературоведческом очерке зацикливаться, подобно тому вошедшему в историю римскому сенатору,

что каждое заседание этого учреждения начинал одними и теми же словами: «Карфаген должен быть разрушен».

◆ Давайте, уважаемый читатель, несколько отвлечемся на умозрительные рассуждения — ведь не телеграфным же нынешним стилем «емэйлек» и «эсэмэсок» (господи, до какой мерзости дошел современный американо-нижегородский язык!) общаляемся!

В первой своей изданной книге «На островах» (Приокское книжное издательство, 1987) — из времен, радовавших авторов солидными гонорарами, пристойными тиражами и всесоюзным распространением по книжной сети,— собственно дипломной работы в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР (да-да, тогда Литинститут принадлежал Союзу писателей!), «стержнем» являлась повесть «Неравнозвенная цепь». И название этой повести, как новый «литературный топоним»*, отметил один из <трех, как принято в Литинституте> рецензентов той дипломной работы — писатель с громким в то время именем... В приложении же к означенной выше цепи, последовательности явления талантов орловского литературного куста, таковая, несомненно, ближе к равнозвенной по степени индивидуальных литературных талантов, а если в чем-то неравнозвенна, то лишь по форме их осуществления. На то и писатель, великий, выдающийся, крупный — хотя вся эта «табель о рангах» слишком уж отдает до боли родной (да-да, родной — куда же от нее денешься-то...) суконно-цинковой бюрократией! — чтобы иметь свое, только одному ему данное <талант дается, а не приобретается, особенно в поэзии> лицо.

Если рассуждать что называется «смаху», то нынешнему человеку все эти славные орловцы видятся где-то далеко, в давно ушедшем времени — и навсегда ушедшем. Но подумайте — так ли это все далеко в цепи поколений? Пройдитесь хотя бы по своей родословной — и ощутите явственный озноб то ли непонятного вам восторга, а может мурashки от исторической близости к вам времен, о которых только читали, на экране видели? Прикинет так и этак человек старшего возраста и получит: а ведь он-то, заставший уже в зрелости советскую действительность, сейчас три десятка лет живущий в антиподе той действительности и попавший в эпоху торжества Великого глобализатора с его умозамещением и цифрофренией, всего лишь *в третьем-четвертом поколении* как не является (не родился хотя бы) крепостным крестьянином!?

...Точно также и с писателями-орловцами. У истоков их цепи, в немыслимо вроде бы давние, полулегендарные времена, родился первый из них, означенных — Иван Сергеевич Тургенев. Подумать только — когда он лежал в своей колыбельке, Пушкин, сам еще юный, только-только принял напутствие в поэтический путь: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». А в доме и дворе родовой тургеневской усадьбы и всех поместичьих усадеб Срединной России тех лет, выделяясь среди прочей дворни кучерявостью, стройностью и «чего изволите?» — на подхвате у барина и барыни, сутились осевшие по барским усадьбам остатки Наполеоновской армии из числа нестроевых, поэтому брошенных первыми отступающими маршалами: полковых музыкантов, интендантских снабженцев-маркитанов, поваров и офицерских денщиков. Но как раз эта армейская обслуга не долго мерзла, побираясь по деревням *шаромыжниками и швалью* — спрос вызвал предложение. И вот уже отогревшиеся, одетые в новое, хорошо кормленые мусье покрикивают на кулебякистых дворовых, на барской кухне жарят аппетитные антре-котлеты, лангеты и эскалопы, учат барчат французскому языку и этикету — мерсикать ножкой, заводят в усадьбах театры, составляют из своих однополчан оркестры, а из деревенских парней и девок хоры — отбирая стоящие голоса и бракую решившую попасть на дворовую дермовщину *шантрапу* (*не шане тропа* — не умеет петь!).

* Как следует из отрасли филологии — ономастики, то есть учения об именах собственных, термин «литературный топоним» следует понимать, расширенно, конечно, отвлеченно от терминологической конкретики, как фразеологизм — обобщенный литературный образ.

И это все в годы младенчества Тургенева. Десяток с небольшим лет спустя появляется на свет божий Николай Семенович Лесков. Афанасий Афанасьевич Фет самую малость отстал от Тургенева. А уже после *Положения*, отменившего крепостное право, орловская земля рождает почти одновременно Ивана Бунина, Леонида Андреева и Бориса Зайцева. Все ближе и ближе к нам, а вот последний — и действительно последний из «орловского куста» и вообще последний из старой эмиграции — дожил до семидесятых годов, когда нынешнее среднестаршее поколение училось в школе, а нынешнее старшее успело уже институты-университеты пооканчивать...

Не такая уж и далекая, получается, по протяженности цепь, если все звенья ее вспоминать в последовательности скрепления.

◆ Далекая-близкая орловская литературная цепь, равнозвенная по таланту данному, неравнозвенная по индивидуальной форме осуществления (не люблю конторской «реализации») этих талантов. Вот по части «неравнозвенности» Андреев, впрочем как и Федор Сологуб, Михаил Арцыбашев, польский (российский) писатель Станислав Пшибышевский, заметно выделялся на фоне русской литературы начала XX века, в значительной степени сохранившей традиции классики века предыдущего. И из «орловского куста» тем более. То есть «свежесть ветра» в произведениях Андреева в самый плодотворный для него период первого десятилетия нового века — это прежде всего новый для русской литературы показ художественными средствами динамики изменения, перевоплощения черт характера на стыке социального и биологического. Может поэтому некоторые литературоведы-модернисты и «сватают» Андреева к фрейдистам? Например, сравнивая его лучшие произведения с «Самопознанием Дзено» итальянца Итalo Звево* — классика литературного фрейдизма (настоящее имя — Этторе Шмиц, фабрикант из Триеста)? Но быть фрейдистом — это для Леонида Андреева слишком мелко и примитивно. Здесь надо копать глубже, прочтя прежде всего «Иudu Искариота», но особенно — «Бездну».

В этом, относительно небольшом по объему, рассказе Леонид Андреев мастерски показал, как легко человек социальный скатывается до животного, биологического вида, «расчеловечивается» — термин новейшей социальной психологии — в считанные минуты, откинув не то что мораль Христову, но и морально-этическую «тренировку» всех десяти тысяч лет эпохи цивилизации и культуры. Все рушится в человека в единый момент. Какое же хрупкое создание природы есть человек! Как зыбки в его натуре границы между исторически воспитанным социальным и биологическим, но за которым уже миллионы лет эволюции...

Многие большие и великие художники слова стремились обыграть эту зыбкость, показать, как человек деградирует по определяющим его человеческую, гуманистическую, моральную сущность объектам: культура, любовь, женщина, деньги, семья... Но, пожалуй, только Андрееву одной лишь заключительной фразой рассказа удалось отобразить этот миг перехода хрупкой границы: *«И с силой прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна поглотила его»*.

...Все же для понимания, точнее — четкого осознания, отвержения творчества Андреева от фрейдизма, вот уже столетие как подчинившего себе почти всю западную литературу (к счастью — не в лучших ее образцах), рекомендуем отложить на малое время чтения этого очерка и освежить в памяти содержание «Бездны». Какой же здесь фрейдизм с его навязчивой сексуальной доминантой во всем и всея? Только мгновенное, временное, конечно, как удар тока, расчеловечивание! — в единый миг

* Звево Итalo. Самопознание Дзено: Пер. с ит. / Вст. статья С. Ошерова.— Л.: Художественная литература, 1980.— 472 с. (Серия «Зарубежный роман XX века»).

пробита та самая хрупкая граница между *homo sapiens*, почти что воплощением христианской, высшей в истории человечества, морали, и биологическим, первобытно-человеческим ... да и у пещерных людей уже были достаточно табуированные отношения между членами рода, между мужчиной и женщиной. Как говорится, могли и сесть за нарушение табу!

Как можно объяснить сюжет «Бездны»? — Вот зачин: «*Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замечали ни времени, ни дороги... И то, что впереди стало темно, не прервало и не изменило их разговора. Такой же ясный, задушевный и тихий, он лился спокойным потоком и был все об одном: о силе, красоте и бессмертии любви. Оба они были очень молоды: девушке было всего семнадцать лет. Немовецкому на четыре года больше, и оба они были в ученической форме: она в скромном коричневом платье гимназистки, он в красивой форме студента-технолога. И как и речь, все у них было молодое, красивое и чистое* (выд. нами.— А.Я.): *стройные, гибкие фигуры, словно пронизанные воздухом и родные ему, легкая упругая поступь и свежие голоса, даже в простых словах звучавшие задумчивой нежностью, так, как звенит ручей в тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снег сошел с темных полей.*»

... И так почти на десятке страниц автор все возвышает тот градус чистоты первого, трепетного любовного чувства, возникшего, пока еще романтизированного, лишь словесно развивающегося, между двумя юными людьми: воспитанными в добрых традициях явно интеллигентных семей, укрепленными чтением добрых, нравоучительных книг, образованными, высокоморальными, нравственно целомудренными. И на самом апофеозе трепетности и нежности, пока еще и не помышляя о чем-либо чувственном в проявлении близости, которая им мнится где-то еще далеко, в будущности, автор начинает развивать тему-антитезу: мрачное ночное предгородье и по ландшафту — какие-то без цели вырытые ямы, рвы, откосы, хилая растительность, ни огонька света, и по встречаемым людям, отбросам города за его пределы: простиутки нижайшего разбора, босяки (как у Горького) — все мрачно молчаливы под стать наступившей ноги. И развязка: встретившиеся (опять по Немовецкому) трое обитателей подгороднего «дна» избивают Немовецкого, насилиют гимназистку. Уходят. Очнувшийся студент разыскивает ее... концовка рассказа процитирована выше.

Опубликованная в 1902 году в московской газете «Курьер», в которой Леонид Андреев работал уже несколько лет штатным сотрудником и напечатал там свыше двухсот фельетонов и судебных отчетов, «Бездна» произвела фурор в читательской и литературной жизни и собственно сделала, наряду с напечатанной в последующем году повестью «Жизнь Василия Фивейского», имя Андреева всероссийски известным. Горький одобрительно отозвался о «Бездне», возможно <и подспудно> узрев в этом рассказе своего рода продолжение своих «босняцких рассказов». Но скорее всего оценил социальную значимость произведения и появления на литературной арене страны нового, крупного и оригинального таланта. Значительна — по именам и изданиям — была и критика «Бездны», склонявшаяся к тому, что автор высказывает в рассказе взгляд на человека как на вечного раба самых примитивных, низменных инстинктов. Не совсем «ловко», но в общем-то по существу, Андреев ответил оппонентам (все в том же «Курьере», 1902): «*Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра — и с полным отрицанием относиться к тому современному двуногому существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось «животным»... в наивном самодовольстве культурных людей, в их незнании границ собственного я* (выд. Л. Андреевым.— А.Я.) (*а точнее, по ницшеанской терминологии, своего «сам»*) — я вижу опасность и препятствие к дальнейшему развитию и очеловечиванию их незавершенной природы».

Итак, не фрейдизм и ницшеансское *nihil*, не социальный протест (как довлеющий

у тех же Горького и Короленко) заявлен Андреевым в «Бездне», как идейно-художественной предтече всего его творчества, но *сущностный* подход писателя — нового явления в русской литературе — к отображению внутреннего мира человека, опять же, на той хрупкой границе между человеческим и биологическим. Именно в такой ипостаси и следует понимать творчество Леонида Андреева — *сущностного писателя*.

◆ Как уже было определено выше, сущностный писатель — значит придерживающийся в своем творчестве преимущественно экспрессивной выразительности «в ущерб» изобразительной образности. Вообще говоря, это обществореческое противопоставление, наиболее наглядное в живописи: преимущественную экспрессивную выразительность видим у <почти что созвучных> художников-импрессионистов, у большинства — в том числе классических — пейзажистов (так на некоторых картинах Шишкина «изобразительность», то есть людей, медведей, рисовали другие художники, тот же Репин...). Типичная экспрессивная выразительность на тысячах полотен мариниста Айвазовского. Сугубо формализованный вариант экспрессии — художество (как-то не решаемся назвать высоким слогом творчества) абстракционистов. А вот полотна реалистических художников — это вся русская и западноевропейская классика,— вершина изобразительной образности. В редких случаях, как, например, у Сальватора Дали — великолепное сочетание абстрактной экспрессии и изобразительной образности.

На что уже «самостоятельный», в принципе отличный от любых других, вид творчества — музыка (см. ее законченное определение Артуром Шопенгаузером в первом томе «Мира как воли и представления»), но даже не особый знаток канонов ее композиции и исполнительности ответит утвердительно: и здесь присутствуют доминанты экспрессии и изобразительности. Без попыток обобщения (это надолго уведет нас от темы очерка) назовем выраженные примеры: на экспрессивной выразительности строится вся дodeкафоническая (двенадцатitonовая) система музыки Арнольда Шёнберга, в силу ее абстракционной составляющей иронично называемая «какофонией» — это как Никита Сергеевич на достопамятном вернисаже художников-абстракционистов сгоряча назвал их «пидорасами»... На противоположной стороне — «слухом и душой» ощущаемая изобразительная образность Девятой симфонии Бетховена и Второго концерта Чайковского. Каждый в единый миг прокрутит в голове множества примеров такой противоположности: тезы и антитезы в музыке.

Можно перейти и к естественно-научным, философским обобщениям. Тем более, что все мы сейчас живем в трагическую эпоху подавления творческого аналогового мышления утилитарным цифровым*: все это на глазах, на слуху — выгляни в окошко на улицу, если обрыдло смотреть на паскудство в телевизоре... Если аналоговое мышление однозначно, без обсуждения, отнесем к категории изобразительной образности, то есть «мышления образами», то цифровое можно соотнести с экспрессивной выразительностью опосредованно, а именно: от восторга биржевого игрока, сорвавшего куш в семизначной цифре долларов, до цифрофрении (от цифра + шизофрения) — диагноза почти любого современного человека, а ведь душевные болезни всегда экспрессивно выражены, опять же, от «Я — Наполеон!» до буйного помешательства...

Однако, ограничим философствование, ибо оно бесконечно по времени и дестям исписанной гусиными перьями бумаги. Советское литературоведение (а нынешнего и вовсе нет, исключая «дежурные» диссертации на обретение филологических степеней!) в части сущности творчества Андреева часто попадало пальцем в небо, связывая преобладание у него экспрессии над изобразительной образностью якобы

* См. подробное и концептуальное обоснование в работе: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 10 / Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова, А. И. Субетто.— Москва — Тверь — Тула: Изд-во «Триада», 2014.— 513 с. (в электронном виде см. на сайте www.pz.tula.ru).

недостатком у писателя широкого опыта жизненных наблюдений, обычно противопоставляя таковой у Горького, а раз опыта «практики жизни» маловато <для писателя маловато>, то остается для художественной выразительности по преимуществу экспрессивная выразительность. Что-то в этом роде мудрствовали наши литератороведы, впрочем, в общем-то представители серьезной и глубоко квалифицированной советской школы. А раз «царица доказательств суть личное признание» (извиняемся за фразеологизм от прокурора Вышинского...), то и приводили они действительно встречающиеся в письмах Леонида Андреева и запечатленные в литературных мемуарах высказывания писателя о том, что жизненный опыт его маловат, ограничен провинциальным детством и начальным взрослением, учебой в орловской гимназии, затем учебой в Петербургском и Московском университетах. Коротенькая, неудавшаяся юридическая практика, фельетонист в московской газете «Курьер», столь же внешне небогатая событиями петербургская жизнь, ее окончание в финской дачной глупи...

Все вроде бы так, но — почему такие же впечатления начальной орловской жизни другим писателем «орловского куста», писателям изобразительной образности — Тургеневу, Бунину, Зайцеву, а особенно Лескову, что называется, «по горло» хватило для их творческого самовыражения? Конечно, жизнь первых трех, с учетом длительной их жизни вне России, а у Лескова доскональное знание народной жизни, почертнутое им за несколько лет службы в фирме «дяди Шкотта» (обрусовшего англичанина, мужа тетки Лескова), когда он торговым агентом искалесил всю Европейскую Россию, добавило к орловским впечатлениям массу новых, расширявших намного кругозор. Но ведь и Андреев в своих произведениях «орловской темы» близок по изобразительной образности к своим великим и выдающимся землякам. Достаточно прочесть «Баргамота и Гараську», «Алешу-дурачка», «Буяниху», «Праздник», «На реке», понравившийся Л. Н. Толстому рассказ «Молчание»... И для зрелого писателя Андреева «орловская тема» нет-нет, до и проявится в своей образности: пьесы «Дни нашей жизни», «Младость» и «Каинова печать» («Не убий»), рассказ «Жили-были», роман «Сашка Жегулов».

Нет, далеко не так просто во все возрастающей по мере творческого становления Леонида Андреева доминанте экспрессивной выразительности. Последняя в любом виде творчества, не обязательно и художественного, есть, во-первых, предрасположенность сформировавшегося индивидуального характера; во-вторых, что отличительно важно уже именно для художественного творчества, наличие *коллективной тенденции*, что называется, «в данное время и в данном месте», сложившейся, но необязательно превалирующей, в художественном творчестве — как правило, не в конкретном ее виде, но в совокупности таковых. Например, реализм, натурализм, абстракционизм и пр.

Самоочевидно, для творческой личности, по мере раскрытия данного природой таланта, личностные черты характера все более воплощаются в характере (те же сущность, изобразительная образность и так далее — вплоть до, увы, патологии, как у Кафки, Ницше... и русских писателей таковое не обошло...) их произведений. Анализ мемуарной литературы об Андрееве, те же Николай Телешов в «Записках писателя», Борис Зайцев в книге «Москва», отзывы Л. Н. Толстого, Бунина, Горького, Н. К. Михайловского и многих других его литераторов-свременников, позволяют «реконструировать» особенности этих личностных черт характера Леонида Андреева. Получается если не типичный, но и нередкий характер, вписывающийся в классическую типологию (К. Г. Юнг «Психологические типы»), а именно: уравновешенный в общении и образе повседневной жизни — почти флегматический тип характера, но в реализации довлеющей идеи, что и есть творческое самовыражение, переходящий в определенную степень «поспешающей» нетерпимости препятствий и полной отдаче себя этому самовыражению. То есть сангвинический тип трансформируется в холе-

рический. Опять же по Карлу Густаву Юнгу... Все по науке и по жизни Леонида Андреева. Эти же «смешанные» черты в его творчестве.

◆ А сейчас от личностного характера писателя перейдем к означенной «коллективной тенденции». Опять же слишком прямолинейным является известная тенденция «вливать» Андреева в современную пику его творчества (1900—1910 ... 1914 гг.) эпохи «взрыва» русского авангардизма, символизма, ирреальности, стилизованности и пр. и пр. Опять же вроде и сам Леонид Андреев такую мысль подает... а сословие литературоведов ох как «клюет» на поддакви! В частности, в одном из опубликованных интервью Андреев говорит: *«Художник изображает не явления, а их душу, их тайный смысл, и действительность — только его материал»*. Если понимать это текстуально, то недалеко и до некоего анекдотичного живописца-халтурщика Васю, что убеждает обескураженного заказчика: дескать, какую же я вам свалку мусора нарисовал? Это я выполнил ваш же заказ — изобразить торжественное заседание совета директоров на юбилее вашей фирмы «ООО Русский банан». На вашем словесном материале я и создал это великолепное полотно, а некоторая ирреальность — так я творчески отображаю не само явление заседания, а души присутствующих и их тайный смысл, то есть кто сколько хочет украсть... Опять же сугубый реализм сейчас не в моде, как при совке было: если доводилось бывать в приемных наших выдающихся олигархеров, то там на стенах только миллионодолларовые картины зарубежного и русского авангарда. А если требуете тупой реализм, то обращайтесь к покойному Илье Ефимовичу Репину (если дело на Украине происходит, то ФИО великого живописца произносится на мове: Илля Юхвимович Рэпин); он вам изобразит нужное по образцу своих *«Заседания Государственного совета»* и *«Встречи императора Александра III в Кремле на коронации с сельскими старостами»*.

Действительно, с началом двадцатого века авангардизм в литературе, живописи и музыке «пересек границу» Российской империи со стороны Европы. Не устаем повторять — и всегда к случаю! — замечательное высказывание Льва Троцкого в том смысле, что Россия в европейскую цивилизацию пришла слишком поздно, поэтому она вынуждена все новации «проходить» по сокращенным *«европейским»* учебникам. Так и авангардные тенденции во всевозможных художественных творчествах, уже уверенно захватившие Европу, со своей предысторией и пр., в России осваивались поспешно, бурно, с восторгом неофитов, оттого несколько аляповато, крикливо, смешновато... Особенно лихо подхватили авангардизм поэты. Родиной поэтического авангардизма — абстракционизма явилась Италия со своим *«горлопаном-главарем»* и нишшанцем Габриэлем Д'Аннуцио (1864—1938) — помните у Маяковского: *«...Фиуме спьяну взял Д'Аннуцио?»* Отсюда и полный набор русских поэтов-авангардистов начала XX века: от футуристов и акмеистов до символистов, дадаистов и *«ни-чевиков»*... И проза не отставала — см. названные выше имена Федора Сологуба, Михаила Арцыбашева, Станислава Пшибышевского; делает свои первые опыты в литературе Всеволод Иванов, роман которого *«У»** сюжетно-композиционно вполне можно соотнести с *«Улиссом»* Джеймса Джойса — вершиной европейского авангардизма XX века.

Но ведь такой эпатажно выраженный авангардизм к творчеству Леонида Андреева *«никакого отношения не имеет!»* — Прочтите в параллель с тем же *«У»?* А вот *«Мелкий бес»* Федора Сологуба и *«У последней черты»* Михаила Арцыбашева вполне сопоставимы с произведениями Андреева, ибо они добрые писатели, в романах которых экспрессивная выразительность гармонично сочетается с традиционной для русской литературы изобразительной образностью.

Опять же современное Андрееву русское литературоведение и советское при

---

* Полностью этот роман на русском языке (про другие — не знаю) был издан только единожды небольшим тиражом в библиофильской серии: Иванов В. В. *«У», Дикие люди*. — М.: Книга, 1988.— 399 с. (Серия «Из литературного наследия»).

анализе творчества писателя особый упор делают на соотношение между реальным и ирреальным у него, обычно именуя это ирреальное «нереалистическим» и даже «сущностным». Приведем <из того же тульского издания избранного Леонида Андреева> слова писателя горьковского круга А. С. Серафимовича: «*О Л. Андрееве часто говорят, что он выходит из рамок реальный психологи, отрывается в своих произведениях от действительности.... Но, если многим кажется, что Андреев отрывается от действительности, что у него все таинственно и странно, так это потому, что не усвоили еще, не совсем поняли те новые формы, в которые Андреев вкладывает наши мысли и ощущения, наши обыкновенные чувства и рассуждения по отношению к действительности. У Андреева своеобразная форма выражения действительности. Было бы, конечно, неправильно утверждать, будто Л. Андреев идет против реального направления в художественной литературе.*

Действительно, так называемой четкой грани между «реалистическим» и «нереалистическим» в творчестве Андреева нет... да и быть не может, как то бывает у крупных художников слова. Взаимосвязанность — вот наиболее точное определение сущности творчества Леонида Андреева. Теперь, когда «методом проб» мы подошли к предтече характеристики сущности, дадим его аргументированное определение в приложении к Леониду Андрееву.

◆ Установившееся толкование сущности, как доминанты экспрессивной выразительности над <минимально достаточной> изобразительной образностью, является общим, под которое можно подвести творчество многих писателей, разнесенных по временам, по национальным литературам, по творческим потенциалам и так далее. Поэтому, когда рассматривается конкретный сущностный писатель, в нашем очерке — Леонид Андреев, то прежде всего и главенствующе ищется сугубо индивидуальное обоснование — личностные истоки такого писательского качества. Чем и займемся в этом разделе очерка.

Итак, имеем в качестве предтечи: (а) вполне достаточный для изобразительности творческого самовыражения опыт жизненных наблюдений: орловское детство-отчество, оба столичных университета, активная работа в газетах и пр.; (б) активное участие во всероссийском литературном процессе; (в) совпадение наиболее творчески выраженного периода жизни с «наступлением» литературного авангарда с Запада на Россию; (г) личностный склад характера писателя: сочетание сангвинического и холерического по типам характеров (по К. Г. Юнгу); (д) влияние Горького и участие в «горьковском» литературном круге, близость к передовым на тот момент общественным движениям; (е) отрицание капиталистического пути движения России, впрочем, после революции — и социалистического...

Анализ посылок (а) — (е) в приложении к творчеству и личности Леонида Андреева дает следующее определение его сущности. Леонид Андреев относится к тому типу писателей, которые, будучи наделены феногенетически задатками таланта в части литературного творческого самовыражения, именно таковое самовыражение предпочитают творческому же отображению реальной действительности: как наблюданной, так и исторически прошедшей, запечатленной, в памятниках письменности — это рассказы Андреева на евангельские, вообще библейские сюжеты: «Иуда Искариот», «Елеазар», «Бен Товит», «Царь», пьеса «Самсон в оковах», а также по тематике Великой французской революции: «Марсельеза», «Так было», трагедия «Океан». То есть самовыражение здесь коррелирует с экспрессивной творческой выразительностью, а отображение как раз требует творческого мастерства образной изобразительности. Поэтому у Андреева даже в упомянутых произведениях на исторические темы читатель собственно и не видит сколь-либо развернутой конкретики библейских, евангельских, иных времен и стран событий и описаний. То есть здесь не историзм в творчестве писателя проступает, но *литературная стилизация*. Сразу отметим, что такая стилизация с античных времен есть непременный прием литературы.

туры, но на рубеже XIX и XX веков он особенно активизировался у русских писателей; что называется навскидку, наряду с Андреевым, назовем Брюсова, известного тогда Ауслендера, поэта Михаила Кузмина...

А творческий метод литературной <исторической> стилизации как никакой другой, или по крайней мере наряду с другими, адекватен именно экспрессивной выразительности. Говоря без терминологических усложнений, что называется попросту, понятливо: не отвлекаясь на выбор сюжета, обоснование фабулы, разработку и выстраивание композиционной схемы, писатель берет условно готовое в степени стилизации, на условной же изобразительной образности, то есть не отвлекаясь, сущностный писатель творчески самовыражается, в частности с доминантой экспрессивной выразительности.

Аналогичное видим в произведениях Леонида Андреева, сюжетно основанных на современной ему действительности: если практически во всех его рассказах и повествиях (в пьесах несколько иное — здесь жанр драматургии по определению требует большей образности) образы действительности и создают — в минимальной достаточности — сюжетную канву, то таковая все же и лишь поддерживает сущностную экспрессию самовыражения писателя в раскрываемой теме. Отсюда и то самое отсутствие четкой грани между реальным и ирреальным в их единстве сосуществования. В то же время Леонид Андреев есть писатель-реалист, более того, непререкаемый адепт творческого метода русского — подчеркнем это! — критического реализма. И само объективное начало и содержание его сущностных образов полностью подчинено мотивации художественной правды. Здесь его «Красный смех» наиболее типичный, правильнее — типический, пример. Хотя именно к этому произведению современная Андрееву литературная критика и имела «наибольшие претензии» в части реалистичности...

Итак, воплощая в своих произведениях социальную реальность, Андреев ни на йоту не отходит от художественной правды, то есть, как пишет исследователь творчества Леонида Андреева Вадим Чуваков: «...Конечно, совсем не безразлично, какой конкретный социальный материал, в *п е ч а т л е н и я* (здесь и далее выд. В. Чуваковым.— А.Я.) о каких сторонах реальной действительности обобщены и типизированы Л. Андреевым в его эмоциональных «сущностных» образах. Художественное творчество Леонида Андреева, его публицистика, его великолепные письма к современникам пронизаны единством, объединяющим их авторским *настроением*. Разумеется, было бы ошибкой отождествлять героев рассказов и пьес Л. Андреева с их творцом, но необходимо признать, что все они в той или иной мере несут на себе отпечаток авторского «я», передают движение авторской мысли. По существу именно эта мысль и является главным персонажем всех произведений Л. Андреева».

В таком, в общем-то совпадающим с нашим, определением сущности творчества Леонида Андреева уточним следующий момент, хотя бы неявно, опосредованно отмеченный литературоведением. Начнем, что называется, издалека, но — и типизировано.

Пусть на миг наш читатель, но из числа причастных к литературному творчеству, вспомнит: как он начинал свое приобщение к нему, свои первые опыты — здесь более характерным будет прозаический жанр. ...И не следует даже мысленно краснеть и пунцеветь, розоветь щеками и лбом, вспоминая свои первые опусы. А они, как правило, таковы: из-под вдохновенного пера, водимого вроде как даже не рукой, но восторженно напряженными умом и сердцем, в *считанные* минуты, редко в *счетные* часы, явились свету (*Urbi et orbi* — Городу <Риму> и миру, как в папских энциклопедиях) два-три листа исписанной нервическим подчерком бумаги ... мы, конечно, говорим о временах, когда люди писали от руки, до появления в массовом обиходе демона-компьютера.

А на тех листках сугубое экспрессивное самовыражение, бессюжетная образ-

ность еще неловкого, в зачатке, творческого мышления, когда юному еще человеку так много хочется сказать, причем сказать в лихорадящей его голову торопливости. И кажется: так у него мало времени впереди (хотя вся долгая жизнь ожидает!), а такую массу мыслей нужно перенести на бумагу, что нет у него ни минуты времени на дела второстепенные: выдумывание фабулы, разработка даже простенького сюжетика, тщательное обдумывание ключевых слов и логических ударений в предложениях и абзацах...

Вот это-то и есть юная, пока еще примитивная, только обещающая развиться и покорить весь читающий мир, предельно экспрессивно выразительная сущность начинающего дарования!

Дальше — у каждого свой путь в раскрытии этого дарования: кто-то внемлет наставлениям литературной музы в части изобразительной образности. Другой доведет ее до эпической романтической прозы, а у кого-то начальная, присущая юности, экспрессия так и останется довлеющей, хотя бы и развитой с годами творческого взросления и мужания до определенных вершин литературного самовыражения и, так сказать, *исповедальности*. Это прямо сказано и о Леониде Андрееве.

И еще существенное, но уже только о нем. Экспрессивная сущность, как требующая высшей творческой напряженности и полной самоотдачи творящего ума и переживающей души в изображении сложных, глубинных реконструкций душевных коллизий персонажей, почти неотделимых от своего Я, ведение внутреннего монолога — а это творческая мастерская сущностного писателя — все это на пределе высшей нервной возможности. Поэтому для такого писателя, для Леонида Андреева, велика опасность творческого «перегорания». Это чувствовали его друзья и недруги по литературному цеху, видя ту самую напряженность, нервическую экспрессию, запечатлеваемую в его произведениях. И уже начиная со второй половины первого десятилетия нового века (а ведь, напомним, Андреев и вошел-то в литературу лишь в 1901 году!) все они, кто с тревогой, а иные и со злорадной усмешкой — зависти или «социального заказа» — ждали перегорания Леонида Андреева. Что, увы, и случилось к окончанию блестящего для него десятилетия.

Нет, он далеко не исчерпал свой творческий потенциал, не снизил темпы литературной работы, просто... Андреев стал терять своих читателей. Причина здесь, как нам представляется, двоякого характера. Во-первых, переход от первого ко второму десятилетию очень быстро и достаточно существенно изменил ориентиры как русской литературы, так и «окормляемой» ею читательской публики — в их теснейшей взаимосвязи. Здесь многое наложилось друг на друга, переплелось и слилось: послереволюционная (революция 1905-го года) общественная апатия, ожидание большой европейской войны, резкий переход русского капитализма в империалистическую стадию, установление в России ситуации «самодержавие + парламентаризм», а на всем этом сложнопереплетенном фоне — декадентство во всех его формах, от излишней усложненности до примитивизма, значительно потеснило классическую русскую литературную традицию, вызвав и определенный отток от нее читательской массы.

Во-вторых, как следствие такого оттока и одновременного роста этой самой читательской массы без основательного образования (пролетаризация городского населения и усиление деятельности земства на селе в части образования), относительно снизился интерес к высокохудожественной литературе, тем более требующей, как при чтении произведений Леонида Андреева, определенной литературной грамотности, необходимой практики чтения и восприятия литературных текстов достаточно сложной организации, умения «вчитываться», наконец, просто досугового времени для внимательного чтения и привычки обдумывать прочитанное. Словом, началась соревновательность «чтения» и «чтыва», говоря нынешним языком.

... Вот в такую ловушку и попал Леонид Андреев. Самое печальное для талантли-

вого писателя, когда на взлете его творчества встают перед ним объективные, то есть непреодолимые, препятствия. Сущность — инструмент творчества тонкой настройки и дисгармонии, как в исполнении, так и в восприятии, не терпит.

◆ Закон объективности, как следует из логики, в гуманитарной сфере человеческого познания суть индукция субъективных оценок. Расшифровывается просто: достоверное мнение о исторически прошлом явлении складывается из совокупности субъективных мнений современников этого явления. Так и оценка *<нашего времени>* личности и творчества Леонида Андреева суть совокупность отзывов о них современников, близко знавших писателя. Некоторые из таких отзывов, хотя бы кратких и частных, были приведены выше: Горький и Серафимович. Упомянутые также Николай Телешов* и Борис Зайцев**, хорошо знавшие Андреева, в своих небольших по объему, но характерных воспоминаниях дают достоверный портрет писателя.

Особенно здесь важно мнение Н. Д. Телешова, бытописателя московской литературной жизни конца XIX — начала XX века, основателя известных литературных «Сред», постоянными участниками которых были Горький, Бунин, Куприн и многие другие писатели первой величины. Телешов так описал «введение» Горьким в круг «Сред» молодого Андреева: *«Вскоре... Горький приехал в Москву и в первую же «Среду» привез к нам Андреева. Это был молодой человек с красивым лицом, с небольшой бородкой и черными длинными волосами, очень тихий и молчаливый. Одет он был в пиджак табачного цвета. В десять часов, когда обычно начиналось у нас чтение, Горький предложил выслушать небольшой рассказ молодого автора.— Я вчера его слушал,— сказал Горький,— и признаюсь, у меня на глазах были слезы».*

Речь идет о рассказе «Молчание», который за засмущавшегося автора прочитал Горький. Именно с этого заседания «Сред» и восследовавшей публикации «Молчания» в популярном «Журнале для всех» собственно и началась литературная известность Леонида Андреева. И вплоть до скоро наступившей знаменитости все публикации Андреева проходили через чтения на «Средах». Не все проходило, так рассказ «Буяниха» был дружно отвергнут... Таково, искренне дружественное и поддерживающее, было вхождение Андреева в большую литературу... Где бы современному дарованию найти такую «Среду»?! А тогда: *«Андреев прочно слился со «Средой». Он, кажется, не пропустил ни одного собрания, за исключением тех двух периодов, когда лежал в клинике и когда сидел в Таганской тюрьме»*. Горький был истинным и доброжелательным литературным крестным отцом Андреева, а тот отвечал Горькому искренней привязанностью и доброжелательностью, не изменил к нему своего отношения и после расхождения их путей — после названной выше публикации «Тьмы». *«К Горькому он относился всегда с необычайной нежностью и любовью. Он был буквально влюблён в него»*, — пишет Телешов.

Рассказы, прочитанные на «Средах» и одобренные Горьким, составили его первую книжку, изданную в основанном в Петербурге Горьким и Пятницким новом издательстве «Знание». Эта книга и сделала имя Андреева всероссийски известным. А второе ее издание, дополненное, в числе других новых рассказов, «Бездной», создало вокруг имени Андреева явление общественного скандала... во все времена такие скандалы есть непременное условие популярности писателя. *«По поводу этой «Бездны» вокруг имени Андреева поднялся шум, визг, улюлюканье. Статьи «Нового времени» и Софьи Андреевны Толстой, громившие молодого писателя, только подливали масла в огонь, и об Андрееве и о «Бездне» заговорили все: кто — за, кто — против»*, — отмечает Телешов.

Такое стремительное вхождение Андреева в широкую литературу, конечно, по-

* Телешов Н. Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом.— М.: Московский рабочий, 1980.— 320 с.

** Зайцев Б. К. Голубая звезда: Роман, повесть, рассказы, главы из книги «Москва» / Сост. О. Н. Михайлов.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1989.— 365 с. (Серия «Отчий край»).

родило массу недоброжелателей и завистников, благо писатель и сам давал повод: рассказы его становились все более мрачными. В этом недоброжелатели видели — и предрекали — скорый отток читателей от Андреева. «— *Меня почему-то зачислили в кандидаты самоубийц. Неправда все это. Я люблю жизнь, люблю радость*», — приходит Телешов слова Леонида Андреева.

О истинном жизнелюбии и доброжелательстве Андреева говорит его преданность литературному кругу «Сред» и забота о молодых писателях. Как Горький привел его в этот круг, так сам Андреев ввел в «Среды» Вересаева и — особенно — своего земляка Бориса Зайцева с одним из первых его рассказов «Волки». Характерно, как пишет Телешов: «Во всех его письмах за целый ряд лет, когда он не жил в Москве, всегда есть заботливые вопросы про Голоушева, Шмелева, Белоусова, Серафимовича, всегда находится несколько ласковых слов о «старушке — Среде» и о старых товарищах...»

Телешов почти двадцать лет знавал Андреева, то есть *всю творческую жизнь писателя*; знал как писателя и в обществе, в семье, на работе: «*Я всегда знал его как человека с ласковой, хорошей душой, умного, интересного собеседника*».

Поэтому мнение такого проницательного человека очень дорогого стоит. А в контексте нашего очерка из воспоминаний Николая Телешова следует подтверждение высказанного выше утверждения о характере Андреева, близком к доброжелательной флегматичности, возможно в сочетании с элементами сангвиничности (как психологического типа). А именно сочетание такого психологического типа с творческой экспрессивной выразительностью — сущностностью является не основной, но существенной причиной как скорого творческого взлета (литературная известность здесь не является синонимом, поскольку обуславливается иными причинами — у Андреева удачным вхождением в круг «Среды»), так и, увы, столь же непродолжительного, десятилетие как у Андреева, «владение умами» широкого читательского контингента. Ибо невозможно долго держать его своими произведениями в состоянии экспрессивной напряженности. Тем более — самого себя, да еще при нехватке общего здоровья: у Андреева была хроническая сердечная недостаточность, и скончался он от паралича сердца...

♦ Борис Зайцев, как уже говорилось, был введен в «Среды» и на старт литературной деятельности Леонидом Андреевым. Поэтому в книге «Москва» своих литературных воспоминаний он не мог и, понятно, не хотел обойти вниманием своего земляка.

Если Телешов в своей книге во главу угла ставит деятельность созданных и опекаемых им «Сред» и о «средовских» писателях, в том числе о Леониде Андрееве, пишет, так сказать, приближенно к писательскому бытованию, их общению и так далее. Но вот в «Москве» Бориса Зайцева Андреев предстает нам в своей творческой мастерской. Поэтому постараемся в воспоминаниях Б. К. Зайцева найти подтверждение современника высказанным выше соображениям о сущности творчества Леонида Андреева — попробуем и, надеемся, не ошибемся в догадках.

Зайцев особо подчеркивает, что 1901—1906 годы явились «самыми полными, радостными, добрыми. Все его существо летело тогда вперед; он полон был сил, писал рьяно; несмотря на самые мрачные «Бездны», на «Василия Фивейского» — полон был надежд, успехов, и безжалостная жизнь не надломила еще его».

То есть мгновенный — по обычным писательским меркам — взлет и раскрытие таланта Андреева. Отсюда и эпитеты Зайцева: радостный, добрый, полный сил, надежды, успехи. Но и короткий по времени период безудержного оптимизма писателя, что совпадает с определенной выше напряженностью труда Андреева, что есть специфическая черта экспрессивно выраженного творчества. Эта-то напряженность и есть причина столь короткого периода безудержного оптимизма, когда «светлая рука чувствовалась над ним. На его бурную, страстную натуру, очень непрекупую

(выд. нами.— А.Я.), это влияние (он только что женился на А. М. Виельгорской.— А.Я.) ложилось умеряюще. Слава же росла, или деньги...» И еще характерное о встречах с Андреевым: «... Говорили о Боге, смерти, о литературе, революции, войне, о чем угодно. Курая, шагал из угла в угол, туша и зажигая новые папиросы, Андреев долго, с ясаром ораторствовал. Говорил он неплохо. Но имел привычку злоупотреблять сравнениями и любил острить. Юмор его был какой-то странный: и была в нем эта жилка, и чего-то не хватало. И во всяком случае, в его писании (выд. Б. К. Зайцевым.— А.Я.) юмор несвободен. Он не радует».

Очень ценное и многозначительное замечание о «несвободном юморе» Андреева. Ведь юмор, остроумие во многом характеризует работу подсознания. Фрейд посвятил этому отдельную работу «Остроумие и его отношение к бессознательному». Действительно, общеизвестно, что «женщины юмора не понимают». Может это и преувеличено, но ... так оно и есть. А почему? — Потому что юмор суть прерогатива устной речи (писатель только переносит ее на бумагу), в каковой у женщин преимущественно «задействована» оперативная память без обращения к памяти подсознательной. Другой момент: в любом социуме явно наблюдаются периоды «анекдотического расцвета» (анекдот — высшая форма юмора!) и времена почти без анекдотов. Так «золотые» (можно и без кавычек) советские 60—70-е годы были эпохой творчества анекдотов — вспомните себя в эти славные годы, когда рабочий день начинался с анекдотов «чатаевской» или «чукческой» серий — в курилках, но доминировали такие о «руководителях партии и правительства». Знакомы и времена без анекдотов...

То есть удачный и обильный юмор — признак раскрепощения бессознательного, и напротив: «несвободный юмор», неудачный («чего-то не хватало») — это явное действие подспудного, явно неосознаваемого человеком самоконтроля или самоограничения над работой подсознательного, что и можно отнести к Леониду Андрееву. Но такой самоконтроль, самоограничение суть признак преобладания, в данном случае в творчестве, экспрессивной выразительности под изобразительной образностью. Конечно, существенный писатель именно подспудно самоограничивает (контролирует) работу своего подсознания, а почему и зачем? — Потому что для экспрессивного самовыражения, в отличии от изобразительно-образного, работа подсознательного вторична, как не имеющая главенствующего значения в эмоциональной, экспрессивной реакции человека на условно понимаемый раздражитель, внутренний или внешний — основной движитель творчества человека.

В то же время, но в ином качестве, подсознание Андреева активизировалось в творческом процессе. Зайцев вспоминает: «Помню его рассказ, что когда он писал «Красный смех» и поворачивал голову к двери, там мелькало нечто, как бы уносящийся шлейф женского платья. Бредовое писание не было для него выдумкою или модой: такова вся его натура. Его развязанное подсознание (выд. нами.— А.Я.) всегда стремилось в ночь, таков его характер; но устремление это было подлинное, и его не без основания ставили рядом с Эдгаром По, которого он знал, любил. Он нравился ему за то, что говорил о Ночи».

Это действительно активизация подсознания в ином качестве, когда подспудный самоконтроль, самоограничения не имеют того значения в творческом процессе, о котором говорилось выше. Ибо *развязанное подсознание* есть не собственно доминанта экспрессивной выразительности, но только лишь его <творческий> базис в состоянии связанныности подсознания неконтролируемо вбрасывает в активное сознание (а то ведет руку писателя...) чересполосицу образов. Для сравнения: у писателя изобразительной образности последние <образы> извлекаются активным сознанием из «кладовки подсознательного» осознанно, с логическим обоснованием и выбором. Более понятная аналогия: живописец ирреального призываия кладет широкими мазками — экспрессия, импрессия! — а сугубо реалистический художник четко выпивает тонкой кистью. ...Так на старинных иконах новгородского и строгановского

(последние и вышли из новгородской школы...) письма даже отдельные волосы бороды того или иного святого изображены тонкими, несливающимися линиями. Поясним: русская икона есть реалистическое отображение ирреального персонажа.

...Закончилось пятилетие творческого взлета Андреева в 1906—1907 годах: напряженность труда не совсем здорового писателя («очень некрепкая натура»), на которую наложилась смерть его жены — «этая Ночь впервые на него дохнула». И тогдашняя жизнь писателя за границей (Берлин, Капри — рядом с Горьким) оказалась чужой для орловца Андреева: «жил там тяжко, бурно», ни слова не зная «позаграницному». Явно не на пользу пошла и дальнейшая, с 1907-го года, петербургская его жизнь: «Что делать, я не знаю, ибо убивать себя я не хочу, в сумасшедший дом тоже не хочу, а жизнь не выходит, а тоска, поистине, невыносимая». Смерть жены и стала для Андреева, как то случается с натурами внутренне нервическими, спусковым крючком для спадения не то что его творчества, оно все шло пока на подъем! но потери оптимизма, ожидания все новых радостей и удач в своей писательской жизни. Сущность Андреева с этой поры начинает зацикливаться на собственных душевных переживаниях, вселенской тоске по несбывшемуся и несбыточному.

Определенная перебивка такого зацикливания в те же годы: новый творческий подъем Андреева был связан с началом его драматургии. «Это был год, когда впервые он вступил на путь театра,— путь, давший ему славу еще шумнейшую, но и тернии очень острые», — пишет Зайцев о годах такого перелома.

...Начиная с нашумевшей «Жизни человека», «кончился один период, начался другой. Кончилась молодость Андреева, возросла схема, патетизм, и яснее означился надлом в душе его. В ней есть и нечто пророческое о самой жизни автора — если пророчественность понимать широко. Умер Леонид Андреев не так, как погибает Человек, и в бедность не впал, но некоторый наклон (выд. Б. К. Зайцевым.— А.Я.) жизни своей почувствовал... Верно, что в «Жизни человека» не было уж места для березок... Никто не вправе сказать, каким должен был быть его путь. Ему виднее было самому. Но можно, кажется, заметить, что его натура не укладывалась в Финляндию и Мейерхольда».

И в чем-то символично, что Леонид Андреев с 1908 года поселился на своей даче у Райволы, на Черной Речке. То есть ушел он из жизни, как и Пушкин, с берега одной и той же реки...

Но до этого у него в запасе оставался еще десяток лет.

«На этой новой даче написал Андреев: «Царь — Голод», «Черные маски», «Анатому», «Океан» и другое. Хорошо было удалиться из столицы, но это не было удалением в Ясную Поляну, столица перекочевала к нему в самом суэтном и жалком облике; взвинчивала, гнала к успеху, славе, шуму и обманывала. Кто не любит обольщения успеха? Андреев жадно его вкусил и не мог уже забыть; не мог уже жить, чтобы о нем не писали, не шумели, не хвалили. Не знаю даже, мог ли он теперь писать лишь для себя, вне публики. Он ненавидел публику и поклонялся ей...» — Так определил Зайцев второй и последний период творческой жизни, и жизни вообще, Андреева. С каждым годом жизни на даче, на Черной Речке, он терял своих читателей; время творчества сущностного писателя, если он не гений, всегда невелико. Леонид Андреев все более уходил, как он сам писал в письмах к немногим оставшимся литературным друзьям, от первой действительности в мир действительности второй, то есть от мира обыденности, того же быта, Андреев все более погружался в мысленно овеществляемый им мир творческих конструкций, мир сна, как он сам говорил; творческого сна — уточним. Первая действительность — суета сует, но от которой Андреев уже не может отказаться — привык к славе (см. цитату выше). Но — «ибо само слово принадлежит ко второй действительности, само по себе оно картина, рассказ, сочинение», — пишет Андреев. И еще позволим себе процитировать Зайцева: «Я видел

его последний раз в Москве, осенью 1915 года. Шла его пьеса «Тот, кто получает пощечины!» Вряд ли она удачна; вряд ли совершенна, как вообще мало совершенного оставил Леонид Андреев (выд. нами.— А.Я.). Хаос, торопливость и несдержанная пылкость слишком видны в его писании. Но как и во всем главнейшем, что он написал, есть в этой пьесе андреевское, очень скорбное, сплошь облитое ядом горечи...»

Выделенные нами слова Зайцева — а ведь пишет благодарный друг Андреева, один из немногих оставшихся ему другом! — и следующее за ними предложения в краткой *in summa* дают *сущностное* (сущностно пишет Зайцев о сущностном писателе!) определение своеобразия творчества Андреева: в своей экспрессивной, нервической выразительности и торопливости он зачастую, а почти и всегда, забывал о доведении своих произведений до литературного совершенства. А последнее и есть критерий творческого профессионализма. ...Именно такое, вроде неявное, впечатление произвело на нас первое чтение того, «книжного» издания, тома из собрания сочинений (кстати — в семнадцати томах!) Леонида Андреева, что в давние годы приглянулся в тульской «Буккниге».

И поэтому-то в начале этого очерка, рассуждая о писательской «табели о рангах», мы сочли справедливым, но вовсе не обидным для памяти Леонида Андреева, отнести его личность и творчество по разряду *видного русского писателя*.

«*Тосканей нашей российской*» назвал Борис Зайцев, имея в виду литературную плодовитость, орловско-тульско-калужский край. Как мы — равниной русской словесности. Объективности ради, мы «отказали» Леониду Андрееву (при всем уважении к его великолепному творчеству!) в титуле выдающегося — но это на фоне всей великой русской литературы. А вот на фоне литературы равниной русской словесности, давшей творчества Тургенева, Фета, Лескова, Бунина, Бориса Зайцева и тож Леонида Андреева, последнего без оговорок назовем выдающимся — в семантике и этимологии этого слова-определения: выдается, выделяется и именно как сущностный писатель с его экспрессивной выразительностью, которой сопутствовала «несдержанная пылкость», а как следствие, торопливость и недоведение своих писаний (это любимое слово Льва Толстого и Андреева) до профессионального литературного совершенства. Быстрый взлет и скорая потеря читательской аудитории — это также обратная сторона экспрессивной выразительности.

Тем не менее, Леонид Андреев есть заметное и отличительное явление русской литературы самого начала XX века. Именно поэтому его произведения не только в литературных анналах достойное место заняли, но и остались на весь прошедший век «живым чтением». О нынешнем времени не пишем — для оного и вся вообще русская и советская литература, да и нынешняя, — в нетях и искусственном забытье...

К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Геннадий Муриков
(г. Санкт-Петербург)

Муриков Геннадий Геннадьевич, родился 19 января 1958 года в г. Пудож (Карелия), окончил филологический факультет Ленинградского университета, работал редактором отдела критики в журнале «Звезда», член редколлегии журнала «На русских просторах», ведет рубрику «Дневник критика» в журнале «Невский альманах». Автор около трехсот статей, опубликованных в центральных журналах и литературных газетах, и шести книг историко-литературной публицистики и критики. Лауреат премий журнала «Литературная учеба», журнала «Москва» к ее 60-летию и других.

В ПОИСКАХ ИСТИННОЙ ВЕРЫ

Имя знаменитого в свое время писателя, драматурга, а отчасти и публициста Леонида Андреева сейчас почти что позабыто. Его пьесы, в свое время по уровню театральных постановок превосходившие не только Горького, но даже Чехова, сейчас практически не ставятся, романы, повести и рассказы никто не читает. Почему? Может быть, иссяк интерес к той проблематике, которую этот писатель считал самой важной? Возможно. На фоне борьбы с коронавирусом рассуждения о жизни и смерти могут показаться глупыми, но, тем не менее, они остаются самыми важными для любого человека во все времена и эпохи.

В кругу литераторов Серебряного века этого писателя имя просияло по своему некоей не очень яркой звездой, которая позже угасла. Леонид Андреев не был большим мыслителем или идеологом, не стремился к созданию собственных творческих концепций и манифестов. Его в начале пути поддержал Максим Горький, они оба стремились к борьбе против капиталистов в защиту бедных. Но их пути быстро разошлись, и Леонид Андреев пошел по иному пути, близкому к символистам, иными словами — по пути религиозного обновления, но так и не смог создать собственного художественного направления или идеологии, хотя его проза и его пьесы в свое время были очень популярны и вызывали острые споры.

Одной из самых важных на этом пути, двойственном, но крайне своеобразном, несомненно, следует считать его знаменитую повесть «Иуда Искариот», опубликованную в «Сборнике товарищества "Знание" за 1907 год» (№ 16). В руководстве этого издательства состоял М. Горький, известный в то время своими взглядами, кото-

ные позже получили название «богостроительства». В то время очень остро стоял вопрос о том, является ли тогдашнее ортодоксальное христианство (в частности, православие), так сказать, истинной религией и более того, истинным «христианством». Возможны ли иные толкования истины, — рядом с Христом или помимо Христа. Эти вопросы весьма занимали тогдашнюю общественность, особенно литераторов, близких к кругам символистов. Прежде всего, следует упомянуть учение о «Третьем Завете» Д. С. Мережковского, не говоря уже о его предшественниках — Владимире Соловьеве и Льве Толстом.

Разумеется, Л. Андреев не мог обойти эту тему. И не то, чтобы не мог, она была для него центральной, самой насущной. Истинно ли историческое христианство? Был ли Христос Богом? Кем был Иуда? Это были не абстрактные вопросы для того времени. Только что в русском переводе вышли книги Давида Штрауса и Эрнеста Ренаана, посвященные тщательному исследованию евангельских текстов. Эти авторы, ссылаясь на исторические свидетельства, рассматривали жизнь Иисуса Христа как реально существовавшего человека, а не Бога, тем самым частично повторяя существовавшую еще с IV века ересь арианства.

В этом контексте проблема так называемого «предательства» Иуды приобретала особый смысл. Следует вспомнить, что говорит о предательстве Иуды Св. Писание. Вот очевидные свидетельства из Евангелий: от Луки 22:47: «Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?». Евангелие от Матфея 37:3–6: «Когда Иуда, предавший Иисуса, увидел, что Его осудили, то раскаялся и возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, сказав: «Согрешил я, предав кровь невинную». Но они сказали: «Что нам до этого? Это твоя забота!» Тогда он бросил серебряные монеты в храме, пошел и повесился. Первосвященники же подобрали монеты и сказали: «Не по закону это класть их в храмовую копилку, ибо это цена крови». Но уже из этого как бы следует, что Иуда в Христа как Бога всеведущего не верил.

Теперь зададимся вопросом,— вместе с Леонидом Андреевым,— кого, собственно, и как мог ПРЕДАТЬ Иуда Искариот? Бога предать невозможно, он всеведущ, все знающ, иначе он не был бы Богом. Предать в обычном смысле слова можно только человека или какие-то убеждения. И в том, и в другом случае речь вовсе не идет о богоотступничестве. Это ключевая тема повести «Иуда Искариот». Следует еще раз заметить, что ни о каком «предательстве» богочеловека и Иисуса Христа не может быть и речи, и даже мысль об этом кощунственна, потому что тем самым величие и всемогущество образа Божия нескончанно умаляется.

Тогда что же? Неужели нужно пересмотреть всю евангельскую концепцию рождения и смерти Богочеловека, представив Его в духе арианской ереси простым человеком, хотя бы и праведником и пророком, которого все-таки можно «предать»? Вчитываясь в писания Ветхого завета, отметим, что мученическую смерть приняли и другие великие пророки, в числе которых, скажем, Исаия, Иезекииль. В этом не сомневаются даже крупнейшие теологи. С этой точки зрения в смерти Иисуса не было ничего сверхъестественного: погиб очередной еврейский пророк в ряду других еврейских пророков, да еще не самой мучительной смертью, как бы это не звучало цинично. Исаию распилили пополам в дереве, куда он спрятался, а Иезекииля разорвали на части лошадьми.

Но если Иуда предал всего лишь пророка, и не то чтобы предал, а лишь додложил римским солдатам, где находится разыскиваемый ими Христос, поскольку иудейские первосвященники Каиафа и Анна прямо не решались сообщить Понтию Пилату о якобы существующем враге императора и римского народа, им нужен был провокатор, тем паче из числа ближайших учеников Христа, то есть из апостолов.

Сделаем небольшое отступление. Еще в 1906 году Л. Андреев написал рассказ

«Елеазар» (древнееврейское произношение имени Лазарь), посвященный судьбе Лазаря после его воскрешения. Рассказ этот необычайно интересен не как художественное произведение, а как некое мистическое видение самого автора. Окружавшие воскресшего на четвертый день после смерти Елеазара-Лазаря постоянно интересуются у него: «Отчего ты не расскажешь нам, Елеазар, что было там?» Но он не рассказывал». Л. Андреев предлагает свою версию: «Ибо та великая пустота, что объемлет мироздание, не наполнялась видимым, ни солнцем, ни луною, ни звездами, а царила безбрежно, всюду проникая, все отъединяя: тело от тела, частицы от частиц». И на кого бы ни посмотрел воскресший Лазарь из потустороннего мира, тот терял всякое понимание смысла жизни. Такова была цена пребывания на том свете даже в течение трех дней.

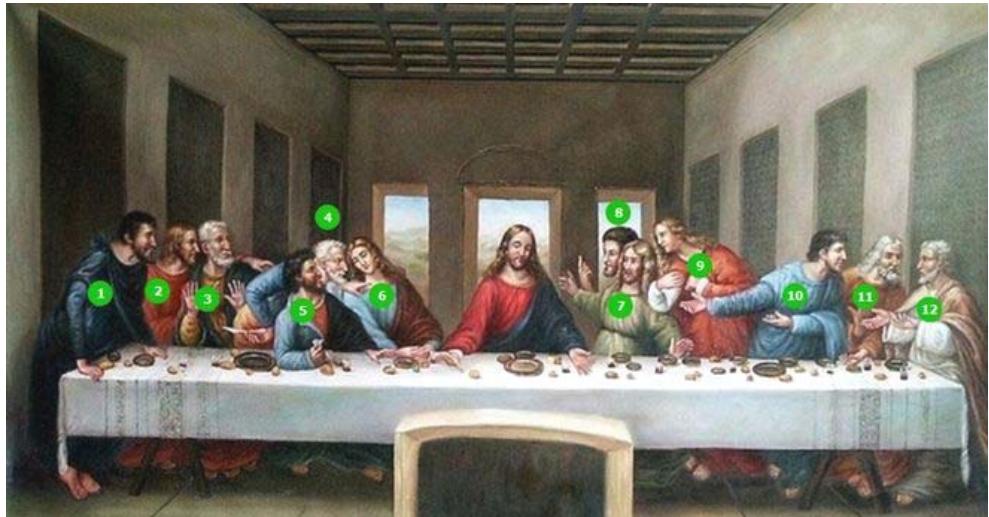
Если воскресение Лазаря, который по евангельскому сказанию — Ин. 11, 39: «Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе — является иносказательным намеком на будущую смерть и воскресение Христа, то современный читатель вместе с Леонидом Андреевым может задать вопрос: где находились Лазарь и Христос в течение трех дней после своей смерти? Годится ли ответ Л. Андреева из рассказа «Елеазар» о всепроникающей пустоте и в наши дни? Любопытно отметить, что одна из самых таинственных пьес писателя «Реквием» (1917 г.) открывается загадочным подзаголовком: «Все это происходит в пустоте». Видимо, понятие пустоты в каком-то широком космическом смысле было необычайно важно для писателя. А может быть, оно пронизывало и загадочную душу Иуды Искариота?

Вновь вернемся к образу Иуды Искариота. Действительно ли он провокатор, подкупленный иудейскими священниками с целью погубить пророка — конкурента — Иисуса Христа? Или его миссия состояла в чем-то другом? Леонид Андреев награждает Иуду Искариота крайне непривлекательными чертами: будто бы он «сам крадет искусно и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее», «всюду он лжет, кривляется, зорко выспаривает что-то своим воровским глазом; и вдруг уходит внезапно, оставляя по себе неприятности и ссоры,— любопытный, лукавый и злой, как одноглазый бес». «Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота — человек очень дурной славы, и его нужно остерегаться». Дальше описывается его неприятная внешность, он будто бы походил на «осьминога с огромными, неподвижными, тусклыми глазами».

Казалось бы, что в таком отвратительном человеке мог найти Иисус Христос? Тем более это удивительно, что дальше другие апостолы описывают самим противоположным образом: смелый и могучий Петр, готовый положить свою жизнь за Учителя, Иоанн — «красивый, чистый. Не имеющий ни одного пятна на снежно белой совести». И вот среди них Иуда — урод физический и нравственный. Как он оказался среди апостолов, самых близких Христу людей? На этот вопрос в повести никакого внятного ответа не дано. А мы попробуем его дать. Всмотримся в знаменитую фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря».

Иуда (№ 5) у Леонардо вовсе не выглядит ни похожим на осьминога, ни уродом с остекленевшим глазом, как у Л. Андреева, но художник намеренно и явно придает ему семитические черты, подчеркивая еще одну важную евангельскую мысль. Как известно, в момент осуждения Иисуса толпа евреев «голосовала» за распятие Христа (Матф. 27:25): «кровь Его на нас и на детях наших». По логике Евангелия с учетом самого имени — Иуда, мы видим, что Христа предало само иудейство в его как физическом, так и в религиозном смысле.

Но вновь и вновь возникает вопрос — можно ли предать Бога? Ответ: конечно же, нельзя, а значит, Господь сам выбрал и определил, кому быть предателем, так как без этого «предательства» смертная и бессмертная миссии Христа не могли бы осуществиться. Л. Андреев завершает свою повесть размышлениями и признаниями Иуды о том, что тот, дескать, по-настоящему любил Учителя, который якобы любил его, выполняя свою сверхзадачу, больше всех остальных учеников.

Под номером 5 Иуда, он в мешочек держит свои 30 сребреников. Именно он предал своего Учителя, Которого потом казнили. Самый первый Варфоломей (1), под номером 2 Иаков, а третьим сидит Андрей прозванный Первозванный (его брат апостол Петр). Под номерами 4 и 6 — Петр и Иоанн Богослов. Они разговаривают. Под номером 7 тоже Иаков Зеведеев. Под номером 8 — Фома (апостол), которого еще прозвали Неверующий. Под номером 9 — Филипп (апостол). Под номером 10 видим Левия Матфея. Под 11 номером тоже Иуда, но Фаддей. Не путать его с Иудой предателем. Под 12 номером сидит Симона.

Во время последней беседы Иуды с апостолами после казни Иисуса он восклицает:
«Трусливые предатели перед вами. Где Иисус? Я вас спрашиваю: где Иисус?»

Было что-то властное в хриплом голосе Искриота, и покорно ответил Фома:

— Ты же сам знаешь, Иуда, что Учителя нашего вчера вечером распяли.

— Как же вы позволили это? Где же была ваша любовь? Ты, любимый ученик, ты — камень, где были вы, когда на дереве распинали вашего друга?

— Что же могли мы сделать, посуди сам,— развел руками Фома.

— Ты это спрашиваешь, Фома? Так, так! — склонил голову набок Иуда из Каира. И вдруг гневно обрушился:

— Кто любит, тот не спрашивает, что делать! Он идет и делает все».

Каков же итог? Видимо, его следует искать в словах, приписанных апостолу Иоанну: «Молчи! — крикнул Иоанн, поднимаясь.— Он сам хотел этой жертвы. И жертва его прекрасна!». Таким образом, нам раскрывается действительная роль Иуды. Он выполнил тайную волю Христа, а потому и мог быть одним из Его Возлюбленных. Судя по всему, Л. Андреев именно в этом видел глубочайшую религиозно-философскую миссию в образе Иуды. Такое ее понимание наложило важнейшую печать на все его творчество.

Леонид Андреев был не одинок в своих религиозно-философских раздумьях. Даже не касаясь учения о новом религиозном сознании Д. С. и З. Н. Мережковских, приведем забытое стихотворение малоизвестного ныне поэта-символиста Серебряного века Александра Рославлева (1883—1920) «Иуде».

*Из глубины померкнувших столетий
Явил ты мне, непонятый мой брат,
Твой жгучий терн в его победном свете.
Пусть гнусы о предательстве кричат!
Их мысли тупы, на сердцах их плесень,
Постичь ли им твой царственный закат.*

*Ты — свет певцам для вдохновенных песен,
Ты, как на башне,— выше облаков,
Откуда город меж просторов — тесен.
Проклятый город, медлище рабов,
Где скорбно — бледный, нищий их учитель
Бросает зерна рабских, нищих слов.
И с башни в город сходишь ты, как мститель,
За их права, несешь ковчег борьбы,
Чтоб дать им мощь и тирную обитель.
Вот распят Он, но лик Его судьбы
Не возбудил кровавой жажды мищенья.
Рабы стоят и смотрят, как рабы.
Ты проклял их. Преодолев сомненья,
Прозрел в веках, достойнейших тебя,
И смерть твоя — святое утвержденье,
Что ты спасал, страдая и любя.*

Этим как бы подтверждается, если не все вышесказанное, то очень многое. Но в размышлениях Л. Андреева есть ряд несообразностей. Их можно списать на слабую подготовку писателя в области религиозно-философского мышления или считать их сознательными, отчасти даже провокативными действиями. Тут следует упомянуть, что при написании повести Л. Андреев постоянно советовался с М. Горьким, у которого он в то время жил на Капри, и тот часто давал ему советы об исправлении неточностей, а также предоставлял нужную литературу. Богооборец и богостроитель Максим Горький, с одной стороны, и таинственный мистик Леонид Андреев неожиданно сходятся в одном — странном понимании образа Иуды Искариота.

При чтении этой повести на первой же странице удивляет такое странное утверждение: «Детей у него (Иуды из Кариота — Г.М.) не было, и это еще раз говорило, что Иуда — дурной человек и не хочет Бога потомства от Иуды». Любой человек, даже не христианин, а, скажем, иудей или мусульманин, может сразу задать вопрос: а были ли дети у апостолов. У некоторых апостолов дети были, а у некоторых, более молодых и неженатого Иуды из Кариота, детей не было. Означает ли это, что апостолы без детей также были прокляты Богом? К тому же — самое важное свидетельство, что сам Иисус Христос детей не имел, что совершенно определенно признает сама Святая Церковь. Значит ли это, что Л. Андреев сознательно стал еретиком, в чем-то сравнивая Христа с Иудой Искариотом? Или речь идет о чем-то более тонком, более глубоком, что писатель, возможно, таил в подсознании? Наша эпоха, в чем-то — в идейном раздрое, в пресловутой «полифонии» взглядов — повторяет эпоху Серебряного века, уступая ей разве что в идейной масштабности. А религиозно-нравственные искания остаются. Может быть, в них и суть русского мышления. Леонид Андреев из тех писателей и мыслителей, которые поставили перед нами глубочайшие и сложнейшие вопросы. Нам их решать.

ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ

Я уверен, что есть два разных понятия: Л. Андреев — прозаик и он же — драматург. Почему это так? Суть вопроса в том, что как прозаик он хотел да и мог, хотя бы отчасти (под воздействием М. Горького), воспроизвести окружающую его реальность, то есть был отчасти «реалистом». В самом деле ничего особенного и сверхъестественного в его прозе конца 1890-х — начала 2000-х годов нет. «Баргамот и Гараська», «Петенька на даче», «Большой шлем» и другие рассказы, которые дали известность Л. Андрееву как бытописателю. Это, по-видимому, сблизило его с Макси-

мом Горьким, что, на мой, взгляд не довело его до добра. Важнейшие прозаические произведения Л. Андреева также, как и ранние Горького, относятся к тематике богочестия и так называемого богостроительства и даже провозглашенной в то время псевдорелигии человека. Но по-другому Леонид Андреев проявил себя в драматургии. Видимо, по его складу личности именно сценическое действие было ему близко.

Всю жизнь Леонид Андреев был богочестием и искателем новых религиозных истин. Отчасти об этом упоминалось выше, но, на мой взгляд, наиболее ярко образ мышления Л. Андреева проявился в его драматургии. В свое время, то есть в эпоху Серебряного века — между двух революций — его пьесы были чрезвычайно популярными. Постановка первой его пьесы «К звездам» (1905 год), принятая в МХТе К. С. Станиславским, была запрещена цензурой, В. Э. Мейерхольд в 1907 году поставил в театре Веры Комиссаржевской «Жизнь человека», а В. И. Немирович-Данченко в 1910 г. поставил в МХТе «Анатэму».

Мне кажется, что самой главной и основной пьесой Л. Андреева стала пьеса «Самсон в оковах» (1914 г., опубликована после смерти автора в журнале «Современные записки» в Париже), которая никогда не ставилась при жизни драматурга. Поэтому ее следует отнести к известному немецкому жанру *Lesedrama*, т.е пьеса для чтения. Многие известные писатели и драматурги, в том числе Гете, Шиллер, не были уверены, что их пьесы будут поставлены в современных им театрах, поэтому писали для широкого круга читателей.

Драматургия и театр (если его можно так назвать) Л. Андреева — это целая эпоха российской реальности. Тут были и взлеты, и провалы. Нельзя сказать, что Л. Андреев был апологетом какой-то четкой или однозначной идеи. Сама его натура, движущаяся, колеблющаяся, не позволяла ему на чем-то остановиться, примкнуть к какому-то движению или партии.

Думаю, что пьеса «Самсон в оковах» — это почти завещание драматурга. Пьеса якобы основана на библейском предании об ослеплении Самсона, о чем подробно говорится в Библии, но для Л. Андреева вся ветхозаветная история со страданиями и гибелью Самсона превращается как бы в своеобразную автобиографию, а одновременно и судьбу русской интеллигенции. Что такое слепота Самсона? Это знак того, что он не видит и не может видеть все, он ограничен в своем видении, поэтому ошибается, идет порой попerek воли Божьей,— это для него некий порог восприятия. Это и есть извечная ограниченность человека (вспомним пьесу Л. Андреева «Жизнь человека»). Судьба ослепленного Самсона для Л. Андреева — это по сути судьба интеллигенции, которая в полуослеплении начала бороться за власть и с ужасом поняла, к чему это привело.

Пьеса явно автобиографическая, чувствуется в образе Самсона намек на самого себя, он как бы ослеплен, впопыхах, бессознательно пытается разорвать какие-то оковы, но не может этого сделать.

Драматургия Андреева отличается кардинально от горьковской. Горький по складу своего дарования не мог создавать ярких характеров и драматических — именно драматических — ситуаций, поэтому все его пьесы (после «На дне», основанной на жизненном опыте) являются скучнейшими произведениями, которые практически никогда не вызывали интереса. За исключением постановок Георгия Товстоногова в БДТ им. Горького в советское время и основных московских театров. В наши дни пьеса «Мещане» с успехом («Золотая маска») идет в СПб в театре «На Васильевском». Проблематика пьес Горького в наше время, на мой взгляд, устарела, — это не случайно. Так называемая борьба за права человека, которую Горький то поддерживал, то отрицал, обернулась в наши дни борьбой за права гомосексуалистов и ЛГБТ.

Леонид Андреев попал в другую театральную ловушку: он был новатором. Не совсем, конечно, — шел за Ибсеном и Метерлинком,— но шел своим путем. Он старался важные для его времени сюжеты воплотить в аллегорические и символические

образы. Леонид Андреев в 1906 году снова сближается со своим учителем Максимом Горьким, как он называет его в своей биографии, и даже приезжает к нему на Капри, где тот жил в это время. Между ними возникли разногласия по поводу роли науки в грядущей социалистической революции. Горький считал, что «передовые представители народа» увлекут за собой «отсталых ученых» (пьеса «Дети солнца», 1903 г.). М. Горький уже тогда стремился к эпатажу и скандалам. Художественные образы героев, столкновения характеров ему были чужды. Это и стало причиной расхождения и последующей вражды литераторов, которое продолжалось до самой смерти Л. Андреева.

Но есть удивительные места в творчестве Л. Андреева, которые до такой степени поражают меня и наших современников, что иногда Л. Андреев кажется почти что провидцем. Я думаю, что оба его сына — Вадим и Даниил, особенно последний, глубоко погруженные в оккультные науки, каким-то образом предчувствовали нашу современную действительность. В 2021 году, и перед этим около года, шло следствие по делу петербургского доцента Соколова, осужденного за убийство и расчленение своей любовницы на 12,5 лет. Кажется удивительным, как ученый, научный работник мог совершить такое преступление, допустим даже из ревности. У Даниила Андреева есть повесть «Мысль» и пьеса — инсценировка на аналогичную тему. Я обращаю внимание на эти сочинения, поскольку они необычайно близки (как ни странно — прошло сто лет) нашей эпохе. Герой пьесы «Мысль» убивает любовника своей жены и при этом рассуждает так: «Во мне скрывался недюжинный актер, способный сочетать естественность игры, доходившую временами до полного слияния с олицетворяемым лицом». Оба персонажа — и в пьесе, и в повести — рассуждают так: то ли он убил его (своего соперника), потому что сошел с ума, то ли убил и притворяюсь, что сошел с ума. Где грань, — спрашивает он самого себя, — между целенаправленным убийством и сумасшествием? Думаю, что так же мог рассуждать и доцент Соколов: где грань между сознанием и подсознанием, — и кому можно задать этот вопрос? Вот основные темы последних сочинений Леонида Андреева, смысл которых в полной мере не разгадан до настоящего времени.

После убийства герой пьесы попадает в сумасшедший дом, где рассуждает так: «Боюсь думать, но, кажется, я никогда не переставал быть романтиком. И чуть ли я не был идеалистом. Я верил в человеческую мысль и в ее безграничную мощь. Вся история человечества представлялась мне шествием одной торжествующей мысли».

А что же это была за мысль? Нашему современному она может представляться по-разному: это либо идеал всемирного коммунизма и мировой революции или идеал капитализма с обезьяньим лицом. Леонид Андреев, скончавшийся в 1919 году, не мог полностью осознать ни того, ни другого, зато оба его сына все это отчетливо поняли.

Конечно, одной из самых важных и определяющих тем в творчестве Л. Андреева является тема, важная как для его духовного покровителя М. Горького, так и для некоторых символистов и футуристов, — это тема «человекобожия». Одно из самых значительных произведений Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» имеет такой подтекст: священнику-бунтарю и сектанту Василию Фивейскому пришла в голову мысль, что он может совершить чудо и поспорить с Господом Богом. Разумеется, эта надежда оказалась бессмысленной, и герой этой повести печально окончил свою жизнь.

В других рассказах автор продолжает размышлять об этом. Ключевой на этом поприще является его повесть «Мысль», позже переработанная в драму. Не углубляясь пока в сюжет этой повести, обратимся к некоторым другим мыслям художника. Герой повести «Мысль» рассуждает примерно так: «Для меня нет судьи, нет закона, нет недозволенного. Все можно. Вы можете себе представить мир, в котором нет закона притяжения, в котором нет верха, низа, в котором все повинуется только приходит и слушаю? Я, доктор Керженцев, этот новый мир. Все можно». Кто такой доктор

Керженцев, поговорим в дальнейшем. Здесь же необходимо подчеркнуть, что Андреев следует известной мысли Достоевского: если нет Бога, все можно. Л. Андреев примерно рассуждает так: существует какая-то «мысль», которая вовсе не христианский Бог, а в разных его сочинениях называется «некто в сером», «некто, стоящий у страшнейших ворот», — то есть что-то неопределенное, но далекое от понимания догматов христианства.

В одном из самых скандальных рассказов того времени — «Рассказ о семи повешенных» (1908 г.) — Л. Андреев как бы нарочно связывает судьбу принципиальных революционеров-террористов с уголовниками. Но на чьей стороне его симпатии, — читателю остается только догадываться, потому что история ликвидации террористов под его пером приобретает псевдохристианский облик: дескать, с одной стороны истинные борцы, а с другой стороны — те бандиты, которые в свое время висели на разных крестах около Иисуса Христа. Один из разбойников сказал Иисусу: Евангелие от Луки 34: «⁴² И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! ⁴³ И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». Для того, чтобы правильно понять, что понимал Л. Андреев под образом Христа, — то ли он видел в нем пророка, то ли проявление неких высших сил, — надо глубже вчувствоваться в его сочинения. И ответ будет неоднозначным.

Важнейшая мысль Л. Андреева — это проблема, возможно ли человеку творить чудеса. Да или нет? Этому посвящена одна из ранних его повестей «Жизнь Василия Фивейского»; она так или иначе повторяется в пьесах «К звездам», «Царь Голод», «Анатэма» и др. Дело не в том, что автор как бы не верит в чудеса, а в том, что ему не нравится традиционная христианская религия.

Здесь подходим к самому интересному вопросу, который был необычайно важен на рубеже XIX—XX веков и в первых десятилетиях XX века (равно как и сейчас). Это вопрос о распаде так называемого исторического христианства, которому в частности Д.С. Мережковский посвятил основные свои религиозно-философские произведения, о чем я уже неоднократно писал. Брюсов бросил его супруге З. Гиппиус («Неколебимой истине») вызывающий стих:

*Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.
Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа, и Дьявола
Хочу прославить я.*

Все существо, весь смысл эпохи так называемого Серебряного века было направлено на поиски новой веры, новой религии. «Историческое христианство» казалось тогда (как, впрочем и теперь) пустым набором бессмысленных догматов.

В чем же истинная вера? Этот вопрос задают себе все писатели и мыслители того времени, в том числе среди них и Л. Андреев. Но он человек внутренне колеблющийся и постоянно сомневающийся в правоте тех или иных положительных установок. Его лучшие герои все время стремятся куда-то «к звездам», так же, как и профессор Сторицын — герой одноименной пьесы. Более того, один из персонажей пьесы «Анатэма» пятидесятивосьмилетний Давид Лейзер, еврей по духу и принципу своей деятельности, вовсе не мечтатель, а обычный торговец, вдруг получив огромное наследство (4 миллиона тогдашних) от своих родственников из США, решает его раздать бедным. Казалось бы, неожиданная благотворительность, будто бы сам Андреев писал об этом. «Основанием "Анатэмы" служит следующий факт, который сильно по-

разил меня: в одном из больших южных городов (не помню, в Харькове, Одессе или Киеве) умер очень богатый еврей, который при жизни все свое состояние роздал нищим, и по смерти его последние пожелали скончать богача на свои средства». Однако, суть пьесы далеко не в этом. Л. Андреев, так же, как и впоследствии М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), сознательно искаляет имена персонажей христианской веры. Слов «Анатома» (имя героя пьесы Андреева) употреблено вместо христианского понятия «анафема», то есть «отлучение христианина от общения с верными и от таинств, применяемое в качестве высшего церковного наказания за тяжкие прегрешения (прежде всего за измену православию и уклонение в ересь или раскол) и соборно провозглашаемое»*. Попросту говоря, это синоним слова «дьявол».

Но как ни странно, этот Анатом практически побеждает некие божественные силы, которые воплощены в образе, названном «Некто, ограждающий входы». Хочу заметить, что этот образ был упомянут автором еще раньше в пьесе «Жизнь человека», где он был назван «Некто в сером». И тут, и там для Андреева эти персонажи — некийprotoобраз бога, но бога, отнюдь не всемогущего, почти что сомнительного. Бога, которого еще надо искать, — отсюда вытекает богоискательство и богостроительство.

Многие литераторы того времени считали богом человека, так называемого богочеловека. Маяковский заканчивает поэму «Человек» словами:

Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!».

Андрей Белый свою повесть «Человек» заканчивает так: «Звуки света в нас вписаны; песнь солнценосцев ясна; звукословием встретим же, братья, сходящую Душу из звукосветных, глаголющих голубизн... на заре!». Горький пишет рассказ «Рождение человека», не считая уж знаменитого афоризма Сатина из пьесы «На дне»: «Человек — это звучит гордо». Леонид Андреев, прекрасно понимая, что так называемая религия «человека» не может быть воплощена в жизнь, слегка иронизирует над своими современниками. В Пьесе «Професор Сторицын» есть прямо-таки издевательские строки по поводу «красоты, которая спасет мир» Достоевского. Герой считает, что смыслом жизни является «завет о красивой жизни», будто бы кроме осуществления красивой жизни ничего другого в жизни не существует. В пьесе есть явная пародия и на сочинения А. Белого. Профессор Сторицын признается своей возлюбленной: «В ваших глазах золото и лазурь». Приведу отрывок из стихотворения «Андрея Белого»:

Поэт, — ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность.

Все эти мысли приписаны автором профессору Сторицыну, главному герою пьесы «Професор Сторицын» и отчасти главному герою Терновскому из пьесы «К звездам», причем, ни тот, ни другой к звездам не добираются. Обоих героев ждет впереди раскаяние и смерть, так же, как самого Леонида Андреева. Вот что он писал в одной из последних своих статей, названной со злой иронией «*Veni, Creator Spiritus*»:

---

* Цит; интернет, Википедия.

tus!» — Приди, Дух Творящий! (лат.), вышедший на страницах «Русской воли» 15 сентября 1917 года.

В этом памфлете писатель с горечью говорит о том, как рухнула вся русская культура после февральской революции. «Сгущается бездонная тьма, кромешный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса — безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой мечусь я в темноте ищу Россию: — Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!». Этот памфлет, почти что призыв, поражает не только своей эмоциональностью, но также удивительным прозрением, что за Керенским грядет еще что-то более страшное: «Густится мрак, и во мраке я слышу голос: — Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем и сберегет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».

Л. Андреев умер в 1919 году и, конечно, не мог знать, что совершился дальше на полях любимой его России.

❖❖❖

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ИЗБРАННОЕ ИЗ КНИГИ. ПОВЕСТЬ. ОЧЕРК

Борис Винокуров
(г. Сочи)

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ. ТАЙНА ЗАМКА КАЗАНОВЫ*

Винокуров Борис Львович. Окончил лечебный факультет Челябинского государственного медицинского института в 1974 году. Доктор медицинских наук (1992). Доктор экономических наук (1998). Профессор (1995). Заслуженный врач РФ (2002). Заслуженный деятель науки РФ (2008). Заслуженный экономист Кубани (2012). Ведущий разработчик действующих государственных программ медико-экономического развития рекреационных зон российского Причерноморья и Приазовья. Возглавлял ряд здравниц МЗ РФ и научно-исследовательских учреждений, включая Сочинский муниципальный институт здоровья семьи, НИИ бальнеологии ОА «Минеральные воды Отечества» (преемника основанного в 1936 году сочинского Бальнеологического института им. И. В. Сталина). Читает самостоятельный профессорский курс профессиональной переподготовки врачей семейной практики при Сорбонне. Работа в качестве консультанта врача-сексопатолога в ведущих клиниках Австрии, Франции, Великобритании.

Однажды солидный медицинский журнал заказал мне статью о принципах восстановления психологии личности безвинно убиенных. Интерес к этой теме журнал проявлял всегда: здесь часто публиковались выступления судебных медиков, где вопросы психологии жертв занимали далеко не последнее место. Статья была написана и опубликована. Название я выбрал, пожалуй, экстравагантное: «Медицинские аспекты постмортальной реализации психологического портрета жертв насилия».

В этой работе я отталкивался от теорий Луиса Леона Терстона — американского психолога и психоаналитика, который был одним из инициаторов применения математических методов при психоанализе.

И хотя Терстон дожил почти до середины 50-х годов XX столетия, никому до меня не пришло в голову применить его уникальные математические методы для анализа ошибок поведения, допущенных жертвами непосредственно перед убийством. А я-то (между прочим, первым в старушке-Европе) пришел к следующему вы-

* Избранное из книги Б. Винокурова «Эпilogи любовных приключений». — М.: Издательский дом «Прибой». — 1998. — 446 с.

воду: если бы опытный психоаналитик поработал методами Терстона с людьми, которые в будущем становились жертвами насилия, то они в большинстве случаев как раз такого будущего могли бы избежать: насилие над ними было в известной степени обусловлено ошибками в их поведении.

Поначалу реакция на мою статью была вялой. Одни ученые пожимали плечами: мол, что теперь толковать, как бы можно было предупредить жертву, убийство-то уже произошло! Другие неопределенно рекомендовали со временем ввести в учебные программы кафедр судебной медицины специальный раздел о психопрофилактике для потенциальных жертв насилия. Ну, а правоохранительные органы вообще от статьи отмахнулись: что там фантазировать о присутствии психоаналитика в районных прокуратурах, когда лишней ставки следователя у начальства не выпросишь.

А потом (вдруг!) влиятельная Американская психиатрическая ассоциация перепечатала на английском этот мой достаточно объемный научный труд, сопроводив его хвалебным комментарием. Месяца два спустя я стал популярным: меня приглашали с лекциями различные институты и областные научные общества психологов, а толстый-претолстый отечественный журнал, первым опубликовавший на русском языке эту мою статью, стал ходить в именинниках (вот уж истина: нет пророка в своем отечестве!). И та история, которую я вам сейчас расскажу, тоже явилась отчасти результатом этой статьи.

Позвонил давнишний мой знакомый, работавший одним из руководителей Советского фонда культуры. Фонд в ту пору был не менее влиятелен, чем какое-либо министерство, потому что в патронессах этой общественной (по правовому статусу) организации состояла сама Раиса Максимовна Горбачева. Ее имя придавало фонду культуры особую значимость и здорово помогало в решении всяческих проблем, ибо даже вежливые просьбы фонда расценивались «тертыми» партийными управленцами как обязательные государственные распоряжения.

Излишне говорить, что кадры фонда культуры подбирались наитщательнейшим образом. И человек, мне позвонивший, тоже был фигуранткой крупной и проверенной: он длительное время состоял в высоком партийном руководстве Пензенской области и по долгу службы «курировал» самобытную культуру этой русской глубинки (надо сказать, не без успеха, поскольку открывшийся при нем пензенский музей художника Савицкого был даже занесен в мировой каталог художественных музеев).

— Слушай,— сановито рокотал в телефонной трубке его голос,— ты тут, говорят, в Америке какую-то статейку в именитом научном журнале «тиснул», так на тебя вот запрос пришел из Чехословакии. Там, понимаешь, какую-то жертву материализовать надо. Из средних веков... И не возражай, не один поедешь, чего бояться?.. Академика с тобой посылаю, специалиста по средним векам, подскажет, если что... Что ты кочевряжишься, когда визы уже открыты?

Телефонная трубка пикала в моей руке короткими сигналами отбоя. Надо было бросать все дела и мчаться в Москву.

Тратить время на оформление всяких формальностей почти не пришлось: тогдашний советский Фонд культуры, повторяю, чиновники привечали.

К концу следующего дня я с попутчиком уже болтался в такт стыкам железнодорожных рельсов в двухместном купе некогда сверхкомфортабельного вагона международного экспресса «Москва — Прага».

Попутчик мой оказался человеком интереснейшим. Назовем его Иваном Ксенониковичем. Был он небольшого роста, с опрятнойрусой бородкой и по-нижегородски мило «кокал».

Множество его званий и титулов: доктор исторических наук, академик российский, почетный член нескольких зарубежных академий и прочая, и прочая — плохо вязались с его живым нравом и неудержимой смешливостью.

Казалось, серьезно он относился только к истории средних веков.

— Нет сомнения, голубчик,— с жаром доказывал он, крутя пуговицу моего пиджака,— Россия была бы совсем другой страной, укрепи она в средние века свои торговые связи не с Востоком, а с Западом. Черт дернул думных дьяков в дремучих лесах Московии шапки ломать перед татарской Ордой да перед Византией. Ведь ясно же было, что это, по-нашему говоря, распадающиеся государственные структуры. А Запад в то время жаждал культурных и политических контактов со славянами.

— Конечно, Иван Ксенофонтович, конечно,— ехидничал я, несколько опасаясь за судьбу своих пуговиц.

— Контакты — это прекрасно. Контакты с рыцарями хорошо закрепились в памяти народа русского. Особенно такие, как Ледовое побоище на озере Чудском в 1242 году!

— А дальше школьного учебника Вы ничего знать не хотите? — обижался академик, еще яростнее вертя мою пуговицу.

— Все это писано было после разгрома фашистской Германии и работало на сталинскую идею панславянизма! Если хотите, это и есть перевирание истории. А история помнит еще и средневековую миссию графа Редера, который за добрых два десятилетия до того побоища прибыл к отцу Александра Невского — Ярославу II, великому князю Владимировскому, с проектом договора о вечном мире с землями ливонскими. Да только зазнайство велиокняжеское, тупость боярская вместо мира — к войне привели, а не к торговле!

Должен признаться, уважаемый читатель, меня не так легко переспорить, даже когда я неправ или недостаточно знаю предмет,— такой уж у меня характер. Так что, мобилизовав все свои познания по этому вопросу (конечно, почерпнутые из школьного учебника), я изготовился к атаке на академика, но тут... Пуговица, которую немилосердно теребил Иван Ксенофонтович, наконец, не выдержала. Под напором этого аргумента я сдался, иначе рисковал появиться на пражском перроне в расхристанном пиджаке, без пуговиц вовсе.

Пока разыскивали иголку, водворяли пуговицу на свое место, стемнело. Зажегся неяркий свет неоновой лампы под потолком. Заспанный, в меру трезвый проводник принес некрепкий чай в великолепных мельхиоровых подстаканниках. Пожалуй, эти подстаканники были последним напоминанием о некогда отменном сервисе некогда престижного экспресса. За ужином был выпит не только чай, но и несколько рюмок прекрасного кубанского коньяка «Большой приз» — под не менее прекрасные лимоны, заботливо упакованные в дорогу моей дражайшей половиной. И тогда я сказал:

— Иван Ксенофонтович, пора вам все-таки объяснить мне толком, куда мы едем и зачем. Ведь ни в Фонде культуры, ни в консульстве, где отмечали визу, мне ничего разумительного так и не сказали!

Академик округлил глаза:

— Да неужто? Ну, придется мне вас просветить. Нашим приятным путешествием, голубчик, вы обязаны своей статье о реализации психологического портрета жертв насилия. Прелюбопытнейшая научная статья, должен сказать. А вы знаете, что после американцев ее перепечатали несколько европейских журналов? Среди них был и один чехословацкий. А в поле зрения чешских историков статья попала в связи с проводимыми сейчас исследованиями в знаменитом Духцовском замке.

Я молчал: не хотелось признаваться, что про знаменитый этот замок слышу в первый раз. Академик явно наслаждался моей беспомощностью в исторической науке. А насладившись, прочел мне целую лекцию, которую я постараюсь сейчас пересказать.

Духцовский замок не относится к старинным рыцарским замкам. Он построен гораздо позднее, а знаменит тем, что именно в нем, спасаясь от гнева могущественных монархов Европы, в XVIII веке почти семь лет жил беспутник Джованни Джакомо Казанова, т.е. шевалье де Сенгалть — величайший авантюрист, жуир, эпиуреец и покоритель самых пылких аристократок Италии, Франции, Испании, Австрии,

Венгрии, Чехии, Англии, России, Польши, Богемии... За эти семь лет Казанова написал все двенадцать томов своих мемуаров. И начал писать тринадцатый. Именно на этой роковой цифре, как утверждают исследователи, великого авантюриста и прелюбодея настигла смерть.

И вот что странно. Итальянец по национальности, Казанова почему-то написал двенадцать томов своих знаменитых мемуаров на французском языке. Истинные знатоки его творчества уверяют, что Джованни Казанова все-таки писал на итальянском, а на французский переводила маркиза Аннет — Жанетта Ледью де Катри.

Казанова в Духцове жил затворником, лишь изредка появляясь в обществе — и непременно в сопровождении маркизы (кстати, по свидетельствам современников, красивейшей женщины — длинноволосой жгучей брюнетки с ярко-синими, как вассильки, глазами). Так вот, есть предположение, что маркиза Ледью де Катри делала переводы мемуаров Казановы на французский втайне от автора, а затем французский текст пересыпала в Версаль Людовику XVI, тому самому, который был осужден Конвентом во времена Великой французской революции и казнен. По свидетельству историков, в обширной личной библиотеке Марии-Антуанетты после ее казни в 1793 году были обнаружены первые четыре тома мемуаров Казановы, переписанных рукой маркизы Ледью Катри.

Эти четыре тома прекрасно сохранились и до нашего времени в одной из специальных библиотек Французской Академии. И по заключению, выданному Академией, стилистика и манера изложения мемуаров позволяют утверждать, что мемуары действительно принадлежат Джованни Казанове и писаны им самим, а не кем-то под его диктовку, и только потом переписаны (или переведены?). Остается согласиться с тем, что маркиза Ледью де Катри действительно переписывала по-французски то, что писал Казанова.

Остальные восемь книг мемуаров Казановы (опять же написанные рукой маркизы де Катри) отыскались в Вене у Габсбургов, что кажется удивительным лишь на первый взгляд. Ведь Мария-Антуанетта, жена Людовика XVI, которой маркиза де Катри аккуратно отправила первые четыре тома мемуаров Казановы, была дочерью австрийского императора, а Чехия с 1867 года входила в Австро-Венгрию.

Габсбурги долго хранили мемуары Казановы, что называется, под замком. И было почему. Легкомысленный искатель приключений, обольститель и без того не очень стойких сердец многих благородных дам французского, немецкого, русского и австрийского дворов, Джованни Казанова в своих мемуарах выворачивал наизнанку нравы и порядки (мздоимство, прелюбодеяние, казнокрадство, пьянство и т.д.) известнейших королевских, царских и императорских домов Европы. Есть свидетельства, что мемуары Казановы хотели выкрасть у Габсбургов две разведки — британская Интеллиджанс сервис и немецкая разведка Генерального штаба: до того в этих мемуарах было много компрометирующих высшую знать материалов. Но Габсбурги цепко держали свою добычу. Только в начале XIX века, когда уже умерли многие упомянутые Казановой персонажи, был опубликован сильно усеченный вариант мемуаров. Надо полагать, австрийский двор ограбил неплохие денежки: книжки расходились тысячами, и стоили недешево.

А вот с тринадцатым томом мемуаров Казановы никакой ясности до сих пор нет (как, впрочем, и с оригиналом, вышедшем из-под пера самого Казановы). И тринадцатый том мемуаров, и предыдущие двенадцать, написанные на итальянском языке, несомненно, существовали, но исчезли бесследно. Как в воду канули.

Изложив все это, академик посмотрел на меня вопросительно: ну, и как, мол, тебе эта история?

— Занимательная история,— сказал я.— Достойная внимания кладоискателей, лингвистов и историков. Но я-то ведь ни то, ни другое и ни третье! Меня-то зачем тянуть в этот Духцовский замок?

— Вы не торопитесь, голубчик, настанет и ваш выход на сцену,— с хитрецой ответил академик.

А дальше мне уж не казалось, что он читает мне лекцию. С лекцией было покончено. Пришел черед детективного романа, сдобренного хорошей дозой «чертовщины». И этот роман Иван Ксенофонтович со всею своей добросовестностью мне рассказал...

Казанова никогда бы не приобрел такую широкую славу международного авантюриста, если бы не умел следить и выслеживать. Как написано в полицейских протоколах допросов слуг замка, в 1798 году Казанова все-таки обнаружил, что маркиза де Катри занимается тайной перепиской и отправкой за пределы Духцов замка его мемуаров. К этому времени престарелому обольстителю было за семьдесят, и тридцатилетняя маркиза де Катри (опять же, со слов слуг замка) завела любовную интрижку с уланским офицером, который, по всей видимости, и доставлял ко двору царствующих особ копии мемуаров Казановы. Разъяренный обманом любовницы, Казанова прямо во дворе Духцовского замка убил улана в честной дуэли на глазах у секундантов.

Поутру в замке обнаружили еще два трупа. В длинном коридоре первого этажа, он назывался зеркальной галереей, поскольку был обрамлен сорока восемью громадными венецианскими зеркалами размером в три человеческих роста, упрытанными в сводчатые полугроты,— нашли неверную маркизу Ледью де Катри — в праздничном голубом пеньюаре и с итальянским кинжалом в груди, а в спальне — самого Казанову, тоже бездыханного. Глаза первейшего авантюриста Европы были широко открыты, а почерневшая рука в предсмертной судороге крепко скимала недопитую чашу с отравленным вином. Так, судя по документам, ушел из жизни знаменитый авантюрист, жуир и прелюбодей Казанова в далеком 1798 году.

Не так давно Духцовский замок поставили на реставрацию. Речь шла не только о покраске-побелке: в замке кое-где подгнили перекрытия, покосились рамы окон, ставни, износились дерево дверей, расшатались от времени камни внутренних стен. Словом, завезли материалы, пришли рабочие,...

И на одного рабочего внезапно упал громадный средневековый камень. Второй рабочий сорвался с крыши и, если бы не страховочный пояс, он наверняка бы погиб. Под группой несчастных работяг внезапно открылся потайной люк, внешне настолько искусно заделанный средневековой кладкой, что, казалось, по этим камням танк проехать может. По счастью, работяги, свалившиеся в этот люк, отделились не смертями и переломами рук — ног, а лишь ушибами, синяками и шишками на разбитых головах.

Все эти происшествия сопровождались какой-то мистикой: то безумным хохотом, гремевшим, как громовые раскаты, то невнятным бормотанием на непонятном языке, а то и появлением призрака маркизы де Катри, движущимся по коридору с венецианскими зеркалами — в том самом месте, где она была убита.

Напуганные рабочие, получившие травмы иувечья, побросали работу и уволились, а новых набрать из-за циркулирующих вокруг замка слухов было просто невозможно.

Реставраторы обратились, что называется, в компетентные органы, которые вроде бы выполнили все, что полагалось: с помощью современной аппаратуры обследовали каждое помещение Духцовского замка. Нашли замурованные ниши со скелетами двухвековой давности, вскрыли их, вычистили; отыскали подземный ход, замуровали его во избежание проникновения посторонних; установили наружную и внутреннюю сигнализацию — в частности, в зеркальной галерее, где, по словам рабочих, бродил призрак маркизы де Катри, поставили электронное оборудование, обнаруживающее движение любого предмета (одушевленного или нет) размером свыше десяти сантиметров. В замке стали постоянно дежурить три сотрудника полиции. Казалось бы, и мышь незамеченной проскочить не должна. Но...

В первый же вечер дежурства полицейских над ухом одного из них, мирно отдававшего на топчане, придинутом к глухой стене, раздалось тихое, но внятное бормотание молодого женского голоса, изъяснявшегося на языке, напоминающем староитальянский. В ту же минуту громко закричал другой полицейский, дежуривший на первом этаже. По известному уже нам коридору, обрамленному громадными венецианскими зеркалами, мимо включенных, но молчавших ультрасовременных приборов электронного обнаружения прямо на стражей порядка двигался призрак маркизы де Катри в голубом пеньюаре. Лицо ее было страдальчески искажено, в груди торчал итальянский кинжал с окровавленной рукояткой...

Не совладав с собой, полицейский выхватил табельное оружие и, резко присев, как на учениях, держа обеими руками тяжелую рукоятку армейского револьвера крупного калибра, трижды выстрелил в двигающееся привидение. В ответ раздался сатанинский хохот, призрак не исчез, а двинулся вперед еще быстрее; одна из пуль, срикошетив о твердый камень, попала в ногу полицейскому, он упал на пол, крича от боли и ужаса. Двое других стражей порядка схватили пострадавшего под руки и, полуживые от страха, выскочили во двор замка. В замке продолжало грохотать эхо сатанинского хохота...

Наутро замок опечатали, вновь приехала бригада из компетентных органов. Прoverили приборы обнаружения. Выяснили, что приборы исправны. Опросили свидетелей происшествия, пострадавшего, с чем и отбыли. Так до настоящего времени Духцовский замок и стоит опечатанным. Снаружи поставили крепкую охрану. Вот, собственно говоря, и все.

Дослушав историю до конца, я, уважаемые мои читатели, озадачился еще сильнее: меня-то зачем везут в Духцов замок?

— А не надо было статей писать, голубчик, о постмортальной реализации психологического портрета жертв насилия,— академик улыбался.

Я оторопел:

— Мне что, предстоит войти с ней в контакт? Ну, с маркизой де Катри?!

— По крайней мере, мои чешские коллеги на это очень рассчитывают,— серьезно ответил Иван Ксенофонтович. Воцарилось тягостное молчание.

— Вы что же, намерены отказаться? — забеспокоился академик.

— Приедем — увидим,— ответил я коротко и подумал, что обязательно сойду с этого проклятого экспресса на российской пограничной станции и куплю билет в обратную сторону.

Минут через двадцать я уже крепко и спокойно спал. До пограничной станции оставалось часов семь, и я успел хорошо выспаться.

Когда проснулся, академик еще мирно посыпал, повернувшись лицом к стене. Я тихонько оделся, взял свой небольшой дорожный кофр и, стараясь действовать как можнотише, выбрался в коридор, аккуратно затворив за собой дверь.

Мы подъезжали к станции. Было еще довольно рано, и пассажиры в большинстве своем спали. Только в конце коридора у окна стояла высокая женщина в светло-голубом костюме, с темными блестящими волосами, спускающимися ниже плеч. Что-то неуловимо знакомое было в ее облике, но я никак не мог вспомнить, где ее видел. В правой руке женщина держала длинный блестящий мундштук серебристого цвета, в него была вставлена дорогая ароматная сигарета, запах которой еле слышно долетал до меня и щекотал ноздри благовониями египетского табака.

«Ну, вот, еще одна брюнетка в голубом! — подумал я, издаваясь над своими недавними ночных страхами. А блестящий мундштук можно легко принять за нож. Хорошо еще, что эта стоит, а не летает. И глаза у нее, наверное, карие... У таких брюнеток большей частью такие коричневые, спелые вишни вместо радужки глаза».

Выглянул первый робкий лучик утреннего солнца. Он весело пробежал по стеклам нашего экспресса, отразился в никелиированной ручке ближайшего купе и ударил

женщине в глаза. Спасаясь от солнечного света, она повернула голову, и я оторопел: из-под блестящих черных волос на меня смотрели холодным немигающим взором темно-голубые, как крупные полевые васильки, глаза маркизы Ледью де Катри...

В наше купе я ворвался со скоростью хорошо пущенной хоккейной шайбы. Плюхнувшись на свою полку, я замер, обхватив руками кофр. В этой позе меня и обнаружил академик, проснувшийся через полчаса от настойчивого стука в дверь купе.

— Не открывайте! — завопил я благим матом, еще глубже забиваясь в угол.

— Голубчик, это же пограничный контроль,— возразил мне академик и широко распахнул нашу дверь.

Моя полубессвязная речь и затравленный взгляд произвели на сержанта-пограничника не лучшее впечатление. По крайней мере, кофр мой он досматривал с особой тщательностью, а затем попросил снять плащ, пиджак и даже ботинки. Особый интерес у сержанта вызвал мой тюбик зубной пасты, который он сосредоточенно и долго исследовал как со стороны крылышки, так и со стороны жестяных завитушек. Я уже пришел в себя и, когда сосредоточенный сержант, ничего предосудительного не найдя, хрюстнул по страничке моего паспорта разрешающим компостером, я проводил его словами:

— Что же вы брюки не заставили снять? — Сержант, естественно, никак на этот выпад не отреагировал.

Все это время мой попутчик глядел на меня с крайним неудовольствием. А я, молча, достал вчерашнюю початую бутылку коньяка, налил полстакана и залпом выпил.

— Ну, хватит,— сказал академик решительным тоном.— Рассказывайте, что с вами случилось.

И я... рассказал. Отнесся он к моим словам неожиданно серьезно.

Встал, пошел к проводнику. Через несколько минут вернулся. Веселый.

— Голубчик, ваша «маркиза» просто Агнесс Млыжечкова. Проводник говорит, что она «челнок». Ну, знаете, как все эти люди, которые туда-сюда возят пользующиеся спросом вещи. Из России в Чехию — оренбургские платки, электробритвы, часы, а из Чехии в Россию — обувь, кофточки, посуду. Эдакий малоуголовный бизнес. Проводник уверяет, что Млыжечкову и в этом экспрессе, и на таможне очень хорошо знают. Контактная особа, оборотистая, абсолютно без комплексов, говорят, не брезгует ни мелкими подношениями «обслуге» экспресса, ни даже интимными связями с пограничной стражей. Кстати, вот, пожалуйста, глядите сами,— академик ткнул пальцем в окно. По перрону шла Агнесс Млыжечкова, весело хохоча с каким-то капитаном-пограничником. Рядом с рослым военным она и впрямь смотрелась маркизой: дорогой шерстяной костюм светло-голубых тонов отлично сидел на умопомрачительной фигуре, где всего женского было в меру. В ту самую меру и пропорцию, что заставляет мужчин (если, конечно, они здоровы) оборачиваться на улице, глядя вслед прошедшей мимо женщине.

То, что «маркиза» оказалась обычной спекулянкой, вернуло меня к реалиям жизни, и я готов был посмеяться над своими ночных страховами. А если в замке что-то нечисто,— думалось мне,— то объяснение наверняка найдется самое простое, без всякой там мистики...

В Духцовский замок чешские коллеги академика доставили нас под вечер. Косые лучи заходящего солнца освещали таинственный замок Казановы. К моему разочарованию, строение совсем не походило на рыцарский замок. Скорее, его можно было сравнить с подмосковной усадьбой графа Шереметева. Основной корпус был двухэтажным со сводчатыми полуovalными окнами, от него по переходам можно было пройти в два трехэтажных строения, симметрично расположенных справа и слева от основного здания. Двор с зеленым травяным ковром замыкала кованая ста-

ринная ограда с массивными воротами литого чугуна, петли которых были вмонтированы в громадные тумбы из светло-серого камня, увенчивающиеся прекрасными скульптурами, изображающими античных героев. Красная черепичная крыша, ярко-желтая окраска фасада, затейливые решетчатые рамы окон — такое сочетание действовало, пожалуй, умиротворяюще. И уж, конечно, ничего зловещего в нем не было.

Ученые-историки из Чешской Академии наук спокойно продолжали свою работу в замке Казановы, несмотря на слухи о привидениях. Они сказали нам, что с тех пор, как ремонтные работы были приостановлены, никакие призраки не мешали им заниматься наукой. По крайней мере, как нам рассказал профессор Густав Стражек, он несколько недель абсолютно беспрепятственно работал со своими помощниками над манускриптами в библиотеке замка, и, засиживаясь допоздна, возвращался ночью по известной уже нам зеркальной галерее, но никаких привидений — ни ходящих, ни летающих — ему не встречалось.

Честно говоря, я бродил по Духцовскому замку с каким-то двойственным чувством. С одной стороны, не было оснований не верить словам рабочих и полицейских, видевших призрак «дамы в голубом». С другой стороны, я понимал, что кому-то реальному, живому и теплому, зачем-то потребовалась эта мистификация. Можно, например, ряженую в голубое куклупустить «летать» по проволоке, протянутой в зеркальной галерее первого этажа. Но приборы? Они немедленно подняли бы такой вой (по типу сирен воздушной тревоги), что любым призракам стало бы тошно. А приборы молчали. Значит, мимо них ничто живое или мертвое не пролетало и не проходило. Но что же тогда видели и слышали люди?

Целую неделю я занимался тем, что опрашивал свидетелей этих странных явлений. Постепенно сложилась следующая картина:

— до полутора десятков людей либо слышали странные голоса в замке, либо видели призрак маркизы де Катри;

— указанные явления появились только в последние год-два, когда стали постепенно реставрировать помещения замка, до этого о призраках в замке Казановы никто не слышал и их не видел;

— призрак вел себя агрессивно всякий раз, когда рабочие пытались вести капитальные работы (разбирать стены, перекладывать дубовые перекрытия, вскрывать полы), при этом призрак не мешал производить мелкий декоративный ремонт (покраска, побелка) ни снаружи здания, ни внутри;

— наивысшую агрессивность призрака вызывали пополнования строителей заменить черепицу на крыше здания (если помните, один рабочий был даже сброшен вниз, при этом рабочий уверял, что неведомая сила толкнула его снизу, из-под крыши).

Проанализировав все эти странные обстоятельства, я пришел к выводу, что мы имеем дело с каким-то средневековым иллюзионом, и его по неведомым мне причинам устраивают реально существующие, вполне современные люди. Мне удалось убедить в этом и Ивана Ксенофонтовича, и его чешских коллег. Мы решили так: коли кто-то конкретный мешает нахождению в замке людей, значит, у этого конкретного есть в том какая-то корысть. В чем же она состоит? Может, в замке имеются ценные картины, мебель, стоимость которых мы не представляем?

Я посоветовал сделать вид, что мы готовимся вывозить ценности из замка. Подогнали вечером машины, стали таскать туда-сюда наиболее ценные, по нашему мнению, полотна, связки книг из библиотеки, старинные диваны. Таскали до часу ночи, умаявшись. Призрак не появлялся. Поутру, отдохнув и все расставив по своим местам, стали думать, как же все-таки вызвать призрак. При этом академик не очень одобрял мои провокации в отношении вызова призрака.

— Ну, вызовем мы его,— говорил он опасливо,— а сами потом куда денемся?

— Никуда деваться мы не будем,— отвечал я твердо, войдя в раж борьбы с неве-

домым,— что сделает вам этот призрак убиенной дамы? Захохочет, налетит? Может, вы, Иван Ксенофонтович, боитесь быть изнасилованным на старости лет?

— При чем тут старость? — обиделся академик.— У меня дед в возрасте 80 лет еще с сельскими молодухами «женихался», а мне всего 64!

— Ну что ж,— заключил я,— так и решим: мое дело — вызвать призрак маркизы де Катри, а ваше — ублажить ее по женской части. Хотя в этом деле будет серьезная трудность.

— Какая трудность? — озадачился академик.

— А Вы в уланах, как ее любовник, не служили... — прыснул я.

Шутки-то шутками, а весь следующий день, предупредив наших чешских коллег о плане вызова привидения, мы с Иваном Ксенофонтовичем, переодевшись в спецовки, усердно изображали подготовку к капитальному ремонту в одной из комнат: стучали молотками, заставили притащить нам раствор и даже выковыряли громадный камень из одной стены. Производили мы все это с нарочито большим шумом, треском и стуком.

Было уже совсем темно, когда мы со второго этажа по гулким ступеням, соблюдая всяческие предосторожности, спускались на первый этаж.

В связи с тем, что нам предстояло преодолеть до выхода из замка зеркальную галерею, приборы слежения, которые когда-то установила полиция в этом месте, были отключены. Из-за дверного проема я осторожно выглянул в сумрак зеркальной галереи. Там никого не было. Мы с академиком неторопливо двинулись вперед.

И только тогда, когда мы находились почти на середине галереи, мне почудился легкий скрип, идущий от стены, будто повернули шарнир или заскрипел хорошо натянутый трос. Боковым зрением я успел заметить, как находившееся от меня справа громадное венецианское зеркало чуть-чуть повернулось вбок, хотя раньше я считал, что оно вмуровано в полугрот. То же самое произошло и с зеркалом, находившимся слева. Внезапно в обоих зеркалах вспыхнуло пламя свечи, а за нашими спинами в конце коридора возник призрак маркизы де Катри — в голубом прозрачном пеньюаре, с бледным страдальческим лицом, на котором резко выделялись темно-голубые, как васильки, глаза.

Призрак внимательно посмотрел на нас, беззвучно воспарил на высоту метров трех, издал страдальческий стон, сжал в обеими руками рукоятку кинжала, торчащую из груди, а затем по всей галерее раздался безумный катанинский смех. Призрак медленно и беззвучно стал направляться к нам. Иван Ксенофонтович схватил мою руку и попытался увлечь меня к выходу, но я стоял крепко. Привидение было уже совсем близко. Я видел ее бледные руки, горящие глаза, я был готов поклясться, что это глаза живого человека. Я видел эти глаза раньше и узнал их — это были... это были... уже знакомые мне по приключению на пограничной станции глаза Агнесс Млыжечковой.

Стоявший рядом со мной Иван Ксенофонтович вдруг охнул, схватился за сердце и стал сползать на пол. Я подхватил его, а призрак маркизы де Катри, не прекращая адски хохотать, проследовал мимо и оказался у меня за спиной. Я резко обернулся — призрак удалялся, но у призрака не было спины, он удалялся лицом ко мне. И вдруг догадка озарила меня, как тот луч в вагоне экспресса на приграничной станции, удариивший в лицо Агнесс Млыжечковой. И я заорал во все горло, перекрывая катанинский хохот:

— Млыжечкова, я тебя видел!

Что-то загрохотало в верхних помещениях. Наверху кто-то был. Хохот оборвался. Она... (именно, Млыжечкова!) видела меня. И не только видела, а непостижимым образом могла слышать и наблюдать за моими перемещениями, оставаясь совершенно недосягаемой для меня. Наверх! Я стремительно бросился к лестнице, ведущей на второй этаж, споткнулся о выбоину в каменном полу, растянулся, и это спасло мне

жизнь. Буквально перед моим носом внезапно хлопнулся и разлетелся осколками достаточно большой камень, резко выпавший из соседней стены.

Казалось, началось землетрясение. Почти с пятиметровой высоты (а именно такими были стены зеркальной галереи) то там, то здесь падали большие камни, будто чья-то злая воля выталкивала их из стен. Взвалив на себя неподвижного Ивана Ксенофонтовича, я бросился к выходу.

Нет! Это не было бегством. Просто мне надо было попасть на верхние этажи здания, и я вспомнил о пожарной лестнице, которая вела на крышу. Эту лестницу приколотили уже в нашем веке, поэтому древние механизмы, установленные в замке, не помешали бы мне проникнуть наверх. А в том, что я столкнулся с человеком, который лучше меня знал замок со всеми его средневековыми секретами, я уже не сомневался. Мне было предельно ясно, что противник пытается меня запугать, но при этом и сам боится меня. А если боится, то попытается и убить. Что тут же и подтвердились: едва я высунул голову из дверей, как возле моих ног с ужасным треском раскололась о вековой мрамор ступеней деревянная бадья, в которой еще недавно рабочие замешивали раствор. Я оттащил Ивана Ксенофонтовича обратно в тамбур двери (здесь было безопасно) и, слегка похлопав академика по щекам, привел его в чувство. Иван Ксенофонтович открыл глаза и громко чихнул.

— Что это было, голубчик? — слабо спросил он.

— Где болит? — в ответ спросил я.

— Не беспокойтесь, голубчик,— уже яснее ответил академик и сделал попытку встать.

— Отсюда — ни шагу! — рявкнул я полковничим басом на бедного академика и, вспомнив навыки, приобретенные на полуза�отой уже срочной военной службе, короткими перебежками добрался до пожарной лестницы.

Уже взираясь на крышу по железным ступенькам, я бросил взгляд на главный корпус замка Духцов. Луна, вовсю сиявшая над замком, ярко освещала силуэт человека, стоявшего на крыше у большой трубы. Скользя по черепице, я двинулся навстречу неведомому противнику. Человек, стоявший у трубы, внезапно прижался к ней и... бесшумно исчез. Тяжело дыша от непривычной физической нагрузки и волнения, я все-таки добрался до этой трубы. Оперся на нее — и вдруг почувствовал, что труба поворачивается вокруг своей оси. Открылся довольно большой лаз.

Каменные ступени вели вниз, на чердак. Соблюдая максимум осторожности, я спустился. Моим глазам открылась большая комната, обитая чем-то мягким, наощущать похожим на шелк. Чиркнула спичка, в дальнем углу комнаты загорелось тонкое пламя свечи, из полутьмы стало проступать лицо маркизы де Катри. Шаг вперед — и вот уже передо мной в голубом прозрачном пеньюаре стояла молодая, красивая, почти нагая женщина.

— Ну, что же вы стали, мой рыцарь? — услышал я достаточно мелодичный голос, изъяснявшийся с заметным акцентом на русском языке.— Проходите, мой смельчак, мы будем ужинать.

Это было так неожиданно, что я подчинился. Женщина взяла большой бронзовый подсвечник, вставила туда пять массивных свечей и, ничуть не торопясь, зажгла каждую из них. Я смог более внимательно рассмотреть комнату. Чего тут только не было! Картины, кубки, фолианты, старинные рыцарские доспехи, шпаги, эфесы которых были богато украшены камнями, кремниевые пистолеты — все это было тщательно протерто и расставлено на стеллажах, развешано на стенах. Передо мной стоял небольшой мраморный столик, инкрустированный драгоценными минералами различного цвета. Женщина, ничуть не смущаясь своей полуприкрытой наготы, поставила на этот стол два кубка, налила из глиняного сосуда темно-вишневое вино. Заметив мой взгляд, расхохоталась:

— Это не есть отравленное вино, которое пил Казанова перед смертью,— сказала

она, премило коверкая русские слова и путая падежи.— Это вино из прекрасных вишневых садов моей родины — Венгрии.

— Значит, маркиза де Катри... — начал я.

— Да,— кивнула женщина,— моя далекая прародительница, которую вы называете маркизой де Катри. В действительности она была дочерью малоземельного венгерского крестьянина. Затем ее похитил владетельный барон Дьюлаи: настоящий мужчина, храбрый, сильный, богатый, могущественный. Он привез ее ко двору императора Австро-Венгрии, где ее почему-то приветила дочь самого императора Мария-Антуанетта — будущая королева Франции. Барон Дьюлаи вскоре погиб в каком-то сражении, а моя прародительница направилась в Версаль — в свите будущей французской королевы. Позднее она выпросила себе через Марию-Антуанетту титул маркизы, что было нетрудно: король Людовик XVI, говорят, обожал жгучих брюнеток с голубыми глазами. В знак признательности к погившему мужу маркиза сохранила в своем имени приставку «дью», а «Ле Катри» было взято от названия маленького местечка рядом с Венсенским замком, где Людовик XVI впервые насладился прелестями моей обворожительной прародительницы.

— А как же Казанова? — спросил я.

— А Казанова как раз обретался тогда при французском дворе. И, по слухам, сорвatiл Марию-Антуанетту. Рассерженный король потребовал от своей супруги удалить за пределы Франции этого скандального потрошителя царственного алькова. Мария-Антуанетта на ссылку Казановы согласилась, но при одном условии: с ним отправится новая фаворитка короля — маркиза Ледью де Катри! На том мирно и по-решили. Мария-Антуанетта написала своему царственному батюшке слезное письмо, а тот определил место пребывания Казановы: задворки Австро-Венгрии, захолустный Духцов. Кстати, именно об этом и пишет в своем тринадцатом томе мемуаров сам Казанова.

— В тринадцатом томе? — вскричал я.— Но их же известно только двенадцать!

— Ах, нет, мой милый друг,— ответила женщина.— Маркиза де Катри нездолго до смерти все-таки успела переписать неоконченный тринадцатый том мемуаров Казановы, где и описаны все эти события. И даже отправила — но не к венскому двору, а в принадлежащее ей поместье барона Дьюлаи, где воспитывался ее сын — мой будущий прадед. Причем, маркиза отправила не только последний неоконченный том мемуаров Казановы, но и план Духцовского замка с подробным описанием тайников, ловушек, подземелий, тайных кладов и всей чертовщины, которую великий иллюзионист Казанова создавал для легковерных.

— Значит, призрак дамы в голубом создан еще Казановой? — удивился я.

— Нет,— расхохоталась женщина,— призрак дамы в голубом создан мной, Агнесс Дьюлаи. Млыжечкова я по мужу. Кстати, Вацлав Млыжечков благопристойно служит неприметным чиновником в местном магистрате и ничем, кроме пива, не интересуется. Замуж за него я вышла только для того, чтобы быть поближе к Духцовскому замку, план которого с пометками самой маркизы де Катри перед смертью вручила мне бабушка.

— Но для чего же вам был нужен этот план? — спросил я.

На лице женщины промелькнуло разочарование:

— Боже мой, неужели вы, такой храбрый и представительный мужчина, понимаете не больше, чем мой муж? План замка, который прислала с таким трудом маркиза де Катри, таит в себе несметные богатства. Здесь драгоценностей — на десятки миллионов долларов! Неужели вы думаете, что я, как обычный «челнок», вожу в Россию дрянную обувь и дешевые кофты?

— Но если вывозить ценности, то не выгоднее ли — на Запад, а не в Россию? — заметил я.

— Я пыталась,— вздохнула Агнесс Дьюлаи.— Но в Германии полиция стала за-

давать много вопросов, а в Англии вообще не попасть на аукцион без предварительной заявки в каталог. Другое дело — Россия. Ваши новые богачи сегодня гребут все подряд и платят хорошие деньги. Камни, старинное оружие, книги, чеканные кубки... Они плохо во всем этом понимают. Да и провезти к вам, в Россию, под видом «челнока» можно хоть все сокровища мира. Вы же сами видели меня на таможне. Улыбнувшись одному, подарю безделушку или бутылку второму, пересплю с третьим — вот и провезу ценностей на пару миллионов долларов. А теперь я хочу вам показать свое богатство.

— Покажите фокус с зеркальной галереей,— попросил я.

— Нет ничего проще,— согласилась Агнесс.— Откройте это небольшое слуховое оконце, оно ведет как раз в зеркальную галерею. Теперь поставьте сзади себя свечу — так, чтобы ее свет падал на зеркало, вмонтированное в потолок этой комнаты, затем вращайте медленно вот это колесо, оно системой тросов связано с устройством, поворачивающим поочередно венецианские зеркала в зеркальной галерее. Так, теперь начинайте двигаться. Сейчас ваше изображение как бы идет по зеркальной галерее. Ну, а если чуть-чуть повернуть отражатель, то Вы будете лететь по воздуху.

Повернуть отражатель я не успел: внизу раздался истошный крик.

— Вот видите, Ваш напарник уже увидел Вас,— сказала Агнесс.— Вы даже можете сказать ему несколько слов через вот эту систему слуховых труб, только говорите потише, иначе вы на него наорете громовым голосом.

Я поднес ко рту какое-то устройство, напоминающее современный мегафон, соединенное полой деревянной трубкой из бамбука прямо со стеной.

— Ну, говорите же скорей,— теребила меня Дьюлаи.

— Успокойтесь, Иван Ксенофонтович, я скоро приду. Со мной не приключилось ничего плохого,— сказал я как можнотише в своеобразный бамбуковый микрофон.

Агнесс властно закрыла своей рукой слуховую трубу.

— Теперь время общаться со мной,— сказала она каким-то неестественным томным голосом.— Теперь я покажу вам главное сокровище этой комнаты — кровать для любовных игр самого Казановы.

Она подвела меня к какому-то странному, жесткому топчану, стоявшему впритык к стене.

— Ложитесь же скорее,— произнесла она.— Я знаю еще много секретов Казановы.

Я продолжал стоять, беспомощно озираясь. Предаваться любовным утехам с женщиной, которая получасом раньше чуть не отправила меня к праотцам, да еще проделывать с ней разные любовные штучки на ложе самого Казановы — не чересчур ли?

Увидев мои колебания, Агнесс решительно распахнула голубой прозрачный пеньюар, и предстала передо мной нагая: литая упругая молодая грудь, беломолочный атлас кожи стройных бедер... От неожиданности я попятился, зацепился за ножку топчана и с размаху шлепнулся на него всем весом.

Топчан в ту же секунду резко перевернулся, открылся люк, и я полетел в пустоту.

Перед тем, как потерять сознание, я услышал где-то совсем близко завывание полицейских сирен...

Я пришел в себя от того, что кто-то хлестал меня по щекам. Очень болела голова, но веки, к моему удивлению, открыть мне все-таки удалось.

На мне почти сидел Иван Ксенофонтович и, тряся академической бородкой, пытался привести меня в чувство. Я прервал его варварский метод оказания медицинской помощи, сел и стал оглядываться. Кругом сновали полицейские, пожарные и коллеги Ивана Ксенофонтовича. Вне себя от радости, академик почти плакал, стискивая меня в объятиях:

— Ой, Господи, жив, ой, Господи, жив! — повторял он поминутно.

— Погодите, Иван Ксенофонтович,— прервал я его лепетание.— Откуда все эти люди?

— А телефон зачем, голубчик? Я позвонил сразу всем, кому мог. Вот только калета «скорой помощи» где-то задержалась.

Мимо нас два полицейских провели Агнесс Дьюлаи, замотанную в какую-то простыню. Руки ее были в наручниках. Она ненавидяще посмотрела на меня своими прекрасными темно-голубыми глазами и процедила, едва разжимая тонкие злые губы:

— Не убила все-таки... А жаль!

* * *

Насколько мне известно, приговор гражданке Чехии Млыжечковой до сих пор не вынесен: следственные органы Чехии и России не могут установить точно количество похищенного. Как только следствие вроде бы движется к завершению, так Млыжечкова «внезапно вспоминает» историю с еще одной проданной в России вещью из замка Казановы. Вновь начинаются розыски покупателей, очные ставки, экспертиза похищенного и так далее. На что Агнесс надеется, когда тянет таким образом время, я не знаю.

А фокус с привидениями в зеркальной галерее Духцовского замка теперь показывают туристам. От желающих нет отбоя...

Не верите — поезжайте в Духцов и спросите. Можете даже сами посмотреть. Лично я — пас: насмотрелся.

Олеся Янгол
г. Юрмала, Латвия

ДРУЖБА В РИТМЕ ТАНГО

Чмыр Олеся Владимировна. Публикации: «Приокские зори» (Тула, Россия), «Волга XXI век» (Саратов), литературная газета «Изюм» (Тула), «Чешская звезда» (Чехия), «Север» (Карелия), «Кольцо А» (Москва). «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток». Член редакции журнала «Приокские зори» (Тула). Один из авторов двухтомного сборника «Мантрицы» (изд-во «Карпатська вежза», Украина). Как художник работает в области станковой живописи и оформления книг.

1

Мне представилось, что я — дом. Старый, заброшенный, с бьющимися на ветру ставнями, разбитыми стеклами и мусором, свободно гуляющим по пустынным комнатах. Друзья исчезли так же быстро, как ссыпается со стен потрескавшаяся штукатурка. Потом посыпались кирпичи — жена и дети... А все потому, что мой бизнес, дав трещину, рухнул. Я, как говорят, прогорел и погряз в долгах. Расплатившись с кредиторами, а для этого пришлось продать не только бизнес со всем оборудованием, но и часть недвижимости, которую удалось отсудить в неравном бою, при разводе, я оказался в съемной квартире, в самом захолустном районе города.

Нашел работу на складе супермаркета средней руки. Этих денег едва хватало на оплату счетов и еду. Я был непривередлив. Оказалось, что могу обходиться малым. И такое положение дел меня не пугало. Сломало другое — предательство. Только сейчас я честно осознал, что нужен был другим лишь из-за денег — и жене, и детям, и друзьям.

А были ли они — друзья? Я переживал, первое время изводил себя вопросами. Потом мой мозг, видимо, устал, и пришло отупение. Сделалось тошно, и выхода из этого внутреннего ада я не находил.

Иногда мне казалось, что если бы я пил, то смог бы хоть как-то расслабиться и примириться. Но, увы, я совсем не пил. Друзья часто спрашивали, как я расслабляюсь и расслабляюсь ли вообще? На это я всегда отвечал шуткой, что просто не напрягаюсь.

А сегодня, после тяжелого дня, я намеренно купил вина. Самого дешевого, в картонной коробке. С картинки на меня призывающе глядела восточная красавица с яркой гроздью винограда на фоне голубых гор. Ее взгляд, наверное, должен был мне сказать о том блаженстве, которое я получу, вкусив нектар содергимого коробки. И я налил полную кружку. Чтобы опьянеть, мне хватило четырех больших глотка. В голове зашумело, потом сделалось легко и мне захотелось улыбнуться. Но улыбаться было некому. Хотя... Передо мной, на захламленном столе, среди немытых тарелок, сидел мой старинный дружок — вязаный, шерстяной мишка. Он был чуть больше ладони, с болтающимися длинными лапками, лобастой головой и смешными, несураз-

ными глазками-пуговками, с любовью смотрящими на меня вот уже больше тридцати лет. Моя бабушка связала на спицах это сокровище из остатков пряжи тусклокоричневого цвета. Я сразу полюбил его. И все эти годы стеснялся своей любви. Считал его своим другом, и все, что не мог рассказывать другим, доверял своему Михасику. Единственный раз в жизни поделился этим секретом с женой. Она поджала губы, и я понял, что больше никогда и никому не расскажу об этом. Но Михасик всегда был рядом со мной. Во всех путешествиях и поездках он уютно сидел во внутреннем кармане пиджака. И его присутствие много раз спасало меня от неверных и опрометчивых шагов.

Разговаривали мы обычно в машине. Здесь нас никто не мог ни видеть, ни слышать. Я сажал его на приборную доску, и долгое время ехал молча. Потом либо я заговаривал, либо он...

— Выше нос! — говорил он с хрипотцой.

Я, слабо улыбаясь, ждал, когда пройдет ком в горле. Отматывал километраж, потом, наконец, вздохнул полной грудью.

— Чего бы нам с тобой этакого перекусить? — спрашивал я.

— От суши не откажусь.

Мы заезжали в японский ресторанчик. Я выбирал закрытую кабинку, мы обедали с Михасиком и беседовали о том, о сем. Долгие годы он был единственным верным другом. А сейчас сидит среди тарелок, молчаливо наблюдая, как я пьянею от дешевого вина и пытаюсь заглушить накатившее чувство безысходности.

На крохотной кухоньке, в которой помещались холодильник и тумба для посуды, служившая одновременно и обеденным столом, стояла тишина. Здесь даже не было часов. Я уверен, были бы часы, их тиканье составило бы нам с Михасиком компанию, и я не решился бы на отчаянный шаг. Но ничего не тикало и даже не скрипало. И даже не было шума за окном. Потому что на такой высоте, а у меня был двадцать пятый этаж, не слышно не только детских голосов, но и шума большого города. Впрочем, и детей-то во дворе не было никогда. Да и двора, как такового, тоже. Все стерильно, гладко, как того требуют устои цивилизации и наш высокотехнологичный век.

Я слышал только звуки, издаваемые собственным носом. В этих звуках слышалось что-то северное, метельное, с подыванием и отдаленным плачем потерянного младенца. Этим младенцем я и был сейчас. Брошенный, никому не нужный, одинокий. Мне сделалось себя безмерно жаль. Подывивание становилось громче и из носа уже предательски перебиралось в горло, заставляя голосовые связки подрагивать нервной струной. Я понял, что вино не спасает. Что от него сделалось еще горше и невыносимее. Я схватил почти полную коробку с намерением затолкнуть ее в мусорное ведро, но что-то остановило мой взгляд. На торце коробки сияющей строкой появлялась и исчезала призывающая надпись — ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ!

Несколько долгих минут я тупо смотрел на рекламу, пытаясь уловить смысл. По отдельности я понимал каждое слово. Но вместе они долго не приживались в моей, порядком расстроенной, голове. Видимо, я сильно отстал от жизни с ее быстро меняющимися канонами. И нормальная дружба, к которой я привык с детства, считалась уже устаревшей. А вот дружба за деньги... Секс за деньги мне был более привычен. Реклама, кстати, была не из дешевых. На копеечной коробке вина встроенная смарт-пленка, с видео самого лучшего разрешения. Я коснулся пленки, и тишину кухни прорезал громкий звук призывающей мелодии.

ТРАМ-М-М-М-М...

ВЫ ОДИНОКИ?

ВАС БРОСИЛИ ДРУЗЬЯ? ЖЕНА? ДЕТИ?

ВЫ КУПИЛИ ДЕШЕВОГО ВИНА, ЧТОБЫ ЗАЛИТЬ СВОИ ГОРЕСТИ?

МЫ ГОТОВЫ ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ!

НАША ФИРМА «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ» К ВАШИМ УСЛУГАМ.

В рекламном ролике замелькали люди. Кто-то стоял у края моста, другой, сидя за столиком кафе, с тоской смотрел на прохожих. Молодая девушка с отчаянием в глазах глядела вниз с крыши небоскреба. Но тут... Трагичную мелодию сменяют трубные звуки оптимизма. И у моста останавливается автомобиль, в кафе звонит дверной колокольчик, у девушки в сумочке оживает телефон.

НАШ ДРУГ СПАСЕТ ВАС В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ.

ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ, ОТКРЫВ БЫСТРЫЙ КРЕДИТ В БАНКЕ ВСЕГО ЛИШЬ ОДНИМ КАСАНИЕМ СКАН-ОТПЕЧАТКА, И МЫ СПАСЕМ ВАС ОТ ОДТИНОЧЕСТВА РАЗ И НАВСЕГДА!

На экране появился скан-отпечаток. Это новшество вошло в нашу жизнь сравнительно недавно. В супермаркете был целый отдел, где покупатели, прошедшие добровольную скан-адаптацию, уже вовсю пользовались подобной услугой. Необходимо было всего лишь коснуться средним пальцем левой руки специальной платежной панели, и со счета списывалась сумма за совершенные покупки. Я упрямо не желал пользоваться подобным новшеством, хотя, как и все, вынужден был пройти процедуру «добровольной скан-адаптации», иначе мог столкнуться с непреодолимыми препятствиями во взаимодействии с социальной средой. Старался обходиться обычной банковской картой, но сейчас...

Девушка стоявшая на краю небоскреба, окончательно сломила мою нерешительность. А может, и выпитое вино сыграло роль. Я поглядел в глаза Михасику. В его взгляде затаился страх. Видимо, он не хотел, чтобы я ввязывался в эту историю. Но мой палец уже ощущил едва уловимую прохладу смарт-плакки.

ТРАММ-М-М-М...

БЫСТРЫЙ КРЕДИТ, В ПЯТЬ ПРОЦЕНТОВ ГОДОВЫХ, ОФОРМЛЕН.

ТЕПЕРЬ ВЫ КЛИЕНТ НАШЕЙ ФИРМЫ.

ЖДИТЕ ЗВОНКА.

Дзи-и-и-инь...

От неожиданности я едва не выронил телефон.

— Алло! — услышал я свой хриплый голос.

— Благодарим вас за сотрудничество!

Женский голос звучал нежно и как-то уютно. Я весь превратился в слух.

— Наш сотрудник уже выслан по вашему адресу. Со своей стороны, мы гарантируем качество и полный комплект услуг, в который входит: А — душевная беседа, В — веселые истории, С — возможность клиента выговориться. А это прекрасная возможность сэкономить на психологе. И, наконец, D — танцы. От вас требуется — не удивляться и принять нашего сотрудника таким, какой он есть. Желаем провести приятный вечер в компании друга!

Я окинул взглядом кухню и увидел малоприятную картину. Захламленный стол, куча немытой посуды и переполненное мусорное ведро. Вечер стремительно приближался. «Друг» мог нагрянуть с минуты на минуту. Я кинулся спасать ситуацию. Быстро перемыл посуду, расчистил тумбу, смел мусор в мешок и подумал, что еще успею вынести его в контейнер.

Накинув куртку, как был, в домашних тапочках, кинулся к лифту. В кабине включил третью-эвакуационную и через минуту был на первом этаже. Легкое подташнивание после подобного спуска резко исчезло, когда, открыв подъездную дверь, я столкнулся с незнакомым мужчиной, улыбавшимся мне во весь рот.

— Добрый вечер!

Произнес он это не просто вежливо, но и как-то радостно. Словно, я бы даже сказал, старинному другу. Словно мы не виделись лет десять и тут, раз, и встретились.

— Добрый вечер! — ответил я.

Он протянул мне раскрытую ладонь. Пожимая его руку, я все же решил уточнить:

— Вы кто?..

— Я — друг, — ответил он, не переставая улыбаться.

— Очень приятно! Спасибо, что пришли! Я вот только мусор... — кивнул я на ведро.

Он неопределенно развел руками и вежливо поклонился. Я направился к мусорному контейнеру, «друг» последовал за мной. Только теперь я заметил, что он не совсем трезв. Его походка была комична. Он двигался словно в ритме танго. При этом ноги двигались не параллельно, а как-то в стороны, с выдвинутыми наружу носками. Да и одет он был не менее комично — старые коротковатые треники на длинных, костлявых ногах, стоптанные летние сандалии, сквозь которые просвечивали зеленые, дырявые носки. Сверху была довольно теплая, скорее, зимняя куртка нараспашку, под которой моталась майка неопределенного цвета. На лице играла счастливая, без переднего зуба, улыбка. Всклоненные волосы и недельная небритость на впалых щеках.

Я решил ничему не удивляться. Выбросил мешок, отряхнул руки и, обернувшись, улыбнулся. Но с удивлением обнаружил, что «друг», не дождавшись меня, удаляется, еще немного, скроется из виду.

— Эй! — крикнул я. — Друг!

Либо он не услышал, либо был упрям, так как не обернулся. Во мне взыграли разные чувства. И больше всего стало жаль пяти процентов годовых. Я, как был, в домашних тапочках, с мусорным ведром в руке, помчался догонять его. Едва отыскал затерявшегося среди прохожих, шагавшего в ритме танго пьяного «друга». Он направлялся в бар на углу, под названием «Дай пять».

За барной стойкой я занял место рядом с ним и стыдливо задвинул ведро за стоящницу. «Друг», продолжая улыбаться, но уже не мне, а бармену, заказал водки. Потом, посмотрев на меня, заказал вторую рюмку.

«Хорошо, — подумал я, — пойдем по такому сценарию».

— Ну, как жизнь молодая? — спросил он меня и подтолкнул жестом, предлагая выпить.

И я выпил. Сразу, одним махом. Пару минут восстановливал дыхание, анализируя новые ощущения, происходящие в моей голове. Несмотря на то, что в голове стало легче, что-то дернуло меня произнести:

— Хреново!

— Никогда не понимал, как жизнь может быть хреновой.

— Разве тебе никогда не было хреново?

— С моим именем человеку не может быть хреново.

— И как тебя зовут?

— Рио.

Он глядел на меня влажными, любящими глазами и ждал реакцию, но я ничего не ответил. Тогда он сказал:

— Понимаешь, для того, чтобы жизнь не была хреновой, надо хоть кого-то любить. Кого ты любишь? Где тот, кого ты любишь?

Осознав его вопрос, я готов был тут же разрыдаться. Он хватанул меня по самому больному. По всей моей пустой, никчемной жизни. Кого я люблю? Есть хоть одно существо на земле, к которому бы тянулось мое сердце? Мне захотелось крикнуть самому себе — нет у меня никого. Мне некого любить! Но в этот момент рука сама собой потянулась к внутреннему карману куртки, где всегда, неизменно, «жил» Михасик — мой несуразный, потрепанный временем, но такой близкий и родной. Я сунул руку в карман и похолодел. Карман был пуст. В голову закралась очень нехорошая догадка. Перед внутренним взором ясно видел кухонный стол, с которого смел все содержимое в мусорный мешок. В суете, под руку попал и Михасик. Неужели я выбросил его, вместе с мусором?! Моего Михасика! Моего единственного друга!

Я вскочил и, ничего не объясняя, выбежал из бара.

— Ты куда, друг? — донеслось до меня, но я уже мчался, едва не теряя тапки, в свой двор, к контейнеру с мусором.

Контейнер был пуст! Пуст, как моя голова в эту минуту. Я стоял ошеломленный, в пристрании, и даже не пытался что-либо предпринять.

— Эй! — услышал я за спиной.— Ты ведро забыл.

Я медленно обернулся и обреченно посмотрел на подошедшего «друга». Он прятывал мне мое чертово мусорное ведро. Будь оно неладно! Зачем мне понадобилось выбрасывать мусор именно сегодня?

— Это все из-за тебя! — выпалил я в горячке.

У «друга» даже не изменилось выражение лица. Он по-прежнему смотрел на меня влажными, любящими глазами. И в этот миг мне хотелось его убить. И за его взгляд, и за то, что именно из-за него я безвозвратно потерял своего Михасика.

— Зачем ты вообще пришел! Кто тебя просил! — продолжал я выкрикивать совершенно бессмысленные обвинения, словно обиженный мальчишка, у которого сломали его любимую игрушку.

Рио, видимо, не сразу понял, что я на него ору, совершенно забыв, что он всего лишь сотрудник фирмы, играющий определенную роль. Он производил впечатление оторванного от реальной жизни человека, живущего в выдуманных мирах. Он улыбался, а я кричал. Постепенно до него стало что-то доходить. Улыбка медленно потускнела, лишь взгляд пьянейших, влажных глаз продолжал светиться теплом. Я не мог понять, играл он в этот момент роль или был искренен.

Он медленно опустил ведро у моих ног и, вздохнув, пошел прочь. И эта его походка с вывернутыми наружу носками, в драных сандалиях, и куртка, висевшая комичным шаром над худыми ногами в трениках, весь его несуразный, пьянейший вид, обрушились на меня в немом онемении. Мне сделалось его жаль. Стало стыдно за свое поведение.

— Эй!.. Рио, постой!

Я побежал за ним, забыв о ведре. Догнал, и мы пошли вместе, среди спешащих прохожих, старающихся не глядеть на двух пьяных субъектов, отличающихся своим видом от нормальной, социально-благополучной публики.

Постепенно я все ему рассказал. Всю свою жизнь, взлет и падение, от которого, увы, уже не могу оправиться. Поначалу он слушал почти отстраненно, не то чтобы из-за обиды, по-моему такие люди не способны обижаться, а просто потому, что ему было это не интересно. Бизнес, друзья, жена... Но, когда я рассказал про Михасика, он резко остановился и внимательно взгляделся в мои глаза. Что он там хотел увидеть? Не сошел ли я с ума? А может, пытался определить, не вру ли я? Потому что ему важна была сейчас именно моя правда. Правда о моей несуразной дружбе... с самим собой. И, кажется, он увидел именно то, что хотел увидеть.

— Идем! — решительно произнес он, и мы пошли на автобусную остановку.

Автобус доехал до конечной остановки, и мы вышли. Здесь город заканчивался. Дальше простирались холмистые поля городской свалки. В наступающих сумерках живописно курились дымки, и если бы не запах слежавшихся отходов, их можно было принять за дым печных труб. Странно было видеть подобный пейзаж на фоне сливающихся с небом и сияющих огнями башен мегаполиса. Время здесь остановилось. Современные технологии, как ни странно, не коснулись такой важной отрасли, как переработка мусора. В чем-то человечество достигло немыслимых высот, но здесь все оставалось по-прежнему. Сновали мусорные машины среди прессованных стен из отходов человеческой деятельности.

Я уже понял, зачем Рио привез меня сюда. Но, окинув взором бескрайние просторы, я впал в отчаяние. Разве можно здесь разыскать Михасика!

Рио повел меня сквозь узкие коридоры, стены которых были возведены из тюков мусора. Они возвышались над нами, словно стены древнего города. Коридоры раз-

дваивались, сходились на перекрестках, заканчивались тупиками. Но Рио уверенно вел меня сквозь этот странный, с тяжелым духом, лабиринт в известном только ему направлении.

Вскоре мы вышли к гаражу со светящимся окошком. Окончательно стемнело. Рио постучал в железную дверь и отворил ее. Сразу у входа, за прозрачным стеклом, располагалась конторка с пультом связи. В глубине виднелся диван и стол. Все стены были сплошь заставлены книжными полками. Книг было так много, что они лежали и на полу, и рядом с диваном, и на узеньком подоконнике у окошка. И это походило скорее на библиотеку, нежели на контору фирмы по утилизации мусора.

У дальней стены виднелся раскрытый двустворчатый шкаф с подсветкой изнутри. Присмотревшись, я понял, что это встроенная кухня. На узенькой плите что-то булькало в маленькой кастрюльке. Закипевший чайник, издав мелодичный звук, щелкнул и затих. На полочках располагались банки с кофе, чаем и консервы. Похоже, в этом гараже можно и жить и работать. Да еще и собственная библиотека под рукой. Хотя кто сейчас читает?..

За нами скрипнула дверь. На пороге я увидел девушку. Небольшого роста, в сиреневом платье в мелкий, белый цветочек. На голове голубая косынка, сдерживающая темную копну волос. Ее лицо озаряла открытая улыбка, которая тут же сникла, как только она заметила меня. У нее было что-то в руке, но она быстро спрятала это за спину. В первое мгновение я готов был поклясться, что это мой Михасик. Я мог бы узнать его несуразный силуэт даже в сумерках. Но этого не могло же быть...

Девушка явно испугалась меня. Рио подошел к ней и взял за плечи:

— Не бойся, Соня, это мой друг. Он потерял одну очень важную для него вещь. Нужно помочь.

Соня перестала бояться, но упорно смотрела в пол и вообще вела себя несколько сковано. И, проходя мимо, как-то вся сжималась, стараясь стать незаметной.

Она подошла к кухоньке, достала с полки чашки и налила нам чай, даже не поинтересовавшись, хотим ли мы.

— Сейчас уже темно. Начнем поиски на рассвете,— сказал Рио, приглашая жестом присесть на диван.

Подав нам чашки с чаем, Соня скрылась за кухонной стойкой, видимо, там был маленький стульчик. Не будет же она сидеть на полу,— подумал я.

Я тоже почувствовал себя неловко. Пил большими глотками обжигающе-горячий чай — после вина и водки, мучила жажда — и разглядывал полки с книгами.

— А это?..— указал я головой на книги.

— Соня собирает. Книг много выбрасывают. У меня, в гараже, тоже все заставлено.

— В гараже?

— Да. Я живу там, неподалеку. А так, Соне помогаю.

— Ты здесь работаешь?

— И здесь, тоже.

— А, ну да...

Я неопределенно хмыкнул. Может, в той фирме «Дружба за деньги» не так много платят? Хотя с меня взяли серьезную сумму. Расплачиваться год, да еще с процентами.

Наконец, я стал задумываться над всем, что сегодня со мной приключилось. Дурман в голове рассеялся, и я вдруг осознал всю несуразность ситуации. За этот день, я успел совершить много глупостей. Пустился в какую-то идиотскую авантюру. Там, в этой фирме, видимо, еще те креативщики, раз прислали такого странного типа. По сути, он же обыкновенный пьяница. Выглядит, как бродяга, да еще и живет в гараже. А если бы не пропажа Михасика, как бы он стал «дружить» со мной? Как бы выполнял условия, обещанные фирмой? Вел бы психологические беседы за барной стойкой? Так, что ли? Боже, в какую нелепицу я впутался! Сижу в самом центре

свалки и пью чай со странными людьми. Рио вечно улыбается сам себе, а эта Соня... тушуется, словно, у нее аутизм в самой глубокой форме.

— Ты не переживай. Мы отыщем его,— ободряюще кивнул Рио, видя как я сник.

И Михасик... Надо же было такому случиться! Я не мог себя простить. Все мог забыть или потерять, но он всегда был рядом, во всех жизненных перипетиях. Он — некая ниточка к самому себе, со своим я, которое многие теряют, замещают тем, что насиливо впихивает в нас цивилизация — эта ненасытная машина, породившая сама себя и пожирающая себя же. В этой мясорубке только Михасик и спасал. Глазки-пуговки. Стоит взглянуть и, вот он — я, и мир передо мной очищается. А сейчас лежит он где-то, вмурованный в стены мусора, сложенный в три погибели среди отходов, среди блевотины цивилизации и ждет часа, когда она его выплюнет. Освободится еще от одной крошечной помехи, чтобы заместить это место своей пустотой.

— Как ты себе представляешь поиски? Это же иголка в стоге сена?

Меня раздражало какое-то отстраненное спокойствие Рио. И эта Соня, прячущаяся за стойкой...

— Да найдем,— просто ответил мой «друг». — Тут все по системе. Новый привоз находится в нулевом секторе. Сортировку начинают в шесть утра. А мы в четыре подойдем.

— Зачем ей столько книг? — спросил я, оглядывая полки.

— Ей их жалко. Сейчас все от книг избавляются. А Соне кажется, что они живые. Я ей отовсюду их таскаю.

— И что, она все это читает?

— Конечно! Соня говорит, что если книгу не читать, та умереть может.

От этих слов у меня внутри что-то задрожало. Я почувствовал в нас какое-то странное родство. Она книги оживляет, я — Михасика. Но я тут же осадил себя. Может, я и не такой, как все, но не до такой же степени!

— А она, что, так и будет там сидеть?

Рио подошел к стойке, перегнулся и что-то долго и тихо говорил Соне. За окном совсем стемнело. Скорее бы рассвет. Мне не терпелось найти Михасика, исчезнуть отсюда и, вообще, исчезнуть из всей этой странной истории.

Мы переночевали в гараже Рио. Там было тепло из-за книг, которые штабелями выстроились вдоль стен. Было еще совсем темно, когда Рио разбудил меня, и мы направились в нулевой сектор. Располагался он в самом начале свалки, и нам вновь пришлось идти сквозь затхлые коридоры мусора.

Открытая площадка нулевой зоны состояла из трех секторов. На красном покрытии громоздилась гора черных мешков, на синем — гора белых, а на желтом — гора зеленых. Мусор сортировали сами жильцы. Я помнил, что скинул весь мусор в черный мешок, совершенно не озабочившись таким «благородным» занятием цивилизованного человека как сортировка.

Подойдя к красной зоне и задрав голову вверх, я с грустью оценил объем предстоящей работы. Пока я стоял, не зная с чего начать, Рио успел раздобыть два железных багра.

— Мусор ближе к вечеру забирали. Наверху он,— сказал Рио и принял карабкаться наверх.

Я последовал за ним. В черных мешках находилось все то, что не являлось ни стеклом, ни пластиком. В основном, это были остатки еды, поэтому здесь невероятно смердело. Я натыкался на обглоданные куриные кости, куски хлеба, лимонные корки вперемешку с кофейной гущей и яичной скорлупой. Упаковки от лекарств, клочки желтой и розовой самоклеющейся бумаги, которую, обычно, лепят на холодильник, с надписями, вроде — не забыть оплатить счета.

Меня мутило от запаха, от того, что нормально не ел со вчерашнего дня, от выпитого вчера же. Мутило от недосыпа, от мысли, что не смогу разыскать Михасика,

от идиотизма всей ситуации, и от самого себя — несуразного идиота, не способного на нормальную жизнь, среднестатистического гражданина, исправно оплачивающего счета и не нарушающего законы.

Я откидывал проверенные мешки один за другим, и яростно вытыкал багор в очередное надутое черное тело. И нашел! Это был мой мусор. Сейчас он мне казался таким родным и близким! Кофейная чашка, которую нечаянно задел локтем накануне, слабо мерцала во тьме. Я любил пить из нее кофе. И когда выбрасывал расколотую напополам, жалел, как самого себя. Словно не чашку выбрасывал, а нечто большее — воспоминание уюта, которого у меня так давно уже не было.

Я на секунду даже забыл о Михасике. Держал черепок чашки за ручку и жалел себя. Перебирал в уме картины своей никчемной жизни и ком к горлу подкатывал. И никого-то у меня в этом мире, кроме Михасика...

Я запустил руки в мешок, принялся в нем копаться, выбрасывать. Но Михасика не было. В пакете зияла дыра.

Рио заметил мое возбуждение и перебрался поближе.

— Кто принимает мусор? — спросил я, уже заведомо зная ответ.

— Соня. Она вообще-то не обязана сюда приходить.

— Так зачем же она?..

— В прессованном мусоре книги уже не спасти.

Я со злостью отбросил багор в сторону и, сбегая по мешкам, едва не скатился вниз. Теперь я точно был уверен, что вчера, когда впервые увидел Соню, в ее руке был Михасик. Как такое могло произойти?! Почему она, роясь в мусоре в поисках своей чертовой, бесполезной макулатуры нашла Михасика и взяла его себе? Вернее, не взяла, а забрала. Нет, даже не «забрала», а нагло украла.

Все эти мысли проносились у меня в голове, пока я плутал лабиринтами коридоров, отыскивая ангар. Рио смиренно шагал следом. Я чувствовал, что он как-то притих. Он и раньше не особо разговорчив был, но сейчас вел себя странно. Словно был пойман на краже.

Я резко остановился, повернулся к нему.

— А ты ведь еще вчера знал, что Михасик у нее! Ведь знал?

— Прости, я пытался ей объяснить... Но она, не такая, понимаешь?..

— Какая — не такая? Именно, такая! Она украла! Она воровка! — я совсем разошелся.

— Нет, ты не понял.

Рио как-то ниже ростом стал. Смотрел на меня с испугом, едва не заискивая. Взял меня за плечи, а у самого в глазах и мольба, и чуть ли не слезы.

— Ей нельзя, понимаешь, нельзя нервничать. Она боится тебя. Она всех боится!

Но я уже не слушал. Я с силой распахнул железную дверь ангара, ворвался внутрь. Мне и искать-то не пришлось. Соня сидела на диване. В одной руке раскрытая книга, в другой — Михасик. Первое мгновение мне показалось, что это не она читает, а он. В такой комичной позе он сидел, склонившись над книгой, что будь я немного спокойнее, рассмеялся бы. И, может быть, это спасло и Соню, и Рио...

Но я налетел, не дав ей осознать, что происходит. Вырвал из ее рук Михасика, сунул во внутренний карман куртки, гаркнул на нее, оттолкнул подоспевшего Рио и выбежал из ангара.

В моем детстве часы тикали. Тик-так, тик-так... Вечереет. За окном снег и фонари, один за другим постепенно разгораются, придавая синему снегу оранжевую теплоту. Тик-так, тик-так... Я забирался на кресло с ногами, смотрел в окно, ждал родителей с работы. Тик-так, тик-так... С часами я был не один. Михасика тогда еще не было. Но были мама, папа, бабушка, дядя, тетя и дни рождения, и Новые годы...

Тик-так, тик... Так хотелось сейчас услышать этот умиротворяющий звук. Но в современных жилищах стерильная тишина. Я сижу на стуле, Михасик на тумбочке. Мы глядим в глаза друг другу. Михасик — глазки-пуговки. Если бы вы могли видеть этот пронзительный взгляд, вы бы поняли меня! Вы?.. Кто эти — вы, я не знал. К кому я обращался сейчас?

Я пытался говорить с Михасиком, но он упорно молчал. Впервые в жизни он не хотел говорить со мной.

— Почему ты молчишь? Обиделся? Ага! Я понял, это из-за нее. Она уже успела перетянуть тебя на свою сторону. Нечего сказать, хорош друг! Быстро ты переметнулся.

Мне нужно было на работу. У меня еще была надежда, что вечером Михасик простит меня. Но и вечером, и на следующий день, и все последующие дни он упрямомолчал. И мне стало невыносимо. Я не знал, куда деть себя. Нет, не себя, а того, кто внутри меня уже выл во всю глотку от одиночества. Выл так громко, что ни одно ухо не способно было уловить этот звук.

Раньше городские фонари светили оранжевым. Оттого и зима, наверное, казалась теплее. Сейчас над прохожими планируют светящиеся ленты. Холодный, синий свет жалит глаза, поэтому на улице я никогда не смотрю вверх. И на встречные машины тоже. Их фары в любое время дня и ночи, в любую погоду прорезают пространство режущими лучами. И человеку среди всех этих нематериальных лучей все меньше и меньше места.

Я брел по промозглой улице, глядя под ноги, пытаясь отогнать мрачные мысли. Внутри меня находились двое, а может, и трое. Каждый пытался занять доминирующее положение, убеждая в своей реальности. Один утверждал, что я болен, что с каждым днем теряю связь с реальностью. И это чревато печальным последствием. Другой твердил, чтобы я не слушал первого, что моя внутренняя жизнь гораздо реальнее. Моя дружба с Михасиком есть нормальность. А вот то, в чем мне приходится жить, вернее, выживать, это, как раз, и есть — бред сумасшедшего. Третий сидел во внутреннем кармане куртки и продолжал упрямо молчать. Но я-то чувствовал, чего он хочет. Уж Михасика я знал, как самого себя. А он все эти дни не переставал думать о Соне.

Несмотря на то, что я не смотрел, куда иду, ноги сами привели к остановке. Я сел в автобус и поехал на окраину города к свалке. Было уже совсем темно, когда я подошел к светящемуся окошку ангара и решительно постучал. Мне открыл незнакомый мужчина с кружкой чая в одной руке и бутербродом в другой. На его лице отразилось раздражение, когда же он лучше рассмотрел меня, оно сменилось удивлением.

— Простите, я ищу девушку, которая здесь работает.

— Еще один! Вам всем, явно, делать нечего, бездельники! Пошел прочь! Один стекло выбил, теперь другой на ночь глядя. Я и тебе психушку вызову!

Он с силой закрыл железную дверь. Я пару минут стоял оглушенный. То ли грохотом, то ли его неожиданным натиском. Пытался переварить информацию. Одно я понял точно — второй раз стучать в эту дверь не следует.

Я потоптался немного на месте, потом, осторожно приподнявшись на цыпочках, заглянул в окно. Первое, что бросилось в глаза, — полное отсутствие книг. Холодок прошел по спине. В моем сознании Соня и книги сплавились в единый образ. А теперь книг не было, а значит, и Сони.

Я вспомнил последнюю фразу охранника:

— Я и тебе вызову психушку.

Это «и тебе» говорило только об одном — психушку он уже вызывал. И чувствовало мое сердце, что не для Рио. Того, скорее, полиция забрала, за выбитое стекло, а почему он выбил стекло? Из-за Сони, которую забрали в психушку. Все эти выводы я делал уже на бегу к остановке. Я еще не до конца осознавал, что намерен делать, но одно знал точно. Я должен разыскать Соню.

На следующее утро я направился по найденным в поисковике адресам. Заведений для душевнобольных в нашем городе было три. Все находились на окраинах города. И этот факт несколько сближал их с городской свалкой.

За городом лежал снег. Его было не так много, и он норовил растаять к обеду. Бледное солнце несмело коснулось серых холмиков и все ожило. Это был настоящий, белый снег. И я невольно улыбнулся. Как давно я не видел снега! Шагая по дорожке парка, я намеренно выискивал нехоженый, ровный участок. В детстве я оставлял отпечатки ботинка, останавливался и долго разглядывал четкие углубления с бороздками от подошвы. Мне захотелось показать снег Михасику. Но он упрямился, не желая радоваться вместе со мной. Я прямо-таки чувствовал его беспокойство о Соне и даже — любовь.

«Странный ты, Михасик! Впрочем, и она... Вот, в психушку упекли. Значит, есть за что». Так я думал. Вернее, так я заставлял себя думать. Потому что это правильно. Именно так должны рассуждать нормальные люди. А сейчас я должен быть нормальным. По крайней мере, выглядеть, как все. А для этого и мысли должны быть, как у всех. Иначе меня не пустят к ней.

Мне невероятно повезло. Соня была здесь. Доктор, принявший меня, принял зачитывать историю ее болезни.

— Пять дней назад поступила пациентка — Соня Адамова. Абиулия, десоциализация, утрата социальных связей. Эмоциональная индифферентность. Полное отсутствие инициативы. Возможно, связано с передозировкой антипсихотических препаратов. Девушка наблюдалась с малых лет. Еще в дошкольном возрасте «общалась» с так называемыми «невидимками». Несмотря на это, школу закончила с отличием. Обладает феноменальной памятью. Но о поступлении в высшие учебные заведения состоявших на учете в психдиспансере речи быть не может.

Он снял очки. Устало вздохнул, протер глаза и произнес:

— Поэтому и работала диспетчером на одной из городских свалок. Так что, сами понимаете... А вы ей кто будете? Друг? Одного друга мы уже в полицию отправили. Устроил тут, видите ли, справедливый бунт. Требовал отпустить. Еще немного, перегнулся бы палку, самого бы посадили на нейролептики. Но держать нам ее тут резона нет. Замкнутость и апатия у нее здесь не пройдут. Наоборот, усугубятся. У нее только два пути отсюда — интернат для неизлечимых, либо оформление опеки родственниками.

Доктор долго смотрел на меня, явно ожидая какой-то реакции. Но я молчал. Я все еще пытался уложить в голове историю Сони. Себя понять. Что я в этой истории? Кто я? Зачем мне все это?

— Но родственников у нее нет. Ее с детства растили бабушка с дедушкой. Мать покончила с собой, когда Соне едва четыре года исполнилось. Видите ли, я очень хорошо знаю Соню. Ко мне ее и привели в детстве. Бабушка рассказала, что мама Сони, прежде чем вскрыть себе вены, положила в кроватку дочки игрушечного медведя. Вот Соня с ним и общалась, несколько дней, пока соседи полицию не вызвали. Родители мамы Соню к себе забрали, а медведя выбросили. Очень уж их пугала привязанность ребенка к игрушке. Тем самым они и совершили роковую ошибку в судьбе девочки. Если бы не выбросили, может, мне и удалось бы ее «вытянуть», но она с тех пор «поселила» его у себя внутри. Я не всегда ее доктором был. Ее и другие лечили. Так уж... А теперь, вот что я вам скажу. Раз уж пришли, давайте-ка свой номер. У меня есть все полномочия оформить на вас опекунство. Ей еще жить и жить. А здесь ее залечат. Вот так, я вам и скажу...

Так мы оказались с Соней вместе. Я хожу на работу, а она с Михасиком дома. Молчит все время. Смотрит в одну точку, но Михасика из рук не выпускает. А я, в общем-то, не против. Потому что, Михасик, хоть и продолжает играть со мной в молчанку, но зато слушать стал.

Вернувшись с работы, я готовлю нехитрый ужин. А потом мы сидим втроем на диване. Соня, в ее руке крепко зажат Михасик, и я рядом. Вспоминаю что-то из детства. Михасик слушает, да и Соня иногда повернет голову и долго-долго на меня смотрит. И иногда в ее взгляде промелькивают искорки жизни. Еще немного и вернется... Мне хочется, чтобы она вернулась. Не обязательно в этот мир, но хотя бы в мой, в наш с Михасиком.

Как-то после ужина я собрался выбросить мусор. Открыв дверь подъезда, едва не столкнулся с Рио. Он по-прежнему был одет в свою несуразную куртку, треники и сандалии. И все та же улыбка играла на его лице.

— Рио!

До чего же я был ему рад!

— Там доктор сказал, что Соня у тебя. Я ее книги принес.

Я увидел в его руках длинные перевязи с книгами. Так их носили, наверное, только в начале двадцатого столетия.

— Это те самые?

— Да. Здесь не все. Их после того, как Соню забрали, а меня в полицию увезли, все выкинули. Потом меня отпустили. А когда я к Соне в клинику приехал, они меня снова забрали и уже долго не отпускали. А Соню за это время выписали. Вот я и потерял ее. Не говорят, где, и все... Пока я доктора того не встретил. Он-то мне и сказал, что Соня у тебя. А книги я все собрал, подчистую. В одном надежном месте спрятал. Как она?

— Молчит.

Мы направились к мусорке.

— А ведь это я во всем виноват, — сказал я.

— В чем? — Рио, явно, не понимал меня.

— В том, что Соня сейчас в таком состоянии. Наорал на нее, Михасика забрал... Ведь ты предупреждал меня. Вот и осталась она без работы. Да и ты... Где сейчас живешь?

— Отличное место! Давай Соню туда отвезем. Ей понравится.

Рио оживился, вдохновленный своей идеей. Мы договорились устроить для нее сюрприз на выходных. Рио объяснил, на какой автобус садиться и куда ехать. А на остановке он нас встретит.

Настала суббота. Я одел Соню и сказал, что мы едем на прогулку. Соня взяла Михасика, вернее, — взялась за него. Так это выглядело на самом деле. Хоть он и был с мою ладонь, и держала она его в своей руке, но выглядело так, словно это он держал ее. И он был большой и сильный, а она маленькая и беззащитная.

Мы снова ехали на окраину, за город. И мне подумалось, что все самое важное в моей жизни происходит вдали от цивилизации. Цивилизация, постепенно, выдавливает меня из себя. Я — не прижившийся, чужеродный орган. Но больше меня это не печалило. И даже хотелось ускорить этот процесс.

На конечной нас встретил Рио. Соня прижалась к нему, и я понял, что расставаться им уже нельзя.

Здесь начинался пролесок, сквозь который шла грунтовая дорога. Вдали, на горизонте, темнел лес.

— Часа за два доберемся, — улыбаясь, сказал Рио.

Какое-то время мы шли по дороге, потом, спустившись с обочины, углубились в лес, в мерцание снега, в его зимние звуки. Соня поначалу не отпускала локоть Рио, но в лесу пошла самостоятельно. Шаг ее стал увереннее. Чем дальше от дороги, чем глубже в лес, тем быстрее она шла. Почти уже бежала впереди, задевая руками ветки, сбивая с них снег, касаясь пальцами красных гроздьев рябины. Неожиданно, споткнувшись, упала. Я подбежал, чтобы помочь, и услышал, как она слабо смеется. Лежа на спине, смотрит на верхушки огромных елей и тяжело, но счастливо дышит.

И в этот момент мне показалось, что Михасик, выглядывавший из-за пазухи ее куртки, подмигнул мне. Подоспел Рио, подал руку Соне, и они снова пошли вместе. Я увидел сквозь его драные сандалии промокшие зеленые носки...

Мы все шли и шли. А лес становился все глупше, темнее. Быстро смеркалось. Я начал побаиваться, как бы нам не остаться в темноте. Здесь не было ни осветительных лент, ни облачной рекламы, бьющей своей яркостью по глазам. Снег посинел, тени покернели. И, наконец, Рио произнес:

— Пришли!

Присмотревшись, я увидел среди деревьев неясные очертания двухэтажного дома. Мы вошли.

Дом был старый, заброшенный, с бьющими на ветру ставнями. Разбитыми стеклами и мусором, свободно гуляющим по пустынным комнатам. И лишь на втором этаже казалось теплее. Там Рио зажег старинную масляную лампу и принял растапливать камин. Мы с Соней, осторожно поднявшись по ветхой лестнице, вошли в большую, освещенную комнату. Все стены, сверху до низу, были заставлены стеллажами с книгами. Сониными книгами.

Потом мы сидели рядом с камином за низеньким столиком и с аппетитом наслаждались угощением, приготовленным Рио, устроившим целый пир.

— Откуда все это? Колбасы, сыр, фрукты?..

В отблесках огня искрилось вино в старинных хрустальных фужерах.

— Фужеры нашел здесь, в шкафу, а еда... Место есть одно, специальное. Там все это бесплатно. Главное, прийти туда в день привоза. Тогда срок годности еще три дня. Только вот, вина хорошего там нет. Вино, оно же не портится. Поэтому...

Рио потянулся и достал с полочки у камина картонную коробку с вином, точно такую же, что когда-то купил я — с восточной красавицей и гроздью винограда на фоне голубых гор. И я вдруг вспомнил то, что уже давно вылетело из головы — «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ!» Я рассказал об этом Рио, и мы долго смеялись.

— Никогда не понимал, как можно брать деньги за то, что земля всегда давала бесплатно,— вода, воздух, а тут теперь и дружба,— сказал Рио и разлил оставшееся вино по бокалам.

Опустевшая коробка издала тревожный предупреждающий звук. Информационная пленка загудела и осветилась ярко-красным. Так обычно появляется важная, официальная информация от службы безопасности. Я взял коробку из рук Рио и начал читать текст, появившийся на смарт-пленке:

ВНИМАНИЕ! ДАННАЯ РЕКЛАМА НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНА.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ» ВЗЯТА ПОД КОНТРОЛЬ. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Внутри меня что-то заклокотало и прорвалось наружу безудержным смехом. Рио и Соня смотрели какое-то время молча, а потом и сами начали хохотать. Мы держались за животы, сгибались пополам, стучали друг друга по спинам, кашляли, вытирали слезы, пытались произнести хоть что-то друг другу сквозь смех. И от этого смеялись еще сильнее.

— Пять процентов годовых! Ха-ха-ха!.. Умереть можно!..

— Дружба за деньги! — повторял Рио.

— Ты дурак! — произнесла Соня, глядя на меня.— Ты такой же дурак, как и мы.

Соня вытащила из кармана Михасика. Она откашлялась, отышалась от смеха, и голос Михасика зазвучал тоненько, хрипло:

— Вы что, дурачки, что ли, совсем?

Я впервые в жизни услышал его настоящий голосок. Не внутри себя, а здесь, в теплой, уютной комнате, среди смеха друзей, в доме, который отныне станет нашим...

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА
Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)

Родился 8.02.1942 г. в с. Порой Рязанской (Липецкой) обл. После окончания средней школы поступил на переводческий ф-т 1МГПИИ им. М. Тореза. В 1965—1996 гг. сотрудник нелегальной разведки ПГУ КГБ (потом СВР РФ), работал в Дании, Швеции и на Шпицбергене. Сейчас полковник СВР в отставке. Владеет немецким, английским и скандинавскими языками, имеет более 30 публикаций в российских и шведских издательствах.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плена в Норвегии посвящается.

В апреле 1946 года ко мне, рязанскому мальчишке, неожиданно приехал отец, считавшийся всю войну пропавшим без вести. Во двор нашего дома вошел высокий, сутулый и коротко стриженный мужчина в гражданской одежде и поднял меня на руках высоко над собой. Такое обращение мне вовсе не понравилось, и я стал вырываться из его рук. Больше всего не понравилась его щетинистая щека.

Кто и что такое отец, я не имел ни малейшего представления. Я воспринял его тогда как обычного дядю с улицы. Помнится, он взял меня за руку и повел на речку, вышедшую из берегов в половодье, и мы каким-то чудом перебрались на противоположный берег по хлипкому деревянному мосту, разбитому льдинами. Потом помню неприятное и невкусное угощенье — американскую тушканку, которую я есть отказался.

Потом «дядя отец» уехал, и больше я его никогда не видел...

Позже мать рассказала, что он вернулся из немецкого плена в Норвегии. Рассказ подробностями не изобиловал. В мае 1941 года молодой лейтенант Григорьев Николай Иванович, выпускник Севастопольского военно-морского училища (береговой обороны, как было установлено позже) приехал в свое родное село и женился там на местной учительнице, моей матери. Получив назначение на службу в только что занятую советскими войсками Эстонию, он выправил на жену необходимые документы и убыл к месту службы в Таллин. Мать стала увольняться с работы и собираться в дорогу, но выехать к мужу не успела: началась война.

Позже через интернет было установлено, что он 1918 г.р., член ВРКПБ с 1940 года, выпускник Севастопольского Военно-морского училища береговой обороны, весной 1941 года в звании лейтенанта проходил по списку военнослужащих береговой обороны Балтийского района Краснознаменного Балтийского флота в качестве командира огневого взвода 508-й отдельной зенитной батареи СУС БОБР* на острове

* Северный укрепленный сектор береговой обороны Балтийского района. Командир БОБР был генерал-майор (с 1942 года — генерал-лейтенант) А. Б. Елисеев, 1887 г.р., участник первой мировой войны, царский офицер, перешедший на службу в Красную армию.

Даге. Оборона острова длилась с 12 по 21 октября, следовательно, отец был захвачен в плен немцами либо в оборонительных боях за остров, либо во время неудачной эвакуации с Даге на Ханко.

Оборона Даге (Хийумаа), оформленная в т.н. СУС, обеспечивалась 4900 бойцами и офицерами, как и других островов Моонзундского архипелага, несмотря на наличие солидных боевых сил (численность БОБР на момент боев составляла около 18000 человек), была организована слабо и недостаточно профессионально. Впрочем, как известно из книги С. Булдыгина*, гарнизон Даге оборонялся героически, но был обречен на разгром превосходящими силами гитлеровцев. Запланированную эвакуацию гарнизона провести не удалось. В ходе боев на мотоботах, по данным Булдыгина, удалось перебросить на Ханко лишь около 570 бойцов, включая раненых. В последний день обороны с Даге сняли еще 60 человек комсостава (включая штаб и прокуратуру) и 450 бойцов. Одна шхуна со 150 бойцами пропала без вести и, скорее всего, была захвачена немцами. 21 октября на Ханко продолжали прибывать мелкие катера и лодки с оставшимися в живых бойцами. Отдельные группы оборонявшихся добирались до Швеции, где и были интернированы местными властями.

Всего в плену оказалось около 3388 человек гарнизона острова. Уставшие бойцы, оставшись без командования, провели комсомольское собрание и приняли решение обороняться до последнего.

Послевоенная история отца складывалась как у многих пленных: фильтрационные, а потом рабочие лагеря в «местах удаленных», последующее освобождение, но не реабилитация, поражение в правах...

Мой норвежский друг журналист Бьёрн Братбак по моей просьбе сделал запрос в Государственный архив Норвегии и скоро получил оттуда следующий ответ:

Наша ссылка: 00/1815 A.554.1 YA/TAG Дата: 13.3.2000 г.

ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАПРОСА О РУССКОМ ВОЕННОПЛЕННОМ

В дирекtorате беженцев и пленных Архива, в конторе по депатриации, в списках отправленных на родину пленных мы обнаружили Николая Ивановича Григорьева из Рязанской области. В списках он указан с датой рождения 19.10.1918 г**., но это пустяк не смущает вас, потому что в самом начале могла вкрадаться ошибка.

Мы не можем точно сказать, где в Норвегии содержался этот пленный, но некоторые сведения указывают на лагерь в Скье́лде (Шельде) или в лагере, получившем название Квесменес. Он был отправлен поездом из Нарвика между 25 и 29 июня 1945 года, но и по этому пункту информация не совсем достоверна. То, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что он был отправлен из транзитного лагеря № 3 в вагоне № 3 (см. приложение).

*С дружеским приветом: зам. директора Анне Хальс
архивариус Тур Антон Гордер*

Приложение, 2 листа.

Первый лист приложения — список репатриантов из третьего транзитного лагеря, отправленных из Нарвики в третьем вагоне поезда. Список составлен на русском языке, написан простым карандашом и выполнен типичным русским почерком — очевидно, представителем репатриационной комиссии. Список разграфлен на пять столбцов: номера по порядку — фамилия, имя и отчество — год рождения — национальность — адрес/область.

Отец проходит в этом списке под четвертым номером:

* Бұлдығин С. Б. Монд 1941, М., Яуза-Эксмо, 2013 г.

** При запросе я давал Б.Братбаку дату рождения 19.11.1918 г.

4. Григорьев Николай Иванович — 19.10.1918 — русский — Рязанская обл. Трубчевский р-н с. Порой.

Второй лист приложения — описание места нахождения архивных сведений: коробка — 16, портфель — Нарвик 30, идентификационный номер — 30374.

Б. Братбак собрал и любезно прислал мне дополнительный материал о положении в лагерях для русских военнопленных в Квесменесе. Там, на севере Норвегии, немцы строили оборонительную линию, призванную остановить наступление советских войск. В качестве строителей использовались советские военнопленные. Пленные, изнемогая от недоедания и непосильной работы, умирали там, как мухи. Были зарегистрированы случаи людоедства — обессиленные пленные употребляли в пищу останки умерших товарищей.

В нашей стране о военнопленных вообще и о тех, кто попал в концентрационные лагеря в Норвегии, вспоминать не любят. А вот в Норвегии о них помнят. Время от времени там появляются исторические исследования, еще недавно были живы кое-кто из очевидцев зверского отношения немцев к нашим военнопленным. Мы должны быть благодарны норвежцам за то, что, рискуя своим благополучием, а иногда и жизнью, они помогали нашим людям за колючей проволокой, как могли, подкармливали их, а некоторые отважные души укрывали бежавших на свободу и помогали им перебраться в Швецию.

1. *Ordnung muss sein!**

В Норвегии их звали «рабами с Востока».

Таких рабов в этой оккупированной вермахтом скандинавской стране в 1941—1945 гг. насчитывалось до 100 тысяч. Эта цифра приблизительная, как и все цифры, касающиеся советских военнопленных, и включает в себя также и гражданских лиц, завербованных или насилием вывезенных немцами с оккупированных ими территорий. По сравнению с общим количеством советских военнопленных, в основном *попавших*, а не взятых немцами в плен, это небольшая цифра — всего около 2 %**.

Для сравнения: за весь период военных действий 1940—1945 гг. в немецком пленах сидели 235.473 американских и британских военнопленных, из которых домой не вернулись всего 8.348 человек. Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий (КРЖПР) оценивает количество умерших советских военнопленных от 1 230 000 до 2 000 000 человек.

Все эти цифры, конечно, приблизительные. Ни германские, ни советские власти не были особенно заинтересованы в том, чтобы сообщать миру точные сведения. В советской историографии тема военнопленных долгое время вообще была под запретом, а появившиеся в последнее время исследования на эту тему можно пересчитать по пальцам.

Процент смертности среди советских военнопленных объяснялся не только беспрецедентно жестоким отношением немцев к советским пленным. Немцы были про-

---

* Порядок должен быть! (перевод с немецкого).

** Всего за годы войны в немецких лагерях для военнопленных, по подсчетам западных историков, оказалось около 5.300.000 советских солдат и офицеров. По данным КРЖПР, закончившей свою работу по военнопленным в 1994 году, в 1941 году в плену у немцев оказались 2 миллиона советских военнослужащих, в 1942 году их число составило 1 миллион 339 тысяч, в 1943 году — около 500 тысяч, в 1944-м — более 200 тысяч, и в 1945-м — более 40 тысяч. Подсчеты современного российского историка В.Земскова выглядят еще более впечатляющими: по его данным, пленных было на 1 миллион больше, т.е. 6,3 миллиона, из которых к немцам попали 6,2 млн., к румынам — более 40 тысяч, а к финнам 64.200 советских военнослужащих. Итальянцы и венгры сдавали своих пленных немцам. В любом случае это непостижимые, убийственные цифры! Ни одному «бездарному» царскому генералу и в кошмарном сне не могло прийти в голову подобное. Для наших же военачальников и вождей, планировавших войну на чужой территории, это, к сожалению, оказалось печальной реальностью.

сто не в состоянии «переварить» всю эту человеческую массу и обеспечить такому огромному количеству людей более-менее сносное существование. Даже если на каждые 25 военнопленных вермахт выделил бы по 1 охраннику, то для охраны всех военнопленных немцам потребовалось бы 132 тысячи солдат или целых 13 дивизий. Такого вермахт позволить себе не мог даже в самые победоносные месяцы войны. Поэтому многие военнопленные умирали от голода и болезней уже в первые недели плена, потому что неделами находились в открытых солнцу, ветру, снегу и дождю загонах за колючей проволокой.

Еще до вступления в войну с Советским Союзом Берлин издал одну-единственную директиву по будущим военнопленным. В ней частям СС давался приказ выделять из общей массы комиссаров, коммунистов и евреев и расстреливать их на месте или, в крайнем случае, отправлять в специальные концентрационные лагеря, где их практически тоже всех уничтожали.

Конечно, сыграло свою роль и то, что немцы в отношении советских военнопленных не считали себя связанными положениями Женевской конвенции от 27.06.1929 года, поскольку советское правительство ее так и не ратифицировало. Но главной причиной ужасающего положения советских пленных явилась, однако, людоедская теория Гитлера о славянах как *Untermenschen* и его установка на беспощадное уничтожение коммунистов, офицеров, комиссаров и интеллигенции. Уже 6 июня 1941 года, за 16 дней до нападения на Советский Союз, расистская нечеловеческая теория фюрера была оформлена в приказ о комиссарах. Все это развязывало руки немецким офицерам и генералам и одновременно оправдывало их жестокость в собственных глазах.

Узник концентрационных лагерей в Норвегии И. Пашуков в опубликованной в Норвегии книге «Потерянные годы» рассказывает о первых днях немецкого плена. Пленных собирали в транзитный (накопительный) лагерь, расположенный в районе польского города Сувалки. По пути пленным не давали ни есть, ни пить, и когда на одном перекрестке двое измученных пленных припали к луже воды, смешанной пополам с конской мочой, их тут же застрелили охранники. Накопительный лагерь, куда они прибыли, был не самым крупным — в нем насчитывалось всего 25 тысяч пленных. Лагерем его можно было назвать весьма условно: пленные находились без еды и воды под открытым небом на участке, огороженном колючей проволокой. За короткое время, что Пашуков находился в лагере, 600 человек умерли от болезней, а 2000 человек немцы казнили. Расстрельных команд не создавали — застрелить пленного мог любой немецкий солдат или офицер.

Выжить в этом лагере могли только «орднеры» — полицаи из своих — и повара. Или переводчик. Еще оттянуть смерть можно было копанием могил для умерших товарищей. Так что жизнь советского военнопленного в первые дни войны не стоила и ломаного гроша. В некоторых накопительных лагерях смертность достигала 90 %. Немецкий исследователь Кристиан Герлах, изучавший материалы массовых убийств советских военнопленных на Восточном фронте в 1941—1944 гг., пишет о том, что вермахт рассматривал такую практику как логическое продолжение боевых действий.

Пленные на первых порах считались ненужным бременем. Позже, когда война приняла затяжной характер и когда немцы стали терпеть поражение, когда Германия исчерпала все людские ресурсы для мобилизации людей на фронт и была вынуждена замещать в тылу своих мобилизованных граждан военнопленными или насильно угнанными с оккупированных территорий гражданскими лицами, отношение к военнопленным слегка изменилось, но не настолько, чтобы говорить о гуманном к ним отношении. Немцы просто стали более бережно относиться к рабам, которых с течением войны поступало все меньше и меньше, а число грандиозных строек рейха только увеличивалось.

Использование военнопленных на работах в тылу — «изобретение» XX века.

Массовый труд пленных стал впервые применяться в ходе первой мировой войны Германией, Австро-Венгрией и Россией. Во второй же мировой это стало правилом. И немцы, и японцы активно применяли труд военнопленных в своей экономике, да и Советский Союз не совсем даром кормил немецких пленных.

С самого начала войны советские военнопленные рассматривались режимом Гитлера только как дешевый и практически неисчерпаемый источник рабочей силы. Пленные должны были послужить интересам рейха. За «просто так» поддерживать в них жизнь немцы не собирались. Если в 1942 году, согласно норвежским историкам Скарстену и Стокке*, иностранная рабочая сила в Германии, включая гражданских лиц, составляла 15 %, то в 1944 году эта цифра достигла уже 33 % в целом по стране, а в сельском хозяйстве и строительстве — 50 %. Иностранцы работали там практически во всех отраслях экономики, включая военную.

Политической основой для распоряжения судьбами советских военнопленных послужило решение Гитлера от 31 октября 1941 года о т.н. *Russeneinsatz* — использование русских в интересах военной экономики и вермахта Германии. Это решение поставило точку в короткой дискуссии в германских верхах о том, где и как применять военнопленных, взятых на Восточном фронте. Высказываемое ранее в верхах рейха мнение о том, что немецкие солдаты после блицкрига быстро вернутся домой и заполнят пустующие рабочие вакансии в экономике Германии, не получило подтверждения. Уже в первые месяцы войны с Советским Союзом было признано необходимым, что без дешевого труда советских военнопленных не обойтись и что он понадобится рейху достаточно длительное время.

Норвежская исследовательница Марианна Сулейм** пишет, что в отношении к советским военнопленным у немцев возобладали политические настроения, обусловленные нацистской идеологией о превосходстве арийской расы и планами Гитлера по уничтожению большевистско-еврейского населения СССР. И только во вторую очередь немцы принимали в расчет соображения экономического характера — возможность использования дешевого труда советских военнопленных в экономике страны и на объектах вермахта.

Советские военнопленные были распределены между вермахтом и двумя министерствами рейха. Военнопленными, которые трудились на объектах, не принадлежащих вермахту, распоряжалась министр вооружений и амуниции Фритц Тодт и министр труда Франц Зельдте. К концу войны все военнопленные, не принадлежавшие вермахту, перешли в распоряжение т.н. *Geschäftsgruppe Arbeitseinsatz* Германа Геринга.

Согласно вышеупомянутому решению о *Russeneinsatz*, генеральный уполномоченный по трудовым резервам Германии Фритц Заукель должен был определять, куда и в каком количестве следовало отправлять военнопленных, включая и Норвегию. Около 70 тысяч наших военнопленных работали в северных районах Норвегии (губернии Тренделаг и Тромс), остальные 30 тысяч были разбросаны по лагерям средней и южной части страны. Военнопленные были главным образом задействованы на строительстве военных укреплений, аэродромов, в совершенствовании транспортной инфраструктуры оккупированной Норвегии.

Гитлер хотел сделать из Норвегии неприступную крепость, продолжив на ее территории часть т.н. Атлантического вала. На северном и западном побережье Норвегии трудом военнопленных было построено большое количество бункеров, ДОТов, артиллерийских площадок, авто- и железнодорожных туннелей, дорог, аэродромов, укрытий для подводных лодок, сухих доков и т. п. М. Н. Сулейм признает, что ре-

* A. Skarpsten, M. Stokke Blod og Tårer — historien om sovjetiske krigsfanger og sivile tvangsarbeidere i Rogaland 1941—1945

** a) Sovjetiske krigsfanger i Nord-Norge, "Ottar", 4/2002, Troms Museum и б) Slavene fra Øst. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941—1945. Institut for forsvarsstudier, 5/2005

зультаты труда советских военнопленных в 1941—1945 гг. в значительной степени способствовали развитию послевоенной инфраструктуры и модернизации Норвегии, а также усилению ее обороны.

К концу войны на территории Норвегии оставались всего 77899 советских военнопленных, из которых 36436 принадлежали Организации Тодт (ОТ), 35275 — вермахту и 6188 человек — Люфтваффе (BBC). Солдаты и офицеры, взятые в плен в зоне ответственности BBC (люфтваффе) или ВМС Германии, попадали в распоряжение этих видов вооруженных сил.

В каменистой норвежской земле, по некоторым данным, остались лежать более 22 тысяч наших ребят, т.е. смертность среди них достигала 22 %. Согласно же официальным норвежским данным, основанным на документах похоронных служб страны, в Норвегии было похоронено только 13.700 советских военнопленных. Однако мы далее увидим, что немцы по всей стране и особенно на севере Норвегии, в частности, в губернии Тромс, практиковали секретные массовые убийства и захоронения советских пленных. Кроме того, на всей территории страны имели место случаи смерти и убийства пленных охраной и лагерной администрацией, о которых никакие местные похоронные службы информации не получали.

Согласно Женевской конвенции 1929 года, ответственность за военнопленных возлагалась на OKW — Верховное командование вермахта (BKB). В Норвегии BKB было представлено Командующим вермахтом в Норвегии (KBH) генерал-полковником Николаусом фон Фалькенхорстом, а конкретно советскими военнопленными ведал из Осло начальник Управления по делам военнопленных генерал Редисс. Первое время, пока военнопленные находились на территории военных действий, ответственность за них несло Oberkommando des Heeres — Верховное командование сухопутных войск (VKCB), но как только пленные перемещались на территорию рейха, ответственность переходила к BKB.

В Норвегии немцы создали для советских военнопленных 4 главных лагеря — т.н. Stalag — Stammlager (основной, главный лагерь):

— шталаг № 303, открыт в сентябре 1941 г. в Лиллехаммере (ответственный за охрану лагеря 444-й Landesschützenbataillon);

— шталаг № 322, открыт в конце 1941 г. в Эльвенесе/Киркенесе;

— шталаг № 330, открыт в августе 1941 г. в м. Саген при Альте/Нарвик (ответственный за охрану 884-й Landesschützenbataillon); в 1944 г. после вступления Советской Армии в Норвегию переведен в Бейсфорд под Нарвиком и

— шталаг № 380, открыт в декабре 1942 г. в Оппдале (ответственный за охрану 309-й Landesschützenbataillon)*.

При попадании в шталаги военнопленные разбивались на роты или рабочие батальоны и рассыпались по другим мелким лагерям, входившим в структуру шталага. Были и такие военнопленные, которые были организованы в роты еще до прибытия в Норвегию. Роты все вместе составляли дивизию.

Кроме вышеперечисленных организационных форм, немцы создавали из пленных также т.н. строительные и рабочие батальоны, в которых насчитывалось до 2500 и более человек. Жили эти пленные в лагерях, аналогичных шталагам. Они разбивались на роты и распределялись по рабочим и строительным площадкам. Такие батальоны входили в структуру известной «Организации Тодта» (ОТ)**.

---

* При каждом шталаге существовали другие типы лагерей: Teillager, Zweiglager и Arbeitskommando. Teillager (часть лагеря) находился в непосредственной близости от шталага, Zweiglager фактически являлся филиалом шталага и находился от него на определенном удалении, в то время как Arbeitskommando — рабочие команды — создавались для выполнения определенных целей и задач и носили временный характер. Военнопленные рабочие команды жили по месту работы.

** ОТ взяла название от своего организатора, рейхсминистра Фритца Тодта и была призвана строить объекты для вермахта.

Рабочие батальоны ОТ — строительные, саперные и тыловой поддержки — были разбросаны по территории всей Норвегии и трудились на объектах, имеющих военное значение для вермахта — ремонт разрушенных мостов, железных и шоссейно-грнтовых дорог, в том числе на строительстве таких двух стратегических объектов, как Северная дорога и Атлантический вал. Эти батальоны, в зависимости от потребностей, тоже разбивались на роты и другие более мелкие группы и распределялись по конкретным рабочим местам.

По окончании войны существовали следующие рабочие батальоны (в скобках указаны место расположения и количество военнопленных в каждом лагере по состоянию на 8 мая 1945 года): № 180 (Стринда, 2895), № 182 (Фауске, 1089), № 183 (Стурволлен, 2522), № 184 (Теммернес, 2758), № 185 (Фауске, 2550), № 186 (Бейсфьорд, 2832), № 187 (Му и Рана, 2437), № 188 (Драммен, 3610), № 190 (Бренне, 3446), № 202 (Серэльва, 2302), № 203 (Мегарден, 2412), № 204 (Квесменес, 1862), № 205 (Энган, 2890) и № 206 (Тронхейм, данных нет).

В отчетах немцев проходят также 9 рабочих батальонов, подчинявшихся т.н. Особому штабу «О», располагавшемуся в Му и Рана. По данным союзников, штабу «О» подчинялись 12 батальонов. Особый штаб «О» отвечал за предоставление советских военнопленных в распоряжение ОТ. Эту работу возглавлял генерал Рихтер.

На 8 мая 1945 года штабу «О» подчинялись указанные выше рабочие батальоны №№ 182—185, 187, 190, 202—203, 205, а также батальоны №№ 1 (Стамсунд, 539), 28 (Рогнан, 750) и 41 (Къемога, 1151). В мае 1942 года штаб «О» получил в свое распоряжение 2 собственных лагеря с военнопленными в Осло/Эттерстад и Тронхейме/Нидарвонль, входившими в т.н. батальоны поддержки тыла (Nachschubbataillone), а также т.н. батальоны усиления (Forstärkningsbataillone) №№ 463 в Осло 464 в Нарвике.

Каждый рабочий батальон возглавлялся штабом, в который входили:

а) командир батальона (комендант лагеря), б) сотрудник разведки, в) офицер, ответственный за организацию труда батальона, г) переводчик, д) чиновники, отвечающие за внешние связи, е) руководители рот и ж) офицеры, ответственные за организацию труда каждой роты. Батальонные командиры, с учетом протяженности расстояний в Северной Норвегии и Северной Финляндии, де факто получили самые широкие полномочия и располагали большой властью над военнопленными. Приказ ВКВ от 9 июля 1942 года разрешал им при необходимости расстреливать военнопленных на месте. Количество погибших от рук батальонных командиров точно установить не удается.

Над ОТ в Норвегии был учрежден еще один администрирующий орган — Einsatzgruppe Wiking, контора которого располагалась в Осло на Киркегатан 15. Руководил конторой старший строительный советник Вилли Хенне, который отвечал за деятельность ОТ в Норвегии и Финляндии. Военные приказы он получал от генерал-полковника Фалькенхорста и замыкался также на Главное управление по делам техники в Гамбурге, которое являлось филиалом министерства народного хозяйства Германии. «Хозяйство» Хенне состояло из нескольких отделов, главными из которых были отдел «Северная дорога» и отдел строительства военных укреплений. К нему же примыкали особые группы Transportflotte Speer и Transportgruppe Todt. Первая отвечала за морские поставки строительных материалов для Организации Тодт — в основном из Дании и Норвегии — и включала в себя около 10 000 человек. Вторая группа отвечала за колесный транспорт и состояла главным образом из Hilfswiligen, т.е. тех военнопленных и перебежчиков, кто добровольно вступил в ряды вермахта (им советские военнопленные дали презрительную кличку «власовцы»). Они образовали т.н. «Легион Шпеер».

Группа «Викинг» работала в 3 основных районах: а) полярный, включавший северную Финляндию и район Киркенеса-Альты, б) район Нарвика-Фауске и в) средняя Норвегия. В каждом из этих районов была своя организация и административные

органы, например, в Нарвике разместились четыре строительных управления, а в средней Норвегии — целых шесть!

В первичные лагеря по состоянию на 1 апреля 1945 года значатся 5 лагерей для советских военнопленных, принадлежащих ОТ: в Бергене на 1635 человек (подчинялся штаблагу № 303), в Бугене на 359 человек, в Рамсунде на 183 человека, в Люнгсейдете на 270 человек и Дьюпвике на 150 человек (все четыре входили в штаблаг № 330).

Советские военнопленные, включая оказавшихся на норвежской территории, подверглись классификации по национальному и другим признакам. Русские считались самыми трудными и ненадежными. За ними шли белорусы, украинцы и лица других национальностей. Для соблюдения дисциплины и в других организационных целях из числа военнопленных назначались, а иногда и избирались *старосты* лагеря. Из наиболее «надежных» администрация лагерей выбирала кандидатов на роль *лагерной полиции*, которую привлекали для охраны военнопленных. Как правило, в лагерную полицию набирали приволжских немцев, украинцев, белорусов, прибалтов. После того как лагерные полицейские «положительно» себя зарекомендовали, они получали статус *Heeresfolge — вспомогательные (охраные) подразделения вермахта*.

Во главе каждого лагеря был комендант — естественно, из немецких офицеров. Приказы и распоряжения комендант получал непосредственно от Командующего вермахтом в Норвегии. ОТ сотрудничала и конкурировала с КВН, но оба субъекта получали указания из центральных ведомств рейха: ОТ — от министерства труда, а КВН — от ВКВ или Главного командования сухопутных войск (ГКСВ). Лагерная система рейха в ходе войны много раз менялась, компетенции различных ведомств постоянно уточнялись, но суть ее оставалась той же самой — бесчеловечной.

Охрану военнопленных в штаблагах осуществляли специальные военизированные батальоны, входившие в систему гражданской обороны вермахта. Им помогали *Hilfswillige* — добровольцы из числа перебежчиков, дезертиров и других «надежных» военнопленных, а также и тех, кто не мог выдержать голодного режима и палочной системы лагерей и шел в услужение лагерной администрации. Немецкие архивы свидетельствуют о том, что охранников для обслуживания лагерей в Норвегии постоянно не хватало.

С ростом числа военнопленных и развитием событий на фронтах расширялись задачи немецкой администрации в Норвегии, и ВКВ в 1942 г. создало в Норвегии специальный орган для надзора и распоряжения дешевой рабочей силой советских пленных, включая тех, что были закреплены за ВМС и люфтваффе — *Kriegsgefangenen Bezirkskommandant i Norwegen — Районный комендант по делам военнопленных в Норвегии*. Этот новый комендант тоже получал приказы от КВН и выполнял инструкции ВКВ. От него шли приказы батальонным комендантам, а те передавали их непосредственно комендантам лагерей. Во всем существовал четкий немецкий порядок — *Ordnung muss sein!*

Первым районным комендантом в Осло с 15.10.1942 г. по 6.10.1943 г. был полковник Hugo Kiehl, его сменил Kurt Wuthenow (6.10.1943—24.7.1944), потом пришел через Leopold von Reibnitz (до 1.11.1944) и Kuno Klemm (1.11.1944—16.5.1945). Осенью же 1944 года вся лагерная система для военнопленных в Норвегии перешла в руки СС.

За отступлением 20-й горнострелковой армии вермахта из Финляндии в Норвегию (командующий генерал Йодль) последовал перевод всех военнопленных, находившихся в лагерях на территории зоны действия армии, на норвежскую территорию. В Норвегии оказались две немецкие армии. В связи с этим возникли проблемы разграничения функций между двумя районными коменданты по делам военнопленных. Норвежский районный комендант получил формальное право распоряжаться всеми военнопленными на своей территории, но на практике полного контро-

ля над вновь прибывшими установлено так и не было. Так что точными данными о количестве военнопленных, переведенных из Финляндии, районная комендатура в Норвегии не располагала.

Подверглась реорганизации и система надзора за советскими военнопленными, входившими в зону ответственности 20-й горнострелковой армии. Приказом ВКСХ от 11 января 1944 года районный комендант по вопросам военнопленных в Финляндии упразднялся, число офицеров, обслуживающих шталаги №№ 309 в Салле и 322 в Киркенесе, увеличивался (максимум 10, минимум 6 человек), а ответственность 20-й горнострелковой армии за военнопленных в целом усиливалась. Районного коменданта с 1 марта заменил *Уполномоченный по делам военнопленных в Финляндии*, представитель ВКСВ полковник Бухвейзер. Практически он влился в Особый штаб «О» в Му и Рана и формально стал подчиняться районному коменданту по делам военнопленных в Норвегии полковнику Рейбнитцу. Одновременно он стал главным помощником генерала Рихтера. Главными задачами Бухвейзера были не снижать темпов загрузки военнопленных на объектах вермахта, предотвращать их побеги и максимально экономить на охране — вермахту до зарезу нужны были солдаты на фронтах.

М.Н. Сулейм пишет, что недостатки в координации деятельности районных комендатур привели к неясностям в статусе шталагов. В конечном итоге как инструмент для выполнения задач сухопутных войск с нечетко разграниченными сферами ответственности по отношению к Люфтваффе, ВМС и ОТ они закончили свое существование. Между всеми этими организациями шла постоянная борьба за влияние и ресурсы, и до конца войны упорядочить их деятельность центральным органам рейха так и удалось.

Шталаги постепенно превратились в сборные пункты военнопленных, в места размещения нетрудоспособных или в административные органы для формирования рабочих команд. Шталаги №№ 303, 330 и 380 находились в подчинении районного коменданта в Осло, в то время как шталаг № 322 в Киркенесе/Эльвенесе подчинялся командованию упомянутой выше 20-й горнострелковой армии в Финляндии, причем военнопленные шталага № 322 после отступления немцев из Финляндии были размещены в шталаге № 330 в Альте/Нарвик.

Главными объектами применения труда военнопленных в германских ВВС были аэродромы: строительство новых, как, например, аэродрома Хердла на острове рядом с Бергеном, и поддержание и расширение имевшихся в Банаке, Альте, Бардуфоссе, Тромс-Рамсберге, Буде, Тронхейме, Аукре, Стур-Фосне, Суле, Кьевике, Листе и Гардермуене. Военнопленные удлиняли и расширяли взлетно-посадочные полосы и углубляли их фундаменты, а также строили вспомогательные здания.

ВМС в Норвегии использовало советских военнопленных в основном на базах своих подводных лодок в Тронхейме и Бергене, на военно-морских базах в Нарвике и Хортене и в меньшей степени — в Осло, Арендале и Кристианстаде. Согласно британским источникам, в Тронхейме было задействовано 640 советских военнопленных, а всего на германские ВМС в Норвегии под эгидой ОТ работали 1041 человек, т.е. около 1 % от общего количества.

В описанной выше сложной иерархической системе подавления и принуждения отдельный советский военнопленный был крошечной песчинкой. Трудно сказать, следует ли верить утверждениям Марианны Сулейм и некоторых других западных исследователей о том, что ОТ по сравнению с вермахтом якобы занимала по отношению к советским военнопленным более мягкую линию. Норвежская исследовательница ссылается на то, что ОТ распространяла среди рядовых охранников листовки с призывами относиться к пленным как к людям (!) и соблюдать в отношении их справедливость и гуманность, иначе пленные могли стать врагами рейха. Но примеры гуманного и справедливого отношения в этих исследованиях что-то не приводятся.

Да и были ли они вообще? Сама Сулейм признается, что следовать призывам ОТ к гуманности, особенно в рядах вермахта или СС, отнюдь никто не собирался.

От всей этой пропагандистской деятельности ОТ и других «гуманистов» рейха веет цинизмом и лицемерием. Вся система администрирования и надзора за советскими военнопленными была в корне противоправной, бесчеловечной и преступной.

2. Прибытие в Норвегию.

«...23 сентября 1941 года на земле Сулы, Санде, появились шеренги изможденных и обтрапанных людей. Обессиленные от голода, побоев и тяжелой дороги, они прошаркали ногами по двору. По обе стороны строяшли вооруженные немецкие охранники... Кто-то нагнулся — те, у кого еще были силы — и сгреб ладонями пыль, в которой валялись несклеванные птицами зерна и колоски. Пыль тут же исчезла в пустых желудках марширующих. Военнопленные прибыли в свой первый дом в Норвегии — в сарай норвежского крестьянина Тургейра Юа, по кличке Тургейр из Осена. Многие из них не смогут покинуть это место живыми».

Так описывают появление первых советских военнопленных в Норвегии, в районе Ставангера, норвежские историки А. Скарстен и М. Стокке.

Первые военнопленные появились в Норвегии уже в августе 1941 года, т.е. за 3 месяца до принятия принципиального решения (Russeneinsatz) об их использовании. Их доставили четыре парохода из Штеттина, которые шли вдоль западного побережья Норвегии в Нарвик и по пути высаживали отдельные партии военнопленных в Ставангер, Эрланде и других портах по всему побережью страны. Согласно данным вермахта, в 1941 году в Норвегию были транспортированы 3253, в 1942 году — 24411 (по норвежским данным — 20156), в 1943 году — 28199 (по норвежским данным — 33227) советских военнопленных. Цифры за 1944 год приблизительны: около 18000 пленных поступили из Германии и примерно 15000 — из Финляндии.

Всего на территории Норвегии немцы организовали 445 лагерей, из которых 220 были размещены в Северной Норвегии, 52 — в губернии Тренделаг, 88 — в Вестланндет, 21 — в Серланндет и 64 — в Эстланндет. На каждого военнопленного немцы заводили учетную карточку, в которой предусматривались следующие данные: ф.и.о., дата и место рождения, национальность, принадлежность к религии, профессия. Кроме того, немцы заносили туда номер воинской части, в которой служил военнопленный, звание и должность, место и время взятия в плен, а также рост, цвет волос, особые приметы, имя матери и ближайших родственников. На карточке проставлялся номер военнопленного, указывался шталаг, а иногда даже паспортная фотография пленного со своим номером в руках, предусматривалось место для отпечатка указательного пальца правой руки. На карточке расстрелянного или умершего пленного в верхнем правом углу ставился крест. Оборотная сторона карточки использовалась для регистрации его поведения, сведений о переводе в другие лагеря и т. п., а также его подпись в удостоверение того, что он проинформирован о запрете иметь сексуальные отношения с немецкими женщинами.

Прием людей в Норвегии немцы продумали плохо — да они, по-видимому, особой заботы по этому поводу не проявляли. Первым советским военнопленным пришлось ютиться в самых неподходящих условиях, например в экспроприированных у норвежских крестьян сарайах и бараках, как у вышеупомянутого Тургейра Юа. Готовых для них помещений не было — их еще нужно было построить. Строительство лагерей было поручено норвежской фирме «Ношк Бюгг». Для строительства первого лагеря в районе Ставангера конфисковали ферму у того же Тургейра Юа в Санде (Сула). Она стала основой шталага № 303. В этом лагере, пишут А. Скарстен и М. Стокке, разыгрались потом ужасные трагедии: зима 1941/42 года отличалась сильными морозами, и в эту первую зиму в Санде замерзли не менее 40 военнопленных.

В совместном советско-норвежском докладе за 1947 год об условиях жизни советских военнопленных в Норвегии сказано следующее:

«Некоторые лагеря представляли собой сараи, закуты для скотины или свинарники. Во многих лагерях Северной Норвегии советские военнопленные вообще не располагали каким-либо строительным материалом, и лагеря состояли из землянок или хижин, сложенных из камня. В этих помещениях не было ни окон, ни дверей, ни пола, ни какого-либо отопления».

Транспортировка военнопленных тоже проходила не всегда гладко. Многие из них погибали еще в пути — кто от болезней, кто от немецкой пули, а кто и от рук союзников. В субботу 17 октября 1942 года пароход «Palatia», имея на борту 999 советских военнопленных, 132 охранника и команду из 34 человек, в составе конвоя покинул Штеттин и взял курс на Берген. Конвой сделал короткую остановку в порту Кристиансанд, а в пятницу, в 05.30 21 октября, вышел из Кристиансанда к месту назначения в порт Олесунд, имея в своем составе, кроме «Палатии», пароход «Остланд» с 1000 советскими военнопленными на борту, танкер «Остермур» и охрану из 3 сторожевых корабля: UJ1704, UJ5304 и UJ5307.

Сразу после выхода из Кристиансанда начались проблемы. Сначала сел на мель пароход «Остланд», потом вышел из строя двигатель у танкера, и его отбуксировали обратно в Кристиансанд, потом поломался двигатель у сторожевика UJ5307, и его тоже отбуксировал обратно в порт. Взяв на борт норвежского лоцмана Юханнеса Сандвика, «Палатия» в сопровождении только одного сторожевика UJ1704 в 11.30 того же дня снова вышла в море. Ответственные за конвой запросили о возможности подстраховать конвой силами «люфтваффе», и для этих целей был выделен один «Юнкерс-88», но он так и не взлетел из-за нелетной погоды. В 15.03 телеграфист парохода принял сигнал «воздушная тревога»: в небе появились 4 штурмовика из Coastal Command/489, Королевская эскадрилья, Новая Зеландия. В 15.05 «Хэмпден ХА-В» с пилотом Ричардсоном на борту пробивает толщу облаков и делает заход в атаку на пароход. Команда «Палатии» и немецкие моряки со сторожевика увидели штурмовик на высоте 500—600 м и открыли по нему огонь. Ричардсон резко бросил самолет вниз, на высоте 60 м выпустил по пароходу торпеду и взмыл вверх, избегая зенитного огня с конвоя. Вместе с тремя другими штурмовиками самолет ушел на свою базу Wick в Шотландии.

Торпеда попала в борт парохода, сразу за машинным отделением. В 15.15 к его борту подошел сторожевик. Из-за сильной волны оба судна начали стучать бортами друг о друга, однако 20 военнопленных и 10 членов команды парохода сумели уловить момент и спрыгнуть на палубу сторожевика, но большинство пленных так и не смогли выбраться из трюмов. Когда сторожевик был вынужден отвалить от парохода, на борту «Палатии» возникла форменная паника. Пароход с военнопленными медленно дрейфовал к маяку, а через 25 минут, задрав нос, стал быстро уходить под воду. Команда сторожевика UJ1704 спасала в первую очередь немцев. Если за ноги немцев цеплялись и военнопленные, их расстреливали из пистолетов. На борт забирали только тех пленных, которым вместе с немцами удалось ухватиться за резиновые плоты или не потонувшие обломки парохода. В рапорте капитана сторожевика была такая фраза: «В пяти случаях русские мешали спасению немецких солдат, либо ухватившись за их ноги, либо за канаты, так что немцев невозможно было поднять на борт. Поскольку иных способов заставить русских отцепиться не было, пришлось применить ручное оружие».

Спасли немного: 64 немецких солдат и офицеров, 28 членов команды парохода и 99 военнопленных. В указанном рапорте капитана сторожевика также говорится, что если бы команда парохода вела себя правильно, то число спасенных немцев было бы больше. Военнопленные в счет не шли.

Трупы скоро стало прибывать к берегу. Их обнаруживали местные жители и со-

общали о них немецким оккупационным властям, но те заявляли, что не имеют к ним никакого отношения. В некоторых случаях немцы обнаруживали свой интерес к утонувшим и запрещали хоронить их на кладбищах: этих «безбожников» следовало закапывать в землю в любом месте и без совершения каких бы то ни было обрядов.

В одном случае недовольный указанием немцев пастор Бrekke из прихода Хо, Ставангер, подал жалобу высшим церковным властям. Ответ пришел от главного нацистского чиновника Норвегии Йозефа Тербовена: он смилиостивился и разрешил похоронить советского военнопленного по христианскому обычаю. Трупы утонувших советских военнопленных с парохода «Палатия» похоронены также на кладбищах Осло, Оны, Сиры, Сокндаля и Нэрбе*.

В ноябре 1944 года, при транспортировке 2248 советских военнопленных из Бьерквика на юг Норвегии на пароходе «Ригель», произошла еще более страшная катастрофа. Пароход, как и в случае с «Palatia», подвергся атаке британских бомбардировщиков. В живых из советских людей осталось всего 155 человек. Список пароходов с советскими военнопленными на борту, погибших от бомбёжек союзников, можно было бы пополнить. Такова была горькая их участь в этой войне.

СЛОВА

---

* О трагедии первыми в 1994 году вспомнили норвежцы. Место гибели парохода было локализовано, и ему был придан официальный статус морской братской могилы. В 1997 г. в Линденесе был открыт памятник погившим русским военнопленным. На торжестве присутствовал король Норвегии. Скульптор А. В. Гюннерюд на колонне, сложенной из камней, изобразил т.н. «русскую птицу», точную копию тех птичек, которых советские военнопленные мастерили или рисовали своими руками в лагерях и обменивали их на еду у норвежцев.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Валерий Кулешов
(г. Щекино Тульской области)

«ВЫСКАЗЫ»

Родился в 1949 году в деревне Паленка Становлянского района Липецкой области. Учился в Московском энергетическом институте и Липецком филиале Московского института стали и сплавов, служил в Советской Армии. В 1987 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печататься начал с 1969 года в газетах «Молодежь Якутии» и «Ленинское знамя» (г. Липецк). Стихи публиковались в журналах «Приокские зори», «Петровский мост» (г. Липецк), «Молодая гвардия», «Юность». Автор книг стихов «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова», «Часть света», «Память чувств» и других. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и региональной премии им. Л. Н. Толстого. Член Союза писателей России и Союза журналистов. Валерий Кулешов известен как поэт. Его стихотворения, в том числе и поэма «Зов», публиковались на страницах нашего журнала. Сегодня мы публикуем его прозу. Это — миниатюры, или как их назвал сам автор, — «высказы». Надеемся, они найдут отклик наших читателей.

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Праздники он любил, особенно этот — 9 мая.

Готовились к нему заранее — основательно, со списками гостей и закусок. Благо, деньги водились: на знаменитом автозаводе, где он уже лет двадцать стоял у конвейера, «на карман» выходило нормально. Так что хватало хозяйке и на «коммерческий деликатес».

А вот напитки в магазине, известном на всю округу почему-то как милиционерский, — закупал сам. Мужики, и теснившиеся в очереди, и «соображавшие» у входа, вопросов не задавали, но смотрели — с уважением. Понимали человека. Не ждал он их и от жены, когда шел назад, по-своему — с вывертом выбрасывая вперед правую ногу. При этом, избавившись от костылей еще в конце сороковых, ступал уверенно. Твердо — как печать ставил.

Гостей приходило не то чтобы много, но человек двенадцать-пятнадцать собирались. В основном, родные и в тот день как-то по-особенному близкие. С некоторых

пор приглашалась и бывшая жена его — с его же сыном и снохой. Случалось, бывали и соседи по коммуналке. Но главным гостем все же была она — Победа. Определившая жизнь каждого из них, объединявшая их всех в этот день.

В выпивке — не стеснялись, но чтобы до дури... нет, до этого не доходило. Пили и за Победу, и за погибших, правда, поименно никого не поминали, в том числе — и капитана-артиллериста, отца единственной дочери хозяйки, так и не успевшего стать ей мужем... Поднимали рюмки и за хозяев, и за присутствующих. Пели и песни, но немного. В основном те, которые, казалось, были всегда. Как полагается, и веселье, и шум постепенно стихали, особенно ближе к концу застолья.

Когда же гости по большей части расходились — с поцелуями и объятиями, с зачастую необязательными обещаниями — вот тут-то и наступало оно, его время — то самое: личное, сокровенное. Он доставал пластинку, «на всю катушку» врубал радиолу и, распахнув окна, уходил на кухню. Кирилл, опершись локтям о подоконник, прищурившись, всматривался куда-то вдаль, будто стремясь вслед за песней:

Считает враг: морально мы слабы,—
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучие лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны...

И что-то, почти неуловимо, менялось: не только в нем самом, но и вообще — вокруг. Но он не замечал этого, как и припозднившегося гостя, случайно оказавшегося поблизости, и мелькнувших в дверях собственных комнат соседей. Все куда-то отодвигалось, делалось несущественным, каким-то ненастоящим. Ведь и хозяйку свою, снующую с посудой, — не замечал.

Впрочем, и ее, ставшую неожиданно молчаливой, отрешенной, даже какой-то возвышенно строгой, как будто и не было здесь. Куда она уходила, где была, о чем думала в эти минуты — неизвестно. Да и не спрашивал никто. Оставляли — со своим...

А в распахнутые окна вновь и вновь выплескивалась песня. И над двором, над улицей, над всей этой неостановимой, но на мгновения неслышной жизнью все шли и шли они — штрафные батальоны:

Считает враг: морально мы слабы...

Он мотал головой, скрипел зубами, и плакал. Кстати — раны свои он получил в первом же бою, и Победу — впервые встретил в госпитале.

ВЫСКАЗ

Это настигло его, едва он, хлебнув воды, вернулся в постель. Накатившая как бы ниоткуда волна — легкая в своей тяжести и светлая в своей глубине — накрыла его и, подхватив, вознесла. Вознесла, и — понесла...

Осознавая всю бессмысленность сопротивления, он поначалу попытался пусть и не отринуть ее, лишь сохранить некую малую, но такую важную часть самого себя. Тщетно. Весь, без остатка, он уже был там, где и должен тогда быть. Да и как иначе, если зов души и ее отзыв уже являли собой единое целое.

Прошив пространство, в иное время окунулся он. И далекая жизнь приблизилась, оборачиваясь в настоящую. Он вошел в нее, и она пришла в движение, зазвучала, брызнув красками. Как бы сама собой стремительно обретала она при этом словесную плоть, делалась выпуклой, осияющей, и в то же время — прозрачной, сквозной... Такой, что он уже мог выразить ее, казалось, в самом ее естестве.

На мгновение отпрянув от открывшегося, он решил было подняться, чтобы удержать, закрепить и эту жизнь, и себя в ней. Но вдруг отчетливо понял: нет, такое — уже никуда не уйдет. И, улыбаясь, уснул.

Утром, за один присест записав все так же ясно звучавшее в нем и взглянувшись в

то, что впитал в себя этот невесомый по сути листок бумаги, он без особого удивления признался себе: «А ведь что-то тут есть...». И вдруг, по достоинству оценив свой первый опыт в прозе, испугался: «Это что же теперь: прощайте, стихи?!...».

И весь день, весь день эта пугающая мысль не отпускала его. Как дальше без них — он, проживший едва ли не все свои семьдесят в их стихии, себе не представлял.

А уже ночью, почти в то же самое время, что и накануне, резко проснулся. И тут уж хочешь — не хочешь, — пришлось вставать.

Стихотворение, записанное его рукой, начиналось так: «Я прошел по земле...».

Но другое продолжало держать его. Приняв произошедшее как откровение, он силился уяснить себе: какого все же рода-племени его «Батальоны...». Рассказ? — Ну, уж нет. Этим понятием написанное никак для него не определялось. Новелла? Эссе? Очерк, наконец?.. Нет, и еще раз нет.

«Рассказ, рассказ... рассказывать... пересказывать... выска... Стоп! Высказ...». И — к Далю. К Владимиру Ивановичу — за советом. И тот, как всегда, не подвел. Ну, конечно же — высказ! В смысле — высказать, сказать все, что знаешь, что на душе...

«Как точно... как же хорошо...». Этим и успокоился.

СТУПЕНИ

Поскользнулся он — на первой же ступени: сразу, лишь собираясь принять ее под ногу.

По все мыслимым и немыслимым земным законам старик должен был «отметиться» на каждой из четырех, а то и просто — рухнуть вниз. А уж там, в этом месиве из снега и льда, грязи и воды, попытаться собрать кости. Если, конечно, было бы кому собирать... Ан — нет: вот он — стоит себе, живой и здоровенький. На своих двоих — стоит!

С опаской переставляя ноги, старик двинулся в сторону — поближе к свету. Но чувство неуверенности не отпускало и там. «Ну, да... очки...» — он понял, что сняв еще при входе в магазин (запотевают — не разглядишь ничего), так и не вернул их на место. Закурив, но отбросив сигарету уже после двух затяжек, еще какое-то время постоял в раздумье.

«Это что же получается: двумя путями с единого маху прошел?.. Н-нда... Скажешь кому — не поверят. А себе — чего уж врать. Даже матюгнуться не успел...», — усмехнулся невесело.

И в самом деле: раздвоение реальности — вот что не только ощутить, но и постичь успел он тогда. Прожить и пережить одновременно, замкнув на себя время, и падение, и спуск — оставаясь на ногах, похоже, единственным возможным образом.

Долго, проходя привычным маршрутом, делая покупки — причем, и те, на которые и не рассчитывал, не мог отойти он от случившегося. А когда уже поднимался к себе на четвертый этаж — неожиданно легко, почти не ощущая тяжести — и своей, и покупок, вдруг вспомнил мальчика. Того самого, из магазина с ненормально крутыми ступенями.

Это ведь он, объявившись как бы ниоткуда, раскрыл перед стариком дверь, придержав ее, пока тот выходил. Вспомнилось, как совсем не по-детски прозвучало «пожалуйста» в ответ на несколько растерянное «спасибо». Столь же серьезен был и внимательный взгляд мальчика, оставшегося стоять у дверей, когда старик шагнул на ступени. Пройдя свой путь до точки, но еще не начав выходить из нее, старик сумел принять этот взгляд во всей его полноте.

Поддерживая, он вел его и поближе к уличному фонарю. А вот ни глаз, ни лица мальчика вспомнить так и не получалось. Лишь строгая фигурка в зеленой курточке...

«И правильно, что не матюгнулся...», — неожиданно подумал старик, доставая входные ключи.

ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

Поздоровавшись, он, было, уже проходил мимо, но что-то остановило его. Будто споткнулся...

— Еще раз привет, Володь,— пожав протянутую руку, присел рядом на шаткую скамейку.

Скользнув взглядом по своему сверстнику, отметил: «Постарел...».

Вот и дом — сгорбившийся, глядящий в землю, в оспинах по штукатурке, с побитым местами до дыр, давно почерневшим шифером крыши,— тоже...

Резко дернул лицо в сторону — к солнышку над беспорядочными кустами.

— Погодка-то сегодня...

— Угу...

Помолчали.

— Ну, как ты, Володь? Тут, значит, живешь?

— Тут. Да где ж еще... — тот устало покачал головой, как бы утверждая ответ.

— Один?

Для порядку спросил, ведь ясно было и так. Вот и бывший однокашник глянул удивленно: мол, о чем это ты...

— А как же эта... как ее... Ну, продавщица которая?..

В ответ — лишь слабое, бессильное движение руки.

— И давно?

— Давно...

Помолчали.

— Ну, а ты как? В отпуске?

— Да уж вторую неделю...

— Там все... в Туле?

— Там, там...

И опять — тишина: лишь солнышко по легкому ветерку. Совсем как тогда — тыща лет тому...

И разом вдруг ощущив это, они оба как бы очнулись, воспряли, почувствовав неожиданную, казалось бы невозможную в сей час близость друг к другу, даже в чем-то свое родство.

— Послушай, Володь. Ты это — главное не унывай... Жизнь — она такая, зараза... Знаешь, каждого по своему молотит...

И, еще не до конца осознавая, что говорить-то больше не о чем, что все уже, по сути, и сказано, решительно поднялся.

— Бывай...

Положив руку ему на плечо и слегка тряхнув его, будто помогая сохранить их общее теперь чувство, это пробуждение, шагнул в сторону. И, уже уходя, незаметно для себя почему-то убыстряя шаги, услышал негромкое, приглушенное, посланное ему в спину:

— Спасибо тебе, Валер...

Продолжая держать на себе неловкую тяжесть услышанного, медленно обернулся:

— Да за что?!

— Что поговорил со мной...

Слезы текли по его лицу.

«Боже мой... Боже мой... Это какую же жизнь надо было успеть прожить, чтобы вот так... вот так...», — сокрущенно все думал и думал он. А уже подходя к своему родительскому дому, вспомнил сказанное когда-то его сотоварищем по литературному цеху: «Человеку нужен — человек...»

Прав был товарищ. Знал, о чем говорил.

ВЫСОКИЕ ВИШНИ

Какие же это были вишни! Ах, какие... Он таких — с роду не видал.

И в самом деле: в деревне, где, по сути, и рос у деда с бабушкой, за двором — лишь куст смородины. Которой, впрочем, вырвать не удавалось, ибо обрывалась еще зеленой, едва успев пообещать отдельной ягодкой свою спелость,— одним бочком, к солнышку обращенным.

Была, правда, еще бузина. Вот эта, обсыпенная,— буйствовала вовсю. Да толкуто... Есть-то ее — было нельзя.

А вишни — они там, где мамка с папкой,— в «тимесе», в остатках старого сада, где на месте бывшей барской усадьбы и располагалась МТС — машинно-тракторная станция, где жили и работали родители мальчика и куда они, от случая к случаю, могли на время забрать его. Как и в этот раз.

Исхитрившись, он поймал-таки веточку и подтянул к себе ягоду, каким-то чудом еще уцелевшую внизу. Вку-усно!.. Но больше поблизости таких не было, даже спрятавшихся за листиками. Задирая голову, мальчик поиском их выше... еще выше... И вот там — на головокружительной, недосягаемой высоте — их было много.

Не зная, что делать, он какое-то время постоял в недоумении. По всему выходило, что надо было лезть на дерево. Но как, если на такую верховину он никогда еще не забирался... А вишни — манили к себе, и не столько обещаемой, уже распознанной, вкушенной, еще не забытой сладостью, сколько высокой недостижимостью своей. И это было — куда сильнее.

Доверившись непонятному, новому для него чувству, мальчик начал подъем. И старое дерево — откликнулось на это, помогая ему где прочным еще сучком, где просто выступом коры. И вот он уже там, куда и стремился.

Устроившись на ветке, которая будто и ждала его, мальчик огляделся. Вишни — вот они, одна к одной, как на подбор: крупные, наливные, вызревшие почти до черноты. Ах, какие это были вишни!.. Они легко лопались, обдавая соком язык и небо, щедро даря неведомую доселе сладость, которая растекалась, чудилось, по всему телу мальчика.

А он, еще не насытившись, еще не напитавшись высокой радостью, вдруг остановился. Что-то было не так, что-то было неправильное во всем этом. Ну, конечно: такие вишни никак нельзя было есть одному. Ими обязательно надо было делиться, они — и для других. Уверившись в своей догадке, мальчик торопливо принялся обрывать ягоды, отправляя их за пазуху.

Спускаться оказалось куда сложнее: приходилось крепко обнимать дерево, где-то скользить по его корявому стволу, обдирая руки и коленки. Но он не обращал на это внимания, это не волновало его. Уверенный, что все делал и делает так, как надо, мальчик спешил к маме — на работу, в контору того самого «тимеса».

И он — не ошибался. Непонятные ему растерянность мамы, промелькнувшие на ее лице и гнев, и обида куда-то исчезли, когда мальчик, придерживая у живота влажную тяжесть под рубашкой, шагнул к ее столу: «Это — тебе...».

И что-то как будто смахнуло, куда-то унесло все улыбки и смешки находившихся рядом, разом посеревневших женщин, когда мама, просветлев разгладившимся лицом, молча погладила его по голове.

А рубашку ту — новую, белую — на него никогда уже не надевали. Но запомнил он ее — на всю жизнь.

КАРЯБАЧКА

Что-то, а вот хлеб — он всегда носил с собой. Нужен он ему был — и все тут.

Когда надо, рука сама ныряла в карман: отщипывала кусочек, который долго по-

тот размягчался во рту, рассасывался от исконной кислинки до потаенной живительной сладости. Принимая ее, казалось, всем своим естеством, Валентий (как прозвал дед для удобства, так и прилипло...) чувствовал себя уверенно, бодро.

Вот и опять, не нашарив и хлебных крошек, а они — сухие, колючие летом и влажные, липкие зимой — выбребались чуть ли не все, завернув к родной избе.

— Чего тебе... водицы, хлебушка?.. — пропустив мимо скрип двери, откликнулась на его просительное «Ба-а?!» выглянувшая из чуланчика перед загнеткой — устьем печи — бабушка Арина.

Правильно растолковав смущенное молчание и протягивая кружку с водой, по привычке уточнила:

— Карябачку, небось?..

Проводив внука, какое-то время постояла в раздумье, будто вспоминая что-то. И, улыбнувшись чему-то своему, вернулась к неизменным, неотложным делам.

Хлеб в ту пору, слава Богу, в деревне уже не переводился, даже у Ларкиных, где одна мать тащила пятерых — мал мало меньше. Бывало, усадив свою ораву перед огромной миской со сваренной на воде картофельной похлебкой, заправленной ложкой постного масла, она отрезала ломоть и Валентию. Все на слободе знали: этот — хлеб любит. И как-бы даже по-своему уважали его за то.

Всякий он перепробовал, да только лучше своего — не было. И не потому, что бабушкин, а потому — что правда. Вроде и мука одна и та же — ржаная, и печки одни и те же — русские, а поди ж ты... Все так, а хлеб — разный.

Вкуснее всего, конечно, горбушка. Особенно когда из нее повыковыриваешь мякиш, оставив лодочкой одну корку — сладко-коричневую, ласково-гладкую, всегда почему-то теплую на ощупь. А уж если горбушка от лопнувшего в печи каравая — та самая карябачка!.. Тут уж — слов нет. Кому доводилось едать такое — тот и без того знает, а кто не пробовал — тому не объяснишь. Бесполезно.

Нету теперь того хлеба. И вряд ли он когда здесь будет.

Одно только надо сказать. Хлеб тот удивительным каким-то образом сохранялся сам в себе, в своей самости в любой состоянии: что прямо из печи, не успев толком остить, что черствый, что став сухарем. Вот ведь как...

Долго потом Валентий, далеко ушедшний от той незабвенной поры, давно утвердившийся в своем настоящем имени, пытался разгадать свою загадку: неодолимая тяга к «черняшечке» — на всю жизнь ведь осталась.

Простой оказалась разгадка. Хлеб заменил ему — так случалось — материнское молоко: нажевывала бабушка, завязывала в тряпицу, в узелок — вот и соска...

На хлебе вскормился человек. Потому он для него — и наущенный.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Жила-была девочка. И нравился ей мальчик — из соседнего класса.

Как, почему нравился — она не знала. Хотя и не таким словом определялось, наверное, то чувство, которое переполняло ее душу, толкало на странные, нелепые для окружающих поступки. Просто было в этом мальчишке что-то такое... родное, настолько близкое, что притягивало, понуждало выплескиваться ее душевное тепло.

Вот и опять, едва завидев его в школьном дворе, она устремилась наперерез.

— Да иди ты... Пусти! — как мог, чуть не плача, пытался отбиться он от ее рук и губ.

— Ната-аша... Дочка! — строгий голос остановил ребячью возню.

Заправив под шапочку выбившиеся волосы девочки и поправив ей воротник, женщина крепко взяла ее за руку.

— Ну, и чего ты к нему прилипла... — как бы продолжая давно начатое, она тяну-

ла дочь за собой, незаметно для себя убыстряя шаг.— Ты погляди, погляди на него: замухрышка, смотреть не на что...»

А то — и правда. Рослая не по годам, справненькая, вся какая-то светлая, милая — и не только ей, матери, но и другим людям — девочка уже сейчас обещала многое. Женщина усмехнулась, вспомнив взъерошенного мальчишку: «Это надо же, чисто воробышек... мокрый...».

«Все равно... ну и пусть...» — отворачивая в сторону лицо, твердила себе девочка. Что за этим стояло, куда вело — на эти вопросы ответить было некому. А ведь что-то — стояло...

Лишь много-много лет спустя, вся ее долгая-долгая жизнь, уже готовившаяся обрести цельность, по-настоящему открылась ей.

Становясь явным, все более и более живым, прступил и он — ее сын: такой желанный, но так и не рожденный (что уж тут: Господь — не дал...). Она увидела его, казалось, во всей полноте, и потянулась к нему, остро осознавая, что это он и есть — именно тот, который столько раз представлялся ей в ее надеждах. Вот только лицо его...

Собирая свои очертания откуда-то из далекого далека, проясняясь, оно было — иным. Не чужим, нет, но каким-то другим — словно из забытья. И при том — тем самым: верным, истинным.

Это испугало ее, заставило собраться, напрячься изнутри. И не отпускало, пока видение, наполнившее жизнью, не обрело, наконец, устойчивую четкость, пока весь облик его — тот самый, издалече, из начальных времен — не высветила улыбка, ниспосланная — ей.

— Во-она как... — только и успела произнести.

Уронив на одеяло уставшие прибираться руки, она все быстрее и быстрее отходила туда — к своим.

КРЕСТ

— Осторожно! Двери закрываются...

Немного поерзав, поудобнее устраиваясь на вагонном диванчике и вновь порадовавшись, что место досталось и жене, и ему, он вернулся к себе. «Крутить стихи» под ритм колес — привычное, добреое дело еще с юности, с первых студенческих лет.

«Пошли» они и теперь — пока неясные, в смутных очертаниях, едва высвечиваемых вспышками далеких, пока не обжигающих искр. Но ужеказалось, что еще чуть-чуть, и вот оно — заветное, единственно верное слово, взяв которое, ощутишь во всей полноте всегда неповторимый сладкий ожог необъяснимого чуда. Казалось, вот-вот... и...

Но что-то мешало прорваться, взойти посиянному в слове свету. Что-то незнакомое, непонятное старалось подавить наметившиеся было ростки. С тревожным изумлением поэт вдруг ощущил, как это — доселе неведомое, враждебное — растекаясь по нему, добираясь чуть ли не до каждой клеточки, опустошает не только душу, но и тело.

Он просто терял силы.

Не понимая, откуда исходит злая воля, которая, сгущаясь, все плотнее застилала уже и весь свет белый, он неловким, немощным усилием попытался найти, определить его. Чтобы встретить — лицом к лицу...

И сразу, едва подняв голову, наткнулся на сидящего напротив пассажира. Неврачный мужичок в бывалой одежке толи дачника, толи грибника с расплывшимся по полу возле ног просторным рюкзаком, слегка улыбаясь, с ласковой хитрецой глядел на него.

И это был — взгляд хозяина.

Две волны сшиблись, разом накрывая поэта. Но своя — жаркая — успела пристать весть... Как мог, не осознавая своих действий, он бросил в супротивника образ креста, ниспосланный ему оттуда же, откуда и приходили стихи. И тот, опешив, отшатнулся в испуге, неспособный сопротивляться такому.

Снова и снова, со все большей и большей возвращаемой себе силой впечатывал, вбивал он в чужое, уже угасающее, животворящий крест...

«Добить, что ли...», — неожиданно для себя подумал поэт, выходя вслед за женой из вагона. Но взглянув еще раз на поникшего, скучожившегося пассажира, решил: «Нет! Слабак...»

Не стал он ставить на нем креста. Зла — уже не было. Оставалось пустое, никчёмное существо, бывшее когда-то человеком.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

Евгению Ивановичу Трещеву...

День — звенел весной. Пробившись сквозь оттаявший шум, все увереннее всходили ожившие голоса. Подвластные уже большому, уже достаточно окрепшему солнцу, они поднимались все выше и выше, перерастая — в небесные звоны.

Надежда всходила над землей. И казалось, что она — для всех. Казалось, что именно так и определил ее Тот, кто непостижим. Тот, кто распорядился: пребудет свет...

Так оно и было. Звоны множились, отзываясь в людях: во всем их облике, в устремлениях, во всех движениях их. Вот и детский лепет, взрываемый заливистым, просторным смехом, был принят всеми и понятен всем.

Невольно приняла его и эта женщина — привлекательная, еще статная, все еще уверенно несущая остатки былой красоты. И вдруг — что-то будто надломилось в ней. Проходившая мимо с младенцем на руках молодая мать, вся погруженная в свет, сама излучавшая его, была — не от мира ее. Так много было этого света, настолько он был нестерпим...

Поникшая, с размытым слезами, потерянным лицом, увлекаемая хозяйственной сумкой, женщина шмыгнула вслед за своей тенью.

Продолжил путь и случайный свидетель времен и сроков. И шагнул было в сторону солнечного звона. Но тут же — спохватился: а ведь ему — уже не туда... Усмехнулся, качнул головой — и пошел. Куда ж денешься...

Александр Петренко
(г. Краснодар)

ЭНОЛОГ

Литературный псевдоним — Александр Ралот. Публиковался во многих российских, белорусских, ближнего и дальнего зарубежья периодических изданиях, а также в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова.

В нашем доме нечасто, но иногда случается. Сегодня ждем гостей — четверть века не виделись. Так уж случилось, что лихие девяностые развели не только по городам, но и государствам. Чем же угостить иностранцев, познавших за эти годы вкус самых элитных и изысканных напитков Европы. Стою и рассматриваю содержание бара. К сожалению, не обзавелся я хранилищем коллекционных вин, стоящих состояния. Но и в этом «погребке», если порыться, отыщется что-нибудь этакое.

* * *

Рука без команды из мозга извлекает на свет божий бутылку Калифорнийского вина из знаменитой долины Напа! Главного винодельческого района штата, да и всей далекой страны. Купил на выставке за немалые деньги. Для особого случая. Будет теперь украшением праздничного стола. Взял тряпку, чтобы стереть пыль с раритета и с удивлением обнаружил собственноручную надпись на этикетке: «Андрей!!!» Да, да, именно так, три восклицательных знака. Видать, что-то важное хотел подчеркнуть. Беру бутылку и спешу к компьютеру.

* * *

Наверное, предполагал написать об этом человеке. Но что? Роюсь в «авгиевых конюшнях». Чижевский и лампа. Нет, не то. Челюскин, льды. Тоже не подходит. Черняховский. Обязательно напишу о нем. Но позже. Стоп! Вот оно! Вчитываясь в старые записи, и как это ни банально звучит, окружающий мир на время исчезает!

* * *

Подпоручик, еще мальчишка, только что окончивший офицерскую школу в Екатеринодаре, умирал. Из последних сил пытался руками закрыть раны от пулеметной очереди. Подобно литературному герою лежал на холодной, насквозь промерзлой земле, покинутый однополчанами. О чем он думал? Уже не узнать! О разграбленном

родовом поместье? О безжалостно повешенных породистых охотничьих собаках? Или о расстрельном списке, в который семья Челищевых внесена в числе первых...

Его командир, до начала эвакуации, успел известить отца о гибели сына.

Но судьба распорядилась иначе.

* * *

— Ваше благородье, поглядите, кажись, живой.— Бородатый казак склонился над Андреем.— Точно! Дышит! Идти сюды, сами послухайте. В лазарет бы свести. Бог даст, гляди и оклемается. Ведь пацан почти. Поди не целованный ище.

Бесчувственного воина отряхнули от снега и, пришпорив коней, повезли в город.

Красная армия стремительно наступала. Оставаться на полуострове было опасно. И Челищевы, всей семьей, отправились в Турцию. А некоторое время спустя перебрались в тихую Чехословакию. Там сын Андрей, едва оклемавшись от полученных ран, поступил в университет городка Брно. Хотел стать медиком, но, в однечасье, передумал и перевелся на агрономический факультет. Решил специализироваться на виноградарстве и виноделии. И выбранной профессии уже не изменял до конца дней.

Прошли годы. Дипломированного энолога направили в высшую школу винодельческой науки, во Францию. Молодой специалист начал трудиться на знаменитых предприятиях Бургундии и Шампани.

* * *

— Позвольте представиться! Латар. Бизнесмен. Владелец крупного хозяйства в долине Напа. Правда, в прошлом.

Профессор оторвал взгляд от книги и посмотрел на посетителя.

— Что значит в прошлом? Если разорились, то финансовые дела не по моей части.— Хотел было откланяться, но американец удержал.

— Вам, вероятно, известно, что в нашей стране отменили сухой закон. А это значит, в Соединенных Штатах можно и необходимо заниматься виноделием. Уверяю, рынок сбыта колossalный. Необходим высококлассный специалист. Улавливаете ход моих рассуждений?

— Насколько мне известно, господин ээээ, бизнесмен, ваши виноградники заброшены! Пребывают в полнейшем запустении! Если вообще не вырублены! Винокурни! Нет слов! Оборудование заржавело. Зачем вам высококлассный энолог? Сделайте милость, потратьте капиталы и недюжую энергию на восстановление того, что сами же так бездарно порушили. На это потребуются годы, если не десятилетия. Уж я-то знаю! Засим, имею честь...

Однако гость умел быть убедительным. Разговор затянулся до ночи. В результате профессор порекомендовал напористому заокеанскому гостю лучшего ученика. Предупредив при этом:

— Единственным недостатком молодого человека является то, что он не потомственный винодел, да к тому же еще ни капельки не француз. Скажу больше. Эмигрант из далекой России. Этот факт не смущает?

* * *

Челищев в те годы не только сотрудничал с фирмой, производящей знаменитое на весь мир шампанское, но и проводил собственные научные исследования в Институте имени Пастера. Предложения о трудоустройстве в других странах поступали к нему регулярно. Ученый отказывал всем. Каким образом сумел убедить Ан-

дрея заморский работодатель, мне доподлинно не известно. Однако уже осенью того же года Челищевы перебрались на новое место жительства, в далекую Калифорнию.

Залитая беспощадным солнцем долина Напа представляла собой унылое зрелище. Десяток влачавших жалкое существование хозяйств выжили лишь потому, что их продукция с разрешения властей использовалась в местных церквях для причащения. Из хилых гроздьев, конечно же, получалось только скверное вино.

Видеть такое после шале юга Франции нестерпимо. К тому же работа в долине никак не соответствовала уровню парижского ученого, успевшего создать себе имя в отрасли. Вдохновляло лишь то, что на этих землях можно было внедрить новое — СВОЕ.

* * *

И пошло-поехало. Понадобился не один год, дабы научить местных виноделов азам гигиены и микробиологии. Организовать поставки из старого света знаменитого французского дуба для производства бочек. С этим сразу возникли проблемы. Началась вторая мировая война. Тут уж стало не до торговли. Отыскал аналогичные, американские. Создал микробиологическую лабораторию в городке Сент-Элен.

Не было и дня, чтобы русский не проводил эксперименты. Скрещивал местные сорта винограда с европейскими. Внедрял французские технологии, но не один к одному, а творчески, с оглядкой на почвенно-климатические особенности местности.

На винзаводах стала применяться техника холодного брожения и молочнокислой ферментации. После чего в продукте исчезла вяжущая терпкость. Итогом этой работы стал новый сорт калифорнийского винограда, наподобие знаменитого Каберне. Материал вызревал в специальных бочках, изготовленных из деревьев, росших в лесах новой Родины.

Челищев был уже стар, когда владельцы фирмы, в которой он трудился не один десяток лет, продали ее крупной компании, специализирующейся на выпуске ликеров.

Остается только одно! С высоко поднятой головой уйти на заслуженный отдых. Но винодел не сделал этого. «Пока я могу двигаться и думать, буду работать!»

В семидесятые годы минувшего века Челищев с учениками объезжал винодельческие хозяйства Бордо. В это время в Париже проходила представительная франко-калифорнийская дегустация. И вина из Напа в честном бою победили местный премьер крю.

В шато, где остановились заокеанские гости, позвонили:

— Информация для маэстро Андрэ.

Американский чиновник шепотом, с приподыханием, произнес:

— Только что объявили результаты голосования. Победили ваши каберне и шардоне.

— Не говори никому,— ответил энолог.— Французы расстроятся. А мы же у них в гостях.

Но уже через двадцать минут в автобусе делегация устроила триумфатору бурную овацию!

В Калифорнии это победа вызвала экономический бум. Новые винодельни появлялись ежедневно. Его наработки передавались от одного шале к другому. А вина начали закупать официальные поставщики Белого дома и Капитолия.

* * *

Я заметил, что все еще держу бутылку в руках. Поставил на стол и взял пожелавший буклет. «Выставка «Андрей Челищев — основатель современного виноделия Калифорнии». Дом русского зарубежья на Таганке. Партнеры: Сельскохозяйственный отдел Посольства США в Москве и Мосгордума. Планируется, что экспозиция после Москвы будет развернута в Париже, а затем в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе.

Далее шел список спонсоров. Одна фамилия заинтересовала — Алексей Голицын. Несколько щелчков по клавиатуре и я с удивлением уставился на экран.

«Племянник Челищева и дальний родственник князя Льва Голицына».

Конечно же, того самого, знаменитого владельца виноградников Крыма и Ново-российска, умершего в нищете и продавшего за долги винзавод «Новый Свет».

Впрочем, как говорит наш известный актер, это уже совсем другая история.

* * *

Вернул раритеты на место. Посмотрел на рукопись. Нужно что-то добавить? Только это! Какие имена русских эмигрантов остались в истории человечества? Вертолеты Сикорского, телевидение Зворыкина! И, конечно же, калифорнийское вино Андрея Викторовича Челищева!

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

РАССКАЗЫ

Родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «День Литературы», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Приокские зори», «Сельская новь», «Молоко» («Молодое око»), «Нана», «Огни над Бией», «Милиция», «Воин России», «Пограничник», «Наша молодежь», «Фантастика и детективы», «Иван-да-Марья», «Ковчег», «Зона риска». Лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор десяти сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

МЫ ЖЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Директор небольшой мебельной фирмы Игорь Петрович Костин, офицер-отставник лет пятидесяти пяти, решивший попытать счастье в бизнесе, уже с самого утра изрядно устал. Последнее время дела фирмы складывались неудачно: то качество сырья низкое, то перебои с комплектующими, то фурнитура ненадежная. И, как следствие, выработка готовой продукции снизилась, спрос на мебель упал.

Директор всячески стремился в короткий срок исправить положение. Он вставал чуть свет, вызывал машину. Едва успевал выпить чашку кофе, как «Ауди» уже стояла у подъезда.

— На износ работаете, Игорь Петрович,— предостерегал шефа водитель.

— Ничего, Серега, на том свете отдохнем,— мрачно шутил Костин, стараясь держаться бодро.

С раннего утра директор обходил все производственные участки, дотошно внимал в производственный процесс, проверял качество продукции, следил за параметрами приборов, за производственной дисциплиной. Нерадивым работникам давал накачку:

— Сам разорюсь и вас по миру пущу, если не будете отдаваться работе.

Метод закручивания гаек давал определенные результаты. Однако Костин понимал: чтобы кардинально изменить положение дел, надо срочно переходить от дедовских методов к современному производству. А это значит — вкладывать солидные финансовые средства в строительство нового производственного корпуса, в новое автоматическое оборудование. Словом, перевооружать производство, вводить новые мощности и благодаря этому добиваться высокого качества продукции. Между тем средств катастрофически не хватало, и директор вынужден был взять очередную ссуду в банке под высокие проценты. Теперь необходимо было проследить, чтобы каждый рубль, вложенный в дело, окупился сторицей.

Почувствовав усталость, директор решил немного отдохнуть — поработать с документами. Костин прошел в офис, поднялся в кабинет, предупредив секретаршу:

— Марина! Ко мне пока никого.

— Хорошо, Игорь Петрович. Сейчас принесу кофе и свежую почту.

Костин тяжело опустился в кресло, задумался. Вошла Марина — поставила на стол чашку дымящегося кофе, аккуратно сложила прессу на край стола и тихонько удалилась.

Костин сделал несколько глотков кофе и, взглянув на письма, остановился на одном из них. В письме шла речь об оптовой закупке офисной мебели. Настроение мигом поднялось, спал груз усталости. Напевая легкий мотивчик, Костин переключился на областные газеты. Отдельные только полистал, другие пробежал глазами.

Добрался до старейшей газеты — патриарха областных СМИ. Он полюбил ее еще с той поры, как молодым лейтенантом был направлен на службу в военный гарнизон неподалеку от областного центра. Уважал за принципиальность, за неизменную нравственную позицию, за близость к простым людям. Костин был глубоко убежден, что настоящая газета должна чувствовать людскую боль. На таких принципах всегда держалась русская журналистика. Недаром же еще Александр Герцен считал, что она есть «не врач, но боль».

Ныне любимая газета переживала нелегкие времена. На рынок средств массовой информации хлынул поток низкопробной печатной продукции, смакующей все, что пахнет жареным, играющей на низменных чувствах читателей. Его же избранница, как бедная интеллигентная женщина, знающая себе цену, и в горьком унижении не роняла своего достоинства. Костин, как мог, поддерживал газету: давал рекламные объявления, посыпал для публикации праздничные поздравления своего коллектива, поощрял лучших работников фирмы подпиской на газету.

Всех журналистов газеты Костин узнавал с первых строк, не заглядывая в конец статьи, где стояла подпись автора. С некоторыми из них был знаком лично, других знал только как читатель, но уважал тех и других — все были профессионалами своего дела. На второй полосе в глаза бросился очерк Таисии Крестинской «Не разлучайте нас с мамой». Это была корреспонденция из тех, что раньше выходили под рубрикой «Письмо позвало в дорогу». Очерк захватил Костина, и он с головой ушел в чтение.

В редакцию пришло письмо от молодой женщины из деревеньки Соколья Гора, давно забытой богом. Женщина жаловалась на бездушных чиновников, которые хотят отнять у нее детей за то, что они живут в нищете. Это был крик погибающего человека: «Муж в бегах — скрывается от алиментов, сама бываю, как рыба об лед, но не могу свести концы с концами. Работы в селе нет — колхоз давно распался. Доход от домашнего хозяйства с гулькин нос, пособие на детей мизерное — на хлеб не хватает. Хата прохудилась, одежонка поизносилась, а чиновники вместо того, чтобы оказать помощь, собираются отобрать детей, которым нечего есть. Но разве я виновата, что оказалась в столь плачевой ситуации?! Неужели им неведомо, что ныне так или почти так живет пол-России?!»

Корреспондент газеты выехала в Соколью Гору и ознакомилась с положением дел на месте. В публикации сообщалось, что факты, изложенные в письме, нашли свое подтверждение. Женщина не пьет, ведет небольшое хозяйство. Бывший муж алименты не платит, местонахождение его неизвестно. В старой ветхой хибаре поддерживается относительный порядок. Троє детей одеты в латаную, но чистую одежду и худые настолько, что насквозь светятся. Чиновники действительно проверяли положение детей, угрожали матери забрать их и направить в приют.

Заципила Костина эта статья — чуть слеза не прошибла. Сам он выходец из села, родился в трудную послевоенную пору и не понаслышке знал, что такое нужда. Отец рано скончался от фронтовых ран, и мать в одиночку тянула свой нелегкий воз —

поднимала четверых детей. Игорь был старшим, и едва подрос, стал помогать матери — подрабатывать подпаском. А позднее — пахал, сеял, косил и стоговал сено каждое лето наравне со взрослыми. Когда приходилось неделями голодать — выручали соседи. Кто блинков даст, кто хлеба горбушку, кто картошкой поделится, кто кружку молока нальет. Особой жалостью отличалась бабка Арина — видя голодные глаза детей, сама не съест, а их накормит. Урожай собирает — часть выделит соседям за помощь. На всю жизнь запомнил Игорь, как простыл, провалившись в полынью, тяжело заболел, и бабка Арина спасла его растирками и сиропом из кускового сахара. Мать, бывало, всплакнет: «Как я с тобой, Семеновна, рассчитываться буду?». А она в ответ: «Успокойся, Ульяна! Мы же русские люди и должны помогать друг другу. Иначе нам не выжить».

В военное училище Игоря Костина провожали всей деревней. Бабы плакали, напутствовали парня: «Хотя бы тебе, старшему, повезло выбраться из нищеты. Тогда и других вытащишь». Повезло. Училище окончил с отличием и всегда добрым словом вспоминал своих душевных земляков. Потом, когда уже крепко встал на ноги, хотел собрать всех за общим столом, сказать им теплое слово. Но было поздно — неперспективная деревенька приказала долго жить: старики померли, а молодежь покинула отчие дома...

Костин встал, нервно заходил по кабинету, о чем-то напряженно думая. И вдруг решительно шагнул к столу, нажал кнопку внутренней связи:

— Марина, срочно вызови Сергея.

Не успел Костин как следует обдумать свое решение, на пороге уже стоял водитель.

— Слушаю вас, Игорь Петрович.

— Вот деньги, — протянул ему несколько крупных купюр шеф, — срочно поезжай в универмаг. Купи три комплекта детской одежды на три, семь и девять лет. Двое последних — мальчики, малышка — девочка. Куртки, брюки, рубашки, платьице, спортивные костюмы, кроссовки. А еще — продукты: хлеб, сыр, колбасу, пельмени, тушеницу — все качественное. И обязательно сладости: конфеты, печенье, пирожное, вафли, лимонад. Возьми себе в помощь Лену Гусакову из планового отдела. Жду тебя через пару часов.

Не прошло и двух часов, как Сергей докладывал шефу:

— Игорь Петрович, задание выполнено. Машина наполнена под завязку. Все качественное, по моде и со вкусом. Куда прикажете доставить?

— Поехали, — сказал Костин и на ходу бросил секретаршу:

— Марина, все вопросы к заму. Буду к вечеру.

Стояла ранняя осень. За окном машины проносились деревья, одетые в нарядный убор. Проплывали серебристые паутинки бабьего лета, цеплялись за придорожное былье. «Много паутины — добрый знак. Осень будет ядреная», — вспомнил Костин слова матери. На дальнем поле ярко зеленела свежая, молодая озимь. На опустевших лугах виднелись высокие стога. Рядом с дорогой, на голой стерне, золотились копны пшеничной соломы. Среди них разгуливали стаи журавлей, собирающихся в дальнюю дорогу.

В Сокольей Горе гости без труда отыскали старую деревянную хибару: журналист описала деревню так, что ошибиться было трудно. Тропинка к избе пролегала через высокий колючий бурьян. Водитель подъехал почти вплотную к хате, поднялся на крыльце, постучал в дверь. На стук вышла хозяйка, довольно молодая, но с легкой проседью на висках. Озабоченным взглядом широко распахнутых глаз она посмотрела на гостей. На лице мелькнуло удивление, быстро сменившееся страхом. «Наверное, приняла нас за тех, кто грозился отнять детей, — подумал Костин. — На мою мать в молодости похожа — русская стать, гордость, красота, несмотря на невзгоды».

— Мир вашему дому! Вас, кажется, Людмилой зовут? — шагнул к крыльцу Кос-

тин.— Не пугайтесь — мы к вам с добром. Узнали, что вы попали в сложное положение и хотим вам помочь, если вы, конечно, не против...

Хозяйка удивленно вскинула брови, некоторое время молчала. Похоже, комок застрял в горле.

— Проходите в дом,— наконец взорванно произнесла она.

— Сергей, открывай багажник — доставай подарки,— распорядился шеф.

Водитель стал вынимать сумки, пакеты, коробки и осторожно складывать на лавочках у крыльца. Хозяйка стояла на крыльце в окружении ребятни, словно вкопанная. По ее впалым щекам текли слезы. Костин смотрел на ее худенькое лицо, на грубы пальцы, то нервно теребящие концы платка, то поглаживающие волосы дочурки, и думал о ее нелегкой доле.

— Ну что же вы стоите? Помогайте,— обратился к детям гость.

Дети посмотрели на мать, и та в знак одобрения кивнула головой. Ребята тотчас несмело подошли к сумкам, стали таскать их в хату. Подарки сложили на старом проваленном диване, неподалеку от печки. Часть коробок разместили на полу. Прежде чем распаковать их, Костин окинул взором внутреннее убранство избы.

Из всех углов на гостя смотрела своими грустными глазами бедность. Несколько табуреток, кровать с панцирной сеткой, старая детская кроватка, источенный сундук, стол в святом углу — вот и вся мебель. На стенах — желтые фотографии. На потолке пятна подтеков, половицы прогнулись, подоконники покосились.

Когда вышли на крыльцо, Костин спросил у хозяйки:

— Есть ли поблизости добротный дом на продажу?

— Вы, верно, под дачу ищите? Тогда в поселке на центральной усадьбе посмотрите кирпичный дом. Там старенькая учительница жила. Дочь забрала ее в город. Узнав о продаже дома, администрация выкупила его, а теперь задумала продать. Говорят, что дорого просят, но я уверена — покупатель найдется. Место там красивое — бывшее дворянское поместье, старинный парк с вековыми деревьями, живописное озеро. Думаю, вам понравится.

— ПоеDEM, Сергей,— позвал водителя Костин. И обратился к хозяйке:

— Мы не прощаемся. А вы пока продолжайте распаковывать сумки, доставайте продукты и вещи, угощайтесь, примеряйте обновки.

В пути Костин упрекнул водителя:

— Ну что же ты, Серега, ничего хозяйке в подарок не подобрал?

Тот в недоумении посмотрел на шефа.

— Игорь Петрович, так мы же вели речь только о детях.

— Ладно,— улыбнулся Костин,— будет подарок и хозяйке...

Несколько часов спустя иномарка вновь мчалась в Соколью Гору по проселочной дороге. В поле было тихо и покойно. От пестроты красок осеннего дня, от бордовой вечерней зари, что догорала далеко на западе, от запаха горькой полыни, что врывался в окно машины с прохладным воздухом, было немного грустно и в то же время легко на душе. Костин поймал себя на том, что давно не испытывал такого приятного состояния. Хотелось остановить машину и остаться здесь на весь вечер и на всю ночь. Но надо было спешить, чтобы успеть в деревню до темноты.

У знакомой избы шофер нажал на тормоза. Все семейство высыпало на крыльцо встречать добрых волшебников. Ребята были в обновках.

— Ну вот, какие вы нарядные и еще более красивые! — сдерживая волнение, восторженно произнес Костин.— А коль так, собирайте свои пожитки и едем в ваш новый дом. Там уже все готово для приема новоселов.

Людмила сразу ничего не поняла, а когда до нее дошло, что гость интересовался новым жилищем для нее, она решительно отстранила детей и, не помня себя, бросилась Костину в ноги:

— Господи милостивый, уж не с неба ли вы свалились? Назовите же свое имя,

чтобы я знала, за кого мне теперь молиться до конца жизни,— сквозь слезы произнесла она.

— Ну-ну,— остановил ее Костин, обняв за плечи.— Вот этого не надо. Да и имя не обязательно. Мы же русские люди и должны помогать друг другу...

По весне, когда дела мебельной фирмы резко пошли в гору, Костин открыл свежий номер любимой газеты и на развороте ему бросился в глаза заголовок заметки «Мы же русские люди!»

«Уважаемая редакция! Пишет вам женщина, о которой вы написали осенью в статье «Не разлучайте нас с мамой». Может, мое письмо покажется нескладным, потому что я очень волнуюсь — столько всего на меня свалилось за последний год. Хорошего. У меня теперь есть свой добротный дом. Местного вдовца с ребенком приняла в семью. Надежный человек. Не пьет, работает. О детях заботится. Живем дружно. Недавно родилась доченька — моя прекрасная принцесса. Назвали ее Таей, в честь вашей журналистки Таисии Крестинской, благодаря которой мне помогли приобрести дом, мебель, одежду для детей, продукты на зиму. Хочу через газету донести слова благодарности и низкий поклон до замечательного русского человека большой души, который проявил неравнодушие и принял живое участие в моей нелегкой судьбе, подарив мне прекрасный дом, а вместе с ним — веру в людей. Я не знаю его имени — он даже не представился. Просто сказал: «Мы же русские люди и должны помогать друг другу». Дай бог ему и всем моим благодетелям здоровья и благ земных и небесных. Спасибо большое от меня и моих детей вашей замечательной газете».

С глубоким уважением, Людмила Ившукова.

ПОЕЗДКА НА МАЛУЮ РОДИНУ

Иномарка птицей летела по Киевской трассе. Проносилась и упывала вдаль веерица придорожных столбов, мелькали поля спелой ржи, разноцветье люпина и клевера, березовые перелески, речушки в оврагах, заросших осокой, черемушником и ивняком. Все это было до боли знакомо Игорю Скрементову — офицеру-подводнику, мчащемуся на свою малую родину на всех парусах.

Свой отпуск он намеревался провести с семьей на берегу Черного моря. Врачи настоятельно советовали жене отвезти дочку-пятиклассницу к южному солнцу. Из-за дефицита тепла и света на Севере ребенок часто болел, прицепилась какая-то редкая аллергия. Да и ему с женой полезно было погреться на морском песочке, искупаться в целебной морской воде, подзарядить изголодавшийся организм солнечной энергией. А на обратном пути Игорь хотел навестить мать в деревне, погостить у нее с семьей несколько дней, помочь старушке подготовиться к зиме.

Уже накануне отъезда на юг Скрементов получил письмо из деревни. Мать писала, что здоровье сильно пошатнулось, одолели хвори, по дому передвигается с трудом. И за помощью обратиться не к кому — деревня опустела, осталось всего несколько хат, в которых коротают свой век одинокие старики. Жить стало страшно — в округе появились банды. «Приезжай, сынок, поскорей. Каждый день для меня теперь как год. Хочу перед смертью повидать всех вас...», — слезно умоляла мать.

Игорь переговорил с женой и внес корректировки в семейные планы: он отвезет жену и дочь в Сочи, а сам помчится к матери. Надо убедить ее перебраться в Североморск. Если старушка, как и раньше, будет стоять на своем — «на кого же я оставлю могилу твоего отца?», то перевезти ее в ближайший поселок, поближе к людям, найти надежного человека, который будет присматривать за ней.

В пути Игорь думал о матери, о ее нелегкой доле. Вспомнился случай из детства. Однажды летом, в разгар сенокоса, они с отцом, инвалидом войны, заготовили пару возов сена на болотистых лужайках, среди лозняка и крушины. Председатель колхоза

за, узнав об этом, велел бригадиру изъять сено, скоженное в недозволенном месте. Когда колхозная бригада грузила сено на тракторный прицеп, мать плакала горючими слезами, умоляла не оставлять детей в зиму без молока, не обрекать их на голодную смерть. Отец тогда не выдержал и прикрикнул на нее: «Прекрати, Татьяна. Нечего унижаться». И подойдя к бригадиру, твердым голосом сказал: «Зря трудишься. Все равно придется вернуть сено семье фронтовика». В тот же день он отправил письмо в Москву, в центральный комитет партии. Спустя месяц сено было возвращено, причем, с солидной добавкой, и председатель колхоза лично извинился перед отцом — кавалером ордена Красной Звезды. Игорь тогда был школьником, и после смерти отца поклялся себе, что никогда не даст мать в обиду. Но вот сейчас матери плохо, а он не знает толком, как ей помочь, как облегчить ее участь...

Как ни гнал машину Игорь, но к городу подкатил уже в полночь. Двоюродный брат Сергей Скрементов жил с семьей в областном центре. У Игоря имелись его адрес и телефон. Можно было остановиться у Сергея, переночевать, отдохнуть, а рано поутру со свежими силами двинуться в путь. Но Игорь решил не беспокоить родственников ночью, а заглянуть к ним на обратном пути. Да и мать хотелось увидеть как можно раньше, поговорить, успокоить.

Это было нелегкое для страны время — конец девяностых. Криминал поднял голову и наглел день ото дня. На многих трассах, больших и малых свирепствовали банды. Нападали на фуры, автобусы, грузовые и легковые автомобили. Грабили, угоняли транспорт, убивали его владельцев. В одной из центральных газет Игорь наткнулся на очерк: «Волки» охотятся ночью», и с удивлением прочел о своем родном kraе: «...В этой приграничной области на Западе России бандиты развязали террор с каким-то мистическим оттенком. Сельские, да и городские жители с опаской выходят из домов даже белым днем. Запираются на замки черной ночью. Не заготавливают сено, не собирают грибов и ягод, не ходят на охоту, откладывают деловые поездки. Потому что рыщут в дремучих лесах беспощадные «волки», озверевшие от людской крови. Выходят разбойничать на дороги, грабят магазины, угоняют или силой отбирают машины и мотоциклы, врываются в жилые дома, насилуют женщин, совершают зверские убийства...»

По Киевской трассе Скрементов гнал машину без роздыха. Когда же въехал на трассу Орел-Смоленск, расслабился, почувствовал себя дома, на родной земле. До деревни оставались считанные километры, когда свет фар выхватил из темноты силуэт человека посреди дороги, машущего руками. Игорь притормозил, открыл стекло кабины, и высокий белокурый мужчина средних лет, нагнувшись, с акцентом возбужденно прокричал:

— Я латыш. Зовут Янис. Мы с напарником везем ценный груз на Украину. Остановились здесь на ночлег. На нас напало двое вооруженных грабителей. Украли большую сумму денег. Напарник ранен в ногу.

— Где они сейчас? — спросил Игорь.

— Скрылись на красных «Жигулях» вот на том повороте...

— Это на Белоруссию. Я за ними, — бросил Игорь. — Окажи помощь напарнику и на всякий случай перекрой белорусскую трассу своим грузовиком, — крикнул он напоследок и надавил на газ.

Скрементов свернул на повороте и во всю мощь погнал «Ауди». Прошло полчаса, когда впереди замаячил красный «Жигулевок». Игорь стал преследовать его. Бандиты заметили погоню и решили пропустить иномарку вперед. Сбавили ход, свернули на обочину и остановились. Скрементов проскочил мимо них, укрылся за поворотом и стал наблюдать за дорогой.

«Жигулевок» проносяся мимо на бешеной скорости. Скрементов вынырнул из укрытия и вновь бросился в погоню. Бандиты заметили приближающуюся иномарку и открыли по ней огонь. Игорь притормозил, но продолжил преследование. Впереди

замаячили огни — приближался поселок. «Кажется, пост ГИБДД. Неужели сами идут в ловушку?», — недоумевал подводник. Неожиданно «Жигуленок» резко развернулся и помчался назад, прямо на Скрементова. Проезжая мимо, бандиты вновь открыли огонь. Несколько дробин пробили стекло, но Скрементов среагировал вовремя. Тотчас развернул машину и помчался вдогонку.

Иномарка почти настигла «Жигуленка», когда фары «Ауди» вырвали из темноты фургон. Латыш поставил фуру поперек дороги и перекрыл проезд. «Жигуленок» попытался проскочить по краю обочины, но сорвался, опрокинулся и полетел в кювет.

Скрементов пулей вылетел из автомобиля и бросился к «Жигуленку». Подбежав к машине грабителей, он рванул на себя дверцу и вытащил рыжего коренастого парня, который лежал рядом с водителем. Тот попытался направить на него обрез. Игорь резко ударил ногой по руке бандита, выбил оружие. Заученным движением заломил ему руку за спину и, схватив другой рукой за волосы, ткнул головой о край кабины. На помощь подоспел Янис.

Меж тем, водитель «Жигуленка», доселе не подававший признаков жизни, выскочил из машины и пустился бежать по полю, освещенному луной, в направлении зубчатой кромки леса. Скрементов бросился за ним. На ходу сбив ногой крепкого рослого парня, он всем телом навалился на него. Тот сбросил Игоря, попытался подмять под себя, схватить за горло. Игорь извивался, как уж, применяя болевые приемы. Силы их были примерно равны, но Игорь был более изворотлив. Улучив момент, он нанес противнику сильный удар коленом в пах. Тот на мгновение ослабил хватку. Игорь воспользовался этим, крутанул его лицом вниз и своим коронным приемом заломил ему руку за спину. Подбежал Янис и огrel бандита монтировкой. Тот мгновенно затих.

Ночных разбойников уложили в иномарку и доставили в районный отдел милиции. Там выяснилось, что за бандой братьев по прозвищу «Рыжие» тянется длинный шлейф тяжких преступлений. И хотя банда просуществовала недолго, на ее счету было несколько пострадавших водителей, похищенные ценности, угнанные машины.

До рассвета Скрементову пришлось подробно рассказывать следователю и описывать в деталях ночное приключение. В поте лица трудился и латыш, побывавший с напарником в поселковой больнице, где раненому была оказана медицинская помощь.

Когда Скрементов прощался с Янисом, тот крепко пожал ему руку, похлопал по плечу и сказал:

— В нужный час ты, брат, подоспел на помощь. И лихо разделался с двумя вооруженными бандитами, хотя с виду вовсе не богатырь. Откуда такая уверенность в своих силах?

— Я подводник, — гордо ответил Игорь. — А на субмарине служат только оптимисты. Кто не верит в удачу, тот не подводник!

На пути к отчemu дому Скрементов остановил машину у тихой речушки, петляющей среди кустарников. Игорь спустился к воде, умылся, присел на берег и долго всматривался в речную заводь, сплошь покрытую широкими изумрудными листьями спящих кувшинок. Стояла звенящая утренняя тишина. Над водой, повисая на ветках, расползся белесый туман. От реки тянуло свежестью, водорослями, знакомыми запахами детства.

Припомнилось Игорю, как босоногим мальчишкой он ловил здесь раков со своим лучшим другом Толиком Кузиным. Как только зацвел лен, друзья собирали снасти и по узенькой кочковатой болотной тропке, известной только им, пробирались к реке. Первый заход делали на вечерней зорьке, а потом строили шалаш и оставались на ночлег. А рано поутру, когда раки выходили на кормежку, вновь ставили под коряги круглые сетки-либерки. Приманкой служили поджаренные на костре лапки лягушек. Тогда так же курился над водой легкий туман, до одурения пахло речной мяты, кувшинками, болотной травой...

Вроде все как прежде, но сколько воды утекло с той поры, как много изменилось за последние годы! Поля, некогда дававшие богатый урожай льна и зерновых, сплошь заросли дикой травой и кустарником. Режет глаз колючий бурьян на пустырях, где когда-то возвышались хаты, красовались деревенские улицы, цвели сады, шумела жизнь. Теперь здесь тишина. «Скоро исчезнет с лица земли и моя деревушка, от которой остался лишь хутор в несколько покосившихся хат. Зато как продвинулася вперед погост на околице — кресты, словно людские руки, тянутся и безмолвно взывают о помощи», — с горечью подумал Игорь.

Давно уже нет отца, без вести пропал в Афгане брат Михаил, до срока состарилась мать, где-то на Дальнем Востоке служит военный инженер-строитель Анатолий Кузин — возводит pontонные мосты. Да и сам Игорь уже давно не тот деревенский мальчишка, а капитан-лейтенант Северного флота, можно сказать, морской волк, за плечами которого немало нелегких морских походов...

Мать привычно приложила ладошку к глазам, защищаясь от солнца, и вдруг всплеснула руками, шагнула с крыльца, обняла, заплакала:

— Как добрался, сынок? Исхудал, в чем только душа держится. Волосы поредели, седина пробивается. Видно, суровое твое море, вон как силы отнимает?

— Да нет, мама, просто двое суток в дороге, устал малость. Немного отдохну, и ты меня не узнаешь. Ведь воздух наш деревенский особый, целительный.

— Надолго ли в гости, сынок? Как жена и доченька?

— Не волнуйся мама, думаю, что на весь отпуск работы хватит. У нас все в порядке, они на юге, отдыхают у моря, а на обратном пути обязательно заедут в деревню, поглятят у тебя. Как ты здесь поживаешь, как твое здоровье? Надо тебе к нам перебираться. Трудно тебе одной в нашем опустевшем, диковатом kraю.

— На кого же я оставлю могилу твоего отца, сынок? — горестно покачала головой мать.

ОБНОВЛЕНИЕ

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

ГАРМОНИЯ НА РАЗНЫХ ОКТАВАХ

...И тогда я сказала ему глазами чтобы он снова спросил да и тогда он спросил меня не хочу ли я да сказать да мой горный цветок и сначала я обвила его руками да и привлекла к себе так что он почувствовал мои груди их аромат да и сердце у него колотилось безумно и да я сказала да я хочу Да.*

Джеймс Джойс «Улисс». Часть III.
Эпизод 18 (последняя фраза романа)

...Опять же читатель, позволивший себе роскошь прочитать весь цикл настоящих рассказов о нынешней российской молоди, поверчит: да это не отдельные рассказы, а главы некоего повествования! Так и главный персонаж предыдущей новеллы переходит в нижеследующую. Не прав наш дорогой читатель — это просто пересечение литературных героев.

◆ Не беря во внимание кратких и калейдоскопических детских и юношеских, правильнее — девичьих, сновидений, настоящие сюжетные сны начали посещать Олю Ладкову сразу после окончания университета и начала ее трудовой жизни. Вот и в прошедшую ночь (потому ли что начало полнолуния?) ей привиделось сразу три сна без театральных антрактов, без школьных и университетских перемен. И каждый из сюжетов с задаваемой загадкой, дескать, сны даются тебе, Олечка, с утренним запоминанием, поэтому сама и разгадывай!

В первом, явно для зачина (ох, ну и коварно же полнолуние!), явилась ожившая тициановская картина «Динарий кесаря», не раз виденная ею вrepidукциях художественных альбомов.** Вообще говоря, киношно-телевизионные и интернетовские фокусы с оживлением фигур на картинах и фотографиях ученые на то люди вполне оправданно относят к мощнейшим средствам разрушения психики. Это Оля прекрасно знала по своему образованию. Во сне она ежилась, чувствуя озноб и мурашки по коже, но в человеке дьяволом заложено и несколько паскудное любопытство, почти тяга к созерцанию всего аномального для него, в общем-то нормальной, психической установки. Вот и она со всеми своими озnobами и мурашками не могла оторваться от оживющей картины Тициана: рука иудейского провокатора от книжников и фарисеев все удлинялась и удлинялась, протягивая Христу монету динария: что, мол, новый вероучитель, загнал я тебя, в угол? — ни направо, ни налево от меня не отвертишься!

* У Джойса в его романе своя, авторская, как сейчас принято говорить, грамматика, которую мы сохраняем в настоящем эпиграфе.— Прим. авт.

** Помнится, что «Динарий кесаря» до тридцатых годов был в экспозиции Эрмитажа, но затем как-то загадочно (госпродажа?) оказался в США. Может через Арманда Хаммера? — Прим. авт.

Оля скорее угадывала, нежели видела, дрожь руки нетерпения провокатора: ну же, ну же, новый спаситель человечества!

А на лице ожившего на картине Христа она наблюдала плавную, хотя и очень скорую смену выражений состояний ума и души. Начальное спокойствие, но именно спокойствие ожидания каверзного вопроса — он же прекрасно знает пронырливость агентуры синедриона? — сменяется при виде руки с динарием на мудрость в глазах, но — опять же спокойную. Ибо Спасителю все ведомо в человеке земном — а он и сам есть земное воплощение Бога! — все прошлое, настоящее и будущее до его далекого еще второго пришествия, хотя бы и первое пока не завершилось. Увы, оно скоро и неминуемо.

Собравшийся вокруг центральных фигур — лишь угадываемый зрителем — народ иудейский застыл в молчании ожидания ответа Христа. Удивительно для Оли: Спаситель и провокатор с динарием на картине ожила, а вот молчащая толпа слушателей осталась в полной статике, нарисованной Тицианом раз и навсегда — для музеев. И вот тихий ответ Христа: «Богу богово, а кесарю кесарево». И все. В Олином сне картина мигом обрела свою музейную неподвижность.

...И ушел образ Христа и другой — с дрожащей от нетерпения рукой с динарием, а во втором сюжете во вневременности сновидения четко, отчетливо в покадровой развертке прокрутился советского времени фильм «Курьер» — от сцены развода родителей в суде до финальной ночной дворовой танцплощадки с танцором брейка. Первая и короткая, даже не начавшаяся развиваться юношеская любовь. Первый блин комом, но от него потянутся, уже за кадрами с надписью «Конец фильма», заранее неугадываемые, сплошь из случайностей и совпадений линии любви как содержания жизни. Кальдеронова «Жизнь как сон» — пьеса, читаемая с мурашками опять же. На сцене Оле ее видеть и слышать не довелось. И все объединил мрачнейший из философов Сёрен Аби Кьеркегор, определивший жизнь как сон, а любовь — содержанием этого сна. Думай, Оля, думай, проснувшись, о смысле повторения во сне старинчатого фильма о *начале любви* — содержания (через сон) жизни.

Завершающий же эпизод сна настолько ее насытил, что Оля и проснулась с хохотом, понятно, не голосовым, но внутренним. Снился сельский пейзаж: луговое взгорье, а на высокой его точке беленькая с голубенькими куполами с золотыми звездочками небольшая церковь. Но — церковь все же, не уменьшительная на языке церковка. Чуть сбоку ее поповка о двух домах, за которыми крутой спуск к местной речке с бобровой запрудой, а за церковью, на недалеком от нее расстоянии раскинулось на равнине большое село. Пейзаж как пейзаж. И сама в детстве точно такой же видела, проводя ежегодно один из летних месяцев у деревенской своей бабуси. С дедусей и заматерелым холостяком, братом Олиной матери, со многой живностью на дворе. И сейчас она хоть на пару дней да съездит в это село; все живы, правда, не то чтобы здоровы: бабка, дед и заматерелый холостяк дядя.

Но во сне она поднималась по травянистому взгорью к церкви с бабусей именно девчонкой, начальной школьницей. Над взгорьем, раскинувшимся селом, окрестными полями и вплоть до дальнего отсюда соснового леса, обступившего гигантской подковой с трех сторон света эту местность, несся, словно не от церкви, но с бездонного синего неба, мерный колокольный звон. А шла Оленька с бабусей с противоположного их селу взгорья по той причине, что с утра ходили в совсем близнюю, всего в двух километрах, деревеньку проводить захворавшую старшую сестру бабушки, значит, тоже Олину бабушку, только двоюродную. Слава Богу и их сельскому фельдшеру, болящая перемоглась. «Еще денек-другой при избе побуду, чайком травяным попользуюсь, а там и огород забот требует», — говорила она на прощанье с сестрой и внучкой, сожалея, что слаба еще сегодня с ними пройтись до села, до церкви в такий-то праздник! А про храмовый праздник в селе еще загодя пожилые люди только и говорили. Бабуся объяснила Оле, что раз в год таковой в их селе и окрестных дерев-

нях случается на день святого, коим поименована их церковь с синими куполами с рассыпанными по ним золотыми звездочками...

«Вот и к обедне поспели,— сказала бабушка на середине взгорья,— слышишь, звон колокольный пореже и погудистее пошел!» Вот и раскрытые празднично церковные врата, в которыеходит народ, в основном пожилые женщины в белых плащиках. Некоторые и дедов своих или просто по пятому, по шестому десятку лет мужей с собой привели. Заметила Оля и нескольких девушек и молодых женщин, торопливо набрасывающих на головы платочки на самом входе, не совсем уверенно, видно со своими тайнами, входящих в храм. Обочь входной лестницы, но по разные ее стороны, стояли и нарочито плоховато одетые нищий и нищенка — но не из их села. Кто такие нищие, Оля знала еще по городу, но в последние год-два они как-то повывелись.

«Подойди, Олеся, сначала к женщине убогонькой, подай ей денежку, а потом к дедусе насупротив, с инвалидной рукой подвязанной. Есть с собой монетки в карманчике или дать тебе?» — бабуся потянулась в свою хозяйственную сумку за кошельком. «Есть, бабушка, есть», — звонко ответила Оля и вприпрыжку подбежала к убогонькой нищенке. «Спаси тебя, господи, — напевно заговорила та, — подай сиротинушке на хлебец и молочко». Оля, как уже уверенная по городской жизни покупательница, опустила руку в кармашек своего платьца в веселенький горошек, не нашла там монеток, поэтому вынула карточку, на которую родители переводили деньги «на мороженое», протянула нищенке: «Снимите, бабушка, десять рублей». Убогонькая сиротинушка нагнулась, вынула из стоявшей на земле у ее ног клеенчатой сумки для сбора съестных подаяний, яблочек, булок — что подадут, приемный терминал с хвостиком вайфай-антенны, набрала цифру десять, для сверки показав экран Оле, затем приложила ее карточку, которую вернула подавшей милостью со словами про спаси-тебя-господи. Перебежав дорожку перед лестницей в церковь, она так же, но уже сама, приложила карточку к загодя заготовленному инвалидным бродяжкой терминалу с набранной цифрой десять. «Спаси тебя, деточка, господи и пошли тебе, когда подрастешь, хорошего жениха», — поклонился девочке нищий, упрятывая терминал в свою сумку для подаяний. «Ишь, городские-то, — явно с поощрением промолвила входящая на церковную лестницу совсем высохшая старушка, — сизмальства приучены к цифровым технологиям!»

♦ Оля начала мысленно хохотать в последнюю секунду сна и еще с полминуты превозмогала желание расхохотаться голосом, проснувшись в самом веселом состоянии. Тем более — сегодня и завтра выходные. Не надо торопиться вылезать из-под одеяла, значит можно поразмышлять о сюжетных таких снах — пока не забылись. Что же связывает картину Тициана, старый советский фильм и вовсе перепутавшийся во временах храмовый праздник в дедушкином-бабушкином селе?

Проще понять причину отдельно для каждого сна. Здесь и рассуждать особо нечего. «Динарий кесаря» — на днях листала имевшийся дома — в числе еще нескольких других — альбом, впрочем, сборный, не одного Тициана; отсюда и «Динарий». Альбом же листала просто так, без определенной цели. «Позднее девичество, — тогда она усмехнулась, но справедливости ради кокетливо уточнила, — вернее, переход от девичества к самой расцветущей молодости!»

Советский фильм — еще проще. Не то что в рассеянии вечером по программе «Культура» поглядела, но мать позвала, увидев титры начала: «Оля! Посмотри «Курьера», тебе понравится, в нем очень характерная изюминка, что сейчас вовсе разучились киношки делать, заложена». А после окончания фильма, что просмотрела вместе с дочерью, не отвлекаясь ни на какие домашние дела, добавила: «Когда он вышел в прокат, то несерьезно его восприняли, даже по части юмора многие отнесли. Что ж, и в более серьезном искусстве нередко будущую гениальность произведения не сразу осознавали. Здесь классический пример «Шестая симфония» Чай-

ковского. Даже друг Петра Ильича Римский-Корсаков что-то навроде «так, ничего себе» отзывался. А коль скоро после этой, последней симфонии Чайковского уже ничего сравнимого с ней в русской, да и вообще в мировой, музыке не появилось, тем более уже и не случится, то на сравнении «последняя гениальность» великого композитора стала ясна и необсуждаема. Так и вроде бы мимолетный «Курьер» на фоне современного примитивизма, точнее — идиотизма, «фильмотворчества» смотрится киноклассикой. Как и почти все советские фильмы — кроме «датских и иже с ними».

...Неудивительно, что фильм этот с пояснениями «самой умной из женщин», как совершенно искренне Оля называла мать, и вошел в сновидение прошедшей ночи.

И совсем просто с храмовым праздником, где дарующее сновидения подсознание так смело перепутало все времена: новый, «конфетно-буketный» еще, ее знакомый Игорь Редькин, первогодок-инженер из знаменитой в городе и далеко за его пределами «Меткости» имени академика Гусакова, как-то обмолвился, что-де скорее все настолько оцифруется, что и нищие на паперти будут милостыню брать с карточек на личные терминалы... А память для антуража картины действия дополнительно к терминалам нищих пышно прибавила воспоминания детства с летними пребываниями в селе у дедушки с бабушкой.

Но все же как связать столь разнохарактерные эпизоды воедино? Ведь подсознание дает человеку сон в определенной логике построения — это она сама на экзамене примерно так отвечала. Другое дело, если сон прерывается, но она-то спала не шелухнувшись, приятно устав за суматошно выдавшийся день, ни на секунду не пробуждаясь! Даже обычно шумноватый летом их двор этой ночью был «приглушен» моросившим с небольшими перерывами дождиком. Вот-вот. И дождь в помощь: когда как не под капель за окном спится крепко, непросыпно! Значит, окончательно решила она, должна быть единая логика во взаимосвязи всех трех эпизодов многожанрового сна.

Суббота, в смысле первый выходной день, более всего замечательна своим утренним началом: никаких будильников и будящих — пока одна *еще* ночь проводишь — и забот, заставляющих по пробуждении тотчас покидать постель. И размышлять, как вот сейчас, к примеру, не торопясь, о такой ерунде — о сновидениях. Вот сама к себе привязалась-то? Дался тебе, Олечка, составной, как пазлы, сон! Все единую логику ищешь — не женское это вовсе дело, ибо единое начало только в обычной, формальной логике присутствует, которая нашему полу не дана. И пусть мужики над этим не подхихикают свысока — зато именно и только женщинам дана аналоговая, дедуктивная логика, намного богаче в своих возможностях мужской формальнологической, туповатой прямолинейности! — Как замечательно это объяснил публичный философ Бокль, книжками которого зачитывались в начале прошлого века, в числе прочих, все курсистки и гимназистки старших классов.

А вот по дедуктивной-то логике и можно безо всякого «Полусонника» и гадательных книг, что кипами переиздавались в девяностые годы возвращения мистики и метафизики... а вообще-то для наживы первичного накопления капитала, разгадать трехчленность только что просмотренного ею, Олечкой себя очень любящей, сновидения. Итак, тициановскую часть следует понимать, как и сказал Христос, в самом широком толковании и дедуктивными выводами на содержание ее начальной молодой жизни, что опять же есть некий сон с главным содержанием — любовью. То и значит, что обыденной жизни, работе своей, семье, а потом и семье своей, отдавай обыденное, а любви вечной и личной своей — любовное: дедукция от кесарева и богоугодного. А года-то, пока еще малые для долгой жизни, но идут, потому надо себя и поторопливать... как в библии — она поправилась: библию-то она не осилила, но в каком-то романе русской классики ссылку на библейское вычитала и в голове отложила — что-то навроде: никакого плода возделенного дольше лет его созревания не убережешь, а если усилием своим и убережешь, то и выкинешь в конце концов. Бабуся

проще и яснее об этом говорит: главное, девонька моя, не перестоись, а то и сама себе не понадобишься.

Та-а-ак, спасибо сну и его всемирному толкователю Фрейду за актуальное напоминание! Вторая же часть с фильмом в таком ракурсе и вовсе орешек белке на зубок: щелк, ядрышко в пользу организма, а шелуха на землю. Юная трагическая пара в «Курьер» уже прямо, как учитель школьнику, напомнила: Оля! Начальное чувствование ты уже давно прошла в десятом классе и для надежности прорепетировала в студенческие годы. Ты — подготовлена для серьезного шага. Уже и мелкая романтика конфетно-букетных периодов без легкого смешка даже не вспоминается. «Пора, брат, пора! И что там за морем или горами светлеет... или синеет?

А к чему же смешной эпизод, в котором детские ее годы в деревне с бабусей перемещались во времени с предметами гипертрофированной современности, ха-ха! нищие с личными терминалами платежей с карточки? Думала она, так ни разу с пробуждения и не подняв голову с подушки, думала... а ведь смеуху-то мало в такой аллегории. Когда времена путаются, то это есть шекспировское «порвалась связь времен», а в едином месте детское счастье, церковь, любовь бабуси и мерзейшие гэджики современности — это символ грядущего, нет-нет, уже наступившего, обесчеловечивания жизни. И значит, что скоро пришедшая к ней любовь, нет, любовь, обещает сбываться как высшее проявление человеческого начала на фоне безликости бытия. Как же страшно? Как ужасно! Разве прежде такое случалось? Ведь это не обычные — или даже необычные! — трудности жизни, но существование, даже в самом высоком градусе любви, в полном разрыве связи с прошлым и в вечном, но обреченном страхе перед будущим. Но я же молода, молода, только от юности отошла, мне ли отчаяваться? Оля посмеялась над посетившим ее страхом перед близким и далеким будущим, сбросила с себя одеяло и стрекозой вскочила с постели. «Ай да Оля, ай да мамина дочь!»

◆ Явившееся ей во сне бабушкино-с-дедушкой село, по их рассказам еще невнимательно слушающей взрослые разговоры девочке Оле, в дореволюционные годы являлось торговым, с двумя ярмарками в году, а бабушкин дедушка имел мельницу на местной речке и арендовал ссыпные — под зерно урожаев — амбары, то есть по деревенским меркам полагался человеком вполне обеспеченным: не миллионщиком, разумеется, даже не тысячником, но — зажиточным. А совместный земельный надел, доставшийся им от отца, полученный при отмене крепостного права царем-освободителем Александром Николаевичем, бабушкин дедушка отдал после разорения общины Столыпиным своему брату. Тот сугубо крестьянствовал, а на праздники рождества, пасхи и царевы («три дня за царя и два за царицу», — как говаривали тогда) иногда добро подначивал старшего брата: «Смотри, Матвей, земляной-то рубль тонок да долог, а торговый твой широк да короток!» Но революция их сравняла.

...Это все к тому вспоминала по утрам Оля, что в ее комнате стояло старинное трюмо, правда, всего лишь «под красное дерево», что некогда купил у мебельщика в соседнем уездном городе бабушкин дедушка. И уже Олины дедушка с бабушкой подарили семейную родовую память внучке в день ее шестнадцатилетия. Олин отец привез трюмо домой, но перед тем, будучи в отпуске в селе, самолично подновил деревянное обрамление полутораметровой высоты зеркала: где подчистил, подкрасил, все полачил. Руки у него из нужного места растут.

Так и в это позднее, субботнее утро, после трехсерийного сна-притчи, Оля, стрекозой вскочив с постели и, разоблачившись от пижамы (тут же подумала: пора, Олечка, отказываться от девичьей этой ночной одежки — замужние в пижамах не спят... хотя бы первые десять лет...), нагишом встала перед трюмо. На утреннюю поверку, как она это называла — все же офицерская дочка! «Что ж я хороша! Жуть!», — сказала и засмеялась, припомнив внешне глуповатую, но, если вдуматься, оч-чень даже со смыслом фразу из телерекламы: «Я очень люблю искусство и говорить о том, что я люблю искусство, тоже очень люблю».

И уже не вслух, но мысленно прочитала свою «утреннюю молитву»: «Все во мне хорошо: мои двадцать два года и универ позади, головка очаровательна и далеко не пуста, а ножки? А вайтлс — хоть сейчас на подиум, притом не вобла сущеная, но ранняя приятная округлость во всем. А грудки-то «аэродром»-классика и за второй номер уже уверенно движутся — гм-м, умеренная ранняя, с семнадцати лет разве ранняя? интимная жизнь не то что не отягощает тело, но именно расцвечивает его! Это как легкая физкультура красит человека, а ранний спорт, он же профессиональный, уродует... Тренировка перед серьезной любовью — оно же замужество, к которому надо тщательно готовиться... не торопиться, но — постоянно в неглупой своей головке держать. Амины!»

И после «молитвы» еще с десяток минут не то что вертелась, но замедленно вальсировала перед зеркалом, зная, уже с шестнадцатилетнего возраста даже мать не входит к ней, если дверь прикрыта. Стучать, конечно, не стучат, но окликают, дескать, к завтраку! Отец всех воинской дисциплине и внутреннему распорядку обучил на раз-два... И не просто вальсировала, но прокручивала к голове тему последнего времени, условно обозначенную ею как «гармония на разных октавах». Имея за детскo-отроческими еще плечами начальную музыкальную школу, впрочем, незаконченную — надоело и все! — понимала, что такой шифр есть чушь, как говорится, совсем из разных опер, но — как обозначила, так и приняла.

Игорь и Ольга, да-а, киевские, они же варяжские, скандинавские имена. Очень даже в гармонии звучат, хотя бы и октавы у нее с новым, очень даже заинтересовавшим ее знакомцем, несколько различны. В душах ли? или в доминантах мышления? Но сродство или несродство душ выяснится только через некоторое время, даже подлиннее конфетно-буketного периода, даже после — господи! я еще умею розоветь, краснеть! — начального постельного знакомства. Здесь ни от нее, ни от него ничто и не зависит: все природа с ее лунными притяжениями сама решает — быть вместе или не быть. Но вот вроде бы различно мыслят? Да? Но ведь это все та же чушь: с ее стороны — обычный женский молодой выпендреж, с его — еще пока отсутствие, по молодости, самодостаточности мышления, как их на лекциях по психологии просвещали в университете. Пока же милый (мой уже? или пока нет?) Игореша все цитирует восторженно знаменитого в их университете профессора Скородумова — и ей эта фамилия знакома,— с которым он вроде как сдружился на последних курсах учебы. Но ведь и она еще не обабилась, не остервозилась, потому и ей занимательны рассуждения умничающего Игоря. О сущности нынешнего строя, в котором причудливым, но вовсе не исключающим друг друга, образом тесно переплетены советизм, феодализм, то есть церковь, и наибольшее по удельному весу западничество.

...И как в современном глобальном миропорядке мышление и знание уже стопроцентно заменено полностью обезличенной информацией. А мерзкий американский «креативность» как раз и есть суррогат прежнего творческого мышления. Совершенно искренне соглашалась она с новым своим (пока просто) другом, что сейчас в умах господствует гибридный иезуитизм современной роботизации и расчеловечивания: такой адепт с удовольствием — если что-то его заставит — прочтет и даже поймет «Идиота» Достоевского, может внешне вполне здраво судить о чем угодно, но он уже лишен способности творить! Словом, квалифицированный потребитель ранее или сейчас, но другими созданного. «Понимаешь, Оля (О-ля-ля! прогресс — с третьей встречи перешел-таки с Ольги на Олю!), современный человек эпохи глобализации и расчеловечивания даже и не подпадает под одну из противостоящих категорий: плох он или хорош. Просто для него уже не существует морального выбора между добром и злом, ибо таковые качества упразднены в расчеловеченном социуме...». И так дальше. Она же сдержалась в последний миг, чтобы бездумно, чисто по-женски очаровательно и беззлобно не съязвить, что-де для начинающего инженера-ракетчика очень ты, дорогой мой, умен и развит... во все стороны. И еще добавила про себя: «А

вот, к сожалению, в мою сторону ты не так стремительно идешь. Хотя бы по характеру своему далеко не робок!»

◆ «А какая у меня восхитительная попка,— хихикнула она мысленно,— профессионалки по части ниже пояса такие специально выращивают!». Оля мигом вспомнила картинки в журнальчикеекс- объявленияй, что привозили универсальные ребята, ездившие по мелкой коммерции в столицу, где такие бесплатно раздают, прямо вбрасывая в открытые окна авто, застраивающих в бесконечной летней пробке на Варшавке, лихие ребятишки «от редакции» — гостям столицы. «Все ведь для него, будущего суженого-ряженого, сберегаю, чтобы хотя бы первые пять-десять лет на скороспелых профурсекток не скидывался. Мол, дома получше вас во всех отношениях ждет!» Я же тебя, мой грядущий суженый-ряженый, дома всегда встречу с неподдельной, неугасимой любовью и... нестареющим роскошным телом. Оля еще раз почувствовала теплоту заревшихся щек, опять же вспомнив курсовую, что решила по второму году учебы не абы как скомпилировать из инта, но попробовала, к изумлению всех своих сокурсников, сочинить самостоятельно. Попытка удалась; правда, больше на такие подвиги она не отчиналась. Зато много для себя полезного и нравоучительного почерпнула, особо отметив «бibleйский интим», а именно словосочетание «отверзнув ложесна». Эти древнерусские слова куда как целомудреннее... нет, даже торжественно целомудреннее, звучат, нежели нынешний безликий американский (это уже от недавнего по времени общения с Игорем терминология) «секс» и приблудленное «траханье». «Отверзну для тебя, мой грядущий милый, свои ложесна страстью телесно и целомудренно душевно в одно и то же время — в тот же миг, в тот же час, а лучше во всю ночь!» — пелось в ее сердце — откровенно. Откровенность, полагала она, совершенно иное, нежели бесстыдство. Хотя бы по натуре своей, по биологии женщина сама-одна и в своем женском кругу бесстыдна — с точки зрения мужчин, конечно, и еще формально понимаемой этики. Поэтому она как обычное, поведенческое воспринимает типично женские откровения своего круга общения.

Вот та же Танька, одногруппница, выскочившая замуж аж на первом курсе, а по окончанию учебы и не думающая идти работать, благо муженек коммерс среднемалой руки. С неделю назад случайно встретились, зашли поболтать в кафешку. Болтала-то она всякую чертовщинку — бабенки молодые дуреют от сладострастного безделья. «...Знаешь, Олечка, с мужчинами с самого начала надо приучаться не особо их расслаблять. Наша главная ценность для них — что между ногами, поэтому даже в обыденной, супружеской жизни следует умело этим пользоваться. Вот своего Витальку воспитываю: когда начинает, ссылаясь на трудности в своем бизнесе, ограничивать меня в деньгах «на шпильки», так я ему встречное: хочешь поиметь меня в постели — будь добр пару тысячонок за одноразовое пользование! Ха-ха-ха, Олечка, женщина по натуре своей природной бесплатно на себе порезвиться мужику не даст, будь она профессиональной проституткой, содержанкой или... законной женой, даже и любящей».

И тоже вроде как давняя, еще со школьной парты, подруга Яна Зиборская, дочь приличных, как сейчас говорят, родителей с доходами, тем не менее патологически жадная — не в смысле «все в дом тащить», но обязательно своего очередного ухажера как следует вытрясти. То есть жадность спортивного свойства скорее. Поэтому в череде своих «бывших» даже с уважением постоянно вспоминает незнакомого Ольгой Диму: «...Был у меня, Олечка, такой воспитанный друг, очень воспитанный и нежадный. Однажды исчез на целый месяц: не звонит сам, и на мои уклончиво как-то отвечает про форс-мажор и прочее. Но прошел этот странный месяц и — является Дима пред мои очи, в руках огромный букет роз и коробочка с французскими духами модной в том сезоне серии от Шанель. Все извиняется, про свой форс-мажор лепечет... и только через пару недель, в постели наутро признался, что на самом деле случилось, что на целый месяц оказался он совершенно без более-менее нормальных денег, «по-

этому, Яночка, я бы не смог тебе покупать то, на что ты обратишь внимание». Представляешь каково, Олечка! Жаль, что ему дорогу в моей части перебежал такой солидный мужик, что... впрочем, у меня с ним долго не продержалось. И после Димочки я уже заранее прощупываю своих новых, рассказывая как бы к слухаю про «покупать то, на что я внимание обращу...». Сразу жмоты и халывщики на дармовщинку попользоваться в сторону отбегают!»

При этом рассказе Яны Ольге вспомнился фильм Кустурицы «Черная кошка, белый кот» — причем не столько по содержанию, сколько по названию. Хотя бы все эти, именуемые интеллектуальными, картины Феллини, Тарковского, того же Кустурицы, трепета в ней не возбуждали. «Натура моя не нервическая, но и не хладнокровная,— отвечала она на этот счет в «умных» беседах,— что значит, опять-таки, не серединка наполовинку, но характер мой не требует внешнего возбудителя: ни в сердце, ни в голове, ни в гипотетически предполагаемой душе». Умная же мать — и поддакивающий ей в тонких материях отец — резюмировала просто: «Крестьянка ты, Олечка, по натуре, конкретная и реальная. И если таковое качество в семи поколениях сохраняется хотя бы в абрисе, то значит не совсем пропавший человек. Женщина — тем более».

...За завтраком она будничным — хотя на дворе суббота! — голосом сообщила, что на оба выходные дня уезжает за город, на дачу.

— Так и мы туда собираемся,— с мужской туповатостью вскинулся отец, которого тотчас дополнила умная мать:

— Мы-то на свою, а Ольга на чужую, да?

— Пока, мам, на чужую, а там видно будет.

Больше вопросов не задавали. Переодевшись у себя в дорожную одежду, взглянула на настенные часы: до половины десятого оставались считанные минуты. Присела и скоро дождалась звонка от Игоря, коротко ответила, что уже выходит из дома.

Принято считать, что феминизм и женская эмансипация возникли где-то в начале второй половины XIX века и преимущественно в вольнолюбивых Северо-Американских Соединенных Штатах — САСШ — тогдашнее их самоназвание. А в России первый пик (помните из классики стриженых барышень-курсисток?), наэлектризованный двумя романами — более известным «Накануне» и ныне подзабытым «Подводным камнем», пришелся на последнюю треть

того же века; в начале же века двадцатого отечественная э м а н с и п а т и я как-то просто и естественно переросла в обычную половую распущенность... Основные девизы эмансипации: «Нет больше завтра — все сегодня!», «Нет больше мужей!», «Да здравствует только один закон: закон моды!», «Половой акт — как выпить стакан воды!» (Коллонтай) и ряд сопутствующих, но не афишируемых, типа: «Земля — землевладельцам, фабрики — фабрикантам, моря — судовладельцам, но при условии, чтобы они были моими содержателями». Более всего эмансипантки не любят трудиться физически; об умственном труде скромно умолчим.

...Но на самом деле эмансипация, то есть бездумное своееволие женщин, берет начало в библейской поре и следует весь период цивилизации и культуры человечества. Самое существенное, что истоки эмансипации предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам — даже в постели.

ЛЕКЦИЯ О ПОСТФИЛЛОКСЕРЕ

Если бы Вольтер знал этого нашего земляка, то он должен был бы сознаться, что не ему одному казалось удобнее молиться после обеда, чем перед обедом, но наши натуральные философы, вероятно, никогда не получат известности, постоянно предвосхищаемой у них чужеземцами.

Н. С. Лесков «Захудалый род»

♦ — Здравствуйте, товарищи аспиранты! Мне предо...

— А если здесь господа присутствуют? — перебил профессора весельчак с самого дальнего и верхнего ряда лектория главного корпуса университета, где собирали под сотню аспирантов со всех факультетов, по-новомодному — институтов. Профессор, с наследственным стопроцентным зрением, тотчас узрел в весельчаке одного из троицы, с которой он столкнулся, зашедши по пути на лекцию в «Наливайку» осто-граммиться коньчиком — для бойкости речи, ибо давно уже отошел от чтения лекций, что полагал тратой времени и вообще делом «училок» обоего пола. Тем более, что иконостас его степеней, званий и лауреатств позволял такое барство кабинетного пишущего и размышляющего сидельца.

— Гм-м, любезнейший мой, господ наши деды-прадеды в семнадцатом году пре-имущественно в деревянные бушлаты поодевали, как шутковали братишками балтийские, перепоясанные пулеметными лентами. Остальные же в Париж успели отбыть. Теперь же господа, что от братков лихих девяностых, ваучерных коллекционеров, продавцов родины на Запад в розницу и оптом, чиновных взяточников, разного рода беспредельщиков в погонах и прочая, прочая, — нам вовсе не господа, а буржуазно-воровская биомасса, которая уже скоро сама себя сожрет: отслужили свою службу и — пора на покой. Слова же товарищ не рекомендую стесняться, его ничем не вытеснишь. Оно же официальное обращение во всех ведомствах, где народ в тех же погонах. Ну, это к слову и к реплике вашего веселого, явно после «Наливайки», коллеги. А сейчас к делу.

Название лекции вам известно из разосланного по кафедрам отделом аспирантуры распоряжения... или как это там называется? Я что-то не запоминаю канцелярской

лексики. Но для начала я вам не анекдотец расскажу, как это делают профессиональные лекторы, но одну историческую справку. Вряд ли вы, исключая, может аспирантов, да и то девушек из отличниц предыдущей учебы в школе и потом в университете, сколь-либо знакомы с русской и, особенно, европейской классикой конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. А в романах тех лет не редкость встретить такие сценки. Сидят вечером у камина в замке Девоншира или Уэльса два джентльмена, беседуют о добротной политике кабинета министров ее величества королевы Виктории, а под неспешную беседу курят сигары и попивают, как то в родовых английских замках вечером у камина принято, коллекционный португальский портвейн. По-португальски название этого государства Оporto, отсюда и портвейн. Кстати и к слову. Вам вот средства, так сказать, массовой информации, а вообще-то дезинформации, забили головы ваши невинные — от истинного знания — дескать, только сейчас винные лавки, навроде монопольной «Красное и белое», забыты всевозможной европейской «киркой» — пей не хочу! — а в советское, мол, время только отечественной фабрикации продукт имелся. Во-первых, этот самый продукт имел высочайшее качество по доступным ценам; во-вторых, все нынешние якобы европейские напитки суть подмосковная выделка из молдаванского винного порошка... как классик писал: «Сюда жемчуг привез индеец, поддельны вина европеец». А в-третьих, в шестидесятые-семидесятые годы бартером за нефть, вернее ее избыток, что на Запад гнали, порой страну нашу наводняли поставки самых диковинных, ранее в романах только читанных, подлинных европейских горячительных: то шотландское виски «Клуб'99», а однажды перед Новым годом заходжу в свой овощной за картошкой, а там — ящики с французским розовым шампанским «Мадам Помпадур». На дипломной практике в Загорске, ныне Сергиевом Посаде, во всех продмагах объявился датский «Черри-керри» — вишневый ликер, который и в самой Европе-то редкость! Словом, была страна чудес, ребята.

...Однако опять отвлекся. Так вот, сидят джентльмены перед камином, сигарами дымят, портвешок гурмански прихлебывают. «А что, сэр Генри, недурственный ведь портвейн?» — «Да, лорд Уильям, давненько я такого портвейна не пивал. Хороший у вас винный погреб, однако».— «Сэр Генри! Так я специально камердинеру велел принести бутылочку из заветного ящика. Это же *прафиллоксеры!*» — «Да-а? Я потрясен, лорд Уильям. То-то мои вкусовые рецепторы подсказывают: никак, достопочтенный хозяин замка велел подать *прафиллоксеру!* Польщен...».

И так далее эти джентльмены беседуют вперемежку о высокой политике кабинета министров ее величества королевы Британии и императрицы Индии Виктории и достоинствах портвешка категории *прафиллоксеры*. А что такое обозначается, этим термином, отдающим одновременно биологией и химией? С кафедры биологии есть желающие?

— Да-да,— зачастала отличница в очках,— про приставку «пра» не знаю, а *прафиллоксеры* — насекомое, разновидность тли.

— Спасибо, уважаемая. Добавлю, что эта тля специализируется на листьях и корнях виноградных кустов. С античных времен в Европе — от Пиренеев до Крыма и Кавказа — холили и лелеяли виноградную лозу, в итоге выводя уникальные сорта, каждый из которых придавал выделываемому вину неповторимый вкус. Но, как говорится, все зло идет из Америки: сифилис, табак, марихуана, колорадский жук, атомная бомба, голливудские фильмы и так далее. Вот и тля эта в последней трети позапрошлого века оттуда же попала в Европу и за короткий срок начисто истребила все виноградники — от тех же Пиренеев до винной житницы империи Российской: Бессарабии, Крыма и Кавказа. Как ни боролись с ней, например, в России даже правительственные филлоксерные комитеты были созданы, толку не было: все виноградное сортовое изобилие, тысячелетиями создававшееся в Старом Свете, погибло. И только в начале тысяча девятисотых годов с трудом восстановили европейские

лозы на подвоях лоз американских, которые, своя свою познаша, могут противостоять филлоксере.

Таким образом, появились сорта винограда, а значит и вина из него, уже генетически чуждые прежним сортам — и вин в том числе. Нечто иное. Мы с вами, коль скоро винных наследственных замковых подвалов не имеем, уже никогда не сможем ощутить своими рецепторами тот исчезнувший вкус и аромат исторического европейского винограда и вина из него. Увы, уже сто со многими годами впридачу лет европеец ест и пьет американализированный виноград и вино из него. И только те самые английские джентльмены, которые у камина и с сигарами, могли, да и то в начале — первой трети прошлого века, побаловать себя коллекционным портвешком, произведенным из дофиллоксерного европейского винограда. Отсюда и название таких редкостных вин — прафилюксера, то есть выделанные до нашествия американской тли на европейские виноградники. А к чему я такой странный экскурс в историю сделал — это чтобы понятнее стало содержание моей лекции. Итак.

♦ — Если прафилюксера есть «до филлоксера», то позволю себе ввести термин *постфиллоксера* — «после филлоксера». Улавливаете кардинальное различие? — До и после, а между ними полный разрыв преемственности. Считается, что в человеческой, социумной эволюции такой радикальный разрыв преемственности есть нонсенс. Кстати говоря, поясню причину настоящей лекции и почему руководство университета через исполнителя — отдел аспирантуры сделало таковое предложение именно мне, как говорится, человеку со многими степенями и званиями в науке, но напрочь лишенному всяких, даже самых ничтожных должностей, что в нашу эпоху административного восторга соответствует этакой нуль-валентности. Аспиранты с кафедры химии это мигом себе представляют.

Как мне, не без основания на то, представляется, из минвуза, где чиновников немыслимо много, всем им надо каждодневно отчитываться за высокую столичную зарплату, спущен по вертикали подчинения очередной — из бесчисленной череды — циркуляр об усилении работы с кузницей кадров высшей квалификации в части более осмысленной ориентации молодых ученых, то есть аспирантов и докторантов вузов, в генеральной проблематике современной науки... уф-ф, что-то в таком смысле, но явно более канцелярским диалектом русского языка. С примесью устоявшихся американлизмов. Ректор, понятно дело, человек архизанятый физическим, так сказать, выживанием университета, в бумагу эту не вчитывался, а прямо адресовал проректору на науке. Тот, как человек старого закала, прочитал, тут же эту белиберду напрочь забыл и переадресовал в отдел аспирантуры. Там же коллектив женский, поэтому, не докапываясь до глубинной сути — многие знания приносят многие скорби! — сходу уловили сущность внешнюю: провести мероприятие и по всей восходящей вертикали отчитаться. А заведующей отделом, милейшей Галине Степановне, тотчас и кандидатура стрелочника определилась, то есть ваш покорный слуга, хорошо ей известный по моим многочисленным поколениям воспитанных аспирантов, ранее бывший председателем сразу двух диссертационных советов, главное — умеющий говорить по сути вопроса, а не научно-бюрократическими штампованными фразами ни о чем. Вот и вся предыстория нашей с вами, полупочтенные, сегодняшней встречи. С другой стороны, и мне, лекций не читающему, иногда полезно с молодыми людьми федерации российской побеседовать, и вам положенный соответствующим распоряжением урок отбыть.

Собрали вас со всех кафедр; как говаривали царские гимназисты, от чистописания и закона божия до физики Краевича и бинома Ньютона, поэтому и буду говорить о пресловутой «осмысленной ориентации» в современной науке понятно, стараясь избегать акцентации на конкретные научные отрасли, хотя... как говорил персонаж знаменитого фильма Данелии, наверняка вам знакомого, общество без цветовой дифференциации штанов не имеет будущего. Что-то в этом смысле, тем более

говорить о чем-либо в общем, значит не оставлять особого следа в памяти. Но все же постараитесь хоть суть уловить.

Еще один существенный момент: все мы с вами имеем глубочайшее несчастье присутствовать в исторической человеческой комедии на самой крутизне взлета процесса глобализации. Поэтому, рассуждая о чем угодно, в нашем случае о науке, употреблять слова и понятия навроде некоей национальной идеи, государственной исключительности, словом, делить на «ваше» и «наше», по меньшей мере излишне. На то она и глобализация, чтобы любой процесс объективно исследовать применительно только ко всему земшару, говоря словами Маяковского, а не разделяя его на всякие европы и америки... тоже вроде он говорил. А всякие там противостояния, «наше дело правое, а ваше наоборот» и так далее, о чем круглосуточно актеры, изображающие «ведущих политологов», на телеэкранах беснуются, это всего лишь сложная, математически — и гениально! — рассчитанная кем надо, что обычно называют тайным мировым правительством, гибридная стратегия и тактика глобализации. Поверьте, это не в обиду никому не будь сказано. Поэтому выделять какую-такую национальную идею, все одно что у братанов-хохлов сейчас гипертрофированная самостоятельность и независимость. Они даже неизбежные американцы украинизируют: вместо *шоу* и *вау* нарочито выговаривают *шову* и *ував!* Еще у американцев имеется со временем декларации о независимости тринадцати штатов национальная идея, она же сейчас общечеловеческая ценность: доллар.

Иль вы как, соколята, при заветном слове встрепенулись! Даже приморенные после своих подработочных трудодней и трудоночей за компом из полусна в явь перекинулись. Ладно, ладно, шуткую, за обиду не считите. Ибо раз глобализация есть всеми признанная реальность, то и ее условно-расчетная единица также таковой является. А если со временем на смену доллару что-то и придет, то явно не тугрик или тенге, но виртуальный битковен... или как там он правильно называется — это вы уж намного лучше меня ориентируетесь. Я ко всем таким компам-гэджикам ближе чем на полтора метра не подхожу, ибо с десяток лет тому назад создал биофизическую теорию об оглушиении человека пользованием этих штуковин. И снова возвращаемся к нашим *пра* и *пост*.

♦ — «Прервалась связь времен» — по Шекспиру. Удачнее не скажешь, поэтому кстати и некстати постоянно повторяют слова этого, одного из двух — второй Нью顿 — британских гениев. Вот в литературе Россия дала миру равнозначного Шекспиру гения — Федора Михайловича Достоевского, в науке же, увы, «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» наше отчество не дало. Тем более не даст в «светлом» глобо-будущем. И не дало по той причине, по какой же во всей истории науки наши умы всегда были предвосхищены европейской мыслью, что народ наш в той же истории всемирной слишком молод еще: не было у него европейской античности, в свою очередь вобравшей в себя предыдущие тысячелетия Египта, Иудеи, Финикии, Персии, быть может и не совсем мифологической Атлантиды. И Христову мораль, высшую в цивилизации, Запад на тысячу лет раньше нас воспринял. То есть, вовсе не школьная зубоговорка о трехсотлетнем татаро-монгольском иге, в котором, кстати говоря, Московско-Суздальско-Владимирская Русь являлась вполне автономным государством, есть причина нашей вторичности в отношении Европы, а только наша молодость! Вы же, здесь сидящие, не можете знать больше меня — я не об интернете и прочей цифрофрении говорю, — и при этом не ссылаетесь, например, на опеку родителей, даже не из татаро-монголов, а понимаете: молоды еще, но вот придет время и мы, дескать, вам, Игорь Васильевич, то бишь многостепенной и многозванный профессор Скородумов, еще покажем!

Увы, ребята, всей душой радовался бы за вас, но связь времен, в науке в том числе, уже разорвана, и «пост» уже иного сорта фрукт, нежели уходящее в небытие «пра». Как современная мадера массандровская — впрочем, в ее качестве я сомнева-

юсь — нечто совершенно иное по сравнению с прафиллоксерой мадерой тех же крымских виноградников Воронцова. Тем более — с острова Мадейры. Что с корабликом на этикетке, прафиллоксеру которой Григорий Распутин распивал в последний день своей бурной жизни у князя Феликса Юсупова — прямого потомка брата пророка Магомета...

Законный вопрос: зачем социальной эволюции человечества, доселе десять тысяч лет протекавшей размеренно, без разрыва «связи времен», именно сейчас, в наступившую эпоху глобализации, потребовалось свершить такой радикальный разрыв? Ответ без лицемерия, всякой там толерантности и политкорректности прост: индивидуальный человек выполнил свою задачу, создав технический информационный мир, которому его создатель в биологической форме *homo sapiens*, именно как мыслящая индивидность! уже без надобности. Главное, что этот самый *хомо* к сегодняшнему дню силой своего знания уже *все* открыл и обосновал в мире законов и объектов, их соединяющих процессов — все что ему, так сказать, доверено знать эволюцией. Да вы и сами это прекрасно видите: ненадобность в человеке, в массовости интеллектов, уже налицо. И телезыщик о том же твердит, дескать, уже завтра все будут делать роботы... при этом лицемерно опуская естественный вопрос: а что же остается делать человеку? и нужен ли он вообще?

— А кто же будет этими роботами управлять, создавать все более совершенные их варианты? — воспользовалась паузой профессора давешняя отличница в очках, с кафедры биологии.

— Управлять же процессом, но уже не научно-техническим для людей, а виртуально-информационным — пока никто не может ответить для кого,— будет виртуальный же коллективный разум. Звучит красиво и вроде как оптимистично, но на самом деле — зловеще. Опять немного из истории. Сейчас в фаворе коллекционировать доллары и евро, на худой конец рубли. Я же человек советского закала, поэтому собираю различные занимательные книги старых изданий. Поэтому издавна постоянный клиент нашего букинистического магазина, что рядом с областным драмтеатром, а когда-то, в давние времена, в самом начале проспекта располагался, где сейчас площадь перед кремлем и зданием администрации. Как-то роясь на его полках, нашел очень редкое издание, о котором ранее встретил упоминание у одного из наших классиков, а именно изданный в Одессе в середине девятнадцатого века «Новороссийский литературный сборник». В два вечера прочитал его и особо отметил слова составителя и редактора сборника некоего Георгиевского, смысл которых в следующем: любая коллективизация, централизация умственной деятельности суть ненормальное, вредное явление, ибо таковое парализует разумную жизнедеятельность всех остальных частей общества... Это я на современном языке передаю. А завершает это умозаключение Георгиевский словами: «Стягивает все силы к одному пункту».

То есть таковое определение доминанты коллективного разума, данное полтораста с лишним лет назад, действительно в уныние повергает. Так понимаю, что из фантастики в школьные годы вы одну американщину читали, минуя великолепных советских мастеров этого жанра, того же Алексея Толстого, Беляева, Ефремова, Еремея Парнова... я прав? А вот у второго из мною названных описан как раз символ будущего коллективного разума — централизации умственной деятельности. Имею в виду голову профессора Доуэля. То есть взятая отдельно мыслящая голова системой электродов подключена...

— Так ее специально отрубили что ли? Где-то читал похожее у Саймака,— хамовато перебил профессора все тот же весельчак с верхнего ряда амфитеатра, что требовал реабилитации господ.

— Юноша, знаний алчущий! Сожалею, но нет времени пересказывать эту знаковую фантастическую повесть. Уж не поленитесь на досуге сами прочитать. Итак, мыслящая голова профессора Доуэля подключена к технической системе, которой он

и управляет централизованно. Полнейшая аналогия с нашей современностью, в которой человек, то есть его голова, является составной частью всемирной телекоммуникационной сети, того же интернета. Следующий шаг, к которому мы уже близки,— уже запрограммированная работа сети вовсе без невостребованного ею человека. Это и есть глобальный виртуальный коллективный разум.

У нас еще целый академический час с четвертью в запасе, в течение которых я и разовью тему лекции в конкретизации науки и технологий современных и в ближней перспективе, что, собственно, и есть тема лекции.

◆ После лекции Жора, Гена и Стас вернулись в «Наливайку», благо до нее идти от главного корпуса три-четыре минуты, выходя из которой перед лекцией они и столкнулись с профессором Скородумовым. Причина «продолжения банкета» — старшему из троицы Стасу сегодня стукнуло четверть века; Жора с Геной на год с месяцами (разными) моложе, а содружество их еще со школьных лет: двое последних и живут в одном квартале и учились в параллельных классах. Со Стасом они познакомились в студенческие годы, подрабатывая по компьютерной части в одной конторке, специализировавшейся на разработке сайтов по заказу мелких фирм, торговых компаний и вообще «за ваши деньги любой каприз». Заодно неопасно хакерствовали — тоже по заказам, но избегали криминала. Хотя... в нынешней жизни мелкого частнособственничества сложно хоть в чем-то, но не преступить черту этого самого криминала. Учились все трое на различных факультетах, кафедры нынешнего аспирантства тоже в разных корпусах. К тому же сейчас и работали все разно. Чтобы не терять содружества, пару-тройку раз в году устраивали мальчишки. А сегодня и сам бог велел: первый малый юбилей в их троице — «четвертной» Стасу — и встреча на лекции, за обязательное посещение которой каждый расписался в распоряжениях по своим кафедрам.

За их двухчасовое отсутствие в славном заведении «Наливай-ка!» мало что изменилось: усатый парень за барной стойкой, он же «наливайщик», его молоденькая помощница, она и официантка. Из пяти столиков два свободные. Если перед лекцией они наспех хватили по сотке у стойки, то сейчас поосновательнее расположились за одним из свободных, заказали подскочившей Маше, смахивающей на старшеклассницу, бутылек вполне съедобной водки розлива в Ленобласти, на закуску горячего и селедочки с зеленым горошком. Осмотрелись: за одним из столиков явно молодые преподы что-то отмечали, за двумя другими — сборная солянка, тоже из молодежи. А на высоком стульчике у бара сидела все та же скучная, некрасивая и прыщавая студентка; как и пару часов назад, перед ней стояли почти нетронутая тарелка с нарезанной вареной картошкой, посыпанной лучком, и стакан с самым дешевым соком.

— Смотри, — хихикнул Жорка, — все женихов ждет!

— Да-а, — жалеючи посмотрел на девицу Генка, учившийся в детской музыкальной школе, — прямо Сольвейг, «весна пролетела и лето прошло». Жалею девок некрасивых. Ну, разливай за здоровье нашего юбиляра!

Выпили, с чувством закусили отменной малосольной селедочкой. Генка подтолкнул Жорку локтем:

— Эк тебя профессор лихо осадил и по части господ и про отрезанную голову его коллеги профессора Доузля!

— Хм-м, сироту всякий обидеть может, тем более — он профессор многократно заслуженный, я же бесправный аспирант...

— Такого казанского сироту, — съязвил Генка, — с вольно болтающимся языком черту знакомому подарить, а незнакомый в обрат в мешке принесет! Так моя бабушка отцу говорит, когда тот с корпоратива своей лавочки на бровях домой приходит. И чего это нас принудили на лекцию? Два часа времени только потеряли.

— Не скажи, мой юный друг, — вступил Стас, — ты вот начал говорить, прямо-таки по Далю, живым великорусским слоганом. Правильно профессор про бизнес и проблему, как самые шелудивые американцы, сказал. Действительно ведь, бизнес — это

только зарабатывание бабок каким угодно способом. И полный идиотизм, как сказал Скородумов, говорить про «течение проблем». А суть его лекции — вполне аргументированное разъяснение: в глобальном постсоциуме наука, в прежнем ее толковании, подменяется утилитарными технологиями, к тому же стопроцентно оцифрованными. Так что мы, братья мои, хоть на год, но меньшие, уже не наукой будем увлеченно заниматься, как наш уважаемый профессор, но, в лучшем случае, станем несколько ущербными головами профессора Доуэля при компах... даже не головами, а пальцами рук при клавиатурах. Впрочем, лет через пяток, может и пораньше, когда американцы с джапанцами поставят на поток в Китае систему интерактивного голосового общения с компаниями, руки тоже не понадобятся — только язык. И еще через пять лет — считывание с сетчатки глаза. Впрочем, как наш профи предрекает, человек и вовсе выпадет из этих самых цифровых технологий. Давай по второй за несчастливое будущее, но уже скорое, человечества! Понятно, и за нас с вами. Бум здравы!

Принялись, нагуляв аппетит недурственной водочкой из Ленобласти, пропущенной, как радостно сообщалось на этикетке, через серебряный фильтр, за горячее.

Беседа с обсуждением лекции профессора Скородумова с акцентированными выкриками Жорки «пора из рашки этой в Европу, а лучше в Штаты валить!» — Генки «защищусь для проформы и к дядьке, управляющему в супермаркете «Амстердам!, работать пойду компьютерщиком!» и урезонивающим голосом Стаса «все там будем!» затянулась. Опустевшую бутылку ленобластной дополняли разливанной в стаканах, приносимых шустрой Машей. До песняка дело не дошло, содержание лекции одобрили, но остались при своих — у каждого — мнениях. *Gaudeteamus igitur*, словом.

Раньше народ увлекался спиритическими сеансами. Как это ни странно, но с развитием научного мировоззрения страсть к мистическим играм не ослабевает. Только в наше время это называется экстрасенсорикой, парапсихологией, биоэнергетикой, уфологией и пр. Человек мазохистски любит время от времени быть одураченным. Так стоит ли создавать высокоученные комитеты по борьбе с лженаукой? Зачем лишать людей удовольствия?

Игорь Карлов
(г. Москва)

ПРЕДЧУВСТИЕ ОСЕНИ

Наш постоянный автор

Утро на исходе лета... Оно обещало ясный теплый день — сегодня; а в дальнейшем — погожую осень и, возможно, безоблачную счастливую будущность... Настоянное на бодрящем солнечном свете, это утро было ярким и пряным. Если бы не рычали рядом десятки автомобильных моторов, то в прозрачном воздухе наверняка можно было бы расслышать слабое шипение, подобное шипению перебродившего меда. И до того реальным, до того соблазнительным показался мне звук лопающихся пузырьков в высоком запотевшем стакане лучезарного напитка, что я невольно облизнул суховатые губы: захотелось немедленно выпить утро большими глотками...

Я иду липовой аллеей, растянувшейся вдоль главной улицы нашего городка. Точнее сказать, иду я по благоустроенной обочине, обсаженной крепкими липами средних лет. Левая полоса проезжей части полупуста. А вот правая, попутная мне (по ней, буде Господь управит, за час — полтора можно добраться в сам столиный град Москву), несмотря на ранний час уже плотно забита машинами, которые то с разочарованным подыванием замирают, повинуясь сигналам виднеющегося вдалеке светофора, то короткими рывками бросаются вперед, чтобы снова надолго застыть на месте, словно кто сторонний резко осаживает их, рванув жесткий поводок.

Такова судьба большинства подмосковных автомобилистов: недоспать, второпях сглотнуть пищевой комок завтрака, но во что бы то ни стало опередить возможных конкурентов, успеть захватить место в медлительной колонне штампованных жестяных улит, дабы, преодолев все дорожные неурядицы, как можно быстрее добраться до столицы и не опоздать, не опоздать на работу!

Меня, пешехода, от крепко стоящих на своих четырех колесах горемык отделяет невысокий (всего-то по пояс) решетчатый заборчик да неширокий (пожалуй, с пяток метров) газончик. Казалось бы, рубеж чисто условный, эфемерный. Но, к удивлению моему, он, словно уходящая в небо стеклянная стена, скрадывал гудение растревоженного роя моторов и почти полностью избавлял от сизого чада выхлопных газов... Этим утром, этим волшебным утром выяснилось, что не сварные металлические решетки, не проведенные городским комитетом по озеленению межи отделяют мой тихий светлый мир от скрежещущего механического мира, а барьер куда более надежный, непреодолимый: прозрачный экран из золотистой фольги — сплава солнца с воздухом.

Да, воздух нынче!.. До того свеж, до того насыщен ниспосланной прямо из космоса энергией, что любого бездельника вдохновил бы на грандиозные трудовые свершения, на стахановские подвиги. Кажется, вдыхаемую утреннюю бодрость не избыть до конца рабочего дня. Да что там — до конца дня! До конца текущего квартала, до конца финансового года!.. Впрочем, не так уж он далек, конец-то года, и по законам какого-то необъяснимого, но непреложного психологического парадокса

яркое летнее утро вызвало вдруг воспоминания об утомительных черно-белых вечерах, о беспробудно-сладостной зимней спячке... Эти непрошеные воспоминания о грядущем ненастье поначалу мелькнули вдалеке сухим листочком, сорвавшимся в меланхолическое пике, а вслед за тем чуть не в погоню пустились: у меня за спиной целый взвод листвьев-перебежчиков вразвалочку просеменил по асфальту и с заговорщицким шушуканьем метнулся из лета в осень...

Что там ни говори, теплых солнечных дней осталось всего ничего, и потому, когда слетает с дерева сухой листок, начинает казаться, что он не просто отвалился от ветки, повинуясь закону природы, а упал в обморок от одной только мысли о приближении дождей да мокрого снега. Но таких малахольных единицы, куда больше в густых кронах зеленых крепеньких бодрячков, с презрением наблюдающих за своими разнюнившимися соплеменниками, которые нарочито замедленно планируют на землю, плавно кружась и оседая как-то по-женски. Становится ясно, что утомившаяся от летней жары аллейка кокетничает в ожидании живительной прохлады, заигрывает с освежающим ветром и помыслить не может, что через полгода, исстрадавшись под бичами холодных дождей, намучившись в тисках снегов, с тем же нетерпением будет торопить приход весеннего тепла. Ну а пока липы да березы настроены поиграть. И меня не прочь вовлечь в свои забавы, шлепнув прямо по макушке выцветшим листиком.

Что удивительно: их игривое осаливание, которого, думалось, я и заметить не должен был бы, оказывается чувствительным. Выясняется, что сухой лист при воздушной легкости своей все же весом. Что же это за игра такая? Или вовсе не игра? Может быть, это обряд посвящения в рыцари-осенне-ры? Или жест природы, хлопнувшей себя по лбу, когда ее осенило, что приближается осень? Или это магический пасс, приобщающий меня к волшебству сегодняшнего утра? В любом случае почувствовать на темени внезапно возложенную летучую корону оказалось приятно и даже весело. Я улыбаюсь. Я бы смеялся в голос, если бы впереди не маячила фигура еще одного прохожего: наверняка, попутчик не поймет неизбывной радости утра, посчитает меня сумасшедшим, всю дорогу станет беспокойно оглядываться, не зная, чего от меня ждать... Оно нам надо?

Мы лучше продолжим тихую игру с липами. Я совсем не против! Вообразим, что никогда листьям-живчикам не лежать брезвально на земле. Забудем о предуготованной им осенью судьбе — превратиться в ошметки забытого лета, истлеть под башмаками и шинами. Не станем думать о том, почему горделивая красота дерев непременно обращается в перегной, который мог бы дать начало новой жизни, но здесь, на асфальте, бесполезен и лишь мешает чистюлям из коммунальных служб.

Давайте веселиться, перестав пугать друг друга известиями о том, что где-то в ближайшем Подмосковье сегодня, якобы, температура воздуха уже опускалась до минус четырех, а на почве отмечались заморозки. Пусть прекратят метеорологи и знатоки народных примет талдычить, будто это первое дыхание Великого Холода, который неотвратимо надвигается, который вот уже у самого порога... Впрочем, даже если и так, наступающий Холод пока только напомнил, кто повелевает страной, он пока только Холод-хозяин, а не Холод-опричник! Он пока злодействует у соседей, мы же продолжим беззаботно справлять торжество шикарного теплого утра!

Давайте не обращать внимания на то, что при глубоком дыхании изо рта идет парок, особенно заметный в лучах еще не остывшего, еще летнего солнца. Просто мы разгорячены ходьбой — вот и все. Да и парок-то легонький! Не сравнить его с теми клубами пара, что валят изо рта в февральские или январские морозы, когда каждый выдох, вырывающийся из измученной стужей, навечно озябшей и из последних сил гоняющей воздух груди, можно принять за предсмертный.

Сейчас, прозрачным августовским утром, мои легкие чисты, как у младенца, и по-богатырски дюжи. Они расширились до того, что едва вмещаются в грудную

клетку, дышат смело, даже с вызовом, словно кузнечные мехи. Они каждую свою альвеолу стремятся напитать озоном, запасаясь теплым воздухом впрок, и это бодрит до того, что не можешь надышаться. С опаской ждешь, что грудь вот-вот лопнет от переполнившего ее кристального воздуха, но все равно, не имея сил остановиться, закачиваешь в себя новые и новые литры кислорода. Рутинный физиологический процесс превращается в таинство, равное по значению таинству бытия, и доходит до тебя, что прервать его — смерти подобно. В самом прямом, суровом значении этих слов.

И этот-то респираторный триумф — в двух шагах от скопища газующих машин! Сколь же мощно веют озоном простые наши липы да березы!

Так и иду я той аллейкой, словно ступаю по створу на миг сомкнувшихся, но уже готовых вновь разойтись миров — самородного и машинного. Справа вознеслась живая стена лесов, слева чадят и скрежещут приземистые жестяные коробочки, а разделяет две вселенные черта, будто бы проведенная по гигантской линейке простым карандашом,— серенькая асфальтовая стежка, по которой шагает человек. Как далеко предопределено ему продвинуться по этой безжалостно резкой грани? Сколько отпущено ему времени, прежде чем доберется он до перепугья? А там ведь (мудри — не мудри!) придется выбирать... Одно из двух: либо обратиться к естеству, скрыться под мягко шелестящим пологом деревьев и раствориться в природе, либо запереться безвылазно в утробе одного из сердито рычащих механических псов, в чьих остекленевших, залитых тусклой пустотой глазах поминутно разгорается красный огонек затаенной злобы... Или, может быть, однажды ясным утром на исходе лета энергия космоса вдохновит какого-нибудь гения на мысль о необходимости и возможности конвергенции двух враждебных систем?..

Николай Макаров
(г. Тула)

В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...Первый класс сельской школы.

Белоснежная рубашка, только вчера купленная матерью в Сельпо, опрометчиво оставленная без защиты снятого пиджачка; гвалт большой перемены, напоминающий многократно увеличенное Броуновское движение и...

И столкновение с Нинкой Ткачевой, моей соседкой по парте; вернее — не с ней, а с ее огромной пластмассовой чернильницей.

Результат, ясное дело, оказался до безобразия предсказуем: рубашка от ворота до ремешка брюк — вся фиолетовая; слезы на лице Нинки, размазанные испачканными ладонями, тоже фиолетовые.

В классе мгновенно устанавливается зловеще-звенящая тишина, нарушаемая всхлипываниями виновницы «торжества». Как же — испорчена рубашка сына самого директора школы. В еще несмышеных головах первоклашек возникают кошмарные видения наказания моей соседки — вплоть до исключения из школы.

Вместе со звонком на третий урок в класс входит моя мать — учитель математики старших классов, награждает меня увесистым подзатыльником — сам, мол, виноват, смотри куда летишь, — успокаивает уже рыдающую навзрыд Нинку, уводит ее из класса.

Через долгих десяток минут в класс, спросив разрешение, входит улыбающаяся, умытая, причесанная, с большой конфетой в руке моя соседка.

Со мной «разбор полетов» продолжался дома, в узком кругу. Впоследствии, что бы ни происходило в классе, что бы ни случилось — всегда оказывался виноватым сын самого директора школы — никакого спуска мне родители не давали...

...В нашем селе имелось две библиотеки: школьная и сельская в клубе. Если в школьную записался только с первого класса, то в сельскую стал ходить лет с пяти, беря по три-четыре книги за один раз. Библиотекарши, и сельской, затем и школьной, принимая такое обилие книг, постоянно меня — не только меня, а всех детей — просяли рассказать содержание прочитанного.

Как-то раз в зимний день несу в сельскую библиотеку пяток книг и с ужасом замечаю, что не могу внятно ни вспомнить, ни прочитать название одной книги. И так, и сяк — не могу. По буквам — не могу прочитать. Не складывается никак — вот будет позора-то, если не назову названия книги, книжонки, по большому-то счету.

Открываю дверь библиотеки, выкладываю на стол книги и... как молния:

— П-е-п-е!..

...За три года (пятый — шестой — седьмой) английский язык в общей сложности в нашем классе преподавали максимум полторы четверти. Никто не хотел менять город на наше село.

Нет, приезжало-то много молоденьких учителей. Кого-то заманивали романтикой сельской жизни, кто-то искал сельских женихов (не припоминаю случая подобных свадеб); кто-то отрабатывал обязательную «минималку».

Из всех «англичанок» в памяти осталась только одна, отрубив в пятом классе почти полную четверть. Вернее, в памяти остались ее незабываемые уроки «английского» языка.

Бросив классный журнал на стол, не проверив наличие учеников (надо отдать должное — со второго на ее занятия обеспечивалось стопроцентное посещение; даже больные приползали на эти уроки), она (училка — забыл, забыл ее ФИО) начинала рассказывать-пересказывать роман Александра Дюма «Граф Монте-Кристо».

А мы... мы разинув рты слушали — слышно как муха пролетит — приключения графа.

Закончив этот роман, учителя начала новый (не помню, какой), но не успела пересказать его до конца — уехала в Город, в город Мичуринск.

Надо отметить, что ни «Графа Монте-Кристо», ни второй книги в наших — сельской и школьной — библиотеках, естественно, в наличии не предвиделось на долгие годы.

...В памяти всплывает зима: по Цельсию — ниже тридцати. Март пятьдесят третьего. Пятое число. Растряпанные, осунувшиеся лица, красные флаги с черными лентами.

Мы (наша семья — отец, мать, сестра Татьяна и я) живем в деревне, вернее, в селе.

Село Ново-Тарбееево — в двадцати километрах западнее Мичуринска, на берегу реки Воронеж, в ту пору полноводной широкой реки.

Отец и мать — учителя. Окончили Мичуринский учительский институт. Мать (Макарова Татьяна Сергеевна) так всю жизнь и писала во всех анкетах в строке образование: «незаконченное высшее» (не среднее и не высшее), специальность — математика. Отец — после учительского, в пятидесятлом заочно окончил Тамбовский педагогический (что автоматически подразумевало на пиджаке ромбик высшего образования — «поплавок»); русский язык и литература.

Март пятьдесят третьего. Начало месяца. Утопающие в сугробах дома. По улицам только санные следы, укатавшие дорогу до асфальтовой твердости («асфальтовая твердость» — тогда в селе такого и понятия-то не было; это из нынешнего времени такие ассоциации). Электричества нет и в помине. Вода в колодцах. «Удобства» — во дворе. Радио проведут только через несколько лет. На все село пять радиоприемников (громадные агрегаты с тяжелыми угольными батареями питания и антеннами на крышах; у нас был радиоприемник «Искра»).

Кто имел эти чудо-машины (по тем временам в сельской местности так оно было на самом деле): в сельсовете; в правлении колхоза (колхоз имени Ленина — середнячок-колхоз по всем показателям во все времена, но «железный» середнячок); в школе; у директора школы; у нас (отец в ту пору был уже завучем — вторым человеком в школьном табеле о рангах).

И у этих очагов культуры собирались все жители нашего села. Все!!! Даже женщины (сельские замордованные непосильным трудом бабы) с грудными младенцами. Все!!! Все внимали жутким, страшным словам диктора: «Умер Сталин»...

Умер Сталин...

И я этот день помню. Помню!!! Отчетливо помню этот день — было мне всего чуть больше пяти лет...

...Привезли в наш сельский клуб два кинофильма. Для детей (семичасовой сеанс) — советскую азербайджанскую музыкальную комедию «Аршин мал алан»; для взрослых (девятичасовой сеанс) — индийский фильм-драму «Бродяга», почему-то не для детей до шестнадцати лет.

На детском сеансе и тем более на взрослом на длинных зрительских скамейках на всех мест явно не хватало. Если детвора (часть зрителей), особенно не заморачиваясь, разместилась на полу клуба, то некоторые взрослые селяне приносили табуретки и стулья.

Как я, второклассник, ни упрашивал мать и отца взять меня на вечерний, для взрослых, сеанс, родители стояли стеной за нравственное воспитание старшего отпрыска. Да, по правде говоря, и контролеры на входе зря свой хлеб не ели.

Ах, как хотелось посмотреть этот индийский фильм, как хотелось. Но голь, тем более детская голь, и в нашем селе на выдумки была мастерица. Усевшись перед первым рядом скамеек около самой сцены на пол, мы, особо продвинутые пацаны, перед последними кадрами «Аршина» по-пластунски проникли на сцену за экран. На клубной сцене в дальнем углу находился люк в подвал. И в этом подвале, согнувшись в три погибели (высота подсцennого пространства не превышала шестидесяти-семидесяти сантиметров) мы, самые отчаянные, в половье щели смотрели что происходит на экране.

Естественно, мы ни хр... ничего не поняли. Тем более, не поняли, что же там было запрещенного для детей моложе шестнадцатилетнего возраста.

...В конце учебного года пошли четвероклассники с учительницей и пионервожатой на экскурсию с ночевкой в Староказинский лесхоз за семь километров от родного села Ново-Тарбеево.

К конечному пункту назначения шли ни шатко, ни валко — пришли к обеду. Пока осматривали окрестности и лесозавод, купались в реке Воронеж, ужинали, незаметно наступила звездная, безлунная ночь. И какой же четвероклассник уснет в палатках вдали от дома, даже — под недремлющим оком учительницы и пионервожатой. Всю ночь из палаток слышалась возня, галдеж, с периодическим броуновским движением пионеров и пионерок.

В результате, проснувшись, опередив даже первых петухов, наскоро собравшись, будущие пятиклассники чуть ли не галопом припустили на «зимние» квартиры. Припустили так, что учительница и пионервожатая еле за ними поспевали. Ворвавшись в родные, такие уютные, дорогие сердцу дома, налету перехватив молока с коврижкой, все, как один, завалились досматривать не досмотренные в Лесхозе сны.

Только Краденову, моему другу детства, отец на досмотр снов отвел каких-то минут двадцать-тридцать, заставив стеречь недавно отелившуюся корову с теленком на близлежащем лугу. Пригнав на луг животных, выбрав им участок с самой сочной травой, сам Толян, присев на пригорке, сморенный утренним солнцем, моментально включился на досмотр лесхозовских снов.

Корова с теленком, естественно, тут же отправились бродить по всему лугу, оставляя повсюду «блины» и «блинчики» от переработанной травы.

В это время — солнце почти в зените — купаться на речку (все тот же — Воронеж) шла ватага старшеклассников. Видя расхристанное тело будущего пятиклассника, а рядом — те самые «свежеиспеченные» коровы и телячьи лепешки, недолго думая, забыв о купании, старшеклассники в ладони распластанных рук водрузили самые большие вышеуказанные лепешки.

Ладно бы — это. Но, сорвав две травинки, экзекуторы садистски защекотали в ноздрях храпевшего пастуха. Хлоп — одна ладонь с коровьей лепешкой размазалась по лицу у ничего не понимающего спросонья бедолаги-пастуха; хлоп — вторая ладонь повторила тот же маневр, что и первая.

У пастуха — слезы вперемешку с остатками коровьих лепешек, у окружающей ватаги — хохот на полсела.

...У каждого уважающего себя пацана имелась рогатка. Смастерили и я себе. Вышла, как бы сейчас сказали,— супер-пупер-перепупер.

Пострелял по банкам, пострелял по воробьям, пострелял...

Из-за соседского сарая «нарисовался» ровесник средней сестры Татьяны пятилетний Толян Грязнов. Недолго думая, прицелился и выстрелил в него.

Пулька — маленький камешек — угодила точно в лоб. Толян захныкал и убежал в свой дом. А я, со скребущими сердце кошками, с сельской ребятней отправился на речку.

Вечером, не сказав ни слова, мать, схватив меня за ухо, оттащила в дальнюю комнату. И... и стала меня охаживать ремнем с пряжкой куда ни попадя.

После этого злосчастного случая у меня пропало на всю жизнь (несмотря на мои четверть века в рядах Советской армии) всякое влечение ко всякому и всяческому оружию.

Хотя, надо отдать должное, инспекторские проверки по стрельбе из автомата всегда сдавал только на «отлично», стрельбу из пистолета — хуже...

...Школа. Двухэтажная деревянная сельская школа. В нашем наборе, наборе пятьдесят пятого года, было два первых класса и пять (пять!) десятых. По сорок и более человек в каждом классе. В нашу школу-десятилетку ходили учиться из пятидесяти соседних сел и деревень, где были только четырех— и семилетки (в то время выпускными классами были седьмой и десятый). Это только печально знаменитый «Кукурузник» влез и в образование своим грязным сапожищем — или ООНовским ботинком? — и сделал выпускными восьмой и одиннадцатый; я тоже попал под «раздачу» — единственный одиннадцатилетний выпуск в школе и «смерть фашизму» на вступительных экзаменах в институт, где конкурс среди школьников — восемнадцать с половиной человек! На одно место. Но что-то я отвлекся...

Мне в первом классе最难的 was writing (был и такой предмет) — нас учили писать без клякс и помарок, ровным каллиграфическим почерком, выводя каждую букву, да что букву — каждую палочку, каждый крючочек несчетное количество раз. Кошмар! Адский труд! Чернила в чернильницах, обычно — непроливашках, зимой замерзали, а летом в эти чернильницы (у каждого обязательно не-похожая на чернильницу соседа по парте) непостижимым образом попадали мухи; и если зазевалась, не увидишь, что на острие пера вместе с чернилами на чистую, обычно только начатую тетрадь (за две копейки по двенадцать листов — в клетку, в линейку, в косую линейку), попадает эта муха — все! — начинай переписывать заново. За кляксу даже не ставили оценок — за кляксу оценка была ниже не только «двойки», но и «кола».

Поэтому клякса каралась переписыванием всего измазанного. Еще надо было следить, чтобы эта чернильница не перевернулась в портфеле — и пошла мода на мешочки под эти чернильницы, вроде кисетов (у девчонок, конечно, с вышивкой) для табака. И носили эти чернильницы в кисетах, привязанными в ручке портфеля (ни о каких ранцах, рюкзаках и тому подобному никто и вообразить даже не смел, не мог); и максимум, что грозило, при возможных потасовках (а как же без них — энергии-то во все времена в детском возрасте не меряно!) — это чернилами облитые мешочки. Не беда — переписывать ничего не нужно.

Со всеми потугами, со всеми напрягами больше «четверки» по чистописанию мне не светило. Первая моя учительница — Чеканова Любовь Ивановна, как мне сейчас кажется, ставила такую для меня завышенную отметку только из корпоративной солидарности. Но по другим предметам у меня стояли «железные пятерки», из-

редка — «четверки». Нет, никакого снисхождения к сыну директора школы не было и в помине. Как сын директора школы мог учиться плохо? В те далекие времена, в селе, это был бы, как модно сейчас выражаться, нонсенс. Не поняли бы такое состояние дел — двоичник-троечник — сын директора — односельчане.

Простой пример. За всю учебу в школе (я в селе проучился до седьмого класса включительно) мать, преподававшая в нашем классе (с пятого по седьмой) математику, спрашивала меня только (!) тогда, когда я не был готов к уроку, не знал домашнего задания. Не выучил в силу объективных причин — прогулял вчера до позднего вечера. А кому как не родной матери знать о всех делах и проказах сына. И только тогда она меня и спрашивала. И безжалостно ставила мне «двойку», за малейшую запинку, за малейшую описку (что-то ведь я знал — сын математички как-никак). Другим за такой ответ была обеспечена твердая «четверка», а за мой мне — «двойка». Исправлять эту «двойку» я мог не на следующем уроке (как обычно исправляли другие ученики), а только на контрольной работе, которые проводилась, по-моему, раз в месяц. Не исправленная к концу четверти «двойка» по математике автоматически убирала мою фотографию с пантеона лучших (отличников!) учеников школы. Поэтому с детства у меня такая тяга к математике и точным наукам (и поступал я вначале в Рязанский радиотехнический институт — но это уже другая история: всему свое время). Да, плюс еще книги Перельмана (мы их выписывали через «Книгу — почтой»): «Занимательная математика», «Занимательная физика» в двух книгах, «Занимательная геометрия», «Занимательная механика» — их я осилил еще до пятого класса.

Но математиком я не стал. А стал чуть-чуть писать, и сейчас чуть-чуть пишу. Хотя отец ни русский язык, ни литературу в нашем классе не преподавал. Но дома всегда писал стихи, отсылая их и печатая в газетах. И Маршаку писал. Не преподавал он мне азы литературы...

...Мать всегда (!), к каждому (!) уроку за всю свою педагогическую деятельность писала подробные планы уроков. Всегда! И кучи тетрадей. Кучищи! Монблан! Эверест! Тетрадей учеников — с домашними заданиями, с контрольными работами (к следующему уроку все должны быть проверены, с разбором каждой ошибки). И не у одного класса, а трех-четырех. Каждый день! Отец никогда планов не писал, черкнет пару строк — и готов к занятиям. Он, в основном, преподавал в вечерней школе (вечерняя школа — это после двух дневных смен, где занимались нормальные по возрасту ученики, по вечерам приходили те, кто не успел получить образование (семи — или десятилетки) в войну, в тяжелые послевоенные годы, т. е. простые советские колхозники разных возрастов (помните многосерийный фильм «Большая перемена»? Все точно так же происходило — только со скидкой на время и место). И он там тоже преподавал. На уроках его (как говорили ученики) слышно было, как летают мухи по классу, как выбириуют стекла в окнах от малейшего ветерка. Как жаль, что мне не пришлось учиться в его классе, хотя, по большому (!) счету, вся его жизнь для меня была уроком. Отца в школе не боялись. Нет! Мать боялись — на ее уроках тоже стояла тишина. Но... Другая тишина. Отца не боялись. Директора школы не боялись. Что такое директор школы в большом селе? В середине двадцатого века? Третий человек в сельской иерархии: председатель сельсовета, председатель колхоза, директор школы. А учитывая его военное прошлое, его орден, на всю округу всего два Красных Знамени, его высшее образование (по-моему, в те времена — только одно на весь колхоз) плюс его постоянное депутатство в Сельском Совете — непререкаемый авторитет среди сельчан. Со всеми бедами и радостями шли к нему со всего села. Занесет кого-то судьба из его выпускников с заоблачных высот (а для села того времени работа в Москве, служба в армии — большая высота!) в родные просторы, обязательно приходят к отцу.

И что характерно (по своей природе дети жестоки, безкомпромиссны в своих суждениях, их на мякине не проведешь), в школе у всех (до самого последнего сторожа) были клички, дразнилки, устный фольклор, своей безжалостной точностью и меткостью характеризующий каждого. В письменном виде это творчество появлялось везде (на стенах туалетов — естественно, удобства, как и во всем селе, на улице), на партах, на деревьях, на стенах классов и коридоров.

Еще раз повторю: у всех учителей (у всех!) были клички. У отца за всю его педагогическую деятельность никогда (н-и-к-о-г-д-а!!!) не было кличек. У него одного на всю школу. А может — и на весь район...

...Не знаю, как в других школах, но в нашей сельской десятилетке на втором этаже имелась «темная» комната — плотные черные шторы наглухо закрывали окна, не пропуская ни квантта света. Да и стены комнаты были покрашены черной краской. В этой комнате хранились две малокалиберные винтовки, патроны к ним и еще, что осталось в памяти,— человеческий скелет. Конечно, в этой, так называемой «секретной», комнате хранились и другие «интересные» вещи, но я запомнил только скелет, в дошкольном возрасте наводящий на меня суеверный страх, и винтовки. Из винтовок мы стреляли в школьном пятидесятиметровом тире, выкопанном старшеклассниками, а скелет... Скелет, я не помню, чтобы его выносили из этой комнаты.

Да ладно, Бог с ним с этим скелетом — в одно прекрасное время, вернее, в одну, совсем не прекрасную, весеннюю ночь эти винтовки из той самой «темной» комнаты своровали, выкрали, стащили.

С утра не только в школе, но и во всем селе — переполох: кто и, главное, зачем украл эти винтовки? Милицейские сыщики со своим Джгульбарсом, в один сек прибывшие из Мичуринска, весь световой день рыскали по селу, естественно, с нулевым результатом. Покончив с этим неблагодарным делом, они укатили писать протоколы.

Прошла неделя, вторая, третья...

Небольшое пояснение.

В нашем селе крестьяне обычно сажали на своем огороде (40 соток, а то и больше) картошку и подсолнечник. Кто-то еще выращивал табак (а не махорку, как «знатоки» в некоторых фильмах называют это растение), кто-то — лук, кто-то — чеснок. Кстати, за луком к нам приезжали на грузовиках аж (!) из самого Красноярска.

Так вот, как проходила уборочная подсолнечника на своем огороде: шляпка срезалась серпом, оставшийся стебель наискось укорачивался тем же серпом и на оставшийся остроконечный отросток (коренюшка — на нашем сельском диалекте) насыпалась шляпка подсолнуха для просушки.

По прошествии некоторого времени (два — три — четыре дня) шляпки собирались, обмолачивались, сушились — и семечки, большие серые семечки — оказывались готовы для продажи в Рязани и Москве, куда мешками их возили мои земляки.

Высушенные шляпки зимой, предварительно вымоченные, шли на корм коровам, овцам и козам. Собранные коренюшки собирались с огорода, корни отряхивались от земли и все складировалось на кромке участка для дальнейшего (естественно, высушенные за осень и зиму) применения, как хорошее топливо для русской печи.

Теперь пора вернуться и к винтовкам. Тетя Дуня, проживающая в крайнем доме перед сельским клубом, очередной раз пошла за своими коренюшками для печи. Взяла охапку, взяла другую... и чуть в обморок не упала: одна винтовка с надпиленным стволом, вторая — в виде обреза...

...Кроме коренюшек печи у нас в селе топили «шишками», топляками, дровами и торфом, позже стали топить каменным углем.

«Шишками» — собранные граблями в сосновом лесу сами сухие шишки и сухие иголки. Всей семьей собирали такое топливо и всей семьей осуществляли погрузку

на телегу. Для этого по периметру телеги крепили трехметровые слеги (стволы деревьев диаметром десяти-пятнадцати сантиметров), «обвязывали» их ветками потоньше, и это, подобие огромной корзины набивали собранными ранее «шишками». Незаменимое топливо для самовара и русской печи, каковые имелись в каждой крестьянской семье.

Топляки — черные как смоль и твердые как сталь огромные стволы деревьев «доисторических времен» (иногда — более метра в диаметре и длинной до десяти метров), обнаженные после ежегодного половодья, откапывали по берегам реки, ручьев и болот. Кто первым увидел такой топляк, тому он и доставался; никто больше на него не претендовал. Топляки откапывали порой все лето, но дрова из него (топляка) получались, что твой антрацит.

Дрова — это, естественно, сухие деревья и ветки из леса, расположенного километрах в трех от села. С лесником расплачивались «жидким» советским твердым рублем, эквивалентному нынешнему «жидкому» доллару.

Торф — на опушке леса раскинулось огромное торфяное болото, на котором работала большая бригада, добывающая топливо в колхозные и сельские учреждения (сельский совет, школа, клуб, медицинский пункт, библиотека, управление колхоза и другие постройки). Селяне, в том числе и мы, также топили печку торфом. Привезут, бывало, машину-вторую торфа, выгружают, а ты давай, только успевай раскладывать кирпичики сырца в «египетские» пирамиды для просушки.

Через пару недель высушенный торф переносился в сарай — семья к зиме готова.

Всему приходит конец, иссякло и наше торфяное болото, но цивилизация двигалась и в наше село: печки стали топить каменным углем, привозимым из Мичуринска. Вначале разжигали печку бумагой и лучинами, затем подбрасывали немного дров и в разгоревшиеся дрова кидали уголь. Тепло, уютно. Только вот от сгоревшего угля, в отличие от «шишек», дров и торфа, оставалось много шлака. Если зола шла на подкормку своего приусадебного участка, то шлак от угля использовался в качестве твердого «покрытия» сельских дорог и тротуаров...

...Все выборы, начиная от местных и заканчивая в Верховный Совет СССР, проходили в школе. Председателем сельского избиркома автоматически становился директор школы, то есть мой отец.

Как и в наше время, день перед выборами школьники не учились — классы школы готовились к завтрашим мероприятиям. Лучшие пионеры школы в этот день тренировались в приветствии голосующих, салютуя им пионерским приветствием, у празднично убранных урн.

В актовом зале (он же — зал для занятия физкультурой) проходили последние репетиции предстоящего концерта школьной художественной самодеятельности.

В день выборов отец — председатель комиссии — уходил из дома (до школы — сто метров) в пять утра и приходил домой на следующее утро тоже в пять часов.

С шести утра на присланных из колхозной конюшни пяти-шести санных экипажах, под залихватский свист возничих и истощный лай сельских собак, представители избиркома — обычно ученики десятого класса — начинали развозить миниатюрные опечатанные урны и бюллетени для голосования больным и престарелым сельчанам. К десяти часам собирались пионеры-активисты, попарно — пионер и пионерка — на пятнадцать-двадцать минут становились по стойке «смирно!» с обеих сторон от урны и, при подходе голосующих, приветствовали поднятием правой руки перед красной пилоткой на голове.

К двенадцати часам собиралось большинство голосующих — тогда и начинался для них концерт. Часам к двум многие колхозники, изрядно отметив праздник по старой русской традиции, под звуки нескольких гармошек орали на все село частушки-прибаутки. Под вечер все это выборное мероприятие оканчивалась — проголосо-

вало почти все население колхоза (почти 100%), но урны с бюллетенями — и стационарная и передвижные — вскрывались ровно в двадцать два часа для подсчета «за» и «против».

Подсчитывали до утренних петухов...

...Цирк!.. Цирк!!!.. Цирк!!!

Весной пятьдесят девятого, перед самым разливом рек, речушек, ручейков (полодьё, паводок — для сельчан ежегодное стихийное бедствие, изоляция от города, от железных дорог), в Мичуринск приехал цирк-шапито. По книгам, по кинофильмам мы знали о цирке, но в «живую» в упор его никто не видел.

Мать достала (!) (и в те времена тоже что-то «доставали», «дефицит», одним словом) билеты в цирк для своего класса (она была классным руководителем 5 «А») и для меня, естественно, примкнувшего третьеклассника, нашелся один билет.

Добираться на машине до Мичуринска (двадцать километров по непролазной черноземной распутице) — верх безумия. Да и не ходили в это время никакие машины по нашему большаку; пешком эти же двадцать километров — тоже нереально. Выбрали альтернативный вариант: пешком десять километров (два часа взрослому по летней твердой дороге) до железнодорожной станции Никольское (на ветке Мичуринск — Грязи) и далее на пригородном поезде до конечной станции.

Энтузиазма — через край. Сил у всех — хоть отбавляй. Остатки сна (а уходили очень ранним утром) давно улетучились. Меня и девчонок по очереди везут на телеге (школа для такого неслыханного и грандиозного — впервые! — предприятия выделила гужевой транспорт: Константина с телегой и конюха Баева Алексея Тихоновича). Все рвались, как в бой, как в штыковую атаку.

Д-а-е-ш-ь!..

Все было рассчитано по минутам. Но, как обычно, как всегда, у нас, у русских, гладко бывает только на бумаге... А овраги? Переполненные грязевым месивом? А затопленные мостики через них?

Опоздали мы на пригородный поезд. Увидели только огоньки последнего вагона за поворотом. Это — крах! До Мичуринска по шпалам больше десяти километров. И силенок уже нет. И следующий пригородный поезд — через полчаса после начала циркового спектакля. Крах!!!

Пацаны притихли. Девчонки рыдали во весь голос. Про меня забыли. Мать кудато пропала. Только Константин невозмутимо жевал сено, да конюх курил огромную самокрутку.

...И совершилось чудо (не только в цирке совершаются чудеса): через пятнадцать-двадцать минут (целая вечность! и более) к перрону пропыхтел паровоз («Овечка») с одним прицепным вагоном.

В Мичуринске от станции до базарной площади, где возвышалось это неземное чудо, это загадочное волшебство, это великолепие из мира Буратино и Мальвины, мы неслись как полоумные, как шайка грязных, мятых маленьких разбойников и... успели. Успели к третьему звонку.

Разговоров о цирке хватило на целый год. И потом, уже взрослыми, уже обремененные детьми и внуками, мы, участники той легендарной «Челюскинской экспедиции», первым делом вспоминаем о том (о том!) цирке. О волшебстве нашего детства...

...Нашу классную руководительницу Недобежкину Клавдию Васильевну с какой-то болезнью положили в Лавровскую участковую больницу, что от нашего села в пяти-шести километрах. Собрав «передачку», на велосипедах четверо шестиклассников попытали через лес к нашей учительнице. Где нам показали от ворот поворот — час назад выздоровевшую Клавдию Васильевну выписали из больницы.

Посоветовавшись, вы поехали на своих великах к ней домой — не съедать же и не выбрасывать наши скромные подарки, главное-то — участие, забота и внимание.

Лучше бы мы не ездили к ней домой.

У четы Недобежкиных (дружили семьями они и мои родители) была дочь, наша ровесница, больная какой-то непонятной нам, пацанам, психической болезнью. Передав нехитрый скарб Клавдии Васильевне, мы разом вздрогнули от нечеловеческого крика из соседней комнаты. Бедная учительница бросилась к дочери, а крики все усиливались, переходя в жуткие завывания, а нас... нас раздирил неудержимый смех. Не попрощавшись, мы пулей вылетели из дома, мигом оседлали велосипеды и помчались по своим домам.

Не сговариваясь, мы об услышанном и увиденном никому не думали и рассказывать. На первом же уроке по биологии — предмет нашей классной руководительницы — Клавдия Васильевна, собрав нас, извинилась за вчерашнее. Мы, естественно, покраснев до корней волос, также попросили у нее прощения.

❖❖❖

Евгений Асташкин
(г. Омск)

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Nаш постоянный автор.

Пунцовеющие завитки сентябрьских облаков, нависших над кустистыми лесополосами вдоль железнодорожных путей, рождали у него ассоциацию с развороженным букетом вялой мальвы на краю подоконника. Такая масштабная панorama на горизонте возникала лишь при нагромождении кучевых облаков — редком госте в здешних засушливых местах. В эти минуты Михаила что-то заставляло взбегать по приставной лестнице на высоту и, прислонившись спиной к гладко струганному фронтону, праздно насыщаться перед сном видом догорающего дня. Позыв, привязавшийся к нему еще в школьные годы, до сих пор довел над его созерцательной душой, словно это было так важно — ловить всякие мимолетности.

Сейчас он шел навстречу этому мареву, держа на прицеле двускатную крышу вокзальчика его степного поселка, который называть городом язык не поворачивался. Местными вполне осознавался тот факт, что статус города достался их скромной веси лишь благодаря тому, что рядом расположилась войсковая часть, численность которой приплюсовали к Типчаку. На веку Михаила поселок, бесспорно, не успеет перерости самого себя. С нагрянувшей перестройкой и вовсе замерло всякое маломальское строительство, здешние ПМК и ДСУ с порядковыми номерами такими-то стали после оптимизации несуразно скукоживаться, иные вовсе обезлюдили, лишь осиротевшие начальники еще держали на всякий случай сторожей, которые ночевали в конторах, дабы их не принялись растищивать по кирпичикам.

Летом на этих широтах смеркается очень затяжно, люд по домам уже доглатывал новостную программу «Время» единственного телевизионного канала, а улицы еще оглашались чьими-то задорными до дурашливости вскриками, трескотней лихого мотоцикла, бдительными па-па автомобильных клаксонов. Долго рядившийся дождик лишь скаредно пробрызгал пыльные улицы, но все равно задышалось полегче.

Михаила никто не провожал. Мать он не стал тревожить — зачем ей потом в сумерках тянуться домой на окраинную улицу? Хотя в свои семьдесят она выглядит на диво бодрой, но шаг уже не тот, ноги столь безбожно натруженны огородом, что икры приходится при выходе на люди маскировать старомодными чулками даже в жару.

Пара стандартных лавочек из бруса, на одну из которых присел Михаил, покоялась под кленами вплотную к железнодорожной насыпи, перрон возвышался над головой. При прокладке рельсов этот вытянутый холм не стали сглаживать бульдозером, поэтому вокзальчик старомодной архитектуры с толстыми литыми стенами сидел в занижении и к нему спускался с перрона ряд ступенек.

Девятичасовой поезд до Ниваграда уже прошел. В сетке движения не значилось больше никаких пассажирских составов, кроме товарняков. Лет пять назад на радость аборигенам ввели еще и сумеречный одиннадцатичасовой маршрут. Через каждые два дня из тупикового областного центра Боксита прибегало нечто вроде электрички

в пяток вагончиков почтового вида. К ним пристегивался сквозной купейный вагон до Москвы. Это стало огромным облегчением. Раньше до столицы можно было добираться лишь из Ниваграда.

В такое позднее время на перроне почти никого не было, лишь дежурный милиционер и путеец с жезлом, который он обязан передавать машинисту. А вот и родимый составчик, притормаживая, резко осветил своим прожектором уходящие в бесконечность шпалы.

Проводник недоуменно взглянул на предъявленный билет до столицы: куплен в Боксите, а садятся здесь, на сотню с лишним километров дальше.

— Всегда беру там заранее в предварительной кассе,— счел своим долгом пояснить Михаил.— Зато без проблем. А тут пришлось бы заказывать...

— Понятно,— расправил упитанный проводник собранные в трубочку губы средь сизости проступающей щетины.— А то я уже хотел докладывать по линии, что в Аркалыке один пассажир не сел. Посчитали бы, что кто-то опоздал или передумал, хотя билет почему-то не сдал...

При Михаиле была наплечная сумка с провизией на три дня и баул — домашние разносолы гостинцем сестре, которая была старше его на целых семь лет. Он протолкнулся в пустой коридор купе. Еще на перроне разглядел, что окна прицепного вагона не светятся, за стеклами не видно никаких лиц.

Когда Михаил отодвинул дверь третьего купе, он к своему удивлению увидел, что там уже обосновалась троица: старикан с плотным до скаредности прижимом узких губ и двое парней слегка за тридцать лет. Был включен лишь один плафон под потолком, поэтому свет такой тусклый. А штора на окне задвинута, вот и показался Михаилу весь вагон необитаемым.

— Потесню вас малость,— извинительно произнес Михаил.— Такое уж место выпало по «лотерее»...

Пассажиры никак не отреагировали на это подобие шуточки, а один из парней все же с подтекстом спросил:

— Вы докуда?

— До самого конца.

Такой ответ, видно, не особо порадовал заселившихся ранее, они вынужденно молчали, смирившись, что сразу же придется делить купе с посторонним.

— А вы? — в свою очередь поинтересовался Михаил, тоже с тайной надеждой, что не до самого конца ему попутчики.

— Тоже до Москвы...

Значит, все трое суток не будет смены лиц и декораций...

Михаил досталась верхняя правая полка. Уложив вещи в вагонный рундук, он взял у проводника стопку вкусно пахнущих хозяйственным мылом постельных принадлежностей и с обезьяньей ловкостью закинул наверх свое поджарое естество, чтобы не стеснять других. Попутчики, сгрудившись внизу у столика, железобетонно отмалчивались, даже между собой перебрасывались лишь незначительными фразами. Михаил прикидывал, где же они сели? Явно не в Боксите — не чувствуется городского лоска. Еще две мелкие промежуточные станции тоже можно отбросить. Там редко садятся, поезд останавливается буквально на мгновение в два-три вздоха. Значит, из Таставу. А он в этом соседнем райцентре отработал четыре года после университета. Поселок совсем крохотный, просматривается из конца в конец. Многие там примелькались, но эти лица ему не знакомы. Впрочем, с той поры прошло уже десять лет, может, эти перебрались в Таставу из какого-то отдаленного села...

Был бы на месте знакомый проводник Захар, у него можно было бы навести справки. Но сейчас не его смена.

Задний вагон шел неустойчиво и в такой короткой цепочке. Через пару остановок на Узловой их прицепят к другому поезду, опять в самый хвост, будет бросать из

стороны в сторону еще ощутимей — даже не почитать книжку. Прежде он пробовал это делать, но чуть не вывихнул глаза.

Глубоко за полночь на Узловой их отцепили, и маневровый паровоз потащил вагон по лабиринту боковых ответвлений. Они оказались далеко на околице. Когда маневровый отцепился и уехал, попутчики настропалились на улицу. Михаил тоже поплелся следом. По очереди спрыгнули с высоко задранной подножки на гравий, ощущимо отбивая пятки. Кругом непроглядно, лишь в отдалении желтые квадратики окон и мерцающие грозди столбовых лампочек. Неуютно до озоба, так и кажется, что сейчас откуда ни возьмись вывернется из кромешной тьмы этакий полосатый Попандопуло и начнет тыкать всем в живот плохо заряженным маузером: «Ну-кось, что там интэрсного у ваших баулах?..»

Пробивающие душу голоса из рупоров, делающие их совершенно бесполыми. Остро чувствуешь свою незащищенность, словно мимо тебя, несмотря на страдную пору, пролетают снежки, рождая позыв увернуться от них. А тут еще и потянуло из-под колесных пар злющим сквозняком.

Некомпанийские попутчики лениво покуривали, переминаясь с ноги на ногу под нескончаемые диспетчерские перелаивания. Все знали, что гонять по путям этот прицепной вагон будут почти до утра. Лишние пять с половиной часов вынужденного простоя, из-за этого путь до столицы растягивается на целых трое суток. С приплюсованием обратного пути почти неделя вычеркнутой жизни. А куда денешься? С пересадками добираться было бы еще муторней из-за того, что придется томиться в нескончаемой очереди, чтобы закомпостировать свой билет.

Попутчики не изъявляли ни малейшего желания общаться со свалившимся на их голову Михаилом, что было довольно непривычно. Чаще приходилось наблюдать, что в пути успевают сдружиться, иной начинает загружать тебя разными историями — не отмахнуться. Сейчас больше никого в целом вагоне, а от него старательно отворачиваются. Старый дядька, как стало ясно, отец этих двух парнишек. Они помладше Михаила. Папаша словно плющит каждое словечко неисправимо поджатыми губами, едва-едва выпархивает оно на волю, нещадно деформированное.

Народ начнет набираться после Узловой, когда пойдут более крупные города. Михаил, в одиночестве членоча от нечего делать вдоль вагона, вспоминал этот затрапезный райцентр Таставу. Даже его сосед по улице Мартын, с которым учились в одной школе, а теперь он гонял в рейсы на автобазовском ЗИЛе, при упоминании об этом местечке поделился с другом детства: «Когда я проезжаю мимо этих Таставу, где ты «бичевал» несколько лет, у меня такое чувство, будто в яму проваливаюсь. Даже эти мелкие разъезды с элеваторами не действуют так угнетающе...»

Действительно, типовые двухквартирные домики Таставу из оштукатуренных щитов уныло тянутся в полукилометре от трассы, за нещадно истоптанным, колеистым полем, на котором в жару быстро выгорает всякая былинка. В распутицу там не пролезть даже в резиновых сапогах из-за вязкой глины. Населенный пункт излучает привлекательность на щедрые ноль с минусом. У съезда с трассы громоздится паспорт — железные буквицы на таком же массивном бетонном постаменте. Маячит сие на фоне сплошных пахотных полей без единого деревца, сбоку тянется занижение урочища, пригодное лишь для выпаса скота. Проезжающим, небось, кажется, что эта непомерная железная конструкция собирается идти на таран.

Галька промеж железнодорожных путей увязливо шуршала под ногами приувычившего Михаила. Бессмысленный моцион перед сном...

Проводник высунулся и затейливо кинул с верхотуры:

— По нарам! Сейчас опять начнут мотылять. А то будете потом играть в догонашки...

Снова в обжитом купе защелкнулась дверка. Маневровый приятельски чокнулся тарельчатыми буферами с бесхозным вагоном, и снова началось — туда-сюда. Изло-

манный свет от фонарей постреливал сквозь щель в занавеске, отражаясь в зеркале. Гомонящие рупоры то усиливались за окном, то ослабевали при удалении. Все четверо улеглись на свои места, потушив светильники у изголовья.

Лишь к утру все это сложное бродяжничество по многочисленным веткам угомонилось. Сквозь сон было слышно, как по купе зашаркали ноги свежих пассажиров из Узловой.

Когда Михаил разлепил глаза, его попутчики уже завтракали за столиком. Он не стал слезать, потом сам перекусит на скорую руку. Тем более, что никто хотя бы из вежливости не предлагает присоединяться.

Наконец очередь дошла и до него. Он ловко спрыгнул вниз, ювелирно рассчитав траекторию, чтобы не зацепить никого. Земляки с явным удивлением покосились на него — акробат, что ли? Да нет, просто надо дружить со спортом и поменьше вредных привычек. В рамке окна пестрели уже более веселые акварели: сочные перелески, перемежаемые равнинами с добродушными домиками вдоль падей.

Михаил достал из сумки тетрапак с минералкой, пару вареных яиц и бутерброды. Один из братьев, по виду старший, крутанул ручку радио — полилась бодрячковая музыка с краткими дикторскими вставками. Соседние отсеки теперь наглядно сигнализировали о своей заполненности детскими восклицаниями, гулом разговоров, чье-то гитарной секвенцией. Михаила немного задевало за живое, что попутчики не торопятся с ним панибратствовать вопреки неписанным дорожным обычаям, когда можно за трое суток так сдружиться, что и адресок дадут на прощанье: мол, милости просим в гости при случае. Вдвойне обидно, что они одни здесь опоясаны обязывающей нитью землячества.

— Вы, как я понял, из Таставу? — не выдержал Михаил.

Старикан что-то гукнул, вроде бы утвердительно.

— Я там тоже отработал четыре года, — объявил Михаил, уверенный, что сразу зародятся вопросы к нему. Но эта новость никого не заинтересовала, с ним по-прежнему не торопились завязывать тары-бары.

Закончив трапезу, он смахнул отходы на газетный листок, все вместе скомкал и понес к мусорному баку. Когда вернулся, увидел, что место у столика занято с обеих сторон. Видимо, ему весь путь придется сидеть в сторонке. Насытил глаза проплывающими за окном березками и решил продолжить начатую тему о родном поселке попутчиков, а то как-то все оборвалось на полуслове.

— В Таставу была спецкомендатура, и меня поначалу подселили прямо к «химикам», больше некуда было пристроить, — сам себе усмехнулся Михаил при воспоминании сего курьеза. — В общем-то, было спокойно, все условно освобожденные, а загремели по мелким статьям: воровство, хулиганство, иные просто по собственной глупости. Работали на стройке. Досиживал там свой срок и один старый цыган, к нему перебралась вся семья. Он все присматривался ко мне и вдруг спросил, хотя среди зеков это не принято: «Ни как не могу сообразить, паря, за что же ты сидишь?» Рассмешил дядька, нечего сказать. Я ему объяснил, что после университета тружусь в редакции, а сюда поселили временно. Сам-то цыган сидел за кражу лошади, это всем было известно...

Попутчики деланно усмехнулись, но ничего не стали добавлять в поддержку своеобразной темы. Михаил решил продолжить:

— Так и прожил среди зеков два года, пока не отремонтировал себе заброшенную клетушку в почтовой общаге. А вот на днях я проезжал мимо Таставу на поезде, стал рассматривать в окно тот участок, где спецкомендатура, она рядом с железной дорогой. И вдруг вижу сплошной пустырь, все четыре барака снесены, даже следов не осталось. Значит, больше не ссылают туда зеков...

Он стал переводить взгляд с одного на другого. Старший, по всей видимости, парнишка в джинсовой куртке нехотя ответил:

— Да мы не из райцентра. Живем рядом, в Жанадале...

Этот крохотный совхоз, насчитывающий всего шестьсот с небольшим жителей, находился в километре от райцентра — через пустырь, по которому не раз хаживал Михаил, чтобы взять у кого-нибудь из сельчан интервью для местной газеты. Знал наперечет всех передовых скотников, трактористов, доярок. Был там и единственный в районе герой соцтруда — механизатор широкого профиля Варзаинов, о ком поменяли в газете целые очерки на всю полосу. Но этого папашу двух сыновей Михаил никак не мог припомнить, видимо он отнюдь не числился в списке передовиков.

Теперь Михаил решил обращаться непосредственно к старшему из братьев, лишь тот хоть что-то ответил. Продолжил погружение в воспоминания:

— Помню, одно время на «химию» прямо пачками стали присыпать горячих сынов солнечной Грузии, все молодежь. Они толпами бродили по райцентру, затевали драки с местными. В нашей типографии работали две девчонки — линотипистка Ленка и печатница Валька. Знавали таких?..

— Конечно,— неожиданно споро откликнулись сразу оба парня.

— Кручеными, однако, оказались девки,— вставил Михаил.

— Да уж,— поддакнул старший и все-таки расщедрился на кучку комканых слов: — Мы с ними пошатаемся по улицам и уже ночью проводим до самого дома. Потом в два часа ночи выйдешь покурить, а на трассе опять чей-то знакомый смех — в такое-то время. Приглядишься, а это наши девчата уже с грузинами. У нас — вот такие болты!..

Старший парень приложил к глазам скругления пальцев в виде очков,— как могут расшириться зенки от удивления.

Больше в этот день общие разговоры не клеились. Братья выходили на остановках размаяться, покуривали в тамбуре. Михаил заметил, что в купе при отлучках обязательно кто-то один из семьи оставался. Понятно. Все опасаются за свои вещички, хотя Михаил считал, что после таких свойских рассказов он находится вне всяких подозрений.

Ему хотелось расспросить ребят про эту оторву Вальку. Когда его поставили ответсекретарем в той газетке, что издавалась в Тастау, он стал буквально пропадать в типографии — пока не подпишут очередной номер. Коллектив постоянно менялся, приходилось набирать новых работников из числа вчерашних школьников, обучать их с азов верстать, резать бумагу на станке, печатать. Сугубо женское окружение, сильный пол не стремился на столь нудную и вредную работу. Там и приглянулась Мишке молодка, новая печатница Валентина. Небольшого росточка, но плотно сбитая. Резкая на поворотах. Излишком интеллекта явно не страдала, так как покинула школу после восьмого класса. Совершенно никак они «не корреспондировали» друг другу, если вспомнить хлесткое дореволюционное выражение. Просто у Мишки разыгрался на нее аппетит. Она сразу же заметила это, и все время ершилась, вознамерившись определить его под каблук, и никак иначе.

Михаил вспомнил, какие заоблачные требования пыталась предъявлять ему эта оторва, будучи еще совсем зеленою. При этом каждый раз заботливо готовила для него очередной наборчик изящных язвительностей, всерьез полагая, что это придает ей больше шарма. Вознамерилась отхватить приличные дивиденды? Вот и хорошо, что у них ничего не сладилось. Ему не раз приходилось наблюдать, как иные пары со всей изобретательностью, достойной лучшего применения, прилюдно соревнуются во взаимных колкостях, а оно ему надо?..

Теперь его так и подмывало выведать некоторые подробности. Включился в ум сравнилительный анализатор,— действительно ли можно добиться чего-то существенного в жизни и мягко устроиться с таким арсеналом вероломных штучек, какой был на вооружении у его давней знакомой? Вскоре после того, как он уволился из той редакции, типографию закрыли, а газету стали печатать в областном центре. Валька

перешла работать на заправку, видел ее однажды проездом в окошке будки на оконице Тастау.

Под вечер задал парню в джинсе наводящий вопрос относительно этой девицы. С горем пополам почти клещами вытянул кое-что: Валька сошлась с каким-то приезжим. Работал грузчиком на элеваторе. Пустили его к себе примаком. А через какое-то время он поехал якобы в гости к родственникам в Калининград и испарился. Так тщательно прячутся только от алиментов...

Прицельные заемные остроты Вальки прямо в темечко Михаила. Даже для уха болезненно, а ему довелось обитать в таком окружении, когда каждая клетка организма испытывает давление торжествующей опошленности незнамо для каких целей, просто так — для минутного куражка. Одна,— он лицезрел на своем пути и таких,— сидя на лекциях в аудитории, любуется магическими квадратами, способна испытать умственное удовольствие даже от осознания математического курьеза, что квадратный корень из ста невозможно извлечь, другая условно невестящаяся молодка в тот же самый момент переполнена куражливостью, как самоцелью, ей лишь бы сморозить что-то позабористей. Вот и сравнивай...

В общем, ничего в жизни этой бывшей печатницы коренным образом не изменилось. Все так же сидит за форточкой на заправке.

С тех пор Тастау пришел в полное запустение. Колонки не работают из-за того, что сгорел насос. Воду подвозят на приватизированных водовозах частники и раздают ведрами. Огород теперь на разведешь, воды хватает лишь на готовку и стирку. Поговаривают, что собираются сокращать этот райцентр как неперспективный. Это значит, что опустеют все административные здания, все организации с ведомствами: милиция, местная стройконтора, баклаборатория, редакция и все прочее. Народ побежит, кто куда, останутся лишь те, которым деваться некуда. Если Боксит напоминает теперь площадку для съемки фильмов ужаса,— целые микрорайоны зияют выбитыми окнами многоэтажек,— чему еще удивляться? Этот областной центр тоже собираются упразднить, а их район присоединят к Ниваградской области. Уже была дискуссия по краевому радио.

* * *

Большой частью Михаил полеживал на полке, чтобы не мешать семейству, вдруг и старому захочется растинуться на своем лежаке. Размышлял, как же ему перебраться в Подмосковье — поближе к сестре. Только скопится что-то более-менее весомое, начинаются обмены денег, после которых все прирожденные обыватели оказываются в банкротах.

За что только не хватался Михаил, когда стали надвигаться ломкие времена. Проводил дискотеки, озвучивал свадьбы, открывал видеосалон. Он искал надежного заработка, но буквально все его начинания через определенный промежуток времени сходили на нет. Дискотеки приелись, молодежь поголовно накупила носимых магнитофонов, и на свадьбах теперь обходились без его довольно громоздкой аппаратуры. Сначала во всем поселке было два-три видика, которые стоили в пол-Москвича, а через пару лет они подешевели и появились во многих семьях. Видеосалон стал не нужен — все обменивались друг с другом кассетами.

Фотографией Михаил сначала занимался просто для себя. Загадал стать настоящим профессионалом. Перебирал самые разные комбинации растворов, добиваясь предельной четкости снимков. Но секрет таился не только в этом. Однажды, прогуливаясь по Москве, где он проводил каждый свой отпуск, увидел на одном здании близ Публичной библиотеки загадочную вывеску: «Особо чистые вещества». Заинтересованный этим, заглянул внутрь, помещение оказалось не очень просторным, везде витрины с пакетиками, коробочками и пузырьками из затемненного стекла. Спро-

сил у продавщицы, есть ли что-нибудь для фотографии, ему указали на застекленную тумбу. В ней было разложено то же самое, что он применял: метол, гидрохинон, сульфит натрия. Только все в другой упаковке и ценник в десять раз весомей. Отчего такая дороговизна? Пригляделся к надписям и увидел, что процент очистки даже обычной технической соды просто запредельный. Накупил всего для пробы. Попутно запасся дистиллированной водой. А потом, когда проявил пленку и сделал отпечатки, сам ахнул, насколько они оказались ясными.

У него стали появляться заказы, так и втянулся, потом освоил и цветной процесс. Химиков нигде не было, приходилось мотаться в Москву, где в «Зените» времена-ми выбрасывали все необходимое. Если собрать воедино все его наезды, получится, что он прожил в столице уже около двух лет.

Когда попал под сокращение, думал, что его бесценные навыки будут кормить до самых последних дней. Он был нарасхват: свадьбы, утренники, похороны, фото на документ. Но недавно на последнем звонке в селе Пригородное, куда он мотался на велосипеде, его здорово «подкузьмили». Едва начал фотографировать, как очередь стала выстраиваться у одного верткого девятиклассника с «Поляроидом». Тот щелкал и тут же выдавал готовые снимки по двести рублей — в три раза дороже, чем у профессионала. У Михаила, конечно, тоже был такой «Поляроид», но он даже не захватил его с собой, считая, что мало кому будут нужны крохотные картонки, на которых ничего не разглядеть по существу. Это подсуетилась завуч школы, надоумив своего сыночка тоже включаться в бизнес. Он сразу выдает снимки, а у другого фотографа еще надо ждать с неделю, когда он отпечатает их.

К тому же Михаилу все чаще стали задавать вопросы, не может ли он снять на «Кодак»? В Ниваграде открыли пункт печати и проявки импортных пленок, это обходится дешевле. Скоро массово обзаведутся дешевыми китайскими «мыльницами» и каждый станет сам себе фотограф. А если и в Боксите откроют такой сервисный пункт, то Михаил навсегда потеряет кормное дело, ведь до этого областного центра меньше двух часов на автобусе. Логичней было бы радоваться стремительному развитию технологий, но можно понять и озабоченность того, чьи навыки и знания, добытые неимоверным упорством, стремительно обнуляются. В крупном городе можно хоть за что-то зацепиться, а в провинции пропадай, так у нас устроено. Размножившиеся, словно грибы, кооперативы через пару лет извели непомерными налогами — все до единого позакрывались. Воцарилась одна перепродажа...

Даже часовщик быткомбината, чья застекленная будочка в гостиничном вестибюле за двадцать лет стала местной достопримечательностью, в одночасье потерял работу. Если он за месяц чинил не больше пары будильников, все равно исправно начислялась зарплата. Выброшенный в стан безработных, стал искать новое применение своим рукам. Услышал краем уха, что в Ниваграде сколачивают бригады по отделке современным пластиком всех зданий в центре, и сагитировал целую толпу таких же бедолаг. С предвкушающими лицами двинулись на заработки. Часовщик изредка заскакивал домой, но алчущая родня никаких таких капиталов не обнаруживала при нем, его лишь авансировали мелочью, едва хватавшей на пропитание. Всю оговоренную космическую сумму обещали выплатить по окончании работ. Потом подрядчик аннигилировался, не нацарапав прощальной записи; все как на подбор доверившиеся остались с носом. И вот Михаил натыкается на невеселые виды: часовщик то помогает очередному предпринимателю прибивать вывеску на новом магазинчике, то подметает тротуары.

Теперь Михаила точит лишь одно — как бы ему тоже не остаться на бобах в своем захолустье. Здесь все продвижения теперь только по землячеству. Очутившемуся на дне не позавидуешь. Замешкает — и его ждет блестящая перспектива оказаться на побегушках у какого-нибудь местного заправилы.

Вот и надо накопить мал-мал, чтобы обосноваться в каком-нибудь скромном

пригороде Москвы — поближе к родным. Неплохо бы осесть в Апрелевке, там огромный завод грампластинок. Его, наверно, перепрофилируют под выпуск компакт-дисков. Вот и собрался опять за наборами химикатов. С некоторых пор на Казанском вокзале обосновались таможенники, проверяют сумки у отбывающих. А у него набирается прилично багажа. Увидят сотни пачек фотобумаги в огромной китайской пленке — сразу завернут. Нельзя. В таких случаях выручает проводник Захар, сам проносит в свой отсек все это, якобы для себя. Не за спасибо, конечно...

На вторые сутки пути Михаил опять не терпелось поподробнее расспросить о том местечке, куда его заносило судьбой. Интересно все-таки. К тому же оказалось, что Валька встречалась и с этими братцами. А потом с другой шла к южанам в зековский барак. Не зря про нее ходила темная молва. Знакомые удивлялись, почему он так «запал» на эту вертихвостку? Взбесилась тогда, когда он ей намекнул о двурушничестве. Вынашивала планы отомстить самым изощренным способом.

— Ну, у тебя-то все благополучно в семейном плане? — рискнул вторгнуться Михаил в личную жизнь старшего из братьев.

— Какой там! — махнул он рукой. — Развелся...

— Значит, тоже все в прошлом. Просто наваждение: кого ни спроси — каждая вторая пара успешно разбежалась. Почему-то чаще всего по одной и той же причине. Когда все вылезает наружу. А в вашем случае как выяснилось, если не секрет?...

Мишке не сомневался, что и здесь задействован тот же сценарий.

— Сама все выложила, — коротко отпечатал тот.

— Как это... на исповеди?..

— Прижал хорошенъко — сразу запищала. — И прибавил с каким-то зловещим оттенком: — Они меня знают! Со мной лучше не связываться!..

Михаил старался приглушить радио, спасаясь от невыносимо приевшихся песенок, но едва выходил из купе, громкость снова добавляли, чтобы терзало уши в тысячу энnyй раз неубиваемое «Я уеду в Комарово», где почему-то подчеркивается, что этот вояж всего до второго числа (чтобы в рифму?), а месяц таинственно неизвестен.

Отступала на стыках уже первая половина пути, состав медленно проехался по длинному мосту через неохватную волжскую ширь, а соседи снова словно отделились от земляка шершавым забором. Если в прежние времена все попутчики еще не отлинявшей молодости запросто представлялись друг другу по именам, то эти земляки упорно соблюдают инкогнито.

Михаил предпринял последнюю попытку растопить лед отчужденности:

— Мы вчера вспоминали Валюху. Так вот, она мне устроила хорошую каверзу. Из-за нее вся моя жизнь могла покатиться кувырком. Нисколько не преувеличиваю. Когда она достала меня своими фокусами, я ей дал понять, что пусть поищет другой объект для своих штучек-дрючек. Надоело все до чертиков. И она в отместку подстроила отменную провокацию. Это я сразу понял, когда меня возле местного клуба внезапно остановила до предела накрученная троица и повела в кочегарку — «поговорить». И сразу же предъявила, будто я распространяю про этих молодцовшибко нехорошие слухи. Я их знать не знаю, а они так взбеленились, у всех перекошенные лица — покусились на их имидж самых крутых...

Парни замерли на Михаиле напряженным взглядом, внимая каждому слову.

— Особенно дергался один. Размахнется, словно хочет перебить мне горло, кивает на здоровяка соседа, который якобы занимался боксом и может любого вырубить с одного удара. И все наперебой кричат мне в лицо: «Не веришь? Не веришь?» Тут до меня дошло, что моя жизнь действительно висит на волоске. Могут грохнуть ни за что ни про что. Я мгновенно сконцентрировался и приготовился к отпору. Это именно та ситуация, когда если не ты замочишь, то тебя точно распнут. Волчьи чутье подсказало бы мне, когда этот молодец размахнется уже для настоящего разящего удара. Тут же прикинулся: мгновенно перебиваю этому горло и сразу ногой в пах боксеру.

Кулаками с таким бугаем бесполезно, у боксеров реакция автоматическая. Ну а цыганистый кочегар сам отскочит в сторону со своей лопатой, увидев такой оборот. Сразу в дверь и бегом — сдаваться в милицию. Потом бы парился на нарах со своим высшим образованием...

Михаил сглотнул горький комок от таких корявых воспоминаний и уже довеском:

— Слава богу, все разрулилось бескровно. Я потребовал привести сюда того, кто на меня так наклепал: «Пусть все повторит при мне!» Знал, что не потащат сюда этих типографских девок. Дружки, видно, поняли, что я совсем «не при делах», и отпустили меня. И буквально через месяц тот звончный парень со своим младшим братом зарезал одного человека. Вечером на трассе остановили самосвал и потребовали, чтобы шофер вылез из машины — им, видите ли, загорелось покататься. Тот уперся и получил удар ножом прямо в сердце. А парни преспокойно сели в машину и всю ночь каталась, пока утром им не заломили руки. Потом весь поселок гудел. Так что я всерьез рисковал в кочегарке, вполне могли и меня отправить к праотцам, если бы сразу принялись метелить — без всяких объяснений...

Михаил, выговорившись, откинулся к стене. Братья как-то сразу засутились, полезли в карманы за сигаретами. Вышли в тамбур. И тут Михаила словно пронзило током. Да ведь те братцы были тоже из Жанадалов! И по возрасту как раз подходят...

Отец парней сидел за столиком с каким-то кислым лицом. Михаил пристально посмотрел на старого, и у него интуитивно вырвалось с каким-то напором:

— Как ваша фамилия?

Старик забегал глазами, но с видимой вынужденностью выронил из ротовой щели до предела изжеванную фамилию. Михаил все же разобрал — Витухновский. В самую точку!

— А-а, — закачал он головой, когда в ней все прояснилось — в ослепительном свете электрической дуги. И потом машинально переменился на более глухую букву: — М-м...

Он едва остановил это нестерпимо длящееся междометие — от внезапного открытия. Старик мог выдать выдуманную фамилию, но по его вопросу сразу понял, что это уже бесполезно.

Ну и ситуация! Михаил только что рассказывал этому старшему, — а звать его Роман, вспомнил, — о нем же самом. О том, как он сам готовился опередить и замочить его, если ситуация выйдет из-под контроля. Значит, отсидели уже. Быстро же, еще совсем не старые, что называется, в расцвете лет. Того шофера закопали, а они как огурчики, едут развлекаться в столицу. Его знакомые были на том суде, рассказали потом, что старшему брату дали десять лет, а младшему шесть — за то, что был рядом и не попытался предотвратить преступление. Даже вместе потом раскатывали на отбранном самосвале...

То-то заскражетало на душе у Михаила, когда он рассыпал скрытую угрозу в словах этого Романа: «Они меня знают!» Видно, держит себя в Жанадале этаким паханом. Не узнал его сразу, видел-то один раз в жизни — в полутемной кочегарке, где затяли ремонт. Да и столько времени прошло с тех пор...

Михаил не придумал ничего лучше, чем забраться на свою полку и отвернуться к стене. Он не знал, как дальше вести себя. Как после этого ехать вместе с убийцами в одном купе? Старик покряхтел и тоже вышел в коридор. Впервые Михаила оставили одного в отсеке.

Вернулись попутчики лишь через час. Непонятно, где прохлаждались, может, ходили в вагон-ресторан. Папаша, конечно, поставил своих отпрысков в известность, что они полностью «раскрыты». Недаром отмалчивались всю дорогу. Думали, что так и доедут до самой столицы неопознанными.

Разговаривать больше было не о чем. Михаил буквально мучился: «Скорей бы

уже доехать!» Прикидывал, сколько же осталось до Москвы? «Так, шесть плюс одиннадцать... Семнадцать часов. С ума можно сойти за это время!..» Была бы смена Захара, попросил бы перевести в другое купе, где освободилось место.

Старший, теперь уже обретший имя Романа, потянулся к своей сетчатой полочке сбоку верхнего левого лежака. Достал барсетку и принялся в ней рыться. Вынул кожаное портмоне, открыл и тщательно пересчитал купюры.

Михаил зябко поежился: оставляли вещички без присмотра, а там ведь и деньги, теперь перепроверяют.

— Ничего не понимаю,— вдруг занервничал Роман,— куда делась моя бумажка?..

Михаил насторожился. Только этого еще не хватало! Может, ищет какой-то важный документ. Бумажка... Что, Михаилу не с чем сходить в туалет? Прихватил с собой рулончик... Бумажка!..

— Исчезла, и все тут! — не на шутку запыховал Роман.

Полез под нижнюю полку. Выдвинул спортивную сумку и стал резкими движениями выгребать из нее содержимое.

— Как сквозь землю провалилась! — нагнетал рыщущий обстановку.

Не обнаружив искомого, он в слепом изнеможении бухнулся на койку, его словно колотило.

— Я же точно помню, что она была в моем бумажнике!..

Это уже походило на вызов. Михаила принародно выставляют грязным воришкой, ведь он один оставался в этом купе целый час. Вон уже и младший как-то криво косится на него...

Что делать в таких случаях, ума не приложить. Вызовут сейчас проводника и станут перетряхивать вещи Михаила? Выворачивать его карманы? Как назло, незнакомый проводник, Захар бы постарался приструнить этого разошедшегося Романа.

А вдруг он опять бросится в драку?..

Михаил тупо молчал, на этот раз он действительно пребывал в полном ступоре. Он даже не представлял, что сейчас начнется...

Роман еще раз развернул свой бумажник и радостно выкрикнул:

— Вот она, оказывается, была за подкладкой!..

* * *

Потом Михаил до самой ночи томился в неуютном коридоре, то смотрел отсутствующе в окно, то примащивался на откидном сиденье. Было очень неудобно, пассажиры сновали мимо: то за чаем, то в тамбур. Один даже облил его кипятком, когда вагон качнуло. Он здесь всем мешал, иные косились на него недоуменно...

Да, надолго он запомнит эту поездку. Пришлось соседствовать с такими отморозками...

Когда поезд, поплутав по окраине Москвы, остановился под навесом Казанского вокзала, Михаил дал возможность землякам выйти с сумками первыми, а следом быстро собрал свои манатки.

Земляки почему-то до сих пор в одиночестве стояли на раскаленном перроне. Теперь посматривают на него. Их никто не встречает. Должно быть, запаслись путевками в какой-нибудь загородный пансионат.

Сделал пару шагов по бетону и опустил у своих ног тяжелый баул. Троица все посматривала на него, у Романа был несколько озабоченный вид, словно опять что-то потерял. Благодаря этой случайной встрече в тесном купе до него прекрасно дошло, что в той кочегарке и его душонка стоила копейку, он мог бы сам потом кормить червей на сельском кладбище.

Да и Михаил при таком раскладе не стоял бы сейчас на этом перроне. Из-за своего характера и врожденной неуступчивости его бы, скорее всего, сгноило лагерное

начальство или «зачморили», как это у них называется, сами зеки. Зато тот шофер остался бы жив...

Тьфу, лучше не думать об этом! Все нормалек, с ним ничего непоправимого не случилось. Он будет теперь вольготно разъезжать вместе с сестрой по столице и окрестностям. Заскочат и в Апрелевку. Вон и сама сестра машет ему на ходу из толпы встречающих, которых уже пропустили к поезду. Да и эти братцы будут собирать в столице все доступные удовольствия, не особо мучаясь совестью. Вот только того бедного шофера, которому не повезло попасть под горячую руку, уже не воскресить...

Неожиданно Роман как-то виновато подошел к Михаилу и попытался схватить за плетеную ручку его баул с соленьями:

— Давай помогу!..

Но Михаил опередил его, не сумев скрыть брезгливости:

— Не надо! Я сам!..

❖❖❖

Яков Шафран
(г. Тула)

САМАЯ БОЛЬШАЯ НАГРАДА

Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребеникова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула, журнал «Приокские зори») и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка».

*Посвящается ветерану Великой Отечественной войны,
кавалеру ордена Красной Звезды,
капитану медицинской службы, фронтовому хирургу
Портман Доре Ефимовне*

В штабе фронта, куда она прибыла вместе с несколькими другими молодыми людьми, царила суматоха — в ходе боевых действий шло хаотическое массовое отступление. Человек, который ими занимался, наскоро посмотрев документы, недолго думая, дал каждому направление — кому в полковой медпункт, кому в медсанбат дивизии, кому в специализированный госпиталь фронта, а кому в полевой подвижный госпиталь одной из армий. Ей выпал фронтовой эвакуационный госпиталь. На вопрос — как найти и добраться? — ответил: «Своим ходом, а “язык до Киева доведет”. Кому-то из них повезло — из штаба кто-то направлялся в нужном направлении. Ей же пришлось полагаться на свою целеустремленность. Через некоторое время она сидела в битком набитом кузове грузовика, ехавшего в нужном направлении.

...Наблюдая поля и перелески, она вспомнила, как буквально две недели тому назад ехала домой на каникулы из медицинститута, четвертый курс которого окончила. Через несколько дней после приезда началась война. Немцы стремительно наступали,

и ее семья, как и многие жители местечка Ксаверова, стали готовиться к эвакуации. А кое-кто оставался, поддавшись на агитацию, якобы немцы — культурная нация, и во время Первой мировой войны они хорошо относились к евреям. Семья была небольшая: отец, мать и самая младшая сестренка — как стало известно впоследствии, два брата были призваны в действующую армию, а еще одна сестра — студентка первого курса медицинского института — уехала вместе с институтом в эвакуацию, и им удалось выхлопотать одну телегу, которую они и нагрузили небольшим скарбом. Много с собой не брали — необходимые вещи, продукты на первое время и корм для лошади. Они думали, что врага далеко не пустят, поэтому-то не очень торопились... После войны она узнала, что далеко им уехать не удалось. Все, включая четырнадцатилетнюю девочку, погибли в Бабьем Яру... Она, не дожидаясь отъезда семьи, в начале июля направилась в райцентр Базар в военкомат, чтобы пойти врачом на фронт.

... Грузовик нагнал обоз из нескольких таких же грузовиков, и шофер, прокричав ей, что это ее госпиталь, просигналил и дал знать, чтобы они остановились. Она пересела в госпитальный грузовик, и обоз двинулся дальше.

Вдруг в небе появились вражеские самолеты, началась бомбежка. Машины остановились, все начали рассыпаться в стороны от дороги и укрываться в старых воронках, впадинах и канавах. Раздавались противные звуки падающих бомб, и вслед за ними — громовые взрывы, воющий свист осколков и лавинный шум падающей земли. По спине стали сильно ударять комья, и дыхание перехватило резким и въедливым запахом отработанной взрывчатки. Облако пыли, стоявшее в воздухе, заволокло солнце. Одна машина с грузом была разбита прямым попаданием. Но вскоре врачи улетели, видимо, наши отступающие фронтовые части были более важны для них как цель. Так произошло ее первое фронтовое крещение.

Фронт, наконец, немного стабилизировался, и ее госпиталю был дан приказ командования армией базироваться. Быстро разгрузились в близлежащей деревне, заняли свободные недалеко стоящие друг от друга дома. Выдалась минута между окончанием размещения и поступлением раненых, и она вышла на лужок. Совсем рядом стрекотал кузнечик, журчали пчелы, как ни в чем не бывало цветли ромашки и цикорий, ветер шелестел в высокой, местами сожженной траве. В высоте синело небо и плыли небольшие, с одной стороны с желтизной, с другой сероватые по краям облачка. Было ощущение, что видела все это когда-то давно-давно.

А уже через пару минут начали принимать с фронта раненых. Запомнился первый раненый с оторванными ногами. Когда разбинтовали то, что осталось от ног, ей стало плохо. Вид ран, запах, стоны — она никогда такого не видела и не слышала — резекция трупов в институте, операции в операционных, где они проходили практику, ни в какое сравнение не шли с этим. Ее стало тошнить, помутилось сознание, почувствовав сильную слабость в ногах, едва не свалилась в обморок. Но усилием воли она подавила все это в себе. Медсестра, заметив, как она покачнулась, пристально посмотрела на нее, но увидела только напряженный взгляд, складку на переносице и бледный вспотевший лоб над маской.

Вскоре она научилась проводить первичную обработку ран и удалять осколки из мягких тканей, что теоретически, конечно, знала и в институте на практике видела, но в реальности все оказалось непросто. Кроме того она ассистировала при ампутациях конечностей и при серьезных операциях при ранениях грудной клетки и живота.

Она все время училась по захваченным с собою учебным книгам и у своих коллег, так как профессией военно-полевого хирурга они были вынуждены овладевать на ходу. Трудно приходилось в перевязочной, однако еще труднее — в операционной. Там не было возможности отлучиться даже по нужде. Во время боев, а они происходили часто, ибо немцы рвались и рвались вперед, были все время на ногах, не думая о пище и сне, трудились сутками, подремав часто тут же возле операционного стола. Часто и прилечь не было возможности. Вот и она иногда стояла после сложной

операции, вцепившись руками в край стола, покрытого белой скатертью, залитою словно красным вином, и качалась в дреме. А через несколько минут, очнувшись, бормотала: «Сестра, следующего!»

Прибывавших раненых кормили бутербродами и крепким чаем, после чего их мыли, затем обрабатывали раны, стригли и брили, в том числе и вокруг ран. Дефицит бинтов приводил к тому, что их с раненых разматывали, обеззараживали, далее стирали, гладили и стерилизовали в автоклаве.

Тяжелораненых, кого нельзя было транспортировать до их госпиталя, временно госпитализировали на дивизионных медпунктах. А потом уже перевозили к ним.

Но наступление врага продолжалось, поэтому все делалось быстро и практически без отдыха. Эвакуировав всех раненых, не теряя времени, в темпе собирались — по схеме складывали медоборудование, инструменты, медикаменты и прочее, а также собственные вещи, которых было всего ничего: смена белья, кое-что из одежды, туалетные принадлежности, записи, а у нее еще и учебники, — и перемещались на новую точку дислокации.

Отступление, отступление. От взглядов остающихся людей, от то и дело слышавшихся слов упрека вслед, а то и в лицо: «Все отступает? Пора бы и приостановиться. Стыдно на вас глядеть. А вам на нас...» — и без того угнетенное состояние еще более усиливалось. Позже она где-то прочитает такое высказывание: «Кто не пережил отступление, можно сказать, и не был на войне...» Однако это было не просто отступление, а отход после тяжелых боев. Во время одного такого боя их армия потеряла одну вторую своего состава и орудий.

Однажды они переправлялись через реку. Перед ними лежала спокойная зеркальная водная гладь. На том берегу рос красивый смешанный лес — тополя, вербы и осины, дубы и вязы, а за ним царственно возвышались ясени. Это так было похоже на природу родных мест!.. И она с ностальгией вспомнила, как они с одноклассниками, кто тогда был в Ксаверово, ездили 21 июня на автобусе в Киев на прогулку катером по Днепру с ночевкой у подруги, которая к тому времени жила там. Какая это была чудесная прогулка — город во всей красе, солнце, ясное голубое небо без единого облачка, белый бурлящий хвост за катером, блеск солнечных зайчиков на воде, песни, смех, разговоры, мечты!.. Они долго еще гуляли после по вечернему городу... А рано утром их разбудил страшный гром, затрецали стекла в окнах. Но это была не гроза, а бомбежка. Одна бомба упала недалеко от их дома. В этот же день они по радио слушали речь В. М. Молотова. Когда уезжали обратно, звучали сирены, на улицах было много людей. Многие продавали свои вещи. Когда она училась в мединституте и в мирное время иногда звучали сирены — это была учебная воздушная тревога. Но теперь все было всерьез.

В письме, которое сестренка прислала через неделю домой, в Ксаверово, она писала, что институт благополучно эвакуировался, и все уже устроились. Институт для сестры, как и для нее, был вторым домом. Здесь они на рабфаке буквально приобрели грамотность, необходимую для учебы в институте. Сестра писала также, что программа занятий была изменена, упор делался на военно-полевой хирургии, эпидемиологии, гигиене и токсикологии. И всем, закончившим этот курс, досрочно присваивалась квалификация врача...

Однако предаваться воспоминаниям было некогда. Враг скучать не давал ни воинам, ни медикам. Многое насмотрелась она в госпитале. Был и такой случай: однажды сам, своим ходом, пришел тяжелораненый боец, удерживая рукой выпадающие внутренности...

Порой из-за временной проблемы с транспортом в госпитале оставалось очень много раненых. Мест в палатах и землянках катастрофически не хватало, поэтому тех, кто умирал, выносили и закапывали, а на их места тут же клали других раненных бойцов.

...Уже началось наступление, но не хватало медикаментов, перевязочных материалов и продуктов питания. Это в хорошую погоду, а в проливные дожди... В метели и снежные заносы, как сейчас, стало еще хуже. Стала наблюдаваться как пролог тифа — завшивленность, порой от обилия этих насекомых рубашки раненых сами двигались. А затем не замедлил явиться и сам тиф, которым заболевали и медики. Заболела и она. Сначала крепилась, невзирая на лихорадку, сутками оперировала, но силы человеческие не беспредельны, и в конечном итоге свалилась. Ни стона, ни плача, ни укоризны, ни жалобы никто от нее не слышал. Сила воли была буквально написана на ее лице. Лежа на носилках, она бредила и в бреду все время твердила слова, которые говорит хирург или его ассистент за операционным столом. А в минуты прояснения спрашивала о том, сколько еще не обработанных бойцов осталось. Все ее мысли были в операционной. Наверное, поэтому ее удалось спасти. Болезнь отступила перед силой воли! Ведь действенных лекарств тогда от сыпного тифа не было — пенициллин появился только после 1943-го года. Из-за этого было очень много потерь среди воинского состава.

Уже вскоре после выздоровления она самостоятельно провела ампутацию ноги. Но более всего ей запомнился случай, когда она сделала все возможное и невозможное, чтобы спасти правую руку молодому парню, хотя все показания были к удалению. Пока они осматривали руку, он сильно, невыносимо стонал и все глядел на то, что они делают.

— Потерпи, солдат, ты должен выдержать, а лишнего ничего твоего не заберем,— видя его реакцию, мягко сказала она и, сдвинув брови на переносице, склонилась, сосредоточено осматривая разорванную донельзя осколками руку.

Раненый мученически промолвил:

— Доктор, останется рука-то? Как же я без руки?..

Она внимательно взглянула на него и спросила:

— Как тебя зовут?

— Сергей... — простонал он.

— Не волнуйся, Сережа, я же тебе сказала, мне не нужна твоя рука, у меня свои есть. Мы знаем свое дело, а ты терпи, не разговаривай. Ты же дисциплинированный боец!

— А можно, доктор, выпить мне немного дать?

Ему не ответили, но он почувствовал, как чья-то теплая рука взяла его за кисть здоровой руки, успокоение заструилось в него. Потом ему дали стакан водки...

Руку она ему спасла... Как же благодарил он потом ее!

Много еще было ежедневных, без выходных и отпусков, операций. Шло наступление, количество раненых значительно возросло, так как любое продвижение наших войск сопровождалось многочисленными жертвами. Потому госпиталь стал работать в еще более усиленном режиме.

Были случаи — им к этому не привыкать,— когда по десять — пятнадцать километров до места базирования шли, как говорится, на своих двоих, таща на себе все — палатки, медикаменты, перевязочные материалы и медицинские шины. А однажды, из последних сил добравшись до предназначенного населенного пункта, они увидели, что из нескольких сотен домов, которые в основном были сожжены, осталось всего менее десяти. И снова госпиталь разместился в палаточном городке...

...Природа брала свое. Однажды утром, весной сорок третьего, после восхода солнца, на пригорке у своей палатки она увидела появившуюся из земли первую травинку. Та пробилась сквозь слой гнилых осенних листьев, но капля воды согнула ее. Однако дунул ветер и сбросил каплю, и росток выпрямился и, маленький, неброский, трепетно и упорно потянулся к солнцу. Как это было близко ей, сродни ее одинокой душе...

Шло наступление, и тут она насладилась... Спаленные полностью деревни, и в

каждой — сотни убитых женщин, старииков и детей. И везде изувеченные трупы наших пленных солдат и изнасилованных женщин, девушки и девочек... Наиболее страшное зрелище поразило ее недалеко от одного населенного пункта, где на деревьях висели изуродованные туловища, с отрубленными руками и ногами, с ободранной кожей...

Виденное ею, наряду со слышанным и прочитанным в армейских и центральных газетах, рождало в ней огромную ненависть к врагу...

Чтобы успевать за нашими частями, стремящимися на запад, и не допускать перебоев в работе, небольшой коллектив госпиталя вынужден был разделиться на несколько отделений, каждое из которых организовывало собственный медпункт для оказания срочной и плановой медицинской помощи. Кроме того врач с несколькими медсестрами оставались с нетранспортабельными ранеными, в то время как остальные медики из этого отделения двигались дальше за наступающей армией. Те, кто оставались, организовывали эвакуацию тяжело раненых и затем снова соединялись со своим отделением. Так на расстоянии сотен километров госпиталь, в условиях очень динамичных боевых действий, оказывал самую приближенную к ним медицинскую помощь.

Продвигаться на запад медикам приходилось разными путями. Иногда на танках, что давало возможность не тащить на себе все необходимое для работы и личные вещи. Самое лучшее место на танке — сзади башни: удобно, не ощущается тряска, от мотора идет тепло. Зимой это особенно ценно. Однако, если враг обнаружит движение танков, может начаться бомбардировка. Однажды пришлось быстро спрыгивать и прятаться в придорожных канавах от немецких бомбардировщиков. Но немного погодя наши истребители атаковали и прогнали их. Один из вражеских самолетов с ураганным свистом и завыванием, весь в огне и дыму, снижаясь, пролетел над ними и вдали, врезавшись в землю, подорвался на собственном бомбовом запасе.

Госпиталь передвигался на запад и по налаженной железной дороге. Однако риск бомбардировок не уменьшался. Как-то они подверглись очень сильному нападению с воздуха. Поезд вынужден был остановиться, и все стали разбегаться в разных направлениях, прячась в естественных укрытиях. Когда опасность миновала и поезд прибыл на станцию, выяснилось, что дальше ехать невозможно, так как путь сильно поврежден — шедший перед ними поезд был полностью разбомблен практически у самой станции. Это был воинский состав с техникой, и вокруг валялись искореженные вагоны, рельсы, шпалы, орудия и части человеческих тел. Стоял сильный запах гари. А легкий ветерок шевелил траву, суша оставшиеся дождевые капли...

Но все же путь на запад был веселее, чем на восток.

...Вот наступила весна 1944-го года. С юга устремился теплый ветер, гнавший по небу рваные темные тучи. На дорогах начали таять замерзшие лужи, по обочинам стали проваливаться сугробы почвенного пористого снега. Летели стаи перелетных птиц.

Летом того же года наша армия, а с ней и госпиталь пересекли границу страны и вошли с боями в Польшу. Вначале население приветливо встречало наших бойцов. Поляки приносили в госпиталь носильные вещи, полотенца, постельное белье, одеяла, фрукты и ягоды. Женщины предлагали свою помощь в уходе за ранеными. Но стала активно работать антисоветская пропаганда членов прозападной польской армии и польских националистических воинских соединений. И благорасположение поляков изменилось с точностью до наоборот.

Однако наши войска, словно поезд, развивший неистовую скорость, стремительно двигались на запад, и вот настал момент, когда они ворвались на территорию Германии. Города, через которые после упорных сражений армии передвигался их госпиталь, выглядели набором угрюмых останков разбомбленных домов с темными впадинами вместо окон, уцелевших зданий с наглухо закрытыми подъездами и белыми простынями на балконах и безлюдных улиц с обвисшими электропроводами,

на которых то тут, то там стояли горелые танки и лежали завалы кирпичей. Вдали была слышна артиллерийская канонада, там еще кипело сражение.

Она увидела безлюдные сельские поселения, в которых на улицах мычали голодные коровы, рылись в земле свиньи и куры. В городке, куда их определили для развертывания госпиталя, в домах не было потушено электрическое освещение, и вообще создавалось впечатление, что люди только что наспех покинули свои жилища. Как потом оказалось, они или убежали, или прятались от страха расплаты.

Этой весной на немецкой территории сражения были очень активны, что приводило к немалым человеческим жертвам и, естественно, к большому и непрерывному потоку раненых.

Но вот, после взятия Берлина, наступило затишье. Их госпиталь остановился в небольшом городке. Стоял солнечный, по-весеннему нежный и ласковый май. В высоком голубом небе плавно плыли белые облака, кругом ярко зеленела трава, пахло нагретой землей и благоухала сирень. Было впечатление необычайного праздника.

Медики, как, видимо, и все в армейских подразделениях в эти дни, отсыпались и отъедались, мылись и стирали одежду и белье. Отдохнув, они не переставали удивляться чистым комнатам и кухням, туалетам и ванным в разноцветном кафеле и зеркалах, вещам, аккуратно разложенным по полочкам, непривычно большим кроватям, толстым перинам, мягким подушкам и высококачественному белоснежному постельному белью.

Вокруг в эти майские дни стояла непривычная тишина, от которой тихо звенело в ушах, и она буквально пьянила людей, не привыкших к ней. В солнечном воздухе, под чистой синевой неба, плавали запахи весенней свежести, смолистых сосен, душистой ранней сирени и цветущих яблонь и... добытого немецкого туалетного мыла. А в ночи к этому очарованию еще добавлялась висевшая в синем небе красавая луна. Все это рождало радостную беззаботность.

Общий настрой был, конечно, величавый, царило победное воодушевление, великая радость от достигнутой цели, к которой шли столько времени через потери, кровь, гибель боевых товарищей, близких, ни в чем не повинных людей, сожженные города, деревни, родные дома; великая радость мирного времени. Царил оптимизм, вера в возрождение жизни во всех ее аспектах — личных и общественных.

И было очень приятно, когда одна за другой пришли награды. Вначале орден Красной Звезды. В наградном листе было написано: «Капитан мед. сл., нач. медотделения эвакогоспитала 2734 1 УкрФ, канд. ВКП (б) ... постановкой эвакоработы обеспечивала бесперебойную эвакуацию раненых без единого дефекта. В 1945 г. в трудных зимних условиях эвакуировала 3037 человек тяжелораненых. Помимо основной... работы ведет лечебно-хирургическую работу. Сама обслуживает 150—200 человек раненых. Работая в госпитале в течение всей Отечественной войны, показала себя как преданный Родине офицер. Самоотверженно обеспечивает выполнение задач по лечебно-эвакуационной работе...» Потом пришла медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и орден Отечественной войны II степени.

Но самой большой наградой были тысячи спасенных жизней. А благодарная улыбка того парня с сохраненной рукой и его слова: «Спасибо, доктор!» сохранились в памяти на всю жизнь.

Окончила она службу 25-го декабря 1945-го года.

Рассказ написан по старым записям.

Инна Часевич
(г. Саров)

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Печаталась в газетах «Грань», «Литературная Россия», «Новый город», «Православный Саров», «Школа», в журналах «Земляки», «Нижний Новгород», «Нижегородская провинция», «Санкт-Петербургская Искорка», «Российский колокол», «Великоросс», сборниках «Эклеры», «Помним», «22 июня», «Вдохновение». Призер 4 международного литературного конкурса «Лохматый друг», дипломант 1 Международного литературного конкурса «Линия фронта», сценарист анимационных фильмов «Первоначальник Иоанн» и «Ефрем. Строитель» (г. Саров), снятых Православной гимназией по гранту Президента РФ.

ГЛУБОЧИЦА

На улице послышались грубые окрики полицаев, отрывистая немецкая речь и лай собак. Фаина, отодвинув занавеску, выглянула в окно.

— Мам, гляди-ка, немцы по всем избам шарят, всех их домов гонят. Даже деда Митрича вытолкали на улицу.

Дед Митрич, самый старый в их селе, ноги лишился еще в гражданскую, с тех пор ковылял на двух костылях, «прыгачил», как говорила веселая хохотушка Райка. Впрочем, она это делала не со злостью, по молодости чего только не ляпнешь, никто же не думает, что словами обидеть может. А Райка вообще на язык всегда скорая да острая, только сейчас она шла вместе со всеми, выгнанными из своих домов, побледневшая и как будто резко посеревшевшая.

— Мам, а куда это их всех? — не унималась Фая, придерживая перед лицом занавеску и осторожно выглядывая в маленькую щельку между тканью и простенком. Окна в избе были большие, их еще Файнин дед вставлял, хороший стекольщик был, все село к нему ходило, считай, каждый дом его окнами на улицу смотрел.

— Уйди, уйди, от греха! Не высовывайся, авось мимо пройдут,— Дарья беспокойно заметалась по избе, а потом резко, остановившись, откинула крышку подпола.

— Полезай! — скомандовала она дочери.

— Зачем? Не хочу! — отшатнулась та.— Я не буду больше в окошко глядеть. Не хочу в подпол, там темно.

— Лезь, лезь скорей! И нос не высовывай, чтоб не случилось. Меня заберут, но чью выберешься, и в лес ступай, там партизан найдешь.

— Куда заберут? — побледнела Фаина и бросилась к матери.

— Чует мое сердце, не к добру все это, наши-то им третьего дня дали жару, вон как поезд-то ихний пыпал. Вот они, поди, и озверели. Давай, лезь! Хоть ты живой будешь.

— Мама, мамочка, я с тобой хочу,— Фаина заплакала и прижалась к матери,— полезли вместе, нас не найдут.

— Найдут, милая, найдут. Увидят, что дома никого нет, искать начнут. Лезь, лезь, милая, скорей, ночью убегнешь.

— Я не хочу без тебя, мамочка, — Фаина отчаянно мотала головой, еще крепче обнимая мать.

В это время громко скрипнула калитка. Дарья изо всех сил толкала дочь в подпол, одновременно силясь убрать руки Фаины, намертво вцепившиеся в материну кофту.

— Скорей, ну, скорей же!

В сенях загрохотали сапоги, мать уронила крышку подпола и попыталась загородить собой дочку. Ввалившиеся в избу немецкие солдаты, показывая на двор, громко скомандовали.

— Вон! Выход! Матка, вон! Шнеллер, шнеллер!

Рыжеволосый великан, схватив за руку онемевшую Дарью, вытолкал ее в дверь. Второй солдат выволок упирающуюся Фаину и пинком спустил ее по ступенькам. Дарья охнула, бросилась к упавшей дочери, сгребла ее в охапку, и, поставив на землю, прижала к себе.

— Шнеллер, шнеллер! — рыжий детина замахнулся прикладом, Дарья, закрыв собой дочь, повела ее мелкими шажками со двора. По всей улице, подгоняемые окриками и толкаемые в спину прикладами, почти бежали сельчане. Сзади ковыляла бабка Нюра, громко стучавшая клюкой, изо всех сил стараясь поспеть за всеми.

Людской поток стремительно приближался к колхозному амбару, стоявшему почти на окраине Глубочицы, рядом с большим и таким плодовитым лесом. Сколько в нем всегда черники урождалось, на все село хватало! Еще и гостям из Себежа оставалось — если к кому родные из райцентра приезжали, сразу в лес — за «добычей» шли. Тут тебе и черника, и малина, и грибы. А озера какие! Глубокие, прохладные, вода в них голубая-голубая, прозрачная, кинешь иголку и смотришь, как она вниз опускается... А на дне камушки, каждый видать. Красота в этих местах необыкновенная, нигде такой нет.

У открытых дверей амбара стояли четверо солдат. Тех, кто упирался, они заталкивали внутрь, били прикладами по головам, спинам, рукам. Били без разбора и малышей, и стариков. Бабку Нюру пихнули так, что она упала прямо на оказавшуюся перед нею Дарью, и они обе рухнули вниз, не успев войти в дверь. Солдаты, схватив обеих женщин, небрежно поставили их на землю и грубо втолкнули внутрь.

В амбаре было все село. Дети плакали, женщины молились. Митрич переминался на своих костылях, вздыхая и что-то тихо бормоча под нос. Бабка Нюра беспокойно оглядывалась кругом, сама себе задавая бесконечные вопросы без ответов.

— Родненькие, нас зачем сюда всех то? В Ерманию ихню забирать будут? А я-то как же? Я куда ж с клюкой-то свойской? А? Родненькие?

Дарья обнимала дрожащую дочь, слезы капали на старую застиранную кофту, а она, не замечая их, гладила Фаю по худой спине, приговаривая шепотом:

— Что ж я, дура, тебя не спрятала? Что ж я наделала, проклятущая? Что ж теперь будет-то? Что ж эти злыдни задумали?

Женщина рядом вдруг зашлась в крике.

— Убьют! Убьют всех! Гореть все будем! Гореть! И дитяти! Все!

Митрич, неловко повернувшись на своих костылях, закричал высоким старческим голосом, пытаясь перекрыть начавшийся со всех сторон вой:

— Цыц! Чего голосишь, дура?! А вы чего закудахтали? Одна несет невесть что, а вы выть вздумали!?

— А зачем нас сюда всех-то? — не унималась баба с растрепанными волосами. — Зачем? Соседей-то наших сожгли! Да-аа, сожгли! Всех! Сама слыхала. Теперь нас жечь будут! За партизан. Господи! Я жить хочу, жи-иии-итть...

Рядом опять заголосили. Стоящие у выхода начали отчаянно колотить в дверь.

— Дитев! Дитев выпустите, изверги! Дитев пожалейте!

Из-за запертой двери послышались лающие окрики, в деревянные стрехи под самой крышей начали впиваться пули. Народ отхлынул вглубь амбара, началась давка, дети закричали, женщины забились в рыданиях. Бабка Нюра, потрясая клюкой, то-ненько взвизгивала:

— Проклятые, ироды! Чтоб детев ваших холера забрала! Чтоб вас всех лихоманка свалила, чтоб обезножили все!

Митрич пытался угомонить народ, но его никто не слушал. Агония страха захвата разум, женщины пытались протолкнуть вглубь своих детей, отталкивая чужих, вспыхнули драки. Били друг друга с остервенением, словно вымещая на других ужас предстоящей смерти.

Неожиданно из самой сердцевины людской толпы раздалось: «Расцветали яблони и груши». Райка в каком-то безумии полукричала, полувила хорошо знакомую песню. Все замолчали. В резко наступившей тишине явственнее стали слышны звуки с улицы. Раздалось ворчание моторов, один за другим заводились и куда-то уезжали мотоциклы, голоса немцев становились все тише. Наконец, наступила странная и оттого страшная тишина. В амбаре молчали, даже дети перестали плакать. Одна Райка сорванным голосом попыталась завести последний куплет, но на нее так зашикали, что и она перестала петь и стояла, переводя удивленный взгляд с одного лица на другое, пока ее глаза не приобрели былую осмысленность.

— Изверги убегли куда-то,— первой нарушила молчание Рая.

— Послушать надо, может, того, бензин лют? — спросил прошедший гражданскую Митрич.

Стоявшие у дверей прильнули к стене, напряженно вслушиваясь в каждый шорох с «воли».

— Не слыхать, вроде... — нерешительно протянула Дарья.

Баба с растрепанными волосами недовольно шикнула:

— Вроде? Или не слыхать?

— Не слыхать... Вроде... — так же нерешительно проговорила Дарья.

Баба, оттолкнув ее, сама приникла к двери. Снаружи амбара было так тихо, что, казалось, будто слышно, как плещется вода в Белом озере.

— Супостатов рядом нету, — наконец сделала она заключение и отошла от двери, растерянно поглядывая на сельчан. Все потрясенно молчали, не понимая, что это может означать. Неожиданно заскрежетал замок и дверь открылась. Все отшатнулись, баба со спутанными волосами чуть не упала на стоящую рядом Дарью. В проеме двери появился пожилой немецкий солдат, который обычно сидел во дворе дома, где жил Митрич, и выводил на губной гармошке грустную протяжную мелодию. Частенько он, стараясь не попадаться на глаза своим товарищам, украдкой совал пробегавшим мимо детишкам то кусок хлеба, то банку консервов, то печеньюшку.

— Вы идти на воля. Меня связать. У мене киндер, трое. Я не хотеть убивать дети. Идти. Все идти. Шнеллер, бистро, бистро уходить.

Он протянул вперед руки, показывая, как их надо связать. В амбаре не шевелились, таким нереальным показалось спасение, что никто не мог в него поверить.

— Они уехать, ждать. Гауптман ждать. Вы бежать, бистро бежать.

Первым вышел из оцепенения Митрич.

— Бабы, выходим, быстро, порядком выходим, не давим дружку, выходим, а ну, шнель! — скомандовал старик и все, словно очнувшись от этих слов, подхватили детей и поспешили к выходу. На этот раз не было никаких драк, наоборот, бездетные женщины брали на руки чужих малышей. Две покрепче взяли под руки бабку Нюру и почти бегом понесли ее на улицу.

Дарья дрожащими руками вязала руки немца, рядом прыгала Фая, подгоняя мать. Солдат кивнул головой, Дарья, таща за руку дочь, побежала догонять сельчан, уже

почти достигших опушки. У самого леса она последний раз оглянулась на родное село, такое красивое этим летним утром. У открытых дверей амбара на земле сидел связанный немец. Словно почувствовав на себе ее взгляд, он поднял голову и кивнул, хотя вряд ли уже мог кого-то разглядеть. Фая дернула мать за край кофты, и, больше не оглядываясь, они устремились вглубь леса.

КАТЮША

Катюшка замерла, свернувшись комочком, и опустилась в самый низ живота. Галина пыталась сдержать дыхание, сбившееся от быстрой ходьбы, чтобы ни малейшим звуком не выдать своего присутствия. Совсем близко от нее остановился полицай, совершивший обычный ежевечерний обход окраинных улиц их маленького, скрытого в зелени садов Пирятин. Весна в этих краях начиналась рано и уже в апреле все деревья покрылись зеленою шапкой молодой листвы. Почему-то сегодня Никола, самый злобный из всех земляков, переметнувшихся на сторону немцев, не торопился идти дальше по привычному маршруту. Он стоял, всматриваясь и вслушиваясь в ясную украинскую ночь, рядом с тем местом, где притаилась Галя. Тянулись тревожные минуты ожидания, а Никола все стоял и смотрел в темноту. Галина, не выдержав напряжения, прикрыла глаза, судорожно сглатывая подступивший к горлу ком. Постояв с закрытыми глазами несколько томительных мгновений, она заставила себя посмотреть туда, где стоял полицай. Николы не было. Переведя дух, Галя решила осторожно двинуться дальше, но в это время кто-то толкнул ее в плечо. Она резко повернулась и увидела прямо перед собой ухмыляющегося Николу.

— Попалась, курва партизанская? — пригляделась внимательно и признав в незнакомке Галину, он сплюнул сквозь зубы и злобно добавил,— ишь, брюхатая, а туда же. Сдохнешь вместе со своим отродьем.

Больно вцепившись в плечо молодой женщины, полицай поволок ее в сторону комендатуры и втолкнул в сторожку, служившую фашистам тюрьмой.

— Посидишь до утра. Придут хозяева, они с тобой разберутся,— грязно выругавшись, Никола закрыл дверь, задвинув огромный засов.

Галина начала осторожно, на ощупь пытаться дойти до угла, и, упервшись в него, осторожно опустилась вниз, попав на кучу прошлогодней соломы. Катюшка беспокойно зашвырялась и Галина, поглаживая свой огромный живот, вполголоса заговорила с дочкой.

— Прости, доченька, прости, что ты из-за меня в лапах фашистов оказалась,— Галина, закусив губу, постаралась отогнать непрошенные слезы,— нам с тобой нельзя раскисать, нельзя... струсим — сколько людей погубим.

Она шептала Катюше ласковые слова и пела песни, пока сама не впала в тяжелый сон, похожий на забытье.

Почему-то Галина с самого начала знала, что у нее будет дочка. Имя они с Володей сразу придумали — Катюша. Мужа расстреляли в первые дни оккупации, ему всего восемнадцать было. Рано они поженились, совсем ведь молоденькие были, а что поделаешь — любовь, да еще какая. Как только в родной город пришли фашисты, Галя, хотя уже знала, что беременна, тут же нашла тех, кто, как и она, мечтал бороться с врагом. И растущий с каждым днем живот ей партизанить не мешал. Конечно, взрывчатку под рельсы она не закладывала, «охоту» на полицаев не вела, просто ходила из городка в лес на заветную поляну и передавала нашим сведения о немцах, кое-какие продукты и с огромным трудом доставаемые медикаменты. Героиней себя не считала, просто упорно делала свое маленькое дело, незаметно приближая общую победу. А то, что она рано или поздно обязательно будет, Галина не сомневалась. Конспирация была хорошая, практически никто знал, что очень молодая женщина с большим животом не за хворостом в лес ходит, а к партизанам.

С мыслью, кто мог выдать и что палицай про нее знает, она проснулась, когда едва забрезжил рассвет. Лучи апрельского солнца настойчиво пробивались сквозь дощатую дверь тюрьмы. Начинался новый день, который таил в себе страх неизбежной расправы.

Во время допроса Галина больше всего боялась, что будут бить по животу, и ее Катюшка умрет, так и не родившись. В этот день ее несколько раз ударили по животу, хоть она изо всех сил пыталась его прикрыть, но в основном били по спине и ногам. Зверствовать так, чтобы ребенок погиб, не стали — боялись, что мать умом тронется, а из «дурочки» сведений не вытащить. Через два часа допроса, на котором она все время твердила, что никаких партизан отродясь не видывала и кто они такие знать не знает, ее опять отвели в сторожку, вернее, приволокли и бросили на земляной пол. Дверь захлопнулась.

Потянулись долгие часы заточения. Гая слышала отрывистую, лающую речь и каждый раз замирала, когда голоса немцев раздавались совсем рядом. За стенами сторожки шла обычная жизнь, из которой она чьим-то предательством была вырвана, может быть, навсегда. Надежды, что ее отпустят живой, не было — немало казней партизан видел их любимый Пирятин за время оккупации. Некоторые тела висели неделями, для острастки живых.

Тяжелые раздумья прервал тихий голос, звавший ее по имени: «Галина». Голос «шел» из-за закрытой двери. Женщина, с трудом поднявшись с прелой соломы, осторожно поковыляла к выходу.

— Галина, я хочу вам помочь,— послышалось через закрытую дверь.

— Вы кто? — спросила Гая, напряженно вслушиваясь в еле слышные слова и одновременно пытаясь узнать голос.

— Митя, я здесь убираюсь. Я слышал, как вас по имени называли.

В это время на улице послышались голоса, среди которых выделялся визгливый голос Николы.

— Шевелись! Полчаса на одном месте метешь, комсомол недобитый, к стенке бы тебя, гада, поставить. Шевелись, кому сказано, кто все остальное убирать будет?

Послышался удар, смех полицая, потом все смолкло. Галина отпрянула от двери. Через несколько минут опять послышался голос Мити.

— Ушли гады. Я к вечеру вас выпущу. Они за мной не больно следят. Я бежать хочу.

Галина молчала, радость, смешанная с подозрением, мешала говорить.

— Я наш, меня в плен взяли, когда без сознания был. Отошел малость, вот меня тут убираться заставили. Второй день во двор гоняют.

Галина все еще не решалась поверить в скорое освобождение:

— Тебя убьют, если узнают.

— Я бежать хочу.

Раздался резкий окрик, видно, немцам не понравилось, что пленный крутится около сторожки. Митя тут же нарочито громко зашаркал метлой. Постепенно скрежещущий звук становился все тише, видимо, Митя пошел дальше убирать двор комендатуры. Гая стояла в углу, мысли о предстоящем побеге не давали сесть и постараться забыться спасительным сном. «Только бы вечером на допрос не вызвали... Хотя, немцы рабочее время строго соблюдают, о здоровье своем фашистском заботятся». Раздражавшая всех немецкая педантичность теперь была Галине на руку.

В сторожке, наконец, стемнело, видимо, на улице наступил вечер. Постепенно дневные звуки затихли, уступив место тревожной тишине ночи. Мучительно хотелось есть и пить. Фашистское милосердие не было столь всеобъемлющим, чтобы дать узнице хотя бы кружку воды и кусок хлеба. Катюшка швырялась изо всех сил, сознание Галины мутилось от переживаний и голода, к которым прибавились тянувшие боли внизу живота. Наверное, поэтому она не сразу услышала тихий голос,

звавший ее по имени. Прислушавшись, Галя узнала голос Мити, прозвучавший для нее долгожданной музыкой свободы.

Осторожно двигаясь почти в полной темноте, через несколько минут она оказалась у запертой двери. Митя возился с запором, стараясь открыть его без малейшего скрежета. Галя почти перестала дышать, даже Катюшка замерла в ожидании. Минуты тянулись бесконечно долго. Галина уже начала терять надежду, как вдруг дверь в сторожку тихонько приоткрылась. Женщина осторожно, насколько это было возможно, протиснулась в небольшую щель. Митя — невысокий, совсем молоденький парнишка в полинялой военной форме, с забинтованной грязной тряпкой головой, сунул ей в руки какой-то сверток.

— Хлеб, я вам от обеда оставил.

— Спасибо тебе! — Галина обняла лейтенанта, и, тихонько прошептав: «береги себя», тут же поспешила в сторону хутора, где жила ее троюродная тетка. Через несколько мгновений Галя исчезла в темноте, слившись с деревьями, коих в родном Пирятине всегда было много.

Когда под утро Галина добралась до хутора, живот болел так нестерпимо, что она была вынуждена последние метры идти, согнувшись почти пополам. Выглянувшая на ее тихий стук тетка Матрена сразу поняла: роды начинаются. Она не стала ни удивляться неожиданному появлению племянницы, ни расспрашивать, что произошло. Заведя Галину в избу и устроив ее на лавке, Матрена тут же метнулась за чистым бельем. Опыт приема родов у коров у нее, конечно, был, а вот у людей еще не привелось, однако выхода другого не было. Матрена вскипятила воды, порвала на тряпки старую простыню и встала около Галины.

Катюша, как истинная партизанка, появилась на свет быстро и без крика, но, получив шлепок по мягкому месту, тут же открыла беззубый рот, огласив избу громким воплем. Три дня провела молодая мать с дочкой на хуторе. Дальше оставаться здесь было опасно, меньше всего хотела Галя навлечь беду на теткин дом. Хоть она и троюродная, а все равно прознать про нее могут, кто-то же саму Галину выдал. Но куда податься с дочкой, она тоже не представляла. В конце концов решили, что она пойдет искать партизан, а Матрена будет приглядывать за новорожденной.

Поцеловав на прощание Катюшку, Галя медленно двинулась по тропинке. Она не боялась заблудиться в хорошо знакомом лесу, — сколько здесь с детства было тропок исхожено! Одно тревожило только, где найти «своих», ведь она встречалась с партизанами на «заветной» поляне, а где находится отряд, понятия не имела. Проблуждав полдня, уставшая и измученная Галина опустилась на землю и неожиданно заснула, прислонившись к дереву.

И тут ослабленный тревогами и родами организм сыграл с ней злую шутку. Она заснула так крепко, что не услышала, как немцы окружали полянку...

В этот раз с молодой женщиной церемониться не стали. Избив до полусмерти, кинули в ту самую сторожку, из которой она ушла в спасительную ночь несколько дней назад. Очнувшись на земляном полу, Галина отчаянно молилась: пусть ее убьют, лишь бы Катюшка выжила, лишь бы не прознали про Матренин хутор, лишь бы тетка вырастила девочку.

Утром за ней пришли. С трудом поднявшись после вчерашних побоев, толкаемая в спину ненавистным Николаем, Галина побрела в сторону комендатуры. Здесь на заднем дворе обычно проходили расстрелы. Встав у выщербленной пульями и залитой кровью стены, она почему-то вспомнила Володю, представив его улыбающимся, в светлой рубахе с вышитым воротом, такого любимого и родного... Потом перед нею мелькнуло маленько сморщенное лицо Катюшки. Подавив подступающие слезы, она в упор посмотрела на ухмыляющегося Николу, который от ее взгляда сразу перестал улыбаться и суетливо отскочил в сторону.

Тишину апрельского утра нарушил свист автоматной очереди, а уже через не-

сколько секунду вокруг Галины, вжавшейся в стену, свистели пули, рвались снаряды, раздавались крики раненых немцев. Застыв от ужаса, она смотрела, как медленно падал на землю подкошенный автоматной очередью Никола. Спиной, нестерпимо горевшей от жутких побоев, она почувствовала, как зашаталось и начало рушиться здание комендатуры. Только одна стена, у которой все еще стояла Гая, оставалась неподвижной. Она то и защитила женщину от партизанских пуль и снарядов. Сбросив оцепенение, Галина, забыв о боли в избитом теле, бросилась бежать в сторону леса. Она не сразу поняла, что пуля, отрекошетив от стены, у которой несколько мгновений назад стояла молодая женщина, впилась ей в спину. Гая от резкой боли рухнула на землю. До спасительного леса оставалось несколько шагов...

Пришла в себя она уже в землянке. На скамейке у входа сидела незнакомая женщина. Услышав Галин стон, она тут же обернулась.

— Ну, что героиня, очнулась? Твоему Ангелу-хранителю позавидовать можно.

Гая хотела возразить, что их не бывает, но, вспомнив, как сама несколько дней назад молилась, лежа на гнилой соломе в сторожке, промолчала.

Молодость — лучшая помощь выздоравливающему организму. Гая уже через неделю смогла ходить по всему лагерю и даже умудрилась помогать на кухне. Здесь она встретила Митю, он сумел-таки убежать во время того самого партизанского налета и уйти в отряд. А еще через неделю мать забрала с хутора свою Катюшку. Степан, выдавший Галину за мешок муки, после гибели Николы поостерегся донести на Матрену, а немцам из-за налета было не до поисков партизанского дитя.

КОЛЕЧКО

Маруся покрикивала на лошадь, шарахавшуюся от каждого грохота далекой канонады, заставляя ее двигаться дальше.

— Но, кому говорят, бестолковая! Но! До завтрева, что ли, шагать будем?

Марусе было жутко страшно, вдруг какой шальной снаряд сюда залетит, но ехать надо, вот она и понукала, и покрикивала на родную Звездочку. Мамка с утра наказала:

— Давай, Манька, садись на телегу и дуй до мельницы. В доме муки ни крохи нет, что есть будем?

Маруся натянула любимое ситцевое платье в синий цветочек, надела отцовскую фуфайку, материны сапоги, повязала на голову белый платок и вывела со двора Звездочку. Ветер отовсюду наносил запах печеной картошки — в соседних селах, разбомбленных немецкими самолетами, горели избы, в подполах которых тлела картошка, заботливо приготовленная на зиму. Мать с Марусей загодя выкопали в огороде большую яму и сложили туда два мешка зерна — никто не знал, что их дальше ждет, запасы лишними не будут. Вчера в доме кончилась последняя мука, а ртов-то много — мал мала меньше. Маруся была самая старшая из всей большой семьи, «мелким» и за мамку, и за няньку приходилась. Как только увидит, что мать опять с животом ходит, сразу в слезы — это ж ей нянчиться! Маруся и уроки с младшими «делала» — привяжет к ноге веревку от люльки, на печку заберется, книжку читает или в тетрадке пишет, а сама ногой качает. Попробуй не покачай, мать хворостиной отделает. Все подружки гулять идут, а Маруся с младшими возится. И ведь любила их, как мать родная, другая б возненавидела, а она нет, и покормит, и песню споет, и утешит, если беда у них какая детская приключится. Они ее тоже любят, так бы и не отходили от старшей целый день, что Валька, что Нинка, что Зинка, что Сашко — самый маленький.

Вдоль дороги тянулись разбитые дома, срезанные березки валялись рядом, расплата по земле засыхающую листву, воронки от снарядов зияли, как беззубые кричащие рты. Марусе стало страшно. В ее родное Носково война еще не дошла, рядом собирала свою страшную жертву. Отец ушел добровольцем еще в июле. Как мать ни плакала,

как ни голосила, собрал вещь-мешок и подался к военкомату. Маруся у околицы махала белым платочком, до тех пор, пока были видны носковские мужики, уходившие нестройными рядами по пыльной дороге. Дома она собралась было покричать, порыдать, как взрослая по отцу, только когда вернулась, увидала мелких, от голода плачущих, стянула с плеч платок, посеревший от июльской пыли, и занялась привычным делом: покормить-помыть-утешить. Мать целыми днями в колхозе пропадала, продовольствие для фронта готовила, а Маруся по хозяйству суетилась.

Вот и сегодня кому как не ей на мельницу ехать было? Хоть и далеко, и страшновато одной девчонке, всего-то ей только-только четырнадцать исполнилось, да еще и ростиком она совсем не вышла, младшие ее уже перегнали, только выхода другого не было. Два дня в очереди ждала, такая у мельницы уйма телег скопилась, со всех близких деревень народ собрался. А куда деваться? Пришлось ждать. Мать, правда, ее не бросила голодать, отпросилась у председателя, взяла колхозную лошадь, привезла своей старшей молока и картошки — все, что в доме было, и тут же в обратный путь подалась. Как муку к следующему вечеру смололи, тут другая задача нарисовалась — как этот мешок на телегу взгромоздить? Ни ростом, ни силой Маруся не вышла. Но мир-то не без добрых людей, две бабы незнакомые с соседних телег скоско-чили, так втроем и погрузили муку...

Через два месяца отец пропал. Нет, извещений никаких не приходило, просто письма писать перестал. Неделю нет, две, три... Клавдия в военкомат несколько раз ходила, там только руками разводили: в списках погибших, пропавших без вести, раненых — нет такого. Был человек, и нету! Клава совсем извелаась, на младших кричала, Марусю загоняла, есть-пить не могла.

Бабы, с которыми каждый день на ферме с утра до вечера пропадала, и те понять не могли, что такое, почему совсем на себя Клавдюшка не похожа стала. А выспросив, научили ее, что сделать, как про Сашко-старшего узнать. В тот вечер домой Клава не шла, а летела. Вбежав в избу и едва скинув платок и сапоги, скомандовала: — Манька, полезай на печку и гляди. В два глаза гляди!

Маруся послушно полезла, не понимая, куда и зачем смотреть, но спрашивать у матери поостереглась.

Клавдия тем временем села за стол, поставила на него зеркало, прислонила к стакану с водой, потом сняла с пальца обручальное колечко и положила так, чтобы видеть его отражение. Валька попыталась влезть матери на колени, но Клавдия так громко на нее шикнула, что мелкая кубарем откатилась в угол и обиженно устроилась на лавке. Нина, наблюдавшая красноречивую картинку, к столу подходить не стала, а тихонько подсев к сестре с недоумением поглядывала на мать. Вера с Сашко-младшим уже давно сопели на печке.

— Гляди, Маня, гляди со вниманием, прям на зеркало гляди в то место, где кольцо мое видать. Что разглядишь, скажешь.

Маруся, хоть и не понимала, к чему мать все это затеяла, во все глаза принялась вглядываться в отражение. Потянулись молчаливые минуты, нарушаемые лишь тихим похрапыванием младших сестер, задремавших на лавке в углу. Но, как не старалась Маруся, ничего она в зеркале не увидела. Немного подождав, мать требовательно спросила:

— Ну? Мань, чего молчишь? Чего видишь-то? Говори, не тяни душу.

— Ничего не вижу...

— Да как так-то? Бабы сказывали — верный способ! Ты, може, не туда глядишь-то?

— Туда...

— Гляди, гляди,шибче гляди! Хозяина нашего видать должно...

Марусе очень хотелось узнать, что случилось с отцом, и она снова начала напряженно всматриваться в то место, где отражалось материнское колечко. Через не-

сколько томительных минут она вдруг ясно увидела какую-то непонятную фигуру в большом тулупе, с винтовкой за плечами, потом этот человек начал «растис» и Мария отчетливо рассмотрела лицо отца в какой-то непривычной островерхой шапке. Он что-то кому-то говорил, но слов не было слышно, девочка попыталась прочесть по губам, но не смогла и закричала, что есть мочи:

— Папка, папка!

Видение исчезло. От неожиданного крика проснулись младшие, Сашка заплакал, Валька с Нинкой подскочили на лавку и, хлопая осоловевшими глазами, силились понять, что произошло. Мать побежала к печке.

— Видала? Что видала-то? Ну?

Маруся, подхватив на руки самого маленького, торопливо рассказывала Клавдии, нетерпеливо переминающейся у печи:

— Жив, тятька, жив. Он с винтовкой стоит, в тулупе, точь, как евойный, что у нас в сенях висит, а на голове шапка треугольная.

— Какая шапка? — не поняла мать.

— Ну, такая, — и она подняла руки над головой, сложив их домиком.

— Не раненый? Не в крови?

— Не! Стоит с винтовкой, живехонький!

После этого вечера Клавдия немного успокоилась, перестала выть по мужу как по мертвому. Марусю закрутил ворох дел, и она постепенно забыла о гадании. Утром по хозяйству оставалась, днем бежала в поле, а ночью, когда бабы уходили по домам, ребятня, впряженные вместо лошади в жернов, молола муку или вручную веяла овес, очищая его от мякоти. Когда спали, когда ели — да Бог знает.

Весной сорок пятого от отца «долетела» до родного Носкова весточка, а еще через пару недель пришло письмо из госпиталя, что он тяжело ранен под Кенигсбергом.

Летом Маруся поехала забирать отца с поезда. Ради героя-фронтовика, у которого взрывом оторвало ногу, председатель дал свою лошадь. Пока тряслись в старой телеге, Маруся не удержалась и спросила, где он столько военных лет был, пока не попал в бой под старинный город Кенигсберг.

— На границе, дочка, был, на китайской. Охранял.

— Тять, а на голове у тебя что было?

Отец подивился странному вопросу.

— Шапка, буденовкой называется. Такие в гражданскую носили. А чего ты вдруг спросила про шапку-то?

Маруся улыбнулась и, немного помолчав, принялась рассказывать отцу про младших, которые его, поди, сейчас и не вспомнят...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Николай Еремин
(г. Красноярск)

PERSONALIA: СЛАДКИЕ ЖЕЛАНИЯ

Наш постоянный автор.

МОЛВА ПРАВА

Откуда музыка берется?
Из слов! — Как солнце из колодца,
Где звездный холод и вода...
Едва глотнешь — вот это да! —
И музыка звучит уже
В ведре, и в небе, и в душе...
И вновь — стихи о звездной круговерти...
О горькой жизни и о сладкой смерти...
О вере и неверии, увы,
Во все, что — В — и выше головы...

БУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

О, задушевность Бунинских стихов...
И поэтичность Бунинских рассказов...
Свят свет в глазах невест и женихов —
Как будто бриллиантов и алмазов —
Когда они, возникнув по весне,
Читают их себе — как будто мне...

ПОЭТ БАСЕ

— Что жизнь?
Борьба и передел...
Что смерть?
Судьба и беспредел...
А я, —
Вздохнул поэт Басе, —
Как человек —
И то, и се...

* * *

Жизнь жалила пчелой — и умирала...
Но, воплощаясь в новую пчелу,
В медовый луг, не много и не мало,
Влетала... Понимаю, почему,
Любитель меда, как никто другой,—
Средь майских пчел
Над лугом и рекой...

* * *

Передо мной — река забвенья Лета,
Увы, сверкает солнцем на мели...
Займите мне частичку интеллекта,
Премудрые читатели мои!
На берег тот я с завистью гляжу...
Не зная брода, к вам перехожу...
Ах, по колена мне вода...
По грудь...
Эх, как бы к вам доплыть? —
Не потонуть...

* * *

Как хочется свободным стать — в бездонном
Космическом пространстве меж людьми!
Но что — свобода, там, увы, без дома,
Без Музы, ожидающей любви?

ГОРОСКОП

Я — по звездам Лев —
Гороскоп, ты прав! —
Смел, как Лев, взрослев,
Рос, всегда неправ,
Жизнью лживью поправ...
Но, смиряя нрав,
Оказался прав!
Львы всегда правы!
А не львы —
Увы...

* * *

Куры спят и петухи...
Я читаю до рассвета
Деревенские стихи
Неизвестного поэта...
Тишина... В душе — покой...
Зов кукушки за рекой...

ЩЕДЕВРЫ МАРТОБРЯ

Еремин Рыжкову:
— Люблю любовь в начале марта,
Когда весенние коты —
Полны веселья и азарта —
Всю ночь орут из темноты...
А ты?

Рыжков Еремину:
— Едва стемнеет за окошком,
Влеком извечною судьбой,
Мой кот уйти стремится к кошкам,
Как в юности и мы с тобой...

Еремин Рыжкову:
— Как будто в кошках есть покой...

* * *

Кто за меня вырастит эти цветы?
Кто за меня напишет эти стихи?
Кто за меня проживет ради них лет сто?
Если не я — то, сам понимаю, никто!

* * *

— Я вас услышал! —
Сказал глухой.
— Ну, что ж,
Посмотрим! —
Сказал слепой.

* * *

Я жизнь проспал в руинах Рима...
...Как будто ночь — неповторима —
В меня и в звезды влюблена
Была без памяти она...
О, историческая ночь! —
Моя Космическая дочь...
Я в Лувре был... Я в Лавре был...
Я ничего там не забыл...
Но вновь, как грешника на суд,
Они меня к себе зовут...

* * *

Боже, как сердце стучится...
И на свободу стремится,
Чтобы тебе поклониться
И за меня помолиться...
Снова и снова —
Слово за слово...

* * *

До чего ж это было давно!
Сто снегов и сто трав полегли...
Неужели мне было дано
И любить, и писать о любви?
Выцветают чернила дотла...
И страницы пылят, словно тля...
В синем небе клубится зола...
Но, как прежде, кружится земля...
До чего ж это было давно...
Позабылись — лицо и слова ...
Все равно ты жива! Все равно
Ты жива... Все равно ты жива...

* * *

Вновь ко мне по веленью весны
Возвращаются нежные чувства —
И сбываются Вещие сны,
Превращаясь в предметы искусства...
Где опять влюблены: я — в капель...
Март — в гуашь... А апрель — в акварель...

ЧЕМПИОНАТ

Шахматисты — графоманы!
Удивительные типы...
Все гамбиты их — обманы,
Штампы и стереотипы...
А в игре, сомненья нет,
Побеждает лишь Поэт,
Нестандартный Чемпион
Мира, да и всех времен...

АФОРИЗМ

— Актер в России больше, чем поэт!
Артисту в ней альтернативы нет.
Актером быть — внушая перемены,
Играть, меняя знаки Зодиака,
Чтобы сойти... Или упасть со сцены —
И навсегда поэтом стать?
Однако...

АКСИОМА

— Воду в ступе толочь —
Символ жизни семейной! —
Съязвить был он не прочь
Мне с улыбкой елейной...
И добавил: — Ха-ха!
Я ж толку — без греха —

Водку в ступе — чудак,
Как любой холостяк!

* * *

Забыл — и вспомнил... Вспомнил — и забыл,
Как я тебя внезапно полюбил...
Как водку пил... И одиноким был...
И чуть было себя не погубил...
И вдруг спасли меня — не зная брода —
Поэзия любви
И продолженья рода...

* * *

Я жил — как будто был во сне —
С температурой, весь в огне...
Несчастная любовь — во мне...
Счастливая любовь — в окне,
К весне, к березам и к луне,
И к музыке, увы, извне,
В ночной кромешной тишине
Императив: Приди ко мне!
Весна — и вдруг, скажи на милость,
Во мне и вне все изменилось!
И в зеркале — счастливый вид,
И в сердце музыка звучит...
И — стихотворный — мой — в ответ —
Выздоровленья
Страстный бред...

ТОСТ

Тост новогодний
Прост:
— Господа!
Лучше —
Сегодня,
Чем никогда!

* * *

И за что ты был обижен на судьбу
И себя? Да ни за что, а просто так...
И в молчанье прикусил себе губу,
Потому что упрекали все: — Чудак!
Обижаешь... — И смеялись каждый раз:
— Воду возят на обиженных у нас!

**Литературная пародия
В ГОД БЫКА**

*Мне в стаде коров интересней,
Чем с глупым мужем.*

Е.А.М.

Вот и я был
Таков и сяков:
Интересней мне — в стаде коров!
Потому что была не одна
И в меня, и в быка
Влюблена...
Жаль, что мне —
То одна, то друга —
Как быку наставляла рога...
И теперь у меня надо лбом —
Частокол,
При раскладе любом...
Глупый муж,
Я отъездил верхом —
Быть прискучило мне пастухом...
В Год Быка становлюсь я умней
Вдалеке от коров
И коней...

ВИНОГРАДНАЯ ЗАВЯЗЬ

С виноградом та же песня...

Александр Росин

* * *

— Завязался виноград...
Я — в завязке... Но я рад:
Будет в градинах вино!
Да таким, что не грешно
Всем — на празднике — опять
По глоточку — развязать...
Стать веселым и хмельным,
И влюбленно-молодым:
— Ну? За счастье!
По чуть-чуть!
На Том свете не дадут...

* * *

— Ну же... Обними же! —
...Море
Под горой
До сих пор — все ближе —
Вижу, Ангел мой,
Солнышко, я вижу:
Ближе —

Ты и я...
Ну же,
Полетим же
В дальние края! —
Ну, летим?
— Летим...
Как прекрасен Крым!

* * *

Герой
Всегда самоубийца.
Вокруг — восторженные лица
Недаром, видно по всему,
Поют
Бессмертие ему...
О, неземная благодать
Петь так,
Что слов не разобрать...

ХОР И СОЛО

— Мы все — за одного!
Ты не один...
Не трус! —
Не бойся ничего!
— Да я...
И не боюсь...

ПО ХОЛМАМ

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...*

Николай Рубцов

*Ты поскакешь во мраке по
бескрайним холодным холмам...*

Иосиф Бродский

Рубцов — за Бродским...
Бродский — за Рубцовым...
Скавали по холмам за новым словом...
Не ведомо, кто —
Бродский ли
Рубцов —
Всех дальше проскакал, в конце концов...
В округе до сих пор — холмы, холмы —
Безмолвные — от лета до зимы...
А впереди — изгнаний миражи —
Увы,
Воспоминания свежи...
Где — тут ли, там, —

Прервав крутой маршрут,
Поэты лишь в бессмертии живут...

* * *

Неужели я умру?
Неужели станет прахом
Все, что в сердце на ветру
Страстно билось под рубахой?
Мерз во льдах... Горел в огне...
Был мечтой и делом занят...
Неужели — что во мне
И вовне, — бесследно канет?
...Все мне было по плечу!
Сердце, ты об том знаешь.
Даже думать не хочу,
Что стареешь,
Угасаешь...

* * *

Поэты — дети капитана Гранта —
Романтики случайного таланта,
Бредут по свету в поисках отца...

Увы и ах, дороге нет конца...
Вдоль берега, вокруг семи морей —
Обломки всех погибших кораблей...

СОВЕТ ПОЭТА

Александру Матвеичеву

Совет поэта больше, чем совет!
Сонет поэта больше, чем сонет!
Особенно
В былой стране Советов,
Которой нынче, слава Богу, нет...
А помнишь,
По дороге на Тот свет
Тебя гнибли критики, поэт,
Среди пустых вопросов без ответов...
Но ты напрасных не давал советов...
Поскольку был всегда —
Поэт-пророк,
А твой антисонетчикам упрек,
Пророчеством был
Средь иных сонетов...

Эдуард Побужанский
(г. Москва)

АГЕНТ НЕБА
стихи из новой книги

Эдуард Георгиевич Побужанский родился в г. Черновцы (Украина). Детство и юность провел в г. Единцы на севере Молдавии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (мастерская Юрия Кузнецова). Автор пяти поэтических книг. Стихи публиковались во многих журналах, были переведены на румынский, украинский, чешский, армянский и английский языки. Член Союза писателей России. Основатель и главный редактор поэтического издательства «Образ».

ПОЭТ

Хомо поетикус выйдет из дома —
Так, как выходят наружу из комы:
Морщась от шума и щурясь от света,
Не узнавая ни лиц, ни предметов.

Хомо поетикус выйдет за небом —
Так, как выходят за водкой и хлебом.
Выходит вдохнуть этой выси и сини....
Впрочем, и водки купить в магазине.
Сколько в поэте поденного флуда?
Если братъ брутто, немало, как будто,
Но остается же главное — нетто,
Что нашептал ему призрачный Некто.

СТАРУХА

А кошки эти — семья старушья:
Семь во дворе да в квартире три.
Но даже те, кто живет снаружи,
У нее, у старой, — тоже внутри.

Утром выйдет во двор и в плошки
То супу нальет, то молока.
Известно всякой бродячей кошке,
Что пахнет лаской ее рука.

Старуха стала почти неходячей
(Ах, ножки,— будто на каждой пуд!),
А все выходила к родне кошачьей —
Кормила, жалела...

Может, врут,
Но говорят, когда гроб выносили,
Кошки в округе всей
Голосили.

ЛИТЕРАТУРНОЕ

Свой век мотаю от и до,
От Грина до Довлатова,
И можно выйти по УДО —
Но лишь в окно с девятого.

А у рабочего стола
Стоит герой лирический,
Ему что стопка, что стопа —
Вставляет неямбически.

Он, может, ангел во плоти,
Да смотрит чертом вражеским.
Прости, я занят до пяти,
А после — покуражимся!

РАЗГОВОР

Я начал разговаривать с котом.
И с радио. А что потом, Алиса*?
Покрыться мхом и снульм стариком
Поглядывать в окно с тоскою кислой?

Я начал разговаривать с собой.
И рад бы пошутить над этим, рад бы...
Но вышел разговор как близкий бой —
На расстоянье вытянутой правды.

Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.

ПУГОВИЦЫ

«Вы, русские, всегда все усложняете, —
вздохнул чешский поэт и переводчик,
закрывая мою книгу. —
Кому сейчас нужны рифмованные стихи?

---

* Алиса — голосовой помощник Яндекса.

Разве что детям!
Рифмы сегодня так же нелепы,
как пуговицы на голом теле!..»
Я промолчал.
Мне было неловко признаться,
что в детстве,
когда я приезжал на лето
к бабушке,
то любил перебирать
разноцветные пуговицы
в жестяной коробке.
Перламутровые, деревянные, стальные,
разных форм и цветов —
они казались мне настоящим
сокровищем!
Я даже хотел стащить одну —
желтую пуговицу со звездой, —
чтобы выменять ее
на рогатку...
А когда мы с дружком Сашкой
убегали на озеро,
то возвращались домой
только под вечер,
когда июньское солнце
закатывалось за горизонт,
словно большая
красная пуговица.

ПОДЛОДКА

Когда я остался один,
Бедой захлебнувшись, как водкой,
Твой дом из кромешных глубин
Поднялся подводною лодкой.

Тяжелые воды беды
Затянуты тиною черной,
И я, как бук, из воды —
Торчал головою никчемной.

Но был я внезапно спасен
И выжил в твоей субмарине,
Где были и сон, и Бессон,
И даже немного мартини.

ЗВОНОК

Каждый недавно умерший
получает право
на один короткий звонок —
чтобы только сказать,
что с ним все в порядке.

Обычно звонят детям,
реже — родителям,
звонят мужьям и женам
(иногда даже бывшим!),
и почти никто
не звонит
на работу,
в церковь,
в больницу,
в собес.

Никто не звонит
на прямую линию с президентом
или экстрасенсу
из известного телепроекта.
Говорят, таких номеров
даже нет в телефонной книге.
Есть только эти:
мама, папа,
сын, дочь,
любимый,
любимая...

МОЛЬБА

Как низко сегодня небо!
Как близко оно от земли!
Боже, прими мою требу —
Век мамы моей продли!

Я сыном хорошим не был,
Живя от нее вдали.
Боже, прими мою требу —
Печали ее утоли!
В груди моей слабой жженье,
Такое — хоть грудь разорви!
Но держит меня притяжение
Твоей и ее любви!
Растет надо мною небо,
Восходит дыханье земли!
Боже, что хочешь требуй —
Лишь век моей мамы продли!

ВРЕМЯ

В ресторане «Тануки»
я держу в руке хаси
(палочки для еды),
словно тонкие
белые стрелки
часов-невидимки,
словно время само
у меня в кулаке.

Смешно.
Я даже не знаю,
во сколько сегодня
вернусь домой.

КАРАНДАШИ

Бог выдает старикам
цветные карандаши,
и они, словно дети,
с азартом начинают
 заново раскрашивать
 контурные рисунки
 памяти зыбкой.
Как быстро
 стачиваются карандаши!
Особенно желтый,
 зеленый и синий.
А черный лежит нетронутый,
 острый, как факт.

СТАРОРОДЯЩАЯ

Пусть говорят «старородящая»,
 Но ты-то знаешь: в сорок три
 Одно лишь важно — настоящее,
 Оно бьет ножкой изнутри.

Неважно, женится не женится
 И как ты до того жила,
 Сейчас ты женщина-роженица,
 А значит, богова жена.

СЛОВА

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ*

Родился в 1954 году в г. Скопине Рязанской области. С 1960 года живет в Туле. Окончил Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Дважды лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова 2013 и 2014 гг. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преодоление» 2020 г. в жанре гражданской лирики. Член Союза писателей-переводчиков при СП России. Член редколлегии журнала «Приокские зори», в котором с 2009 по 2018 гг. руководил отделом поэзии.

МАЙОРДОМ**

Он на войско врага
исподлобья смотрел...
Звался именем *Карл*,
по прозванию — *Мартелл*.

Он не молод, не стар,
не добряк, не палач,
Но в делах государственных
тертый калач.

Правил мудро во всем.
Не король. *Майордом****.
Это сын его будет
монархом потом****.

Императором станет
прославленный внук*****
И замкнет *Каролингов*
блистательный круг.

* Рабочее название «Карл Мартелл».

** **Майордом** или палатный мэр, — старший сановник дворца времен франкских королей из династии Меровингов. В связи с ослаблением королевской власти в середине VII века эта должность начинает приобретать особенную силу.

*** **Карл Мартелл** (23 августа 688 — 22 октября 741) — майордом Франкского государства в 717—741 годах из рода Пипинидов, вошедший в историю как спаситель Европы от арабов в битве при Пуатье.

**** **Пипин Короткий** (714—768) — майордом франков в 741—751 годах, а затем первый король франков из династии Каролингов.

***** **Карл Великий** (742—814) — король франков с 768 года, король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года.

А Мартеллу корона
не больно нужна:
Он и так при делах,
и работа видна.

Не до спеси ему
и дворцовых интриг.
Пусть на троне пока
посидит *Меровинг*.

Бог с ним, с троном! Досуг ли?
Забот полон рот:
Не скучела б казна,
не роптал бы народ...

Нужно строить дороги,
крепить рубежи,
Чтобы враг не добрался
до мирной межи...

Саксам дерзостным — кара!
В их помыслах мрак,
И, безумцы, Христа
не приемлют никак...

Да... и с церковью...
ох, не простые дела...
Что-то много земель
под себя загребла.

А чтоб верной осталась
надежная рать,
Надо воинов храбрых
землей поощрять...*

Из осколков страна...
А попробуй-ка, склей,
Если столько вокруг
развелось королей!

Каждый высокочка жаждет
корону надеть
И уделом своим
самочинно владеть.

Что ни герцог — в мечтах
непременно король.
А душою холоп!
И презренная моль!

---

* Карл Мартелл проводил политику **секуляризации** (изъятия) церковных земель для передачи светским лицам.

Собралась этой моли
великая рать,
И устал майордом
их измены прощать.

Отвернешься — откуда
и наглость, и прыть!
А за горло возьмешь —
так давай лебезить,

Чтоб избегнуть петли
или просто оков...
Вот такая обыденность
темных веков!*

Лучше искренний враг,
чем вассал-лицемер.
Аквитанского Эда**
наглядный пример.

Этот прямо сказал:
«Я Мартеллу не друг!»
И случилась война.
Но случилась не вдруг!

Эду свойственно честь
с благородством беречь:
Из меча и кинжала
он выберет меч.

И хоть бит он не раз,
принужденный бежать,
Но такого врага
можно лишь уважать.

ЭД АКВИТАНСКИЙ

Да такой ли уж враг?
Это не навсегда.
Вот надвинулась с юга
на земли беда.

И молитвой ее
не прогонишь ты прочь:
Навалилась скалой
омейядская мощь***.

---

* **Темные века** — историографический термин, подразумевающий период европейской истории с VI по X века. Характерной чертой этого времени называют отставание западного региона от Византии, мусульманского мира и Китая.

** Эд Великий — герцог (принцесс) Аквитании и Вакконии, взошедший на престол не ранее 674 и не позднее 700 года. Прославился участием в исторической битве при Пуатье.

*** **Омейяды** (араб. الْمُؤْمِنُونَ), или бану Умайя (араб. بَنُو أُمَّيَّةَ), — династия халифов, основанная Муавией в 661 году.

Хлынул с бешеною силой
железный поток —
Прокатился по берегу
моря каток.

Там, на юге, теперь
чужеземная власть,
И судьбу *Септимании**
впору проклясть.

Людям чуждый закон
иноzemцы несут.
Бога, чуждого им,
иноверцы несут.

Побежденному горе,
глумление, плеть.
Не ходи в Божий храм,
а ходи-ка в мечеть!

Кто не принял ислам —
будет *джизью*** платить.
Кто восстал — за мятеж
будет жизнью платить.

И на долгие годы,
на множество лун
Затоптал в людях душу
арабский скакун.

От далекого Инда
до Роны халиф
Мир подмял под себя,
словно сказочный див.

Где тут взяться за меч?
Не поднять головы.
Войско мавров чудовищной
силы, увы.

Их железная конница
в считанный срок
Стерла столько народов
в мельчайший песок...

---

* *Септимания* (лат. *Septimania*) — историческая область на французском побережье Средиземноморья, заключенная между горными хребтами Пиренеев и Севенн, с одной стороны, и долинами Гаронны и Роны, с другой. Названа в честь Седьмого легиона, ветераны которого (*septimani*) были наделены Августом землями в этой местности. В настоящее время входит в состав французского региона Лангедок-Руссильон.

** *Джизья* (جذے) дискриминационный налог на немусульман (зимми), живущих под властью мусульман.

Всем казалось уже,
что спасения нет.
Но нашелся смельчак!
В Аквитании! Эд!

И к нему во владенья
арабы пришли.
Вел захватчиков сам
андалусский *вали**.

Жгли, насильники, села,
творили разбой.
Осадили Тулузу
несметной ордой...

Только герцог терпеть
от врагов не привык,
И пошел на злодеев
могучий старик!

Во главе храбрецов
он к Тулузе успел.
Шли арабы на штурм,
солнце скрылось от стрел.

Наседали неистово
войны зла.
Город изнемогал.
Были плохи дела.

Каждый дрался, как лев.
Кто-то падал со стен.
Лучше гибель в бою,
чем у извергов плен...

«Удивить — победить!» —
кто-то мудрый сказал**.
Эд ударил, врасплох
омейядов застал.

Ужас тех охватил:
ведь нигде до сих пор
Не встречали арабы
достойный отпор!

А у страха, известно,
глаза велики:
Показалось, бесчисленны
Эда полки.

---

* Вали (араб.) — наместник.

** И вовсе не «кто-то», а великий русский полководец Александр Васильевич Суворов! Правда, сказал он это через тысячу лет.

Так Давидом когда-то
былбит Голиаф.
Побежали враги,
шаровары задрав!

Под Тулузой их Эд
разогнал, как овец,
А наместник халифа
нашел свой конец.*

Ликовали тогда
все, кто верил в Христа:
Значит, Богом молитва
была принята!

Значит, можно и ведьму,
умеючи, бить!
Римский папа спешит
Эда благословить.

Он прислал Аквитанцу
письмо и дары.
Он писал: «Мы дождались
победной поры!»

Меч твой свят, и тебе
да поможет Господь
бесноватых язычников
всех побороть!»

Эд, как мог, исполнял
этот папский наказ.
Он побил омейядов
еще пару раз.

Пусть зубами скрежещет
Хишам и скорбит,
Что на Роне *второй*
полководец убит!**

Тот упал на реке,
пораженный стрелой.
А кто звал вас сюда?
Шли бы с миром домой.

Правда, мир не в обычae
лютых зверей,

---

* Битва при Тулусе 9 июня 721 года, в которой арабский полководец Аль-Самх ибн Малик был смертельно ранен.

** **Хишам ибн Абдул-Малик** — омейядский халиф, правивший с 723 по 743 годы. В 725 и 726 годах герцог Аквитании Эд Великий дважды разбивал армию нового вали, Анбасы ибн Сухайма аль-Калби, причем сам вали был убит стрелой при переправе через Рону.

И не станут они
ни умней, ни добрей.

Только грубую силу
они признают.
Но ведь сила у них,
и они тут как тут.

Трудно быть одному.
Разве Эд виноват,
Что настолько велик
и могуч халифат?

Виноват он в другом,
что гордыней страдал:
Он и с Карлом Мартеллом
тогда воевал!

Только Карл — далеко,
Аквитания — вот.
И вали Септимании
начал поход.

И в военных удачах
наметился крен.
Дочь любимая Эда
захвачена в плен...

СКАЗКА

Валерий Демидов
(г. Тула)

СЛУЧАЙНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Жизнь — случайность.
Смерть — закономерность.
Вряд ли станет кто-то отрицать,
Что с годами
Эту соразмерность
Хочется все больше порицать.

Я бы мог
На свет не появиться,
Много раз бродила рядом смерть,
Но всегда
Воды живой напиться
Удавалось как-то мне суметь.

Я случайно
Выпадал из люльки,
На машине еле уцелел,
И соседке,
Черноглазой Людке,
Все сказал по пьяни, что хотел.

Для меня случайность —
Это повод
Сделать тоже что-то невзначай,—
Что же тут,
Скажите мне, такого?
За себя готов я отвечать...

Бесконечно
Длинная случайность
Вьет узлы на линии судьбы,
То обидой,
То немой печалью
Заполняя наш всеядный быт.

Заболел,
Случайно заразившись...
Опоздал случайно на экспресс...
Много раз
Случайностям грозившим
Был готов отдать я бурный стресс...

А потом
Придет закономерность —
Злая смерть с косою на плече
И в душе
Поссет суеверность
И боязнь опасных мелочей.

Я не прав?
Тогда меня оспорьте.
Но бессмертных не было и нет.
Вся случайность —
Как слова в кроссворде,
А закономерность — ее след.

❖❖❖❖❖

Андрей Новиков
(г. Липецк)

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Поэт, прозаик, публицист А. В. Новиков родился в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. После службы в армии поступил в Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Первая серьезная публикация Андрея Новикова состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Публиковался во многих периодических изданиях. Автор 6 книг. С 2015 года возглавил Липецкое региональное отделение Союза писателей России. На XV съезде Союза писателей России 15 февраля 2018 года был избран секретарем Союза.

МОРФЕМЫ

Посредством речевого центра,
Бывает, выскочат слова,
Неблагозвучны, но бесценны,
Понятные, как дважды два.

Нет, я не отхожу от темы,
И не использую жargon,
В основе их лежат морфемы,
Удобные со всех сторон.

Порой они бывают грубы,
Но тем доступны и легки.
Их знают все, как однолюбы,
Так и по бабам ходоки.

Их знают женщины и дети,
Таксисты, критики, врачи.
Волшебные морфемы эти
Признали даже палачи.

Они в составе предложений
Являют нужный оселок
И формируют выраженье
Практическому смыслу впрок.

И каждый в радости и горе,
Познав отвагу или страх,
Их точно видит на заборе,
Нацеленных не в бровь, а в пах.

Умейте слушать с интересом,
Готов за вами поднести.
Уж коли вас послали лесом,
Туда и надобно идти...

УХО-ГОРЛО-НОС

Наверно, так решил Всевышний,
Оспорить это не спеши.
Люблю я сыр, как любят мыши,
На кухне ем его в тиши.

У холодильника, без света,
На табурет пристроив зад,
Я ем его, ведь есть примета,
Что свет испортит аромат.

Однако, помня чувство меры,
Ряд потребительских причин,
Я ломтик нежного Ламбера
Однажды в этом уличил.

И сколько я его не нюхал,
Такой, муссируя вопрос,
Закончил лишь прострелом уха,
В системе ухо-горло-нос.

И повторился этот случай,
И он пугает до сих пор,
Когда в такой же тьме колючей
Жевал я с плесенью Рокфор.

А раз пошло такое дело,
Терял былую крепость дух,
Когда я кашал Мацареллу,
Ее расхваливая вслух.

Откуда же пришло отмщенье,
Кто уши мне зажал и нос,
Неужто импорт в замещенье
Такую пакость мне принес?

В бездумном сыропоеданье,
Пойми, виновен только ты.
Храни свой орган обоняния,
Чурайся ранней глухоты.

ПЕЧАЛЬ

Вы не дразнитесь: тили-тили,
Пусть с дамой я, но мне полста,
Меня давно уж отлюбили
Во все доступные места.

Не гоже мужу в адюльтере,
Что без креста пенять, заметь.
Меня давно уж отымели,
Но снова шарятся иметь.

Немудрено в такой печали
Пожив, и вовсе одичать.
И по башке уж настучали,
Но заново пришли стучать.

Когда всего на свете мало,
И жажды леденеет страсть,
Пойми, что надобно — отпало,
Но снова норовит отпасть.

Чертоги бросив обжитые,
Мы сами бед своих творцы.
Ко мне святые в понятые
Уже намылились отцы.

СОЮЗ

Аванс некрупный выдан Музой,
Еще смешнее был кредит,
А потому поэт от пузы
Не ест, он дерзок и сердит.

Он добр с коллегами для вида,
Пусть ходит иногда во сне,
И эта склонность к суициду
Его оправдана вполне.

Пока поэт еще не старый,
Его и ждет, его и ждут:
Два с половиной санитара —
Психиатрический уют.

Бывает в сутки по три раза
На люстру вешает петлю,
В тисках журнального заказа,
Что я заочно разделю.

Повиснув где-то на минуту,
Познав коротко мир другой,
Он, с ощущением Абсолюта,
Забавно дрыгает ногой.

Поймав в качаньях и наклонах
Под ним ходящий табурет,
Супруга вмиг за панталоны
Его спасет, не сделав вред.

Она ему жена и Муза,
Несет лирический мотив,
Основу брачного союза,
Удачно с творческим скрепив.

ПРИЦЕП

Видя парня атипичного,
Что мешает пиво с водкой,
Не выказываю личного,
Принимаю это кротко.

Он зарплату остроумно
Не несет жене и детям.
Не стремится необдуманно
Деньги выбросить на ветер.

Умилюсь, и неожиданно,
Этой благостной картинкой,
Коли к пиву мудро придана
Нашей водки четвертинка.

Потребляя кварту добрую,
Он в бюджет через акцизы
Прибыль родине удобную
Вносит целым организмом.

И стучит, греха не ведая,
По столешнице таранью.
Это действие я исследую
И включаю в повествованье.

Пусть знакомство мимолетное,
За бокалом и за чаркой,
Перейдет в общенье плотное,
Дружбу, временами яркую.

А потом попсу нетленную
Вместе выдадим фальцетом...
Пейте, люди, пиво пенное,
Обязательно с прицепом!

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

К окуляру мерцающей ночью
Есть желание тихо прильнуть,
Разглядеть и осмыслить воочию
Тел небесных далекую суть.

В них мерещится без опасений
Млечный путь, навевающий сны,
В стороне от любых потрясений,
От бюджета семьи и страны.

Без иллюзий и всяких утопий,
Без платежек, пеней ЖКХ,
Точно истина есть в телескопе,
Что не знает земного греха.

Ты отныне уверенный практик,
Понимающий степень свобод,
Созерцанье спиральных галактик
Обращаешь в приход и расход.

Распахни небосвод для объятья,
Там, на звездных его полюсах,
Так же тужат по разуму братья
На балконе в семейных трусах.

ДУХОВНАЯ ПИЩА

Скажи мне, баннер придорожный,
Зачем рекламию кастрюль
На путь ты направляешь ложный,
Духовной пищи в коем — нуль?!

Восходит смыслом обреченный,
Попробуй только, сопряги,
Тревожный день сырокопченый,
Где свет — с подливою мозги.

А рядом на щите дощатом,
Занявшем маленький забор,
Сосиски манят, супостаты,
Сырокопченостей набор.

Прими же неизбежность, гений,
И выстрой совпадений ряд; —
Доступность слюновыделений,
Опасный, плотоядный взгляд.

А в сумме — некий дух исканий,
Который дерзко дразнит плоть,
Послеобеденных иканий
Не дав еще перебороть.

БАХЧИСАЙСКИЙ ВОДОМЕТ

Без спроса, в сад явившись райский,
Бесцельно по нему сную,
Да и фонтан Бахчисарайский
Не шибко, в целом, узнаю.

На месте он, возле гарема,
Где казус плотских чувств возник,
И этому событию в тему
Наложнице пришел кирдык.

Там что-то сильно затупили
В суровый и кровавый век,
Кастраты деву утопили,
И хан ее не уберег.

Волненья сердца выражая,
Потом раскаялся всерьез
И, что почем соображая,
Фонтан придумал горьких слез.

Он, вроде, тот, но видом странный,
Пусть капает вода в тиши...
Быть может, словом иностранным
Назвать его он поспешил?

Но есть ли в словаре татарском
Аналог, что не прозвучал?
Верней всего, подарок царский
Гирей никак не величал.

Кто ж Аю-Дагом тайно грезит,
Экспансии погнал волну?
И почему француз к нам лезет
В словарь, как в Крымскую войну?

Пускай заимствований майнет
Тлетворный иностранный гнет,
Фонтан я буду звать отныне
Российским словом — водомет!

Пусть славно он метает воду,
Ее гоняя взад — вперед,
Дав слово верное народу,
Который Пушкина прочтет.

БЛАГОЙ ПОРЫВ

Благой порыв не выглядит ли глупо,
Когда пытливо и со всех сторон
Купюру в сто рублей рассматривая в лупу,
Увидишь, что в квадриге... голый Аполлон.

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

АНГЕЛЫ
Поэма

Аркадий Олегович Польшин — член Союза писателей России с 1995 г., автор четырех поэтических книг. В настоящее время готовится к публикации книга «Граница», куда, помимо стихов-поэм, войдут статьи о России. На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд», г. Данков.

*Три оружия есть у врача:
слово, растение, нож.*

Авиценна

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над Липецком ангелы кружат
И все в оперении белом:
Спасают и брата, и мужа
Иль просто случайное тело.
А телу такая станция —
Палата, реанимация!
Сосудистых, нервных, ковидных
И прочих граждáнов болезных
Плениют они — Айболиты,
Вживляют шприцы-саморезы.
Сквозь камень, металл и полночи
Летают скорые помощи.
Так было в боях и в буднях —
В году сорок первом и пятом:
Ангелы на парашютах
Спасали бойцов и комбатов.
Гонцами из той обители —
Над Липецком истребители.
Над «Тракторным» и над «Прогрессом»
Висит перевязочный ситец,
Висит Сталинград по-над лесом,
Бинтами прикрыв Новолипецк...
Ангелы, жизнь, операции —
Девятнадцатый — овации!
Девятнадцатый — это №,

Симфония микрорайона.
В соседнем, в писательском доме,
Нашел я того капюшона:
Грозил я ему — смотрящему —
«Волчарами настоящими».
Я в «Мост», а «волчары» в капканы —
Поэма не для слабонервных.
Меня ж занесли в хулиганы
Холуи и прочие стервы...
...Теперь сдружился с таблетками,
С врачами, будто с соседками.
А капюшон? На том же месте:
Все тот же стул из кабинета.
Ему лет 100, а может 200 —
Враг Пушкина и Грибоеда!
Врача боится проворного
(Вдруг ангелы схватят черного!).

Сегодня их дом здесь и Правда —
Ее ведь не вымарать кровью:
Врача, как любого солдата,
Покрыть надо встречной любовью.
Я сам стал тому свидетелем,
Упав на кушетку лебедем.
Пронес меня ветер надежды
Сквозь все проходные и стены.
Мой доктор, пожалуйте клещи
В мои деревянные вены.
Они у меня с подвязками —
С печатями лебедянскими.
Вот только рецензиям этим
Нет веры и нет антидота.
Впрочем... налейте, как детям,
Из сухофруктов компота.
Изюмом кишки обеспечены,
Меж селезенкой и печенью.
Попал я в хорошие руки —
В объятья хирурга и Бога:
«Богородицу» не от скуки
Достал я из левого бока...
Все по уму, неназойливо —
Щедрина Татьяна Анатольевна!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Теперь палата номер три —
Этаж другой, но смысл тот самый:
Врач поднимает изнутри
Мои проселочные камни.
Я им поведал, что футбол
Люблю, как гречневую кашу!
А я, друзья, не балабол
И не любитель эпатажа.

Когда на койку привезли
Мои конечности босые,
То попросил, чтоб кандалы
С меня спилили вековые.
Все потому, что мне без ног
Весь этот бал не интересен.
Без них — родимых — я б не смог,
Ведь я, признаться, не Маресьев!
Да! Был Маресьев — славный росс!
Мне до него как до Пекина:
Всего лишь... сделали наркоз,
А тело дуб наполовину.
Случился неплохой улов
(Комдиву поцелую руку!),
Ведь славный доктор Сиваков
Схватил за горло каменику.
Медсестры — феи во плоти,
Как ангелы очередные.
И капают в мои сады,
Как будто граммы фронтовые.
А в тех садах сплошная лень
Идет по трубкам из сосуда:
Есть Дары Игоревны тень,
Ее очки из Голливуда.
Я с ней столкнулся позавчер,
Когда светил пустое брюхо,
Она включила светофор
И результат вложила в ухо.
Диагноз четкий, как планшет,
Дальнейший план — он как гербарий.
Ей бы на пояс пистолет
И ворох боевых медалей.
Она смогла бы на коня!..
Они смогли бы все бесстрашно —
Быть под лавиною огня,
Окоп покинуть бесшабашно.
Спасибо всем, а я вздремну:
Увижу дом, березы в меди,
Свою любимую жену
И не на том, на этом свете.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Спасибо, доктор Щедрина,
Мой сон силен и аккуратен.
Я сплю сегодня без вина,
Без всяких там кистовых пятен.
Как будто из сороковых —
Вы ангел, Вы одна из них!
Халаты белые кругом,
Как крылья шустрой звездолетов.
Сегодня их аэропром

На этих выжатых болотах...
На том последнем этаже —
Как бы на Курском рубеже.
Там операции идут,
Пускай и не того масштаба,
Людей спасает парашют
И ангельская спецбригада.
Так происходит день за днем,
Пока мне капают бульон!
Модельный носик снится, броши —
Джоконды здешней обереги.
Душа вонзила, будто нож,
Мне шприц в центральные отсеки.
Умна она, красива тож,
Что в наше время редкий ЗОЖ!
Проспав и язву, и цистит,
Кровать ребристую пришпорю!
Я, словно липецкий таксист,
В педалях возлюбивший волю.
О том же думает сосед —
Культипа — худосочный дед.
Он пионером был, грозой —
Китайцам обещал картечи!
Снаряд рванул, и врач пилой
Мальцу укоротил предплечье.
Товарищ Мао — хунвейбин,
Ваську — 100 лет пенициллин!..
Он мне сосед! И пару раз
Я перевязывал босоту.
И мне хотелось прямо в глаз —
Китайцам тем послать пилота,
Чтоб в брюхе был — той детворы —
Привет: «ПАЛАТА № 3!».

Живу неделю, словно царь:
Звонки, брюзганья и обеды...
Листал ревнивый календарь
Те гениальные диеты:
Они здесь истинно умны —
Врачи любой величины.
Однажды, належавшись всласть,
Пошел пройтись, а там диванчик:
Шагает мимо чья-то страсть,
А я как будто мальчик-с-пальчик.
Диван хорош, а мне опять
Совсем не светит та кровать.
Притом... как будто театрал,
Сижу у шелковой дорожки:
Шагает мимо карнавал —
И через раз какие ножки?!
И песню хочется мне петь!
Да так, чтобы взорвалась медь!..
Но вдруг одна, во всей красе,

Подходит сделать замечанье:
Мол, карантин у нас, месье,
Ступайте прочь в опочивальню.
А рядом с ней молчит пиджак —
Молоденький, уже табак...
Зачем же так, мадмуазель,
Диван больному не опасен.
У Вас, понятно, канитель,
А у меня сегодня праздник!
И мне не в тему Ваш топор —
Суровый Роспотребнадзор.
На страже Он стоит, как штык,
Всех привилегий и запретов.
Но здесь, увы, случился бзик —
Мне зря грозили кабинетом:
Надзор здесь ни при чем, как снег,
Такой есть фактор — человек!..
Матриархат всему виной,
Ведь мужики теперь в запасе?!

Зачем красотке волевой
Авторитетные лампасы?..
Пока жевал я свой оскал,
От жизни, стало быть, отстал?!

Красив и грозен бюрократ —
Так на Руси всегда бывало.
И даже вечный Гиппократ
Не мог им заровнять забрало.
О том поведал Грибоед —
Друг Пушкина и лейб-поэт!
Хотя... довольно пировать,
Пора домой, на третью койку.
Рекомендовано мне спать,
А то, глядишь, поставят двойку.
Я ж в дисциплине знаю толк,
Хоть сам почти что чистый волк.
Но чую вдруг, что стал добреть
С тех пор, как побывал в рентгене:
Срослась язвительная плеть
В моем душевном Карфагене.

А посему бессилен черт —
Есть у меня стихирный йод!
Есть Доктор, и всегда он был —
Я помню профиль олимпийский!
Тот Доктор из таких светил,
С бывалым кортиком балтийским.
Его фамилия Житков!
Он фронтовик из моряков!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О нем мне Панюшкин сказал —
Он тоже был моряк, что надо:

Был настоящий театрал
И палубная спецбригада...

Издал Житкова он зараз,
Когда уж смерть сидела в кресле:
Дед был как преданный Кавказ,
Для Деда друг на первом месте.
Мы с ним умели по одной
За тех, кто лег меж скал не в койки.
Утюжил водочный прибой
Либавы берег и подлодки.
Здесь за Житкова он поднял,
И понял я, что это сила.
Есть настоящий мореман
И медицинское светило!
Тут... слово за слово, не вдруг,
Дед вспомнил Зегеля — поэму.
Он был ему совсем не друг,
А тот — кто закалял систему.
В семидесятых написал
Ему он оду волевую:
Про Совнарком и капитал,
Про ту антоновскую бурю.
Потом был лес и атаман
И той империи осколки:
Фрол, Серый, любовь и наган —
Мои «Настоящие волки».
Есть две поэмы — две души!
Две пули есть, есть два поэта.
Скакали рядом миражи —
Кожаны Реввоенсовета.
Так мы сидели и не раз:
Читали, пели и мечтали,
Чтоб наша Русь накрыла вас,
Как пятитонные скрижали.
Да! Были люди на Руси,
Да и сейчас, пожалуй, тоже.
Помилуй, Господи, прости,
Коль я обидел... Я ж художник!
Не кистью рыхлой, а в глагол
Я замурую наши тосты.
Мы пьем сегодня валидол,
А завтра ляжем на погосты.
Но верю я, найдется он —
Тот, кто продолжит эту песню:
Опять Либава под огнем,
Житков и Панюшкин в контексте.
Все ж подлечусь у Щедриной —
На всякий случай, на пожарный.
Вдруг я последний, я изгой
И берег тот чужой... Янтарный!
Желудок, печень — в бумбарааш,

Гемоглобин козленком скачет.
Вести последний репортаж
Я буду с койки... не иначе.
Экологический коллапс —
Такой диагноз нынче в поле.
Быть может, в мой противогаз
Проник микроб на водопое?
С водой сегодня не шуты,
Вода сегодня в карауле:
В Ухани желтые коты
Не тех мышей сожрали всеуе.
Запив из моря аль с реки
Немаркированные яды,
Котяр несметные полки
Опять нам машут из засады.
Тут дядю Васю вспомню вдруг —
Его настырную культияпу:
Китаец нам, конечно, друг,
Но если что, откусит лапу...
Мабудь, кумекают «орлы»,
Что без войны нас сделать можно?
О чем спевали «Песняры»,
Мы им напомним осторожно!
Напомним всем про Сталинград —
Враг за него платил не в фунтах...
Небось, слыхал их кандидат
Об ангелах на парашютах!
Они все знают: нас не взять —
Мы не горим, в штурмах не тонем!
По доброте своей опять
В вакцине вымочим их брони.
Опять на плечи парашют
Наш доктор вскинет на вокзале.
Лишь бы декретики иуд
Спасать планету не мешали!..
Сахара, Сирия, Ханой...
Среди бандитов и москитов
Ведет людей на водопой
Один из русских Айболитов!
На Лебедяни есть такой —
Романтик с настоящим током.
Коль позовут, он примет бой
Не со штыком, с фонендоскопом.
Когда в боку горел кинжал
От полуночных камнепадов,
Меня, как графа, принимал
Док по фамилии Плеханов.
Он не марксист, не богослов,
Он просто добрый Человече!
Ведь он, как доктор Пирогов,
Ту Лебедянь таблеткой лечит.
Но тут таблеткой не возьмешь,

Здесь нужен козырь пошустрие —
Хирурга перочинный нож,
Возможно... бритва брадобрея.
Нужна железная мечта,
Чтоб вскрыть фурункул краснорожий —
Рука такого силача
И настоящего вельможи!
Десант нам высадят, аль как,
Но без вранья и спозаранку
Лечить здесь будут даже рак
И африканскую ветрянку.
Дожить бы мне до той поры,
Чтоб увидать не понаслышике
Ангелогрудые шатры
И пациентов без одышки.

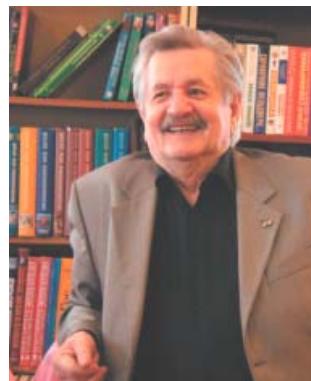
ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Но главный док — это она!
Она, которая в тревоге
Мои оберегает ноги,
Моя родимая жена.
Доходчивей любой науки
Ее застенчивые руки!
Она и фельдшер, и глазной,
И терапевт тот самый-самый!
С ней вдохновенье и покой,
Как пред межзвездной панорамой.
Ведь наши рваные утробы
Отец Илья венчал до гроба.
Господь, он знает, что и как:
Сколь нам грустить и веселиться.
И если где-то есть бардак —
Это не враг и не убийца...
С ней я, как берендей воспетый,
С годами наливаюсь светом.
Она волшебница, поди,
Не только на Восьмое марта.
Она мой верный карантин,
Моя последняя граната.
Она из ангелов, вестимо.
Она та самая Камилла.
Почти римлянка, и в соку,
Но русскую не скроешь душу:
Коня стреножит на скаку,
Избу горящую потушит.
Нашла она во мне чего-то —
Какую матушку-пехоту?
Теперь диван опять со мной...
Программа «Матч» и дух футбола.
Никто не скажет мне: «Отбой!» —
Железным слогом дискобола.

Здесь не скучают по походке
Небесноглазые красотки.
Сестра моя — та тоже мозг —
Всех знает и умеет много.
Пишу я этот эпилог
И для нее. Судите строго!
У Пушкина — Руслан с Людмилой,
А у меня — сестра с Ириной.
По праву руку пары гирь
И благородные гантели.
Отец мне как-то подарил
Железки эти и качели.
Качал он сам бицуху в ЗОЖе —
Раз двести из упора лежа.
Возьмусь и я за этот спорт,
Вот только выйду из непрухи.
Сегодня двадцать первый год
Не мне, а вечной колотухе!
Жизнь бьет меня все эти годы,
Такой я баловень свободы.
Господь и ангелы со мной,
А это, согласитесь, много!
Давно ведет меня домой
Моя зачетная дорога.
И как-то видел я сквозь зори
Себя во светлом коридоре!

СЮЖЕТЫ

Сергей Прохоров
(п. Нижний Ингаш Красноярского края)

Сергей Тимофеевич Прохоров — коренной сибиряк. Живет в таежном поселке Нижний Ингаш Красноярского края. Основатель и редактор двух литературно-художественных журналов: печатного — «ИСТОКИ» и электронного — «ЛИТ-КУЛЬПРИВЕТ!», известных далеко за пределами края и за рубежом. Член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент литературной академии Республики Крым. Кавалер ордена «Культурное наследие».

Я ГОТОВ ЖИТЬ ЛЕТ ТРИСТА

Голод жизни неистов,
Ненасытен всегда.
Я готов жить лет триста,
Не скучясь на года.
Не считая, как деньги,
Их в своем кошельке.
Где там год, месяц, день где,
Словно мелочь в руке.
Прозвенил и растает
Ненасытная медь,
И тебя вдруг не станет
Не ныне, не впредь.
И светла и тени'ста,
С нами жизнь и без нас.
Я готов жить лет триста,
Только кто же мне даст.

* * *

И снова в поисках утрат
Всю ночь я бредил,
И снова дождь прошел с утра,
Листву проредил,
Промыл все крыши и кусты,
В струях поло'ща,
И за околицею стих,
За синей рощей.
А больше, вроде, ничего,

Так, чтобы очень,
Но было грустно от того,
Что скоро осень.

О КРАСОТЕ ЗЕМНОЙ

Слева диво,
справа диво,
Диво в центре,
диво с краю.
Это так
несправедливо,
Когда дивы
умирают.
Да, увы,
несправедливо.
На земле
всем дивам тесно.
Ну, а с неба
эти дивы
Нам смотреть
неинтересно.

ЛЕТО

От небесных лир
Звонко струнных
Дождь с утра пролил
Тонко-струйный.
Простучал по крышам
Staccato
И затих
Незаметно как-то.
И от солнца
Листвой просохнув,
В небо шляпу взметнул
Подсолнух.
Залоснились ботвою
Грядки.
Значит, лето
И все в порядке.

НЕ ПОВТОРИТСЯ

Как будто специально на заказ,
Взметнулся вечер полотном в полнеба —
Таким красивым был вчера закат,
Каким он прежде, кажется, и не был.
И полотно, и краски, вроде, те,
Что каждый вечер пишется и зрится,
Но что-то было в этой высоте
Такое, что уже не повторится.

ЧУТЬ-ЧУТЬ

Среди всего земного и благого,
Среди вещей обычных и причуд,
Всегда чего-то хочется такого,
Какого не хватает нам чуть-чуть.
Пусть маленькую толику всего лишь,
Пусть на одну понюшку табаку,
Как воздуха глоток на вольной воле,
Как свиста шашки на лихом скаку.

* * *

Цветок в горшке на подоконнике
Опять расцвел.
А за окном рябины тоненькой
Маячил ствол.
А над рябиной плыло облако
Куда-то вдалъ.
И грезилась любимым обликом
Цветка спираль.

ПРИЧАСТЕН

Замечаю все чаще и чаще,
И не знаю, чья в этом вина.
В этом мире — немом и кричащем —
Не хватает участия нам.
Как причастья, простого участья,
В наших бедах, делах — визави,
Из которых слагается счастье —
Наивысшая степень любви.
Мы, порою, словами играя,
Отстраняем себя от проблем,
Утверждая: «моя хата с краю»,
Хотя с краю она не совсем.
Где-то весь, ну а где-то отчасти —
В этом мире всего не объять,
Я причастен, причастен, причастен,
И еще, и уже, и опять.

ИЗБА И СЛОВО

Как слово емкое из букв —
Шрифт чист и ровен —
Срубил мужик свою избу
Из крепких бревен.
Венец к венцу блестят ряды
Янтарным слогом,
Как бы приветствуя труды
Мастерового.
Печная задымит труба

Зимою злюю
И обогреет всех изба
Теплом, как словом.

ДУМЫ-ПУЛИ

Опять зацепила хандра,
Как пуля — навылет,
Внезапно,
Но это на миг и вчера.
А что ожидать на завтра?
Какая беда и печаль,
Зарядами огневыми,
Не целясь, в меня
С плеча
Не насмерть, а так —
Навылет.
Средь дум,
как средь пуль в бою,
Упасть я могу внезапно.
Пока же еще стою.
А что ожидать на завтра?

ДЫШУ ВЗАХЛЕБ

Жизнь пронеслась — успел лишь охнуть,
Да что-то спеть...
И слепнуть стал уже, и глухнуть,
Умом слабеть.
Брожу вслепую в переулках
Вчерашних дней,
Где ветер времени аукал
Когда-то мне.
И я ему чего-то окал —
Дул пуще чтоб.
Не закрываю на ночь окон —
Дышу взахлеб.
Как коротки земные сроки,
Чтоб все успеть.
И пусть еще рождаются сроки,
Чтоб что-то спеть.

ДАРМОВОЕ СЧАСТЬЕ

Говорят, и часто,
И слова смешны,
Что бывает счастья
Полные штаны.
Исходя из правил,
Все и всех любя,
Я на миг представил
В тех штанах себя.

Талия в обтяжку,
Стрелки, как стекло,
Радостно по ляжкам
Счастье потекло.
Даром, как не странно
И не мудрено,
Изо всех карманов
Сыпется оно.
Сколько его будет,
Сколько быть должно?..
И дарю я людям
Счастье из штанов.
Время лиховое —
Шире ставь карман,
Счастье дармовое,
Значит, задарма.
Верь. И все, отчасти,
Верить мы должны,
Что бывает счастья
Полные штаны.

ЖИЗНЬ ГАЛОПОМ

Эх, сейчас бы
по коням
и в галоп!
Режут вожжи
ладони,
ветер в лоб.
Мимо долы
и судьбы, мир внахлест.
В этом жизни всей
суть бы —
в миге верст,
что промчатся
и канут
в небытие...
Вот и жизнь
проскакал я —
ё, мое!

ВСЕ СО СМЫСЛОМ

В нашей жизни все со смыслом:
Цвет и запах, смех и грусть.
Если баба с коромыслом,
Значит, это точно Русь.
Не сменить, не перепутать
То, что в нас из века в век.
Даже если на распутье —
Это русский человек
И на море, и на суше,

Где и ветер вечно пьян,
Неприкаянные души
Необузданных славян.
Нас везде — пройдись по кругу,
Утверждать за то берусь:
Если мат на всю округу —
Значит, это точно Русь.
Чтоб не прожечь годов лихих,
Чтоб не прожечь их,
Любил я женщин и стихи,
Стихи и женщин.
Они спасали ото зла,
Греховной плоти:
Любовь и Слова — два крыла
В одном полете.
И отражалось, как в огне,
Что к сердцу жалось,
И Слово плавилось во мне,
В любви рождалось.
Два состояния души —
Любовь и Слово.
Пиши — люби,
Люби — пиши.
Все вновь, все снова.

СЛОВА

Олег Пантиюхин
(г. Щекино Тульской обл.)

ПОЛЕТ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗВУКИ ДУШИ

В далекой лесной тиши
Мне слышатся звуки души.
Звучат, как мелодии лет,
Оставивших в памяти след,
Печалей былых и сомнений,
Надежд, запоздалых прозрений,
И веры родник святой
С прозрачной живой водой.

ТОНКИЕ СНЫ

На границе зимы и весны
К нам приходят тонкие сны.
Словно льдинки прозрачной грани,
Таят лишь в предрассветной рани.
Уловить так непросто смыслы,
Зашифрованы они высью.
Только утром, как озаренье,
Вместе с явью придет прозренье.

©2020

Владимир Лебедев
(г. Нижний Новгород)

Владимир Лебедев — поэт, прозаик. Лауреат премии «Золотой теленок» клуба «12 стульев» «Литературной газеты». Победитель и призер конкурсов радиостанции «Юность» Всесоюзного радио. Опубликованы 8 книг.

КРУГИ В МОРЕ

В безбрежном море незадач
Нет утешенья.
Вдали от берега удач
Терплю крушенье.
И небо надо мной, как боль,
Звезд тусклых прорва.
Воды холодной злая соль
Дерет мне горло.
В туманной дали горизонт
Не зrim, как прежде,
И не берет меня на борт
Корабль надежды.
Опять мне жизнь дает урок,
И шутки плохи.
Какой же подлый этот рок,
Пострел эпохи.
Отчаянно держусь за борт
Рукою цепкой.
Но по волнам — увы — плывут
Одни лишь щепки.

ВЕСНА НА ПРОГУЛКЕ

Дарит солнце радость озаренья,
Нежным светом новый день творя.
Будто снизошло с небес прозренье,
Оживает стылая земля.

Злые выюги в отпуск отпросились,
Ставни окон смотрят в мир добрей,

Травка краской свежею покрылась
И уходит сырость из полей.

После спячки встрепенулись всходы,
Съежился в овраге талый снег,
И река к своим вернулась водам,
Чтоб привычный исполнять сонет.

Вязу на плечо синичка села,
Зачирикав громче и светлей.
Парень, девушку обняв несмело,
Дотронулся до ее кудрей.

Просветлели лица у прохожих —
Жизнь природы не направить вспять —
И деревья, на детей похожи,
Вышли в белых гольфах погулять.

СЮЖЕТЫ

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

С НЕБЕС ЗВЕЗДА ЛЕТИТ

Nаш постоянный автор.

* * *

О, мечта! Далеко ты за краем,
Где рассветных трудов благодать...
Я твою высоту принимаю
И безмерную звездную гладь.

На земле я ищу к ним дорогу,
Хоть навстречу порою беда.
Но с небес мне приходит подмога,
И минует земная вражда.

...Вновь в раздумьях бессонные ночи,
И распахнуты в небо врата,
У души открываются очи...
И уже достижима мечта...

* * *

Не спится... В сердце непокой,
Под звезд волшебной сенью —
Звучать хотя б одной строкой
Души стихотвореньям.

Межзвездная ночная речь
Хранит его горенье,
Дневную ношу сбросив с плеч,
В даруемых мгновеньях...

Уж с неба утра брезжит свет,
Деревьев тень все резче,
А на бумаге — ручки след...
Мне непокой завещан.

* * *

Зрелость лет... На сердце — тризна...
Было терпко, стало горько...

Я, как в омут, вновь по жизни,
По растерзанной Отчизне,
Не боясь иду... нисколько.

А судьба опять капризна...
Вся порезана на дольки...
Жизнь моя, как будто в призме,
Перекрестье судеб стольких!
Я держусь за небо только.

* * *

Давно я зимою не ездил в вагоне,
Не видел сибирской — в снегах — красоты:
Встающего солнца в сияющем звоне,
И заячьи, в варежках серых, следы.

А сосны в порошке, как белые храмы,
К ним поле с дорогою в снежной пыли,
Сугробы у окон по самые рамы...
И сердце — как будто снежинка вдали...

* * *

Вот и настало — время томленья
Зрелой любви, чудо-тайство встреч...
Нам в этот вечер с прошлым скрещенья
Нужно земную любовь уберечь.

Чтоб сохранилось звезд притяженье,
Годы в зарничном огне утопив,
Нам бы сберечь любви вдохновенье,
Сердцем услышав небесный мотив...

* * *

*Не плоть, а дух
растлился в наши дни*

Ф. Тютчев

Наш век похож на рынок,
Где торг бурлит обманом,
Толкучий поединок
Добра и злобы рьяной.
И правда в нем немеет,
Ворье в карманах шарит,
И души каменеют
В стяжательства угара.
...Кружи't, с обманом вместе,
Дух зла во лжи тумане,
И мало тех, кто честен —
Владеющих деньгами...

* * *

Осенним приданым,
Последней красою,
Лист желто-багряный
Кружит надо мною...

* * *

Снег беспалым летит
декабрем,
Волшебством оглушая...
В снежной сказке земли окоем,
Белой пылью играя,
Снов следы заметает...

С неба луч — на поля —
золотой
Вдруг приходит салютом,
Скинув сонные путы,
Покоряя версту за верстой...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ПАСХАЛЬНЫЕ СТИХИ

Наш постоянный автор.

1

Ксении Корчагиной

День Вам добрый, москвичка Ксения!
В стольном граде, поди, капель,
Растрезвонились дни весенние?
...А в Сибири — опять метель.
Вновь завьюжило над сугробами —
А сугroбы у нас до крыши...
С Иннокентием* нынче оба мы
От забот отдохнем, глядишь.
...Перед Пасхой отбелит вьюгами
В наших душах и ржавь, и гнусь.
Все невзгоды осилим с другом мы —
Ради веры в Святую Русь.

2

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь.
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербы-одуванчики
Расцвели везде...
Золотится солнышко
В платьях щеголих.
Звонкий жаворонушка
Песней славит их...
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чистá,
До чего же здешние
Хороши места!

* Иннокентий — друг и собрат по творчеству.

...Красотой особенной
Дышит все окрест.
Над Пасхальной Родиной
Льется благовест.

3

*Светлой памяти православного русского
писателя Глеба Иосифовича Пакурова*

Молясь светозарным иконам,
Воскресшего славя Христа,
С пасхальным малиновым звоном
Слийсь православных уста.
...Бессмертную жизнь воспевая
В соборах святыми людьми,
Ликуй, моя Русь горевая! —
Обретшего в муках прими!

4

*Замечательному русскому поэту,
Юрию Сергеевичу Павлову*

В мире ханжески суровом,
Где цена стоит всему, —
Окормляясь Божьим Словом*, —
Мы посып даем уму.
...И хотя грозит нам строго
Лютой карой Сатана, —
Нас к Христу ведет дорогой
Православная страна...
И чтоб свет духовной жизни
В наших душах не погас, —
Бог с рожденья и до тризны
Окормляет Словом нас.

5

Ткаченко Александру Дмитриевичу

Спасенье души —
самородное русское слово,
Несущее силу святой
родниковой воды.
...Когда твое сердце
от горя взорваться готово,
То словом тебя ободрят
и спасут от беды...
И хмурь на лице

---

* Словом — вначале Слово было Бог.

озарится улыбкой приветной.
И край, где родился,
вдруг станет до боли родным...
И отчий наказ —
живь в согласии с верой заветной —
Тебе он не даст
поклоняться законам иным.
...Но если душа
растеряет с годами святое, —
Ты к Божьему слову,
к святыням его обратись, —
И снова, как в детстве,
вернется понятье простое,
И душу очистит,
и смыслом наполнится жизнь.

СЛОВА

Юрий Токарь
(Украина, Житомирская обл.)

Наш постоянный автор.

ДОНБАССКИМ ДЕТЯМ

По светлым надеждам, как будто по грязи,
В обстрелянных снах пробежали напасти,
Прошли БМП, БТРы за ними,
Не думали дети, что детство отнимут.

Теперь еще маски на линии фронта,
И это все вместо улыбок и спорта,
Пятнистые формы, шевроны, погоны,
Неужто в столицах живут по-другому?

Конечно, там тоже, наверное, маски,
Но можно у дома пройти без опаски,
И даже фонтаны бьют в небо, возможно,
Не надо смотреть на него осторожно.

О, вроде планета совсем небольшая,
Но кто-то на ней проживает у края,
У края, который разделит незримо,
Где вместо беседы — одна пантомима.

Когда же безумие кончится это,
С мечтаний начнутся детишек рассветы?
Нельзя доказать ничего сапогами!
И только Господь бесконечен над нами.

ДНЕПРОПЕТРОВСКУ

Эти камни, наверное, помнят не много,
И меня они вряд ли узнают сейчас,
А дорога, что вырубрил я от порога,
Словно судна разбитого ржавый каркас.

И машины по улицам ездят другие,
Здесь пустынностью глянца залили добро,
Стали модными здания вовсе иные,
Появились давно казино и метро.

Эхо детства не бродит уже меж домами,
Ведь ему неуютно в рекламных огнях,
И всего, что случилось с подросшими нами,
Этот город, конечно, не сможет понять.

Все равно я пройдусь до кофейни неброской,
Закажу еще, может, себе коньяка,
И почувствую, будто попал я на остров,
На котором без детства остаться нельзя.

* * *

И prodrogшие стуки вагонов,
И холодную вязь декабря,
И привычную серость перронов,
Постигаю, по жизни идя.
Только эти акценты пустышны,
Фон совсем не важнее, чем суть,
Если в сердце мелодию слышно,
Улыбнется, возможно, и путь.
Пусть натужно сверкают витрины,
Манят мраморной сказкой дворцы —
Это мимо души, это мимо,
Как и то, что скрывают ларцы.
Если в них много золата искрится,
Не собьет оно, верю, с пути.
Пестрой лентой дорога пусть вьется,
Но по ней очень надо идти.

Иван Нечипорук
(г. Горловка, Донбасс)

Коренной горловчанин. В довоенном прошлом шахтер. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России, членкор Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Редактор донецкого журнала «Пять стихий». Автор нескольких поэтических книг.

* * *

А сверху город, словно сказка,—
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь еще предельно ласков,
Но путь его уже терноб.

Без птичьей суэты — жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,
Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

ЕСЛИ Б НЕ ТЫ

Андреевской церкви на солнце горят купола,
Но мне неуютны барочные хмурые своды.
Пройдемся по спуску! Где дышится в полдень свободно,
Где города змиева осень легка и светла.

Пусть машут каштаны своей обреченной листвой,
Пусть камни брускатки на солнце агатом искрятся!
Андреевский спуск. Дом Булгакова — номер тринадцать,
И старая липа, парящая над мостовой...

Я город когда-то любил наблюдать с высоты,
Пока в моей жизни судьба не проела прореху...
И если б не ты, я сюда ни за что б не приехал!
И множество прочих условностей: «если б не ты!»

* * *

Месяц опускает луч
на дома спитрахилью,
Ночь сегодня принимает
исповедь от сентября.
Осень, словно мотылек,
расправляет чудо-крылья,
И над нею звезды робко
и заплаканно горят.

Неужели ты поверишь
в то, что лето канет в Лету?
Сохранить тепло — не просто,
Но кому-то по плечу...
И летит сквозь время наша
неуемная планета.
Ночь прочтет канон последний
и зажжет зари свечу.

* * *

Мир пляшет на костях, тут верь не верь —
Всесилен злобы человечьей зверь.
Мой день опять застыл на острой грани.
Война не спишет разочарований
И не смягчит, увы, досаду от потерь.

Душа моя прошла и Крым, и Рим,
Я сеял слово — пожинаю дым,
Мне не хватает ни чернил, ни красок...
Но вера тлеет, дожидаясь часа
Пустить надежду по артериям моим.

БУДЕМ ДРУГ ДРУГА ЛЮБИТЬ

*Будем друг друга любить,
Завтра нас расстреляют.*

Илья Корнильцев

Действительность наша горька
Под знаменем скудного века,
Где быт, как безногий калека,
Обрушившийся истукан,
Где время — обуза, не лекарь.

Тончает сознания нить,
Судьба, как поземка вихляет
Под песни собачьего лая...
Но нужно друг друга любить,
Пока нас всех не...

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ВЫСТРЕЛ

Ивану Волосюку

Немало боли на веку,
События и дни текут,
И вдруг в промасленном регистре
Увидишь тусклую строку,
И мысли тут же увлекут
В весну, похожую на выстрел.

Она почти что далека,
Но образ в памяти мелькал
И бился в бешеном азарте...
Весна была жестка, жарка,
И 100 пакетов молока
Мы отмечали в смутном марте.

Протесты шли сплошной волной,
Мы растерялись той весной
И в сердце усмиряли жалость.
А воздух был уже больной
И все закончилось войной...
Верней, все только начиналось.

Екатерина Мотыженкова
(г. Оренбург)

Родилась в городе Оренбурге. Член литературного объединения имени С. Т. Аксакова. Лауреат и победитель международных и всероссийских литературных конкурсов. Издана книга «Звонкие звезды» (2019).

РУСЬ

Полню, Русь, подремала далече.
Не забыла родимую речь,
Богатырские русские плечи,
Богатырский воинственный меч,

Божий храм с колокольными звонами,
И узорных наличников вязь,
И березы с кудрявыми кленами,
И с далекими предками связь.

Возрождайся родными просторами.
Вспомни герб, что дарован судьбой.
Окрыляйся Руси косогорами,
Светлой верой, молитвой святой.

И врагов поражая мечами,
Вновь сражай наповал подлецов.
Умываясь во храме слезами,
Бей поклоны Христу за отцов.

КАЗАК

Казак лихой кнутом поправил
Густые кудри, и запел,
И на скаку коня ударил,
И в степь родную полетел.

Несется песня на просторе.
В ней плач любви, разлуки стон.
Змею-тоску, печаль и горе
Из сердца вырвал верой он.

Сверкнул орлиными глазами
И вздрогнули пред ним враги.
Тряхнул могучими плечами.
Рассек враждебные полки.

Свобода без конца, без края.
И машет саблею сильней,
Златистой шашкой ударяя
Бока серебряных коней.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Златится Болдинская осень,
Крупицы радости даря.
На лучезарных листьях просинь
Сияет солнцем сентября.

Березы словно свечи теплят.
Русь слогом Пушкинским звенит.
Сквозь годы и века немедля
Великий гений к нам спешит.

Испив нектар осенних сказок,
Неугасимый символ строк,
Поэтов вдохновляют сказы.
Струится гения урок.

Ему внимает Русь златая,
Звеня в ликующем ветру.
Поет земля моя родная,
И я поэзией горю.

Николай Жуков
(г. Тула)

ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Председатель Тульского отделения Союза писателей России. Лауреат областной литературной премии им. Л. Н. Толстого. Награжден медалью Организационного комитета по проведению в РФ Года литературы «За особый вклад в книжное дело», 2015. Автор стихов, посвященных государственным и политическим деятелям, классикам и современным деятелям культуры, спорта и искусства.

В эпоху расцвета и силы,
На добной волне меценатства
Купцы Третьяковы России
Свое даровали богатство.

Подвижники духа народа,
Его сокровенного чувства,
Создали в трудах и заботах
Хранилище мира искусства.

Обитель нашли в Галерее,
Где Врубеля Демон сидящий,
Художник в привычной манере
И скульптор, резцом говорящий.

Культуры избранницей стала,
Как было ниспослано свыше,
Чтоб красками нам заполняла
В душе опустевшие ниши.

Здесь Троица кисти Рублева,
Как Русь, необъятно велика,
Владимирская здесь икона
Божественна благостью лика.

В шедеврах и славе нетленной
Художники с нами ждут встречи:
Брюллов, Айвазовский, Поленов
И с Черным квадратом Малевич.

Здесь милая сердцу Россия
В симфонии красок и света —

Иванова есть здесь Мессия
И есть галерея портретов.

В картинах избранников судеб
Свободы виднеются грезы,
И томно ждет нежных прелюдий
Левицкого женщина с розой.

Кровь в жилах воистину стынет
И сердце в груди замирает,
Как Грозный страдает о сыне,
Боярыня к вере взывает.

Не мчится здесь Тройка Перова,
А тянет повозку устало,
И Странника ждет где-то снова
Последний кабак у заставы.

Здесь Двойка опять у невежды
И взгляд Неизвестной давлеет,
Но Радуга дарит надежды,
И словно Грачи прилетели.

Дано Третьяковке судьбою
Легендою стать поколений,
И мир преисполнен любовью
При виде бессмертных творений.

СКАЗКА

Сергей Сметанин
(г. Санкт-Петербург)

ОСМЫСЛИТЬ СУДЬБУ РОССИИ...

Сметанин Сергей Егорович, родился в 1952 г. в Стерлитамакском зерносовхозе (ныне с. Октябрьское) Стерлитамакского р-на Башкирской АССР. Окончил музыкальную школу в г. Омске и факультет иностранных языков Башкирского государственного университета в г. Уфе. Тридцать лет прожил в г. Сургуте Тюменской области. Руководил литературным объединением «Северный огонек». Произведения печатались во многих альманахах и журналах. Автор девяти сборников стихов и одиннадцати книг.

У ПОРТРЕТА ЛЕОНИДА АДРИАНОВА

*Леонид Адрианов умер 2.10.2011
от сердечного приступа*

Вот он — поэт, такой же, как и я:
Прищур глазищ тяжел, как у ружья.
Такая же, как у меня, фуражка,
Такая же, как у меня, рубашка.
Судьба почти такая, как моя.

Есть у меня родные и друзья,
Товарищи, которым дорог я.
Все, как и я, немножечко рифмуют,
И к Музе понемножечку ревнут —
Одна с кастьской влагой сулея*

Да, мы пристрастны, что ни говори,
К ручья журчанью, сполохам зари,
Любви восторгу, торжеству открытий,
Но как же мир в итоге беззащитен!
Как хрупко то, что держит изнутри!

---

* Сулея — сосуд, бутыль.

ДАР ВЕТЕР ЖИВ!

Леониду Адрианову

Адрианов, Адрианов,
Адрианов Леонид!
У космических барханов
Имя гордое летит.

Жил ты в обществе нелепом,
Друг мой милый, дорогой,
Подчинялся грозным скрепам
Горней силы мировой.

Сколько было растаковских
Тут ловцов на идеал.
Всяких, тульских и московских
Ты за пояс затыкал.

Сколько было непоэтов!
Вон, пошли они в журбе
За «Вселенную сонетов»
Ставить «памятник» тебе...

Это их, как при Непрядве
Поднимался визг и вой.
Ты крушил их в «Тульской правде»,
Жучил в «Туле трудовой».

Не давал ты спуску дряни,
И не ставил на зеро,
Ненавидели мещане
Слишком вольное перо.

Мир, как прежде, прост и тварен,
Знай, играет на губе,
И как прежде благодарен
Ты за все своей судьбе.

Ты — Дар Ветер, плачет Нетти*
По космической любви.
Очарованные дети
Взяли дудочки свои,
И потопали, неловки,
К пролетариям всех стран:
От родимой Егнышевки
За Индийский океан.

Не успел подбить итоги,
Ан — взлетает твой «Восток».

---

* Дар Ветер, Нетти — имена из научно-фантастических произведений Леонида Адрианова.

Здесь писал ты «Монологи»*,
Здесь окончил монолог.

Больше мы с тебя не спросим
Дела зимнего уже.
Только осень, только осень
Навсегда в твоей душе.

Пусть, какой ты был, Дар Ветер,
Знают только соловьи,
Не закончились на свете
Рифмы звонкие твои!

От космических барханов
Имя снова прилетит:
Адрианов, Адрианов,
Адрианов Леонид!

Сайт, посвященный памяти поэта Леонида Адрианова здесь:
<http://www.leonidadrianov.narod.ru/>

---

* «Вселенная сонетов», «Егнышевская осень», «Монологи» — книги стихов Леонида Адрианова.

Валерий Мухин
(г. Псков)

Валерий Михайлович Мухин родился в 1942 году в селе Кесьма Тверской области. Окончил псковский индустриальный техникум, музучилище и псковское отделение СЗПИ. Преподавал в филиале СЗПИ, работал ведущим конструктором в институте ВНИИ электросварочного оборудования. Стихи публиковались в журналах «Наши современники», «Север», «Встречи», «Московский Парнас», «Земное время», альманахе «День поэзии» и др. Вышло 16 стихотворных сборников и одна книга прозы «Русская песня». Художник, — открыто более 25 выставок картин по Пскову и области. Лауреат Областной премии по литературе. Награжден медалями Шукшина, Святой Ольги и за заслуги перед Псковом.

ЖЕМЧУЖИНА СЕВЕРА

Как мир, нерушимо и гордо,
Как правду, как русскую речь,
Нам надо любимый свой город
Как честь и как совесть беречь.

Хранить, как историю, свято
Жемчужину севера — Псков.
Беречь, как родимого брата,
Как память седую веков.

Он создан простыми руками,
Он душами предков согрет,
Его говорящие камни
Тепло излучают и свет.

Над городом образ Господень
Надежен и светел, и свят,
Мы шумной толпою проходим
Средь храмовых белых палат.

Проходим, и каждого бремя
Сотрет нас с земного лица...
А он остается, как время,
Которому нету конца.

ДУША ПОЭТА

Над Соротью Михайловские рощи
Облюбовали живописный холм,
Где до сих пор стоит, простого проще,
Опального поэта скромный дом,

Где произнес его печальный житель,
Вдали от воли суетной большой:
— «Поэзия, как ангел-утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой...»

С тех пор, подобно голосу свирели,
Слова живут во всех концах земли.
Кому-то, может, сердце отогрели
И, может быть, кого-нибудь спасли...

Пусть мир устроен «грозно и прекрасно»,
Но, сохраняя душу в чистоте,
Наверно, жизнь ты прожил не напрасно,
Когда она — служенье Красоте!

Надежда Давыдова
(г. Тула)

Надежда Давыдова родилась в г. Донском Тульской области. Окончила Тульское железнодорожное училище. Стихи пишет с юности. Автор текстов более тридцати песен. Произведения публиковались в литературных альманахах «Из варяг в греки» (Великие Луки) и «Образ» (Москва). В 2021 г. вышел дебютный сборник «Мелодия слов».

ВИНИЛОВЫЙ ВЕЧЕР

Лазурь и лаванда, индиго —
Творенье безумного мага.
Под музыку Эдварда Грига
Грустит белоснежно бумага.

Ей грезятся пенные волны,
Стремительных скерцо проказы,
Полет ослепительных молний
И старый пират одноглазый.

Ей снятся долины и фьорды,
Бескрайнего неба свобода.
И душу тревожат аккорды
Суровой норвежской природы.

И кажется, будто прохлада
Коснулась небрежно листочка,
Как будто лоза винограда
Выводит старательно строчки.

Но тянется вечер лениво
Тягучего, жаркого лета,
Под шепот уютный винила
Стекая глотком Amaretto.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

За окнами уже темно.
На кухне свет, а в чашке чай.
Сижу, пишу тебе письмо:
Писать ведь легче по ночам.

О чем мечтаю, чем живу
И как прошел сегодня день.
Что снилось мне. Что наяву
В саду моем цветет сирень.

А впрочем, я, конечно, вру.
Панельный дом, шестой этаж.
Пытаясь прочь прогнать хандру,
Себе придумала пейзаж.

А сада нет. Стекло, бетон,
Асфальт и множество машин.
Сверкает радужно неон,
Луна — как спелый апельсин.

Усталый город крепко спит.
А чай давно уже остыл.
И сил моих иссяк лимит.
Закончу завтра. Все. Прости...

БЛЮЗ УСТАЛОЙ души

Там, где вчера жила душа,
Где были райские сады,
Сегодня змеями кишат
Поля засохшей лебеды.

Там раньше пели соловьи
И круглый год была весна,
Но птички трели о любви
Сменили мрак и тишина.

Я обрастаю чешуей,
Седой и твердой, как гранит.
Кружится ворон надо мной,
Смеется хрюплю и кричит.

И так летит за годом год,
А жизнь проходит стороной.
И надпись «Выход» вместо «Вход»
Уже горит над головой.

ПРИЗРАЧНЫЙ ПОЭТ

Последнее пристанище Поэта.
Напротив спит заснеженный собор.
Проходят годы, кружится планета,
И звезды на нее глядят в упор.

Ничто покоя спящих не тревожит.
Глядит на площадь призрачный Поэт.
И только припозднившийся прохожий
Замрет на миг, увидев силуэт.

Здесь все в снегу и все покоем дышит.
Трагедия — дела минувших дней.
Но зимней ночью вдруг опять напишет
Прощальные стихи свои Сергей.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Вокзал, чемоданы, гудок паровоза,
Тревожные лица, потерянный взгляд,
Открытые окна. Звучит *Lactrimosa*,
А значит, никто не вернется назад.

Вокзал, чемоданы, узлы, суматоха,
Бегущие с родины толпы людей,
Кто верил в мечту до последнего вздоха,
Кто верил, что жизнь на чужбине светлей.

Вокзал, чемоданы... Осталось немного...
Там новая жизнь... Там чужая земля.
Отринуты родиной. Прокляты богом.
И новая жизнь как тугая петля.

Последний аккорд перед бурей эмоций:
Актеры с улыбкой выходят на бис.
Но в каждой душе он тоской отзовется —
Ведь каждый на сцене всего лишь статист.

Людмила Вечеркина
(г. Москва)

БЕЛАЯ СИНИЦА

Людмила Вечеркина родилась и живет в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Была главным редактором культурологического журнала «Марка». Стихи печатались в «Литературной газете», журналах и альманахах: «Юность», «Кольцо А», «Мир женщины», «Ключ», «Образ» и др. Автор шести поэтических книг и трех музыкальных альбомов. Лауреат международных и российских конкурсов, член Союза писателей Москвы.

БЕЛАЯ СИНИЦА

Зима вязала снежный плед,
звенели ледяные спицы.
И разливался чистый свет,
и пели белые синицы.

Глаза, уставшие от тьмы,
коснулись обновленной дали.
Забота матушки-зимы
оберегала от печали.

И так хотелось петь и жить,
морозную примерив снежность.
Надежд сияющая нить —
души открывшаяся нежность!

Мы восхищались каждый раз
холодным солнечным сиянем.
И белизна светилась в нас,
жизнь наполняя обаянием.

Какой бы ни таился след,
снег снова выбелит страницу.
Зима-судьба довяжет плед
и в небо выпустит синицу...

* * *

Ушел поэт... Отпел и отлюбил...
Непонятый, непризнанный и бедный...

Устал бороться, выбился из сил...
Смерть по щекам мазнула краской бледной.

Чрезмерность боли заострила тень.
Разлом судьбы, как шрам, пролег по строчке.
И этот день, последний страшный день,
от зимней стужи съежился до точки...

Остались пожелтевшие листы,
исписанные нервною рукою.
Стихи — неразведенные мосты
над Летой, обмелевшою рекою...

Где нитью рифмы связаны слова,
в них голоса земные не смолкают.
И не растет забвения трава,
и жизнь, как кровь, из душ не вытекает.

Придуманный и очень странный свет
с добром и солнцем щедро перемешан.
О, Господи! К Тебе идет поэт,
что отстрадал и стал почти безгрешен...

ЗИМА

Придет зима на смену осени,
возьмет в помощницы метель.
И, стужей накрахмалив простыни,
предложит свежую постель.

В хрустальной чаше зелье снежное
без назиданья поднесет,
умело спрячет неизбежное
и утешение найдет.

И солнца каплями медовыми
полынь досады подсластит.
Посеребренными обновами
за все потери наградит.

На лед опасный ляжет вы gyroю,
нашепчет откровенья в ночь.
И станет верною подругою,
чтоб подбодрить и превозмочь.

Вдохнув надежду акварельную,
горячего коснется лба.
Споет как в детстве колыбельную,
как пели мама и Судьба...

МЕРТВОЕ МОРЕ

Как мутное зеркало — жидккий кристалл.
Бескрайняя гладь — без бушующих волн.
Застывшее море средь высохших скал
и вечной печали просоленный склон.

Возникший на месте библейского зла
глубинный разлом с маслянистой водой...
Содом и Гоморра сгорели дотла:
под морем — два города с жуткой судьбой.

Ни птица, ни рыба не селятся тут:
пустыни изжога да терпкий бурьян.
И в небе витает беды неуют,
греховной расплаты смертельный изъян.

Здесь выжить нельзя, нелегко утонуть,
как будто воде не предписан закон...
Но к гиблому месту был вымощен Путь,
и к Мертвому морю спешат на поклон.

Так самое низкое вскинулось вверх!
Так самое мертвое стало живым!
Так самое мрачное слышало смех
и горечь спасенья дарило больным.

Как только отступит постылая боль,
нам с замыслом Божиим раскроется связь:
и будет целебной содомская соль,
и станет бесценной гоморрская грязь...

* * *

Как хорошо, что я еще жива,
что солнца луч сочится сквозь ресницы.
Как бусы, рифмой нижутся слова,
и хочется смеяться и молиться.

Коснуться лбом остывшего стекла,
по облакам разгадывая знаки...
И осень так нарядна и светла
в смешенье золотистого и хаки.

Предчувствие намеков и теней
проникнет в суть подобно ультразвуку,
где скоротечность неизбытных дней
осуждена на вечную разлуку...

Дай, Боже, сил попутчикам моим,
и непокоя, и преодоленья!
И за труды пошли удачу им,
чтоб верили в Твое благоволенье!

Мы здесь пока, и время — не в расчет...
Октябрь ложится листвами под ноги
и, все маршруты зная наперед,
не отнимает радости дороги!

БАСНЯ О ЛЮБВИ

Кузнечик, юный и зеленый,
мечтой прекрасной окрыленный,
влюбился страстно и неловко
в красотку — божию коровку.

Пленила глянцевая спинка,
ворошек черный пелеринка,
незамутненный добрый взгляд
и стройных ножек — целый ряд.

Он ублажал ее стихами
и ароматными цветами.
Поил кристальною росою,
знакомил с тетушкой Осою.

Пел серенады на листочеке
и, наконец, дойдя до точки,
воскликнул: «Я тебя люблю!»
Она ж любила только... тлю.

* * *

Верни мне, Господи, любовь,
ведь без нее уже не выжить.
И песню из души не выжать,
не залатать просевший кров...
Верни мне, Господи, любовь!

Любви потеря — неспроста,
я ей неправедно служила:
и счастья золотую жилу
перемолола суета,
неумолима и пуста.

Любовь озвучивала век,
я эту истину постигла,
но жизни музыка затихла,
как будто провалилась в снег,
недальновиден человек...

И в небо я кричу: «Прости!
За своеволье и упрямство,
за чувств моих непостоянство
и нездачливость пути...
Дай снова радость обрести!»

Верни мне, Господи, любовь...

Владимир Королев
(г. Смоленск)

Наш постоянный автор.

МИХАИЛУ МОРОЗОВУ

Осень шагает неспешно,
Так расчищая простор,
Чтобы на мачтах скворечни
Зряче вели разговор.

Выстрел пастушечьей плети,
Щебет подросших скворчат —
Близкая память о лете.
...Смачно грибочки шкворчат!

* * *

Осень. Воздух — неоновый.
Осень. Щекотка мозгов.
Осень засеяна кленами.
Осень — грусть берегов...

* * *

Осень — странная птица:
То летит, то кружится,
То поет, то курлычет,
То хохочет, то хнычет...

Крылья — желтые с синим,
Глаз — шиповника бубка
...Улетает Россия
В зиму в выцветшей шубке.

* * *

Осень, вчера золотая,
Вдруг оказалось веревкой:
Время на локоть мотает
С жесткой занудной сноровкой,
И отмеряет все меньше
Страсти, зарплаты и строчек,

Дерзкого взгляда на женщин,
    Но,
Оставляя кусочек надежды
На — приходжение снега,
На — обретенье одежды,
Сметанной
    образом,
            рифмой
            и слогом,
Сшитою мной,
    Но —
Скроенной — Богом.

ВАЛЕРИЮ ГРАЩЕНКОВУ

Скорость страсти бросает в объятья
Удивительно сильных рук,
Разрывает на клочья платья,
Крошит кости. Немеешь, как труп.

Скорость звука твоими словами
Сердце — лошадь бросает в карьер,
Чтоб скакать, чтобы бить копытами,
Подбирая любимый размер.

Скорость света —
    всего лишь похожесть
На пронзительный взгляда луч.
В жизни ты — одинокий прохожий,
Капля, градинка — дочка туч.

Скорость таяния — скорость струйки,
Постигающей мир земли.
В ручеек не сморкайтесь, не плойте,
Есть вода — будут плыть корабли!

Скорость зрения — суперскорость,
Душу душит душман новостей,
Керосина плескает в хворост,
Чтоб расплавиться в пекле страстей!

НЕЗНАКОМКЕ

У осени — расстрельная статья:
Зима ее поставит к стенке,
    Но
Прежде, чем наложу лыжи я,
Лист клена мне
    ударит по коленке,
Напомнив радость
    августовских дней
И неба голубого днище.

...Я только раз
Взглянул за ушко ей,
А завиток узнаю —
Будь их тыщи!

* * *

Обелиски осень обнажает.
Наша память —
последний плацдарм.
Сердце осенью замирает,
Чтоб весной,
оттолкнувшись от ран
И рубцов на душе и на теле,
Трепыхнуло, как птица, крылом.
...Улетели года, улетели —
Не догнать нам тебя, окаем!

НИКОЛАЮ ЯКУБОВУ

Снег, желанен и ласков,
Падает вновь для меня,
Штрихи и коды пляской
Пишет грифелем дня.
Мой хрустящий морозец,
Мой летящий снежок,
Не грусти, небосводец —
Сердце — жизни движок —
Манит стуком надежды.
Дверь просторной зимы
Распахнем мы, как прежде,
Свяжем нити каймы
Стылого горизонта,
Зябнущих проводов,
Черного неба зонтик,
Дальний свет городов...

РОМАНС ЛЮБОВИ СЕРДЕЧНОЙ

Серьга полуночного рога
Зависла выше ноября —
Да так, что тусклая дорога
Застыла лентой серебра.
И стали лужи зеркалами,
И финкой желтою — рожок,
Но почему же в серой раме
Ночник ты так и не зажег?

Я так ждала свечи сигнала,
Но не увидела огня!
Ну, что же, что звезда упала,—

Не для меня! Не для меня!
Ты что, торшера испугался,
Боясь, что вспыхнет без любви?
В любви нет выверенных галсов,
Есть галс любви, есть галс любви!

Проложен он не по компасу,
Но в лодке двое нас, гребцов,—
Давай прислушаемся к гласу
Вот этой гребли, до рубцов:
Рубцов на сердце — и на небе,
На лбу — и в уголочках глаз...
Гадаю я на гуще, хлебе —
И знаю, знаю: не погас.

ПАМЯТИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Время шагает бойко и споро —
Шестьдесят снегов! Но я проник
В даль и в память, в мураву и порох,
Тому свету влез за воротник!

Страхи века да миры иные —
Как жилось, скажи, душа моя!
Но всегда во мне была Россия,
Страсть и совесть, истина моя!

На ее просторах судьбы вёщи,
Потому что так белы снега.
— Эй, писатель, собирая-ка вещи:
Рында бьет, отходят берега.

И теперь, когда в прощальной лодке
Подбиваю я годам итог,
Что останется в сухом остатке?
...Снег молчит...
Но знает,
    знает
        Бог!

СЛОВА

Александр Малыгин
(с. Павлово, Всеволожский р-н, Ленинградская область)

БРАТЬЯ. ПОСЛЕСЛОВИЕ К РЕВОЛЮЦИИ

*(анти-парафраз на стих А. Дмитрук
«Никогда мы не будем братьями»)*

Годы прожиты, связи порваны.
Удалось ли нам стать свободными?
Тот загнал коня, тот ушел ни с чем —
Пронеслись года не на пользу всем.
Были снайперы и стреляли в нас —
Сплошь наемные — попадали в глаз,
Чтоб не видели мы людей в себе,
Чтоб забыли мы торжество в судьбе.
Чтоб, озлобившись, став незрячими,
Проливали мы кровь горячую.
Чтоб восстал народ в слепой ярости,
Меж родных вздвиг пушек заросли...
Не гордитесь коктейлем Молотова —
Ведь сожгли им невинных головы.
Палачей орда в злобе квакала,
А Россия с Одессой плакала...
Но когда-то мы вместе строили,
Рука об руку дом свой создали.
Сцементировали земли скромные.
Став великими. Став огромными.
На венце зарубите истину —
Тот сильнее, кто не единственный,
Кто всегда остается с братьями,
Вместе с Родиной. Вместе с Матерью.

Фото ©

Сергей Забавин
(г. Зеленоград, Москва)

Первая публикация в «Приокских зорях».

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

«Если б молодость знала, если б старость могла».
Эту мудрую фразу мы с юности знаем.
А проникнуться истинным смыслом, «до дна»
Себя в прошлом мы не утруждаем.

Но накатят года, и пробьет седина,
Начинаем серьезно осмысливать фразу.
И пугающей бездной ее глубина
Открывается нам потихоньку, не сразу.

Средний возраст промчался в заботах, трудах.
Дом, работа, семья, суета — время сжато.
Мы торопимся жить, растворяясь в делах,
Расточая бездумно Богом данное золото.

Когда жизнь отсчитает потом пятьдесят,
Мы подводим итог основного пути.
Как прожил, что успел, и что звезды сулят.
Смысл жизни пытаемся всеу найти.

После тщетных попыток приходит момент,
Когда вдруг озарение нас посетит.
Смысл меняется с возрастом — вот он ответ!
Как же трудно умом до такого дойти.

Смысл жизни — не тот глобальный вопрос,
Что терзает нам душу к исходу пути.
Для чего ж ты родился, учился и рос?
Вот вопросов вопрос. Где ответ нам найти?

В шестьдесят, когда ищешь душевный приют,
Этот главный вопрос будоражит наш ум.
Жизнь сложилась вполне, и внучата растут,
Но натужен твой мозг от навязчивых дум.

Ведь пословица та все срывается с уст,
Отсылая к фрагментам беспечного детства,
Где бесцельно растрачивал Божий ресурс
Ты в незнании полном целей житейства.

Ведь не встретился в детстве такой человек,
Чтобы смог объяснить, для чего мы живем.
Чтобы кожей усвоить на годы, на век
Ценность каждой минуты. Тогда мы поймем,

Что со школьной скамьи надо время ценить,
Не транжирить его по пустякам.
Создавать свой трамплин, чтобы долго парить,
Прыгнув в жизнь высоко, навстречу мечтам.

И трамплин этот в будущем сможет помочь
Несмотря ни на что сбыться этим мечтам,
Беды, тяготы, трудности все превозмочь,
На крутых виражах смело «дать по газам».

И чем больше трамплин, тем выше полет,
Тем ясней с высоты открывается путь,
Предначертанный Богом, Он как пилот
Управляет судьбой твоей, милостив будь.

Верьте, в каждом из нас Божья искорка есть,
Прéдназначение связано с ней.
В жизни много дорог, всех их не перечесть,
Но всего лишь одна всех прочих верней.

Счастлив тот, кто найдет и пораньше поймет
Наделен чем и в чем его жизни призванье
И со школьной поры упорно пойдет
По единственной тропке познанья.

Понимание с детства, что жизнь — это дар,
И Господь это злато тебе подарил,
Даст юскую раздуть в тот ослепительный жар,
Осветить и согреть окружающий мир.

И тогда совершится счастливый момент:
Твоя жизнь обретет сакральный окрас,
Ты исполнишь божественный эксперимент
Дирижера Вселенной, настанет твой час.

Очень трудно Прéдназначенье найти.
На развилках дорог можно сбиться с пути.
Но когда шестьдесят, почти все позади,
Смысл, возможно, найдешь, жизнь свою прокрутив.

И пронзят те слова: «Если б молодость знала...»
Но трамплин твой не для таких выражений,

Чтоб в полете начать почти все сначала,
И дожить в соответствии с ролью своей.

И охватит досада, тоска и печаль.
Трудно будет признать, что растрачено время
Совсем не на то, и до слез будет жаль.
«Если б старость могла», но вздохнешь, она — бремя.

И развернется вдруг глубина этой мысли.
Приговором она прозвучит для тебя:
Нет, не будет второй итерации жизни...
Значит... все же попробуй начать все с нуля.

ДОКОЛЕ НАМ ТЕРПЕТЬ

Все в мире повторяется циклично.
Природа строго следует сему закону.
Нарушишь цикл — все будет по-другому,
Конец событий может быть трагичным.

Цикличность — это свойство всех процессов,
Происходящих на Земле и во Вселенной.
Она — основа этой жизни бренной,
Незыблемая суть всего прогресса.

Но есть такие циклы, от которых
Россия терпит бедствие и горе,
Теряет русской крови море,
Деревни, города, родимые просторы.

Такими циклами я называю войны,
Что против нас всегда вела Европа,
Распространяя смерть со скоростью галопа
В бесовских оргиях кровавой бойни.

Сперва король поляков размечтался
Россию захватить и править ею.
С тех пор поляки только блеют,
Их голос в еврошуме затерялся.

Карл шведский тоже как-то попытался
Петра разбить и расчленить Россию.
Полтавским молотом забили кол осины
В его амбиции. Ни с чем остался.

Затем французский дерзкий коротышка
Решил, что может нас легко осилить.
Французы до Парижа ноги уносили.
Бесславно завершилась та интрижка.

А Турция веками в злобе билась,
Пыталась с нами силой потягаться.

Мы показали ей, как надо драться,
Империя османов развалилась.

Венцом всех этих мерзких устремлений
Была война четырнадцатого года.
В ней страшно многое пало нашего народа.
Казалось, Русь спустилась на колени.

Казалось, пробил час, мир это видел,
И шакалье, кончину скорую предвидя,
Все разом рвали русского медведя,
Всю нашу русскость люто ненавида.

Германцев выделило из этой Евросворы.
Амбиции всех стран пред ними меркнут.
Без них история Европы «блекнет».
За ними — реки крови, трупов горы.

Ледовое побоище надолго
Пыл рыцарей тевтонский охладило.
Но дух враждебный вышел из могилы,
Вселясь в ефрейтора, австрийского подонка.

И дьявол тот создал машину смерти.
Она катком по миру прокатилась.
Подмяв Европу, к нам устремилась
Сплясать близ — крич на русской паперти.

Но бесов близ бесславно провалился,
Упервшись в нашу русскую твердыню.
Мы запечатали тевтонскую гордыню
Под крышку гроба. Бес удалился.

Борьба с фашизмом — это тяжкий крест,
Который на себе несла Россия.
Она сыграла с честью роль мессии,
Исполнив посланный ей божий перст.

Вражина на разгром был обречен.
Который раз мы доказали миру:
Кто в нашу грудь упрет свою рапишу,
Секирой русской будет рассечен.

Заказчиком всех маршей на восток
Всегда была британская когорта.
Поставив русских в ранг второго сорта,
Готовил фарш из нас английский кок...

Как цикл неумолим, как все знакомо:
Начало века вновь грозит войной,
И вновь смертельная угроза над страной,
Чреда событий впереди как аксиома.

Но враг теперь — американский монстр.
Он стал тараном сил бесовых.
Он, демон тьмы,— прислужник оных,
И список дел его кровавых пестр...

Забыв уроки прожитых веков,
Нас Запад вновь берет на пробу.
Теперь открыто, не скрывая злобу,
Готовит против нас боевиков.

И целью стал теперь весь русский мир.
В него нацелились все силы тьмы.
Нас ждет последнее сражение, и мы
Земле подарим долгожданный мир.

Я призываю вас всерьез понять:
Наш западный сосед не адекватен,
Его духовный мир развратен.
Его мечта — нас на кресте распять.

Из века в век враг всякий нас кошмарил.
И каждый раз был наголовубит,
И каждый раз — прощен, но иезуит
Своей мечты пока что не оставил.

❖❖❖

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Балтин
(г. Москва)

К 195-ЛЕТИЮ М. Е. САЛЫКОВА-ЩЕДРИНА

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

1

Феномен тирании есть комбинация железной жажды самоутверждения, безразличия к другим и малой компетентности во многом: в «Истории одного города» феномен, ежели его вообразить в качестве господина в партикулярном платье, схвачен за руку: мол, вот он каков...

Угрюм-Бурчеев, чья физиономия сочетает глупость и самодовольство, развернется противу всех: в том числе и природы, и тут уже не Аракчеев просматривается, а некто более значительный — в плане злоупотребления властью.

Все хороши: каков каталог развернувшейся летописи!

Перехват-Залихватский, Грустилов...

Опа!

Таких и не бывало — оно конечно, дано все сгущено, слишком сконцентрировано, но ведь из яви сии рожи, и вечные подданные, позволяющие воцариться таким, едва ли достойны уважения.

...крадется по земле оволосатевший, одичавший поместьщик: имение в запустении, да и кем был — уже не вспомнит...

А то — мужик громоздится на дерево, чтобы нарвать генералам сладких яблок, а себе взять одно — кислое.

Сколько пескарей премудрых вокруг!

Не пересчитать...

...а пролитый кисель глупости вылижет тощая коняга.

Много ли поменялось в человеческом общежитие?

Антураж — совсем иной, а нечто, живущее в нас, в наших сердцевинах остается прежним.

Не исправляет сатира, не меняет физиологию...

Иудушка, совмещая в себе Иуду и душку, будет лебезить, улыбаться, врать; вырастут панорамы помещичьей жизни, в густой плазме которых вспыхивают разные события, и сатира перерастет в метафизику, в глобальное исследование человека, как феномена...

И останутся пламенеющие письмена Щедрина: для всех поколений, всем потомкам.

2

Ядреные сказки, перерастая понятие сказки, становились притчами, и метафизика распускалась отчасти ядовитыми цветами.

А что?

Ведь типажи, данные Салтыковым, не переводятся вообще

(Ах, кабы литература могла врачевать общество...)

Дикий помещик — превратившийся в животное, обородатевший, на четвереньках скакет по дорожке парка, и вечный мужик, сняв с яблони для генералов несколько спелых плодов, себе взял одно яблоко — кислое. Эй, мужик, очнись, генералы ведь без тебя и нужду справить не сумеют!

Куда спрятался премурдый пескарь?

Выковырнуть его, заставить бороться!

Да нет, типаж зафиксирован на века, и веками продлится он, зачем-то обеспеченный генетически.

Хватило бы для бессмертия одних сказок — кратких, убийственных, великолепных, заряженных той энергией смеха, который...

Впрочем, общество, посмеявшись, продолжит жить своим монолитом.

И бытом.

Который, кстати, Салтыков-Щедрин — в реалистической своей ипостаси — передавал, как мало кто: менее избыточно, чем Толстой, но более богато, чем Чехов.

...и вот Порфирий Владимирович: Иуда и Душка: тот, кто снаружи, внешне, по нормам привычного телесного восприятия ласков и добр, а внутри — пылает Искриот...

Тартюф вечен, но Смердяков совсем «инакий», в нем больше метафизической амбивалентности, чем в Головлеве, который весь, в сущности, повязан чертовой «бытовизной».

Какая восстает со страниц романа заревом, где каждое волокно хочется пощупать, а всю галерею Головлевых многие видали в реальности.

...а не хотите административных восторгов?

Не случалось вам путаться в сумме коридоров, когда Иванов посыпает к Петрову, Петров к Двадцатову, и будет лабиринт, запутанный похитрее критского, длиться до тех пор, пока не осуществится денежное влияние?

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин верил, что литература есть соль русской жизни, и размышлял мучительно, что будет, если перестанет она быть соленою.

Как бы ошарашен он был, увидев современный социум, где литературный спор не имеет большего значения, чем склоки двух лавочников на захудалой окраине провинциальной дыры?

И то, что его наследие по-прежнему живет и играет красками, думается, не очень бы подсластило пилюлю...

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

ЗА ДЕНЬ ДО ВЕСНЫ

Заместитель главного редактора ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член редколлегий литературно-художественных альманахов «Ковчег» и «Приупские просторы», редактор-составитель краеведческого альманаха «Отчий край». Лауреат литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова, им. Л. Н. Толстого и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, писатель, публицист.

В 1921 году в Богородицком уезде Тульской губернии вспыхнуло крестьянское восстание. Оно тут же перекинулось на другие соседние уезды. Его породила неумелая политика власти по проведению в стране продразверстки, когда продотрядовцы дочиста выгребали закрома в крестьянских дворах, уводили скотину, даже забирали последние крохи с их столов, обрекая крестьян и их детей на голодную и мучительную смерть. В свое время в Государственном архиве Тульской области я исследовал дело по обвинению участников того восстания, и мне хотелось бы поделиться этими своими изысканиями, чтобы еще раз напомнить, к чему может привести неумная политика находящихся у власти людей. Восстание, конечно, подавили, но бед и несчастий, несмотря на его непродолжительность, оно принесло немало. 5 октября 1920 года по окончании расследования этого дела следственной комиссией было вынесено заключение. С него бы мне и хотелось начать этот свой небольшой рассказ.

«Заключение по факту восстания крестьян в марте месяце 1920 года в Огаревской, Луговской, Исленьевской, Казанской, Плесинской, Никитской, Кузовской, Непрядвинской, Черняевской, Воловской, Любимовской и Верхнеупской волостей Богородицкого уезда; Дубровской, Алексеевской и Раевской волостей Чернского уезда и Нарышкинской, Ржавской и Сергиевской волостей Крапивенского уезда Тульской губернии.

Восстание началось в селе Исленьево Огаревской волости Богородицкого уезда (ныне территория Воловского района Тульской области. Г. М.) в 8 часов вечера 29 февраля собранием, от которого были высланы гонцы в другие селения волости с призывом к соединению. Часов в 11 вечера присутствовавшая на собрании толпа, разбившись на 2-е группы, двинулась в село Огарево: первая через д. Воропаевку, вторая через д. Соколье, захватывая с собой граждан попутныхселений. Первым шагом восставших ознаменование их дела было зверское убийство в ночь на 1-е марта в с. Огареве проработников коммунистов т.т. Панкова, Кузнецова и Санкина. Напрасными были их попытки избавиться от жестокой расправы: от разъяренной толпы, собравшейся в ту ночь почти изо всей волости и жаждавшей крови, нельзя было скрыться. Тотчас же были посланы гонцы в соседние волости и уезды с просьбами о помощи и присоединении. Выросшая за ночь до трех тысяч человек толпа утром 1-го марта направилась на станцию Волово и заняла ее, но почти тотчас же, впрочем,

нулась обратно в с. Огарево. К 12 часам дня прибыли представители соседних волостей и уездов, и в их присутствии под председательством одного из инициаторов и главарей восстания открылось собрание почти всех волостей, которые избрали боевой штаб, преимущественно белых офицеров, вручив ему всю полноту власти. В это же время началась раздача оружия. Деревни Соколье, Воропаевка, Заполье и Исленьево с одной стороны и д. Андриановка с другой, получили от председательствующего собрания приказ: немедленно выехать: 1. На ст. Волово с целью овладения имеющимся там оружием; 2. На ст. Огарево с целью приостановления железнодорожного движения путем разбора железнодорожной линии и порчи телефонно-телеграфных проводов. И 12-и тысячная толпа вполне организованно начала наступление на станцию Волово, заняла железнодорожное полотно, разобрав часть линии и порвав телефонно-телеграфные провода. В это время коммунисты соединились с железнодорожным батальоном и под прикрытием шести пулеметов контратакой выбили и рассеяли пулеметным огнем толпу. В скором времени показалась вторая, несколько запоздавшая толпа численностью до восьми тысяч человек из граждан Любимовской, Луговской, Солодиловской волостей Богородицкого уезда и Казанской — Крапивенского, которая точно так же была рассеяна пулеметным огнем, даже не успев подойти к станции. Тем временем посланные в другие волости гонцы призывали крестьян к соединению, и восстание вскоре охватило пожаром 18 волостей.

В Луговской волости Богородицкого уезда 1-го марта на мельнице в селе Лебяжье происходило тайное собрание с представителями от Огаревской волости, на котором был избран «Комитет спасения родины», в составе трех человек. Функции этого комитета сводились главным образом к посыпке депеш в другие деревни с призывами к соединению и просьбами о помощи. Гонцы из Луговской волости разъезжали по деревням, били в набат и выгоняли народ на собрания, на которых говорили, что все волости восстали против отбора скота и другого продовольствия, и вы должны идти на площадь. Как одну из активных волостей, быстро присоединившуюся к восстанию, можно указать на Нарышкинскую волость Крапивенского уезда, где был избран Контрревком, убиты проработники т.т. Авдеев, Николаев и Македонский. И трупы их, как и вообще во всех остальных волостях, истерзаны и обезображенны озверевшей толпой. Эта волость участвовала в наступлении на станции Теплое и Огарево, а также разъезжала по другим волостям, как например, Плесинской и Царевской».

Из Царевской волости восставшие направились дальше, в сторону села Ржаво...

...Несмотря на первый весенний день 1920 года, на дворе было морозно. Взошедшее солнце было каким-то необычным, красно-багряным, словно предвещало надвигающуюся беду. А в доме крестьян Кузнецовых в селе Ржаво было уютно и тепло от протопленной печи. Пришедший к Кузнецовым накануне вечером и заночевавший в их доме инструктор волостного комитета партии Дворовянский проснулся рано. Потянувшись до хруста костей, он поднялся с кровати и вышел из чулана в горницу, у печи хлопотала хозяйка дома Марфа Павловна. Умывшись, он взял висевшее у рукомойника полотенце и стал вытираять им лицо.

— И куда же в такую рань молодежь собралась? — спросил он у девятнадцатилетнего Петра, увидев, что тот надевает овчинный тулуp.

— Скотину кормить, — нехотя буркнул тот в ответ.

— Да, скотину кормить нужно, — кивнул головой инструктор. — А почему бы тебе, Петька, не прийти к нам на собрание? Посмотрел бы, какой живой и интересной жизнью живут твои ровесники! Послушал бы агитаторов, а там, глядишь, и сам попробовал бы свои силы в агитбригаде. Ну как, согласен? — спросил он.

Петъка промолчал. Приняв молчание за согласие, инструктор улыбнулся.

— Ну вот и прекрасно! Сегодня же приходи в клуб, будем тебя ждать.

В это время в избу буквально вбежал хозяин дома Михей Федорович.

— Товарищ инструктор — беда! — крикнул он с порога, едва отдошавшись.— Нынче ночью люди поднялися, бунты по всем деревням идут, вот и до нас добрались. Поговаривают, в Нарышкино продотрядовцев убили. Бежать тебе надобно.

— Откуда тебе это известно? — спросил у Михея инструктор.

— Дык вон они на краю деревни, сам их видал. Не наши и все с ружьями, по избам ходить, людей к восстанию созывают. Сказывают,— Михей понизил голос и, косясь на сына и жену, произнес: сказывают, что нету боле советской власти. Бежать тебе надобно,— вновь повторил Михей.

— Свят, свят, свят! — запричитала было Марфа, но Михей оборвал ее.

— Цыть, баба! Тута твоими молитвами не совладать! Тута по-иному надоть!

Дворовянский метнулся к окну, и, сдвинув шторку, стал всматриваться.

— Петька, ну-ка живо скидывай с себя овчину, а ты, Митрий, надевай ее; можа не узнают тебя, и вырвешься из села-то,— додумался Михей.

Спустя четверть часа, после того, как инструктор Дмитрий Дворовянский покинул дом Кузнецовых, к ним ворвались трое незнакомых людей с винтовками наперевес.

— Ну, дед, сказывай, где инструктора из волости прячешь?! — спросил один из них.

— Сказывай, говорят тебе, а не то пулю в лоб схлопочешь! — грозно глядя на Михея, потребовал другой.

Стоящий у окна Петька побелел, Марфа заголосила.

— Дык, ушел он,— ответил Михей, переводя взгляд с незнакомцев на жену и сына.— С вечеру заночевал у нас, а ныне поутру ушел в Спасское.

— Стало быть, советов у себя пригреваешь? — зло зашевелил усами третий не прошенный гость.

— Дык, как же не пустить на noctleg измученного путника, мил человек? Не по-христиански это,— ответил Михей...

Так, или примерно так начиналось крестьянское выступление в Ржавской волости Крапивенского уезда. Однако давайте вновь обратимся к некоторым документам дела, хранящегося в Государственном архиве Тульской области.

Из протокола допроса Кузнецова Петра Михеевича: «Затем эти трое вооруженных людей велели мне запрягать лошадь и везти их в Сорочинку. В Сорочинке они громко кричали, созывая народ на бунт. Там уже стояло несколько подвод, на которых мы повезли вооруженных ружьями людей на бунт в Спасское. Мне тоже дали винтовку. В Спасском было несколько инструкторов, которые увидев нас, бросились бежать. По ним был открыт огонь, но я не стрелял. Убили кого или нет, я не знаю. Воспользовавшись моментом, я бросил винтовку, оставил лошадь с санями и сбежал из Спасского дома».

Из протокола допроса заведующего Лазаревской почтой Фомина: «В ночь на 2 марта сторожиха Адамчук услышала стук в дверь. Она спросила: кто стучит? Снаружи послышалось сразу несколько голосов: отвори, нам нужен начальник почты. Сторожиха разбудила меня. Я подошел к двери и понял, что на улице находится большое количество людей. Я ответил, что время позднее, и я дверь не открою. Тогда они начали ломать дверь, бить стекла, после чего я открыл дверь. Вошли около тридцати человек и потребовали у меня револьвер и патроны к нему. Я ответил, что револьвер мне выдан по закону и на сей счет имеется мандат. Вошедшие наставили на меня штык и револьвер, после чего я был вынужден отдать им револьвер с патронами. Они перерыли все ящики письменного стола, и пошли на выход. Затем сели в повозки и поехали по направлению к Спасской волости. Заведующий Лазаревским отделением почты и телеграфа Фомин».

Вот такое крестьянское восстание, которое трудно назвать случайным, началось в Тульской губернии весной 1920 года. Тем временем в Туле предпринимались все

попытки по наведению порядка. На подавление восстания были брошены лучшие красноармейские части, под общим командованием Кауля.

Александр Иосифович Кауль в то время руководил губернской ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Из материалов дела: «Разговор по телефону. Разговор первый — 2 марта, 1 час дня. "Епифань, кто у аппарата? У аппарата Мариолин. Понял, здесь тов. Кауль. Я передал вам быть наготове. Прошу вас все сведения о выступлении и борьбе с ними немедленно сообщать губчека Каптельцеву. Тчк. Белев, кто у аппарата? У аппарата Мухин. Здесь тов. Кауль. Вызывать из Белева отряд в Теплое и Огарево не нужно, там все спокойно. А нам нужно начать действовать в Крапивенском уезде. Тчк. Передайте распоряжение немедленно о выдвижении указанного вами отряда с пулеметами. Тчк."»

Разговор второй,— час ночи. "Тула, у аппарата Каминский (Григорий Наумович Каминский — Председатель исполнительного комитета Тульского губернского Совета и некоторое время одновременно председатель губернского комитета партии. Г. М.). Немедленно проводите операцию по ликвидации восстания. Тчк. Сообщают: политбюро губкома просит озабочиться внимательной организацией самого штаба по ликвидации восстания, правильной подготовки организации связи с отрядами для регулярной подачи сводок. Тчк. Я — Кауль. Прибыл в Жданку (название железнодорожной станции в г. Богородицке. Г. М.) Информация в Богородицке убедила меня лично выехать в Волово, чтобы выяснить положение на месте о захвате восставшими склада с оружием. Из центра направляется большой отряд красноармейцев-интернационалистов, бронепоезд и бронеплатформа с пушкой. Тчк."»

Из материалов дела: «На станции Огарево собралась толпа до трех тысяч человек. Разбрала часть железнодорожной линии и обезоружила милицию. Вечером к станции подошел бронепоезд. Его встретили рассыпавшиеся в цепь около 16 тысяч повстанцев из граждан Огаревской, Плесинской и других волостей. Выслав двух парламентеров, они предложили бронепоезду сдаться, однако последний открыл пулеметный огонь, которым выступающие были рассеяны и разбежались в панике по домам».

Вот такие немалые силы были задействованы на подавление крестьянского восстания. Уже к 5 марта восстание было подавлено, но его тлеющие огоньки в различных уездах еще несколько дней продолжали будоражить власть. Полностью восстание прекратилось только в середине марта.

После окончания следствия перед судом предстали 702 человека, из них 98 судом были оправданы, а 604 человека были приговорены к различным срокам наказания.

И в завершении еще один небольшой штрих. Крестьянин села Ржаво Кузнецов Петр Михеевич за участие в крестьянском восстании был осужден к трем годам концентрационных лагерей. Свой срок отбыл, как говорится, от звонка до звонка и вернулся домой. Вскоре женился и зажил мирной жизнью.

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск, Мурманская область)

ПОЛЯРНОСТЬ, КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТВОРЧЕСКОГО ДИАПАЗОНА (очередной экскурс в поэтический мир Кольского края)

Вадимир Вадимович Трусов — поэт, автор-исполнитель, публицист, прозаик, критик, член Союза писателей России. Заведующий отделом критики и литературоведения литературно-художественного журнала «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Лауреат международных и всероссийских конкурсов авторской и патриотической песни. Автор семи книг стихов и прозы. Постоянный автор журналов «Приокские зори» и «Север».

Поэтическое творчество четырех моих коллег, о коих я поведу речь в данной статье, на первый, да и на второй взгляд, казалось бы, не имеет между собой никаких точек соприкосновения и в каждом конкретном случае представляется если не совершенство, то весьма обособленным от остальных. Да и сами авторы — весьма разные люди, и по возрасту, и по складу характера, и по своим пристрастиям в поэзии. Однако же все они несомненно уже состоявшиеся и вполне самостоятельные творческие личности, что, впрочем, отнюдь не исключает необходимости дальнейшего совершенствования и профессионального роста. А их, если угодно, диаметральная противоположность наглядно демонстрирует поэтический диапазон Кольского Заполяря.

Екатерина Подгорнова (г. Североморск)

Екатерина Николаевна Подгорнова родилась и выросла в столице Северного флота, в семье военнослужащего. Окончила Мурманский государственный педагогический университет, факультет дошкольного воспитания. С 2005 г. участвовала в работе флотского литературного объединения «Полярное сияние». В 2010-м г. стала лауреатом Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри», а через год одним из победителей первого фестиваля-форума «Капитан Грэй» и восьмого Всероссийского межвузовского форума «Осиянное слово» им. Н.С. Гумилева. Также в 2011-м г. Екатерине была присуждена литературная премия губернатора Мурманской области им. К. Баева и А. Подстаницкого.

Стихи молодой поэтессы публиковались в городских газетах и ряде литературных альманахов. Вполне логичным результатом ее поэтического творчества стало издание сборника стихов «Шла весна» (2011 г.). В 2019 г. увидел свет второй сборник — «Паутинка — мостик хрупкий».

*Мой внутренний кот возмущен и взъерошен.
Он хочет с досады фырчать и шипеть.
Мой внутренний кот , в целом, очень хороший
И многое, в общем, способен стерпеть.*

*Но кто-то решил против шерсти погладить,
Другие, шутя, наступают на хвост,
Забыв, что ответить зверь может, не глядя
На чью-то весомость и свой малый рост.*

*Мой внутренний кот молчалив и бесстрашен,
Не любит шуметь, в ход пускать кулаки...
Он любит рассветы и пшеничную кашу,
И шерсти пушистой цветные клубки.*

*Он любит прогулки и мягкие пледы,
Улыбки детей и ванильный пломбир,
Он любит понежиться после обеда.
И лапою рыжей обнял целый мил!*

*Мой кот — оптимист, солнца теплого лучик.
Невзгоды и рифы житейских морей...
Он вынесет все! Только было бы лучше,
Чтоб люди хоть чуточку стали добрей.*

И для поэтики Екатерины Подгорновой, и для всей ее поэзии в целом характерны внутренняя теплота и очень органичная, неподдельная, чистая душевность. Помимоему, эти качества и в жизни являются для Екатерины, так сказать, опорными, основополагающими, дающими ей определенное преимущество перед сиюминутной злободневностью и нарочитой актуальностью диктуемых современной жизнью тем и направлений движения и развития как отдельного человека, так и общества в целом. Стихотворения Екатерины нельзя назвать не актуальными или отстраненными от повседневных забот и переживаний, однако же они одновременно являются нам тот внутренний мир, без коего ни один человек не может таковым именоваться, на который каждый из нас имеет право, и который автор в своих стихах определенным образом, хоть и не вполне явно, отстаивает. Так проявляется творческая и человеческая индивидуальность Екатерины, неподдельно верящей в доброе, разумное, вечное, причем, именно в таком порядке, и очень дорожащей всем тем, что составляет понятие человечности. И ведь совсем неспроста однажды обмолвились братья Стругацкие «...Человечность — это серьезно...».

*Чьих-то теплых чувств глашатай
Сломлен... Смят... Раздавлен... Предан...
Розу снега белой ватой
Заметет уже к обеду.
И прохожий не узнает
В этот зимний день морозный —
Чье-то сердце замерзает
Вместе с брошенной розой...*

Екатерина, несомненно, личность цельная и вполне самодостаточная, именно поэтому в ее стихах присутствует явно или подспудно извечная и невероятно сложная тема взаимоотношений с собственной совестью. И то верно, обмануть кого-либо или обмануться самой еще возможно, хоть и на время, но вот совесть свою не обвести вокруг пальца, не затуманить; ее возможно начисто лишиться, но это уже совершенно иной случай. А ежели душа и сердце есть, то и от совести никуда не деться. Именно поэтому и признается автор: «Жизнь свою пишу, как повесть, // Узник плос-

кости листа. // За моей спиной совесть — // Не спокойна, не чиста.... // ...Как оваций ждёт артистка, // Покаянной совесть ждёт... // жизнь и душу заключаю // В клетку чистого листа... // И навеки за плечами // Совесть — памяти сестра».

Однако же наряду со столь весомыми и серьезными духовными, с позволения сказать, «обременениями», лирическая героиня Подгорновой умеет радоваться жизни, любви, молодости и готова приносить радость людям, как близким, так и вполне посторонним на первый взгляд. Отчего лишь на первый? Да оттого, что она отзывчива и доброжелательна к окружающим, и в этом ее огромное человеческое преимущество перед очень и очень многими. Но ни лирическая героиня, ни автор этого ставить себе в заслугу не станут. Для них естественно желание: «...Быть тонкой и звонкой // Той радостной, прежней, // Оставшейся в сердце девчонкой! // Как прежде мечтать, // Чудесам удивляться без устали, // По опыту — знать, сердцу — верить, // Не жертвовать чувствами. // Чтоб бедам назло // И под натиском лет не сдаваться, // Других не предав, // Самой лучшей Собой оставаться». И одновременно «...нужной быть тому, // Кто для нее единственно хороший, // Любить всем сердцем, вопреки всему, // Любить взахлеб и не жалеть о прошлом...».

Поэтическое разнообразие произведений Екатерины Подгорновой, конечно же, не исчерпывается приведенными примерами, обо всем попросту не позволит рассказать формат данной статьи, а мне, например, очень импонирует цикл ее стихотворений «Поиграем в города», вошедший во второй сборник. Всем желающим убедиться в моей правоте остается прочесть книгу «Паутинка — мостик хрупкий». Творчество Подгорновой свежо и даже воздушно, что отнюдь не означает легковесность или некую новаторскую экстравагантность, напротив, она сумела придать традиционности современную трактовку и сказать оказалось бы всегда присутствующем в нашей жизни по-своему и, значит, по-новому. Единственное, чего, наверное, не вполне хватает моей коллеге, это более частого и глубокого общения в профессиональной среде, где ее уважают и ценят, а также скорейшего приема в ряды Союза писателей России, ведь у Екатерины все для этого есть, и формально, и по сути. И хочется пожелать ей дальнейшего плодотворного творчества, а вам, почтеннейшие читатели, более подробного знакомства с поэзией еще одного представителя славной земли Кольской.

Мария Плоскинная (г. Мурманск)

Мария Олеговна Плоскинная уроженка Мурманска. Окончила Мурманский государственный гуманитарный университет, отделение иностранных языков. Преподает английский язык в Кольском транспортном колледже. Стихотворным творчеством, по ее словам, увлеклась еще в детстве, а всерьез стала относится к поэзии с 16 лет. Неоднократная участница фестиваля-форума «Капитан Грэй», где всегда получала рекомендации для участия в финале Всероссийского межвузовского форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева в Переделкино (диплом второй степени в финале 2018 г., причем, диплом первой степени жюри не присудило никому из молодых поэтов-участников). Лауреат литературной премии губернатора Мурманской области им. К. Баева и А. Подстаницкого за 2020 г. в номинации «Поззия». На мой взгляд, в настоящее время Мария Плоскинная является одним из ярко выраженных лидеров молодежного «поэтического крыла» Кольского Заполярья. Автор двух поэтических сборников: «Закон заполнения пустоты» (2018 г.) и «Инсомния» (2019 г.).

*В синем городе тьма отступает за окоем,
Возвращаются чайки — орать и клевать гнилье,
Но незримая смерть методично удавку вьет —
И накинет петлей, и сомнутся под ней границы.*

*Город носит в себе своих будущих мертвцевов —
И никто не захочет под маской терять лицо,
Говорят: «все пройдет». Ну должно же, в конце концов?!*
В синем городе не осталось, кому молиться.

*Что тюрьма, что сума, да корона — потяжелей,
Ее зубья остры и смертельны — кого жалеть?
Смерть смеется, гребенкой тонкой — кровавый след —
Проредила все улицы, дворики и проспекты.*

*И кому повезло меж зубцов ее проскользнуть,
Тот и думает — значит, выдюжу, выживу как-нибудь.
Но петля вокруг города общую давит грудь,
Этим как бы пытаясь сказать: ваша песня спета.*

Мария Плоскинная, впервые появившись несколько лет назад среди участников форума-фестиваля «Капитан Грэй», уже на предварительной стадии знакомства с конкурсными материалами обратила на себя внимание экспертов жюри, сразу выделившись на общем фоне весьма зрелыми по содержанию и практически безупречными по форме стихотворениями. Помарки и недочеты, которые, конечно же, присутствовали, не оказывали существенного влияния на общее положительное впечатление от произведений Марии. Несомненный интерес вызывало и то обстоятельство, что Мария прошла через общение в поэтическом интернет-сообществе, ничуть не поддавшись его, подчас откровенно негативному, влиянию, когда авторы работают, руководствуясь негласными девизами: «я так вижу» и «что хочу, то и ворочу», и не утруждают себя ответственным отношением к рожденным ими «перлам». Помнится, единственная претензия к некоторым стихотворениям автора состояла в излишнем увлечении поэтикой, в густой метафоричности, которая размывала основную тему и цель произведения, откровенно мешая его восприятию. Но сие было, наверное, обратной стороной яркого поэтического дарования Марии, и потом, она довольно быстро устранила этот недостаток. Опять-таки, если поначалу в ее стихах явно чувствовалось влияние поэзии Иосифа Бродского, то впоследствии оно становилось не столь уж заметным, и сегодня можно сказать, что уже Мария обретает собственно авторский почерк и собственную стилистику. Да, «школа Бродского» иногда все-таки дает о себе знать, но не думаю, что это можно считать существенным недостатком при том уровне поэтического дарования, коим обладает молодая поэтесса.

*Есть люди, в чьих чреслах — огонь, а на лицах мед,
Идет — что танцует, а говорит — поет.
А я — горбунья трехпалая, лик печальный.
Мать родила меня мертвую изначально.*

---

*Есть люди — балагуры, весельчаки,
А есть адептыечно пустой руки,
Вечно пустой души и гнилого сердца,
Адепты слабости, трусости, лицемерства.
Ну такие... чтобы вам понимать...
Такие, как моя мать.*

Творчество Марии Плоскинной близко и понятно мне по двум, пожалуй, причинам: во-первых, и я в свое время испытал сильнейшее влияние поэзии уже упомяну-

того Иосифа Бродского (после чего, впрочем, вполне логично прибавил в заочные учителя еще и Глеба Горбовского), а во-вторых, аз грешный, как и Мария, ярко выраженный «горожанин», если вспоминать довольно давно уже и несомненно во многом условную, но широко применявшуюся в свое время, литературную классификацию. Мария, несомненно, дочь уникального заполярного города, она по рождению и по сути истинная мурманчанка и у нее свои, особые отношения с малой родиной.

*Мурманск, сопок унылых камень,
Грейся, трогай тебя руками,
Снег в апреле на самом деле,
Я в такую весну не верю.
Перекрестные крики чаек,
Корабли, маяки, причалы.
Незамерзший залив туманом
Укрывается спозаранок.
Под асфальтом, в его прорехах
Змей живет в соляных доспехах,
Дыбит спину, вздымаает гребень,
До сияния на черном небе.*

.....

*Мурманск дождь, темнота и слякоть,
Длинной коброй в грудную мякоть
Полуострова ты вонзился
Из болот, изо мхов родился.
Вздыбил сотни многоэтажек,
Вырос центрами распродажи,
Магистралями и мостами,
Что навеки вмерзают в камень.
Край бруслики, грибов, морошки,
Притворяйся для всех хороши.*

Что в этих строках, если не любовь? И пусть вас не смущает неоднозначность образов и оценок, любовь ведь отнюдь не проста и, зачастую, не состоит из восхвалений и восторгов. Мария — поэт, не только тонко ощущающий мир вокруг, но и глубоко мыслящий художник, ее поэтическая аналитика подчас довольно резка и местами беспощадна, и понятно отчего — далеко не все «углы сглажены» в жизни, да ведь и «самое страшное в мире — это быть успокоенным».... И очень радует, что пока еще в стихах молодой и очень яркой как внутренне, так и внешне, женщины присутствует некое, уж простите за каламбур, «девчоночье мальчишество», то есть, уже осознанное, наполненное иронией, но изначально спонтанное юношеское озорство, и, кстати, что весьма ценно, вполне серьезное озорство. Дай Бог, чтобы оно подольше не исчезало. Тут уж сами, как знаете, понимайте и толкуйте: «Лес смеется: домой иди, человече, // И отныне судьбы не видать иной: // Будешь символом всех несчастливых женщин, // Нелюбимой ничьей женой». К тому же сие качество еще и средство самообороны. От чего и кого? Да от всего и от всякого. Эксистенциальность для многих и многих одновременно и modusvivendi, и modusoperandi. Главное, очевидно, не возводить такую позицию в абсолют. И Мария недвусмысленно говорит об этом: «Тут надо бы просто, но я не могу без сложностей. // На месте «сестры таланта» давно — дыра. // Мой смысл том, чтобы быть счастливой. И по возможности // Не умирать». Согласитесь, не самые плохие откровения, по крайней мере честные и лишенные цинизма, что нынче большая редкость, ибо как-то исподволь, незаметно, чест-

ность и цинизм становятся в современном мире чуть ли не синонимами. К тому же Мария все равно, более чего-либо иного, доверяет красоте и верит в ее силу, в ее способность «спасти мир», как завещал нам Ф. М. Достоевский, по сию пору безусловно остающийся главным духовным наставником нации.

*Счастлив не тот, кто умеет сжигать мосты,
Кто чужим караваем легко набивает рот свой,
А тот, кто заметит краешек красоты
Перед прыжком в уродство.*

.....

*Тот, кто, идя босым по росе на казнь,
Не видит в костре угрозы и безнадеги,
Он чувствует, как — пусть в самый последний раз —
Теплое пламя ему согревает ноги.*

*Как тот осьминог, застрявший в сыром песке,
На берег случайно выброшенный приливом,
Не думает ни о смерти, ни о тоске.
Он смотрит на небо и думает: как красиво!*

Повседневная наша жизнь — явление, в стереотипных своих обыденности и реальности, довольно безжалостное и даже жестокое. Отраден тот факт, что поэтессы Мария Плоскинная, несмотря на подобные проявления, несомненно, любит жизнь, умея находить в оной свет, любовь и надежду. Недаром же рождаются такие вот, спокойные, без восклицаний особых, откровения: «Я люблю тебя, мясорубка»... У молодой моей коллеги, я более чем уверен, все еще впереди, и новые, несомненно прекрасные, стихи, и публикации, и поэтические сборники, и непременное членство в Союзе писателей России, и обязательное признание широкой читательской аудитории.

Виталий Коротаевский (г. Мончегорск)

Виталий Борисович Коротаевский родился, вырос и живет в городе металлургов Мончегорске. По первому образованию слесарь-ремонтник, тем не менее всегда удачно совмещал производственную деятельность не только с поэтическим творчеством, но и с любительским театром, а также с журналистикой. В разные годы Виталий Коротаевский работал корреспондентом городской газеты «Добрый день» и Мончегорского телевидения. В настоящее время является госинспектором Лапландского биосферного заповедника. Первые серьезные шаги на ниве стихосложения были сделаны Виталием в литературном объединении под руководством Сергея Каплана. В настоящее время он является активным участником городской общественной организации «Цех Изящной Словесности» и входит в состав оргкомитета Мончегорского традиционного фестиваля авторской песни «Дни В. Высоцкого на Кольской земле». Стихи Виталия Коротаевского публиковались в городских и областных газетах. В 2019 г. вышел первый поэтический сборник «До полной тишины».

*Эпоха летних отпусков
На днях истлела. Все кучнее
Народ в маршрутках; все тучнее
Ржаное тесто облаков.

И все печальнее по ним
Струится акварель закатов;*

*Все шире желтые заплаты
На распашной листве осин,
Берез и верб. И снова мы
Сбиваемся, как в стаи, в семьи,
Чтоб не убили нас ни темень,
Ни холод будущей зимы.*

*И без молитвы, без поста
Всяк понесет свой крест житейский.
И снова будет мир нам тесен,
И твердь небесная пуста.*

*Пропустим первую звезду,
По рюмке водки пропуская.
И мальчик в люльке заморгает,
Тревожа криком пустоту.*

Поэтическое становление Виталия Коротаевского явилось прямым следствием его творческого труда и самообразования. Не все давалось ему легко и сразу на пути обретения и в особенности совершенствования своей стилистики, манеры изложения, применения средств формирования художественного образа. Очень подробно и весьма систематически знакомясь с отечественной и зарубежной поэзией, и вообще литературой, Виталий, по моему мнению, был изначально очарован разнообразием стихотворных приемов и языковых средств, и воспринял их применение при написании стихотворений как практически обязательное руководство к действию. Поэтому его ранние стихи были откровенно перенасыщены художественными тропами, метафорами и прочая, что, опять-таки, мешало целостному восприятию произведений читателями, да и автора сбивало с основной темы, хоть и не в дали дальние уводя, но порядком отвлекая на второстепенные образы и рассуждения. Тем не менее, Виталий Коротаевский рук не опускал, а продолжал упорно совершенствовать свое дарование и, надо сказать, весьма преуспел на этом поприще. Конечно, без явных художественных пристрастий не обошлось, и огромное влияние на творчество моего коллеги и близкого друга оказала поэзия А.А. Фета, стихами которого Виталий буквально зачитывался.

*Растаял самый длинный день.
И перламутровое небо
В озерной нежится воде.
И за полночь уже. А слева
Все те же горные хребты;
А справа тянется дорога.
Колышет ветерок кусты;
Колышет суета тень Бога,
Что вечной стрелкой по душе
Скользит, упав от солнца к ночи...
День новый близится уже;
И будет он уже короче.*

Поэтика Виталия Коротаевского с годами вы зрела, освободилась от былой размашистости и громоздкости, стала ровнее и лаконичнее, утратив в определенной степени свой диктат при создании стихотворных форм и произведений в целом. Нет, она не отошла на второй план, просто автор научился обуздывать свои эмоции и нахо-

дить им точное поэтическое воплощение. Думаю, что в этом ему очень помогло не просто знакомство, но по сути изучение творчества Ф. И. Тютчева и Н. С. Гумилева. «Эти смутные времена... // Сколько их в истории нашей!.. // Вот и век двадцать первый. Страна // На костях чьих-то судеб пляшет. // На истории скользких путях // Под Вивальди никто не печалится; // Только падшие души грустят, // Слов любви ожидая отчаянно». Это строки из стихотворения «Кленовая ветка», посвященного памяти Натальи Смирновой, учительницы русского и литературы, первой заметившей в юном своем ученике склонность к сочинительству и благословившей его на литературное творчество. Обращение к гражданской лирике, в целом не характерной для поэзии Виталия, являет нам еще одну грань творчества поэта, но, на мой взгляд, не становится для него чем-то основополагающим, ибо его глубокое пристрастие к лирике пейзажной превалирует, и зачастую иные мотивы и темы автор реализует именно посредством оной. «Осенняя любовь... Порывы ветра. // Дождей ободранные кисти // Размазывают по асфальту листья. // И пьет печальная Деметра // Из луж вино, в котором забродили // Рябин оборванные гроздья. // И жизнь плывет, как бунинская проза, // Классическим трагичным стилем».

Метрика и ритмика стихов Коротаевского своеобразна и узнаваема, она порой словно враскачуку идет, немного прихрамывая, я, например, безошибочно отличаю его стихи от любых других, хоть среди ночи меня разбудите. А еще мой друг и коллега глубоко, искренне верующий, православный человек, и Господь несомненно помогает ему в столь непростом и подчас неблагодарном деле, как изящная словесность.

*Идти и ждать; и, умирая, жить;
Быть нищим, но всегда платить по счету;
Быть во грехе, и во Христе, но — быть;
И верить, и надеяться на что-то!..*

У поэта сложные отношения со своим лирическим героем, и, не скрою, я частенько пеняю ему на сие обстоятельство. Лирический герой Виталия, по моему мнению, пока что укрывается в густых пейзажах или пространных рассуждениях и умозаключениях, но вот обнаруживать себя в яви особо не желает, а его морально-нравственную позицию и жизненные установки автор зачастую обосновывает или декларирует отвлеченно, без привязки к его персоне. Тем не менее, это обстоятельство лишь обуславливает одно из направлений дальнейшего развития творческого уровня автора. В целом же, убежден, что пример Виталия Коротаевского, явившего нам симбиоз природного поэтического дарования и редкого трудолюбия на литературном поприще, несомненно, достоин уважения, а его поэзия будет обретать признание все более широкого круга читателей. А признание в профессиональной среде собратьев по перу уже, собственно, состоялось.

Григорий Сыпко (г. Мончегорск)

Григорий Вадимович Сыпко родился в Киеве, но вполне может считаться коренным мончегорцем, ибо с младенческого возраста живет в нашем городе. По специальности инженер-лесотехник, окончил Санкт-Петербургскую лесотехническую академию, долгое время трудился в Лапландском биосферном заповеднике и Мончегорском лесничестве. Стихи стал писать совершенно спонтанно и даже неожиданно для себя. Обладает ярко выраженной поэтической индивидуальностью, о чем и пойдет речь ниже. В 2010 г. принят в Союз писателей России, также является членом Мончегорской общественной организации «Цех Изящной Словесности» и оргкомитета традиционного городского фестиваля авторской песни «Дни В. Высоцкого на Коль-

ской земле». Публиковался в городской и областной периодике, а также в литературных альманахах «Мурманский берег» и «Площадь первоучителей». Автор сборника стихов «В обнимки с Бабою-Ягой» (2009 г.).

*Если вы читали «Колобка»,
Значит, Русь жива еще пока.
Есть еще начитанные люди,
Равных нет которым и не будет!*

*Заграница в бескультурье тонет.
Ест и спит, валяет дурака.
Никакой буржуй нас не догонит,
Если прочитаем «Колобка»!*

*Выкинь джинсы и дурную кепку.
Мы в лаптях получше будем жить!
Прочитай еще вдогонку «репку».
Там ты или тут? Пора решить!*

*Пепси-колу вылей на лужайку.
Лучше квас и нивы под ногой.
И родную, теплую фуфайку.
И в обнимки в Бабою-Ягой!*

При первом прочтении стихотворений Григория Сыпко многим может показаться, что он прямой наследник «обэриутов» и продолжатель традиций, заложенных творчеством Николая Алейникова, Александра Введенского и ранними произведениями Николая Заболоцкого. Однако же смею утверждать, что сие по крайней мере не совсем так. А точнее и совсем не так, ибо никакого влияния «обэриутов» Григорий не испытывал и под обаяние их произведений не попадал. Он их попросту во время оно еще не читал, а писать свои стихи начал, повторяю, совершенно спонтанно, очевидно накопив в душе сверх меры иронии и комичных ситуаций, связанных и с работой, и с повседневной жизнью вообще. Начинал он с таких вот четверостиший, записанных на чем попало, чаще всего на небольших клочках бумаги: «Заспорили, сгущая тучи // Каренина и Берлиоз: // Он ей кричит, трамвай, мол, лучше! // Она в ответ: — Нет, паровоз!». Или еще в том же ключе: «Ты нырнула с аквалангом, // С пережатым дважды шлангом. // День прошел. Скажи-ка мне, // Чем ты дышишь в глубине?». Аудитория, а Григорий начинал читать свои перлы на бардовских фестивалях, так вот, аудитория принимала все буквально «на ура», готовая одобрять хохмы без счета, не замечая даже явных недостатков и огурцов. Да и коллеги-поэты в массе своей поначалу были от Григория просто в восторге, что, как мне кажется, сослужило в итоге не самую лучшую службу нашему автору, поскольку мешало дальнейшему его совершенствованию.

Григорий, как и Виталий Коротаевский, мой близкий друг, оттого я и воспринимал все, с ним в творческом плане происходившее, весьма близко к сердцу, понимая, что мой собрат по перу весьма стихиен в поэтическом труде и пишет аки господь на душу положит, то есть когда осенит или, ежели перетолмачить на современный молодежный сленг, «торкнет». В довольно краткие сроки выпустив в серии «Первая книга поэта» сборник стихотворений, будучи принят в Союз писателей России, Григорий Сыпко не то чтобы остановился и перестал писать, но... отчего-то опять начал «творить в стол», не стремясь ни опубликовать свои новые стихи, ни даже представить их публике. Он точно ждал, что придут добрые дяди и помогут ему издать вто-

ную книгу. А она, собственно, была, но в компьютерном варианте, собранная Сергеем Сысоевым, и называлась «В трех минутах от печали...». Ее следовало бы немного подправить, заменив стихотворения, вошедшие в «Обнимки с Бабою-Ягой» на вновь написанные, и получился бы вполне достойный сборник. Но не случилось пока. И почитатели творчества Григория пока довольствуются россыпью запечатленных по отдельности стихотворений. «Как во наших во лесах // Нашли дедушку в трусах. // Весь искусан комарами // И гнездо на волосах»; или «Чемпионат по прыжкам на батуте... // Зритель болел: похвалял, укорял. // Всех удивив, на последней минуте, // Лучший батутчик в плафоне застрял». Иногда кажется, что подобные строки автор даже не обдумывает, а просто извлекает из «глубин подсознания», но ведь в большинстве случаев «извлечения» его поразительно точны, ироничны и даже, если угодно, актуальны. Такое вот причудливо организованное дарование, а возможно и вовсе не организованное. Жаль, если мой друг и коллега не сдвинет себя на нечто большее, нежели подобные, все реже и реже происходящие, озарения. Однако в данной ситуации помочь Григорию Сыпко может только он сам и никто более. Надеюсь, что это все-таки произойдет в конце концов. Время еще есть, хоть его и остается с каждым днем все меньше и меньше.

*Нет на складе новых колунов...
Так, быть может, наколол бы дров.
Рукавиц там нет и бензопил...
А не то бы печку протопил...
Мерзну и любуюсь на свечу...
Просто я работать не хочу.*

Надеюсь, что объявленные в заголовке полярность и творческий диапазон мне удалось наглядно продемонстрировать. А коли так, то вполне логична будет констатация сохраняющейся и сегодня правомочности высказываний всем известных исторических личностей о прирастании богатства российского провинциями (хоть в оригинале и обозначена лишь Сибирь), а еще о более длительном сохранении пассионарной энергетики на границах ареала обитания. Не стану возводить эти постулаты в абсолют, но и забывать их не следует. Никому и никогда.

СЫПКО

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ПАСХА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*День православного Востока,
Святыи, святыи, Великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!*

Ф. И. Тютчев

В Евангельском послании святого Апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, «дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9), «И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2: 15); «Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через (Иисуса) Христа» (Гал. 4: 7).

Таким образом, событием Христова Воскресения утверждается ценность и достоинство человека, который уже не является узником и рабом собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание. В Богочеловечестве Христа сквозь телесное существо сияет неизреченный Божественный Свет: «Одеялся светом, яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту ударения принят от рук, их же созда».

В Пасхе заложена также идея равенства, когда словно сравнялись, сделались соизмеримыми Божественное и человеческое, небесное и земное; утверждается полнота величественной гармонии между миром духовным и миром физическим.

Праздничный эмоциональный комплекс радостной приподнятости, просветления разума, умиления и «размягчения» сердца составляет ту одухотворенную атмосферу, которая в пасхальном рассказе становится нередко важнее внешнего сюжетного действия. Внутренним же сюжетом является пасхальное «попрание смерти», возрождение торжествующей жизни, воскрешение «мертвых душ». Лейтмотивом в русской пасхальной словесности звучит торжественно-ликующий православный тропарь:

*«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех
живот даровав!»*

В отечественной литературе Н. В. Гоголь наиболее точно выразил не только общечеловеческий, но и национально-русский смысл православной Пасхи: «Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует <...> в одной его земле? <...> раздаются слова: «Христос воскрес!» — и поцелуй, и всякий раз также торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гудят и

гудут по всей земле, точно как бы будят нас! <...> где будят, там и разбудят. Не умирают те обычай, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе <...> есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе, и пограничие людей было у нас родней даже и кровного братства»*.

История отечественной литературы впитала в себя христианскую образность, особый язык символов, «вечные» темы, мотивы и сюжеты, притчевое начало, уходящее своими корнями в Священное Писание. Светлое Христово Воскресение явилось духовной сердцевиной русской пасхальной словесности.

Пасхальный рассказ как особый жанр был некогда незаслуженно забыт, а вернее — злонамеренно скрыт от читателя. Пасхальная словесность третировалась с вульгарно-идеологических позиций как «массовое чтivo» — якобы малозначительная, бесследно прошедшая частность «беллетристического быта» нашей литературы. Теперь этот уникальный пласт национальной культуры обретает путь к своему (поистине — пасхальному!) возрождению.

Глубоко прав был в своем пророчестве Н. В. Гоголь: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, разозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — праздник Светлого Воскресения воспразднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»**.

Ведущие идеи праздничного мироощущения — освобождение, спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также идеи единения и сплочения, братства людей как детей общего Отца Небесного. Как писал Гоголь о Пасхе, «день этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него человека».

В духовной сущности великого христианского «праздника праздников» открылась Гоголю внутренняя связь славной героической истории русского народа с его нынешним состоянием: «От души было произнесено это обращение к России: «В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?..» В России теперь на каждом шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требуют богатырства»***.

Отсюда родилась и уверенность в грядущем пасхальном возрождении России и русского человека: «есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если представят нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достоянки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек».

Пасха Христова внушает писателю упования на русское духовное единение: «И твердо говорит мне это душа моя; и это не мысль, выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушеньем Божиим порождаются они разом в сердцах многих людей, друг друга не видавших, живущих на разных концах земли, и в одно время, как бы из одних уст, изглашаются. Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: "У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспразднуется Светлое Воскресение Христово!"»****.

Глава «Светлое Воскресение» явилась мощным в идейно-эстетическом плане

* Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.: АН СССР, 1937—1952.— Т. VIII.— С. 409—418.

** Там же.

*** Там же. — С. 291 — 292.

**** Там же. — С. 409 — 418.

финальным аккордом, выразила «святое святых» **«Выбранных мест из переписки с друзьями»** (1847). «Идея воскрешения русского человека и России» стала пасхальным сюжетом гоголевской «книги сердца». Рассмотрев идеи пасхальных рассказов: «духовное проникновение», «нравственное перерождение», прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ», «восстановление человека», — В. Н. Захаров пришел к справедливой мысли о том, что «если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным»*.

По своему смысловому наполнению, содержательной структуре, поэтике чрезвычайно схожи святочные и пасхальные рассказы. Не случайно в XIX столетии они нередко публиковались в единых сборниках под одной обложкой**. «Одноприродность» пасхальной и святочной словесности проявилась в их взаимопроникновении и взаимопреплетении: в святочном рассказе проступает «пасхальное» начало, в пасхальном рассказе — «святочное». Так, например, главное событие святочного рассказа Н. С. Лескова **«Фигура»** (1889) происходит под Пасху; лесковский «рождественский рассказ» **«Под Рождество обидели»** (1890) содержит пасхальный эпизод. В пасхальном рассказе А. П. Чехова **«Студент»** (1894) воспоминания о событиях Страстной Седмицы (отречение Апостола Петра) представлены на фоне почти святочном, по-зимнему морозном: «Дул жестокий ветер, в самом деле возвращалась зима, и не было похоже, что послезавтра Пасха»***. В то же время в чеховском рассказе **«На святках»** (1900) явственно проступает возрождающее пасхальное начало. Очевидно нравственно-эстетическое воздействие «рождественского рассказа» **«Запечатленный Ангел»** (1873) Н. С. Лескова на русский литературный процесс в целом, и в частности — на пасхальный рассказ А. П. Чехова **«Святою ночью»** (1886).

Лесковский **«Запечатленный Ангел»**, которому в нынешнем году исполнилось 140 лет, имел громадный успех у читателей, стал общепризнанным шедевром еще при жизни автора. По словам Лескова, рассказ «нравился и царю, и пономарю»****. **«Запечатленного Ангела»** узнали «на самом верху»: императрица Мария Александровна выразила желание послушать это произведение в чтении автора.

«Проста, изящна, чиста <...> прекрасная маленькая повесть г. Лескова **«Запечатленный Ангел»**, — отмечал православный мыслитель и публицист К. Н. Леонтьев. — Она не только вполне нравственна, но и несколько более церковна, чем рассказы графа Толстого»*****.

Ключевое слово-образ в **«Запечатленном Ангеле»** — «чудо». Оно играет и переливается разными красками, смыслами и даже сверхсмыслами, насыщено сакральными знаками Сил Небесных. Весь свод «чудес», «дивес», «преудивительных штук» неуклонно подводит к основному чуду в кульминационной точке сюжета — общечеловеческому единению, осуществлению желания с Божьей помощью «воедино одувшевиться со всею Русью»*****. В этом смысле знаменательно, что герои-артельные строят *мост*, символизирующий прорыв раскольничьей обособленности в православный мир. Лесков устами отшельника Памвы выражает свою горячую веру в то, что все — «уды единого тела Христова! Он всех соберет!» (1, 436).

* Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр.— Петрозаводск: ПетрГУ, 1994.— С. 252, 256.

** См., например: Баранцевич К. С. Чудные ночи. Рождественские и пасхальные рассказы и очерки — М., 1899.

*** Чехов А. П. Избранное: В 3-х т.— М.: Векта, 1994.— Т. 2.— С. 510. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома и страницы арабскими цифрами.

**** Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— Т.11.— М.: Гослитиздат, 1958.— С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома римской цифрой, страницы — арабской.

***** Леонтьев К. Н. Анализ, стиль, веяние // Вопросы литературы.— 1988.— № 12.— С. 210.

***** Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т.— Т. 1.— М.: Правда, 1989.— С. 455. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением номера тома и страницы арабскими цифрами.

Образ жизни в лесном скиту «беззавистного и безгневного» (1, 436) смиренного «анахорита»: «согруби ему — он благословит, прибей его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!» (1, 438) — напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его благодатным путем подвигов молитвы и самоотречения. Эту параллель подтверждает авторитетный источник: «изрядный, по основному образованию, знаток церковности, А. А. Измайлов без колебаний признал в беззавистном и безгневном лесковском праведнике Памве Серафима Саровского»*, — затворника Саровской пустыни, чудотворца. Образ преподобного связан с многочисленными знамениями, чудесами, окутан легендами, свидетельствующими о его почитании в народе.

Так и старец Памва возникает в «**Запечатленном Ангеле**» среди лесной глухи внезапно, точно сказочный добрый помощник, Божий посланник, стоило только заблудившимся героям попросить высшие силы о помощи: «Ангеле Христов, соблюди нас в сей страшный час!» (1, 434). Появление отшельника воспринимается вначале как явление «духа»: «из лесу выходит что-то поначалу совсем безвидное, — не разобрать» (1, 434). Но, приглядевшись, герой-рассказчик не может про себя не воскликнуть: «Ах, сколь хороши! ах, сколь духовен! Точно Ангел предо мною сидит и лапотки плетет для простого себя миру явления» (1, 437).

«Раскол XVII века поселил тревогу и сомнения в русскую душу, — писал исследователь русской святости Г. П. Федотов.— Вера в полноту реализующейся Церковью на земле святости была подорвана»**. Однако в «**Запечатленном Ангеле**» становвер, встретившийся со святым отшельником Памвой, справедливо «дерзает рассуждать» о раскольническом движении: «Господи! <...> если только в Церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлен» (1, 439).

Духовная жизнь теплится, не угасает. Как замечал Г. П. Федотов: «найдется иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва. <...> В пустынь к старцу, в хибарку к блаженному течет народное горе в жажде чуда, преображающего убогую жизнь. В век просвещенного неверия творится легенда древних веков. Не только легенда: творится живое чудо. Поразительно богатство духовных даров, излучаемых св. Серафимом. К нему уже находит путь не одна темная, сермяжная Русь. Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошел на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <...> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия»***.

Так же и старец Памва в повести Лескова толкует о грядущем «распечатлении» Ангела: «Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...» (1, 439).

В разединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они становятся «братогрызцами» (1, 431). Для установления истинно братских отношений необходимо обрести общий корень, общую опору — в христианском единении «едиными уsty и единственным сердцем <выделено мной — А.Н.-С.> « (1, 431).

Это высказывание отрока Левонтия проецируется на кульминацию и финал рассказа — переход героев-старообрядцев в новое духовное состояние через соединение с Православной Церковью. В то время как один из артельных — Лука Кириллов, спасая святыню, совершает свой самоотверженный переход по обледенелым цепям над бушующим Днепром, в храме совершается всенощная в память Василия Великого. Литургия содержит слова об общем духовном устремлении православных христиан

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т.— Т. 1.— М. : Худож. лит., 1984.— С. 400.

** Федотов Г. П. Святые древней Руси.— Paris: YMCA-PRESS, 1989.— С. 234.

*** Там же.— С. 235.

«единими уsty и единым сердцем», имеющие «мотив обретения «веры истинной» через церковное причастие»*.

Старообрядцы чудесным образом узрели «славу Ангела господствующей Церкви и все Божественное о ней смотрение в добротолюбии ее иерарха и сами к оной освященным елеем примазались и Тела и Крови Спаса сегодня за обеднею приобщились» (1, 455). Имевшие «влечение воедино одушевиться со всею Русью» артельные «так все в одно стадо, под одного Пастыря, как ягнятки, и подобрались, и едва лишь тут только поняли, к чему и куда всех нас наш запечатленный Ангел вел» (1, 455).

Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе «рождественского рассказа»: героев-раскольников к Православной Церкви «перенес Бог» (1, 454), Ангелы вели, спасая светоносность икон от гибели над ревущей бездной.

Сквозь святочные события явственно просвечивают мотивы пасхальные, возрождающие и воскрешающие. В глубинных эмоционально-смысловых пластиах повести Ангел-спаситель уподобляется Самому Христу-Спасителю. В повествовательном пространстве текста различимы знаки сакральных начал. Так, петух («петелок»), возгласивший «Амины!» человеческим голосом, и агнец — символ кротости и жертвенности, прообраз и одно из метафорических именований Спасителя — обращают внимательного читателя к новозаветной пасхальной образности.

Пасхальный смысл лесковского «рождественского рассказа» и в том, что путь к Церкви староверов, ведомых Ангелом, лежит через поругание святыни и страдание. Ангел-хранитель, говорит рассказчик, «Сам <...> возжелал себе оскорблений, дабы дать нам свято постичь скорбь и тою указать нам истинный путь». Здесь различимы слова Всенощного бдения: «крест бо претерпев, погребению предадеся, яко Сам восхоте; и воскрес из мертвых, спасе мя, заблуждающегося человека». Погребению уподоблено «запечатление» Ангела (наложение печати на иконописный лик). «Дело прошащее и в гроб погребенное», — говорит Марк о поруганной иконе. Возможна следующая расшифровка заглавия лесковского рассказа: «Как Христос воскрес из «запечатленного гроба», «без истления», так и Ангел оказался невредим под сургучной печатью. <...> Вся история распечатления Ангела звучит как метафора Воскресения»**.

Несмотря на критическое замечание Ф. М. Достоевского в его статье «Смятенный вид» о том, что Лесков в finale поспешил разъяснить чудо, все же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали «сопричастниками», «дивозрителями» (1, 410) утверждения Высшего Промысла, победы провиденциального начала. Объективную, непредвзятую точку зрения на святочное чудо сформулировал Лесков устами героя **«Запечатленного Ангела»**: «всяк как верит, так и да судит, а для нас все равно, какими путями Господь человека взывает и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единодушия его с Отечеством утолил» (1, 456).

Уместно вспомнить рассуждение святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, о двух путях и двух путеводителях: **«На пути гладком и покатом путеводитель обманчив; <...> а на пути негладком и крутом путеводителем добрый Ангел, и он через многотрудность добродетели ведет следующих за ним к блаженному концу...»***** По собственному предсказанию, «не преполовья дня» (1, 456), принял «блаженный конец» старик Марой, увидевший свечение и славу «церковного Ангела» (1, 454); еще ранее почил с миром отрок Левонтий, перед смертью по благословению старца Памвы узнавший, «какова господствующей Церкви благодать» (1, 431).

* Горелов А. А. Патриотическая легенда Н. С. Лескова (Поэтика преобразований и стилизация в повести «Запечатленный ангел») // Русская литература.— 1986.— № 4.— С. 163.

** Майорова О. «Проста, изящна, чиста...» (О «маленькой повести» Н. С. Лескова «Запечатленный Ангел») // 1-е сентября: Литература.— М., 1994.— № 2.— С. 2—3.

*** Цит. по: Православный календарь. Праздники. Жития святых. Молитвы. Апостольские и Евангельские чтения. Толкования святых Отцов Церкви.— М.: Онега, 1998.— С. 14.

«Этот Левонтий годами был сущий отрок <...> но великотелесен, добр сердцем, богочтитель с детства своего и послушлив и благонравен <...> Лучшего сомудернника и содеятеля и желать нельзя было» (1, 418—419). Образ героя проецируется наглашаемые главы Евангелия на литургии в память Василия Великого, предшествующей приобщению героев к Церкви. Речь идет об отроческих годах Иисуса: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2: 40).

В связи с образом отрока также по-новому осмысливается привычный в святочном рассказе мотив ребенка-сироты. С рыданиями поет Левонтий духовную песнь — плач библейского Иосифа, проданного братьями в рабство: «Кому повем печаль мою, Кого призову ко рыданию <...> Продаша мя мои братия!» (1, 430). Этот духовный стих, по слову отрока, «тайноственно надо понимать» и «с преобразованием» (1, 431).

Таким образом, Лесков выводит святочную идею сплочения из узких рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, общечеловеческий. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих связей, национальных устоев: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленнее, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела» (1, 424).

Не дать порваться связи времен и поколений русских людей, восстановить «тип высокого вдохновения», «чистоту разума», который пока «суете повинуется» (1, 425), поддержать «свое природное художество» (1, 424) — главные цели создателя **«Запечатленного Ангела»**.

Особая тема рассказа — отношение к русской иконе и иконописанию. **«Запечатленный Ангел»** — уникальное литературное творение, в котором икона стала главным «действующим лицом».

В «иконописной фантазии» **«Благоразумный разбойник»** Лесков признавался, что его «заняла и даже увлекла церковная история и сама церковность»: «я, между прочим, предался изучению церковной археологии вообще и особенно иконографии, которая мне нравилась»*. В год создания **«Запечатленного Ангела»** Лесков написал статью **«О русской иконописи»** (1873), в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа: «тот, кто не может читать книг, с иконы, которой поклоняется, втвреживает в свое сознание исторические события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых Церковью за их христианские заслуги» (Х, 180).

Писатель ратует за возрождение русского иконописного искусства. Лесков уверен, что «икона непременно должна быть писанная рукою, а не печатная. <...> наши набожные люди <...> откидывают печатные иконы <...> «То,— говорят,— пряник с конем, а это пряник с Николою, а все равно пряник печатный, а не икона, с верою писанная для моего поклонения»... Иконы надо писать руками иконописцев, а не литеографировать» (Х, 182).

С годами писатель приобрел репутацию одного из лучших знатоков русской иконы. У Лескова имелось уникальное иконописное собрание: старинные иконы строгановского и заонежского письма, редкие поморские складни. В. В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского — «русский лик и отчасти как бы украинский». Судьба этой коллекции сейчас неизвестна, но с нее сохранился рисунок. Все иконы на рисунке различимы, узнаваемы. В фондах Дома-музея Н. С. Лескова в Орле хранятся три иконы. Одна из них **«Спас во звездах»** — с дарственной надписью писателя его сыну Андрею Лескову на Рождество.

Возможно, в **«Запечатленном Ангеле»** автор дает точное описание подлинника: **«Ангел-хранитель, Строганова дела»** (1, 400). Хотя рассказчик в ходе повествования неоднократно подчеркивает, что красота иконы неописуема, все же именно в

* Лесков Н. С. Благоразумный разбойник // Лесков Н. С. О литературе и искусстве. — Л.: ЛенГУ, 1984. — С. 191.

слове он умеет передать тончайшие отблески и игру красок, оттенки эстетического переживания при созерцании святыни: «глянешь на Ангела... радость! Сей Ангел воистину был что-то неописуемое. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлобожественный и этакий скоропомощный; взор умилен; ушки с тороцами, в знак повсеместного отвсюду слышания; одеянье горит, рясны златыми преиспещено; доспех пернат, рамена препоясаны; на персях младенческий лик Эммануилев; в правой руке крест, в левой огнепалящий меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголочкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усiku. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься «осени», и сейчас весь стишаешь, и в душе станет мир. Вот это была какая икона!» (1, 400 — 401).

В иконописном фрагменте рассказа Лескова сохранен стиль русской агиографии во всей его чистоте и красоте, как он представлен у лучших писателей древней Руси — Нестора, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Богатство словесной культуры, развитая риторика, пышно изукрашенное «плетение словес» и — главное — «нравственная серьезность перед лицом красоты». На это свойство русского искусства указал С. С. Аверинцев. **Старинное слово «благообразие» выражает «идею красоты как святости и святости как красоты. Красота тесно связана в русской народной психологии с трудным усилием самоотречения»***. Праведность иконописца «совершенно неотделима от сверхличной святости иконописания как такового»**.

Художник Юрий Селиверстов в частном письме утверждал, что «икона никогда не была искусством и не будет. Икона не произведение, но молитва — и только! Она и вне времени, и вне пространства. Она везде. Создавалась она руками чистыми, чистой душой, воспарением духа. По Духу Святому. Вот почему и прикасаться к ней можно только очищенным и в чистоте желающему быть...»***.

В отличие от полотен светских художников, которые «изучены представлять то, что в теле земного, животолюбивого человека содержится», икона — творение боговдохновенное: «в священной русской иконописи изображается тип лица небожительный, насчет коего материальный человек даже истового воображения иметь не может» (1, 423). Потому и отправляются герои «Запечатленного Ангела» в долгий путь на поиски «изографа» — истинного христианского иконописца.

Известно, что «изограф Севастьяня» в рассказе во многом списан с «художного мужа» Никиты Савостьяновича Рачейского, с которым был дружен Лесков. Сыну писателя запомнилась прежде всего духовность в колоритном облике мастера. Он настолько был «растворен» в иконописи, что и внешностью своей напоминал древнее художество: «был стилен с головы до пят. Весь Строганова письма. Высок, фигурай суховат, в черном армячке почти до полу, застегнут под-душу, русские сапоги со скрипом. Картина! За работой <...> весь внимание и благоговейная поглощенность в созидании Деисусов, Спасов, Ангелов, «воев небесных» и многоразличных «во имя». <...> лик постный, тихий, нос прямой и тонкий, темные волосы серебром тронуты и на прямой пробор в обе стороны положены; будто и строг, а взглядом благостен. Речь степенная, негромкая, немногословная, но внятная и в разуме растворенная. Во всем образе — духовен!»****.

Только Христос «мог установить между истиною и красотою тот союз мира, из которого потом возникло христианское искусство»*****, — подчеркивал профессор богословия Ф. Смирнов.

* Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст.— М.: Наука, 1990.— С. 70.

** Там же.

*** Цит. по: В. А. Художник Юрий Селиверстов // Вестник Христианского движения.— Paris: YMCA-PRESS, 1977.— № 1.— С. 276.

**** Лесков А. Н.— Указ. соч.— Т. 1.— С. 398.

***** Смирнов Ф. Общий богословский взгляд на историю древнецерковной иконографии.— Киев, 1879.— С. 7.

Рассказ Лескова был книгой для семейного чтения. Интересно сообщение Чехова редактору Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери «Запечатленного Ангела»*. Таким образом, лесковский «Ангел», был у Чехова «на слуху», что не могло не отразиться в его творчестве, а именно — в создании пасхального рассказа «Святою ночью» (1886).

Бессспорно, этот рассказ создан в художественной манере Лескова. Как лесковский шедевр снискал всеобщее признание, так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был упомянут в материалах о присуждении Чехову Пушкинской премии.

Духовно-эстетическое начало рассказа Чехова связано не с иконописью, как у Лескова, а с красотой церковной поэзии, святого слова. Чеховский герой иеродиакон Николай — простой монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел» (C5, 96), — обладал Божественным даром создавать акафисты. «Радуйся, древо светлоплодовитое, древо благосенноиственное, им же покрываются мнози!» (C5, 97), — воспевается в хвалебном гимне Богородице. Сложные, многокорневые слова, усвоенные православной гимнографией из греческой традиции торжественной церковной риторики, выражают чувство благоговения перед святыней и в какой-то мере чувство бессилия достойно воспроизвести святой образ на человеческом языке.

В рассказе «Святою ночью» словно слышен лесковский рассказчик с его удивлением перед чудом ангельского лика: «Лик у него <...> самый светлобожественный и этакий скоропомощный» (1, 400). Чеховский герой также стремится передать святую красоту иконы в святой фразе — теми же многокорневыми словообразованиями, свойственными церковным песнопениям, которые, как сказано у Чехова, вмещают «много слов и мыслей» в одном слове. «Найдет же такие слова! Дасть же Господь такую способность! — дивится чеховский рассказчик таланту сочинителя акафистов. — Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово <...> «Светоподательна! <...> слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем» (C5, 98).

Устами своего рассказчика — молодого послушника Иеронима — писатель развивает теорию жанра и стиля русского религиозного искусства: «Кроме плавности и велеречия <...> нужно еще, чтобы каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобы тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого» (C5, 98), «надо, чтобы в каждой строчечке была мягкость, ласковость, нежность <...> Так надо писать, чтобы молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил» (C5, 97).

Здесь отчетливо различима та «очарованность» — душевное свойство изумляться открывающейся взору святой красоте, молитвенная способность к тончайшему духовному и эстетическому переживанию, характерная для любимых героев Лескова — праведников, «очарованных странников». Наличествует не только слуховая, но и зрительная, живописная, как в «Запечатленном Ангеле», образность. Стиль этих художественных творений Лескова и Чехова можно определить как словесную живопись.

Оба писателя настойчиво подчеркивают, что создание такого искусства, по Лескову, — «редкого отеческого художества» (1, 417) — возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суэты и корысти.

Так, с болью видит рассказчик «Запечатленного Ангела», как цинизм и корыстолюбие, «обман и ложь бессовестные» разрушают «отеческие предания»: «В старь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует» (1, 428). Но теперь «это люди не того духа»: «как чер-

* Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Письма.— Т. 1.— С. 81.
Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

ные цыгане лошадьми друг друга обманывают, так и они святынею <...> что становится за них стыдно и видишь во всем этом один грех да соблазн и вере поношение. Кто привычку к сему бесстыдству усвоил <...> даже <...> хвалятся: что-де тот-то тог-то так вот Десусом надул, а этот этого вон как Николою огрел, или каким подлым манером поддельную Владычицу еще подсунул» (1, 429).

В рассказе «Святою ночью» Чехов пишет, что подлинного благообразия нет и в монастыре: «народ все хороший, добрый, благочестивый, но... **Ни в ком нет мягкости, деликатности**» (С5, 99), «некому вникать» в слова пасхального канона, и кроткий поэтичный человек — безвестный творец акафистов — остается непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова — «Архиерей» (1902).

Главный герой рассказа — представитель высшего церковного духовенства, викарный архиерей. Нареченный в монашестве Петром, при крещении в младенчестве он получил имя Павел. Так в имени и судьбе архиерея соединяются имена новозаветных Апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

Сюжетное действие разворачивается на фоне прогрессирующей болезни архиерея. Но перед самой кончиной ему ниспослано утешение, точно он скидывает с себя тяготивший земной груз, тяжкое телесное бремя и становится бесплотным, невесомым, готовым раствориться в небесных сферах, в милосердии Божием. Преосвященный Петр «в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморклилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех, что все то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже более не повторится, не будет продолжаться».

«Как хорошо! — думал он. — Как хорошо!»» (3, 361).

Герой уже не ощущает себя высшим церковным иерархом, наоборот — он один «из малых сих», дитя Божье, дитя своей матери. А старуха-мать — вдова бедного сельского дьячка, которая стеснялась и робела перед высоким саном владыки, не знала, как вести себя с ним, — только теперь увидела в преосвященном Петре свое дитя — сыночка Павлушу: «она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного».

— Павлуша, голубчик,— заговорила она,— родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!» (3, 361).

Любовь, жалость, сострадание острее проявляются к слабому, незначительному, беззащитному. Любовь соединяет человека с Богом и с людьми, а все остальное, в том числе служба, карьера, чины,— разъединяет, подавляет душу, приносит страдание, одиночество.

На пороге инобытия преосвященному привиделось, что он стал простым бого мольцем: «он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (3, 362).

Отлетающей душе открылась истинная суть человека, который в своей земной юдоли — только путник к Богу. Герой испытал чувство необъятной свободы — той, что даруется свыше, но люди, приданные материальными попечениями, забывают об этом даре, не умеют ценить его. И лишь душа, от Бога исшедшая и к Нему отходящая, освобожденная от гнета земных забот, способна постичь эту свободу сполна.

Событийный ряд рассказа «Архиерей» разворачивается в течение Страстной Седмицы и завершается в праздник Пасхи. Автор преднамеренно точно указывает

вехи развития действия во времени и в пространстве. «Под Вербное воскресенье в Старо-Петровском монастыре шла всенощная» (3, 348) — это точка отсчета. Развязка основного действия происходит с наступлением Светлого Христова Воскресения: «А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей; гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило» (3, 362).

Очевидно, что у Чехова представлено религиозно-философское понимание времени и пространства. Эти категории в рассказе «*Архиерей*» пасхальны, христиански сакрализованы. События Священной истории прочными духовными нитями связаны с православной верой, богохранимой землей русской.

Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего, православного чаяния «жизни будущего века». Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русских пасхальных рассказов, представлена в чеховском рассказе «*Студент*» (1894).

Убедившись на живом примере, что новозаветные пасхальные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский — студент духовной академии — испытал небывалую, захватившую дух радость: «и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. *«Прошлое, — думал он, — связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого».* И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» (2, 511).

Действие рассказа происходит в Страстную Пятницу — трагический день распятия Христа. Подводное течение внутреннего лирико-символического сюжетного плана движется от ощущения вселенского холода и мрака, людского одиночества и отчаяния, сиротского чувства богооставленности: «оказалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрей, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» (2, 508) — к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с ее высоким таинственным смыслом: «Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <...> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им <героем. — А.Н.-С.> мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (2, 511).

Художественное время русских пасхальных рассказов не ограничено календарными рамками. Настоящее и прошлое сливаются воедино с грядущим в поистине евангельской «полноте времен», проповеданной Апостолом Павлом: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <...>, Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4: 4—5); «В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединились под главою Христом» (Ефес. 1: 10).

Так в русских пасхальных рассказах устанавливается диалогическая соотнесенность с христианским новозаветным контекстом. Праздник Пасхи является мощным импульсом, уводящим в метафизические глубины художественного текста; придает ему религиозно-философскую универсальность, позволяет обратиться к вечным вопросам бытия.

Особое эмоционально-психологическое состояние радостной просветленности, изумления перед непостижимостью Божественного Промысла, характерное для пасхального мироощущения, передано так, что «плакать хочется», «дух захватывает» (С5, 99). В произведениях русских классиков открывается необозримая духовная перспектива. Это подлинное чудо, и не случайно оно становится в пасхальном повествовании ключевым: «Чудо, Господи, да и только <...> Истинное чудо!» (С5, 96).

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

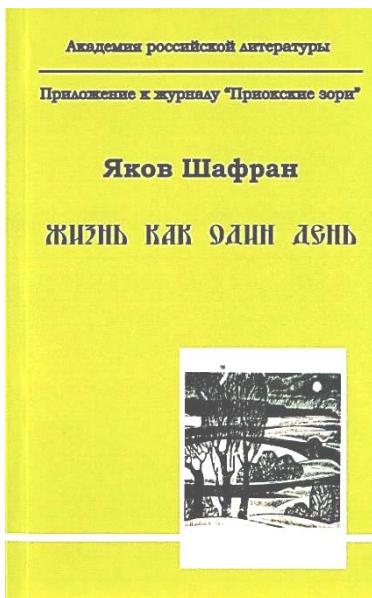
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., является их *своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»*. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на обратном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагин Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет пересхал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил факультет Тульского политехнического института (ныне ТУЛГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук. Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости!» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», в альманахах «Тула», «На крыльях Петаса», «день тульской поэзии» и «НАО», в московских поэтических сборниках «Плют любовь вам антологисты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подавшего отцов, детей и предков» с публикацией произведений в книге «Мы помним...»

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе писателей Тульской области, членом литературного объединения «Петас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совместная творчества с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала «Приокские зори».

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, если автор об этом позаботится;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может потребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатанию автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2021.— № 2.
2. *Северо-Майские огни*: Авторский литературный журнал.— 2020.— № 5, 6 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2020.— № 4 (опубликованы стихи Якова Шафрана).
4. *Север*: Литературно-художественный и общественно-политический журнал.— 2021.— № 3 + 4 (опубликованы новеллы Алексея Яшина из цикла «Болдинское межсезонье»).
5. *Смеяться, право, не грешино*: Антология современной сатиры и юмора. Вып. 2 / Под ред. А. Д. Тарасова: Академия российской литературы.— М.: РОО Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 255 с.
6. *За лучшую жизнь, против косности и фальши*: Антология публицистики. Вып. 1 / Сост. М. И. Лапшин: Академия российской литературы.— М.: РОО Литературное сообщество «Новые Витражи», 2021.— 253 с.
7. *Макаров Н. А.* Писатели тульского края: справочник.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2020.— 275 с. (К 60-летию Тульской писательской организации Союза писателей России).
8. *Николай Макаров*. Рядом с космическими полетами. 2-е изд., испр. и доп.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2021.— 57 с.
9. *Николай Макаров*. Пушкин и медики: хроника болезней и встреч с медиками. 6-е изд., перераб. и доп.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2021.— 149 с.
10. *Лапшин М. И., Скоблов Е. М.* Лунная дуэль XX века.— М.: Новые Витражи, 2020.— 78 с.
11. *Ноосферная парадигма* россиведения, евразийства и устойчивого развития, как основа становления ноосферного образования в России XXI века: Колл. монография / Под ред. А. И. Субетто и В. А. Шамахова.— СПб: Астерион, 2020.— Кн. 1.— 398 с.; Кн. 2.— 304 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 10.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 236 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Тульская сторонка*: Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, стихи, рассказы, статьи и рецензии. Вып. 7.— Тула: Изд-во Аквариус, 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Яков Шафран*. Восхождение: психологический роман.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Вадимир Трусов*. Иронический оптимизм сожаления: тетralогия Алексея Яшина.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Песни, романсы, пьесы для фортепиано, стихи, рассказы, статьи. Вып. 6.— Тула: Изд-во «Аквариус», 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. *Алексей Яшин*. Болдинское межсезонье: Паноптикум молодых характеров: Новеллино (десятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия россий-

ской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 341 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. На крыльях Пегаса. Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 18.— Тула: Изд-во PRINT71, 2020.— 260 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идеи и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2021-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

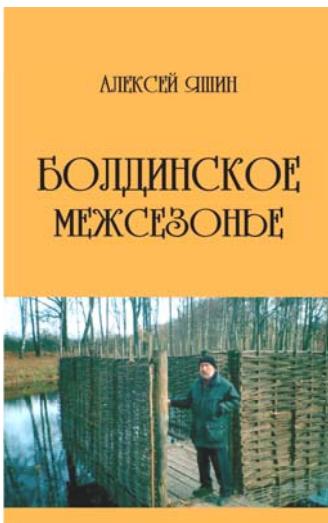
В добный путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Академия российской литературы

● Общедоступная группа

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор новой книги главного редактора всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула)

Алексея Яшина

«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ. Паноптикум молодых характеров» М.: Академия российской литературы, «Новые Витражи», 2020,— 341 с, ил.

Коллектив Академии сердечно поздравляет Алексея Афанасьевича с изданием новой книги, желает крепкого здоровья, новых больших творческих работ и успехов!

* * *

Правление и коллектив Академии РЛ сердечно поздравляют с ЮБИЛЕЕМ писателя, поэта, драматурга, журналиста, фотографа, охотника, главного редактора журнала «Literra» — **ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ФЕДОРОВА!**

От всей души желаем доброго здоровья, благополучия, новых творческих достижений!

* * *

Правление и коллектив Академии сердечно поздравляют известную российскую писательницу, поэтессу, деятеля культуры и искусства, активного члена Правления Академии российской литературы, члена Союза писателей России, лауреата международных и российских наград («За вклад в литературу России XXI века») и литературных премий **ОЛЬГУ КАРАГОДИНУ** с Днем рождения и желают доброго здоровья, новых больших личных творческих успехов и свершений на благо деятельности Академии российской литературы!

* * *

Уважаемые друзья, коллеги!

14 апреля 2021 года в Бирюзовом зале Дома Ростовых состоялось общее собрание членов Академии российской литературы (московское отделение) под руководством председателя Правления академии, главного редактора вестника Академии ЛА «Московский Парнас» Р. К. Тишковского.

С отчетом о творческой деятельности Академии в 1 квартале 2021 года и информацией об основных организационно-технических мероприятиях по совершенствованию структуры и деятельности коллегий Академии выступил Е. М. Скоблов.

М. И. Лапшин презентовал антологию современной публистики «За лучшую жизнь», изданную в 1 квартале 2021 года.

Т. В. Камаева выступила с информацией об организации и итогах работы по изданию антологии современной прозы (издание 2020 года) и в целом по проблематике подготовки книг к изданию в современных условиях.

По итогам творческой деятельности были награждены: Почетной грамотой Академии — член Правления Академии Н. Е. Иванова-Харина (за организацию и проведение Всероссийского конкурса «Зашитники Отечества» среди детей и подростков); Дипломом Академии МАРС — член Правления Академии М. И. Лапшин, за научную пропаганду достижений отечественной космонавтики и книгу «Лунная дуэль XX века».

По актуальным вопросам деятельности Академии в 1 квартале 2021 года выступили: Р. К. Тишковский, А. А. Ковалев, И. И. Тимченко, Н. Е. Иванова-Харина (отдельно об организации Всероссийского литературно-художественного конкурса «ОТКРЫТЫЙ КОСМОС», посвященного достижениям отечественной космонавтики).

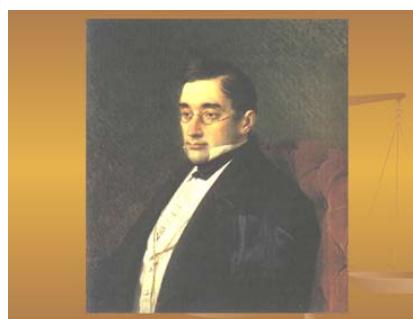
Также были представлены издания региональных отделений академии. В собрании приняли участие приглашенные деятели культуры и искусства.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Валерий Растрогуев

С кем и чем сравнить гений **АЛЕКСАНДРА ГРИБОЕДОВА**, у которого ныне день рождения? Он единственный, кто смог одной книгой изменить и язык великого народа, молниеносно впитавший в себя (построчно!!!) все написанное им (даже пандемия тотального егэ-оглупления не вымыла из языка его базовые фразеологизмы, хотя разрушила их связь с конкретными авторами), и сам народ, для которого его суждения стали убеждениями.

*Судьба — проказница, шалунья, Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья, Всем умным горе от ума.
Где? укажите нам, отечства отцы,
Которых мы должны принять за образцы?*

* * *

Иван Тараев

СЕКРЕТАРИАТ СП РОССИИ

Секретариат 18.01.2021г. стал первым полноценным рабочим совещанием в наступившем году, а потому решаемые на нем вопросы касались не только текущего момента, но и «заглядывали» в будущее.

Символично, что первым адресом, в который выехала группа писателей в составе Н. Иванова, Г. Иванова, В. Кирюшина, А. Полуботы и детского писателя Е. Усачевой, стала Арктика. В ее столице Мурманске прошла встреча с губернатором области А. Чубисом. Как подчеркнул губернатор, в освоение и развитие арктического региона сейчас вкладывается достаточно много средств и внимания, и то, что писатели оказались рядом с этой темой, говорит о системности в работе творческого Союза.

Материалы о поездке публиковались на Официальной странице ФБ и представлены достаточно полно. Более подробный отчет публикуется на сайтах «Российский писатель» и «День литературы».

Исходя из складывающейся ограничительной обстановки, не желая держать десятки семинаристов во всех уголках страны в неопределенности, секретариат принял решение перенести Всероссийское совещание молодых писателей в Химках на начало лета.

Прошли новые назначения в рабочем секретариате. Дмитрий Силкан будет отвечать за работу официального сайта СП России <http://pisateli-rossii.ru>, при этом некоторые разделы будут вести П. Кренев (Литературные премии), К. Громыко (Федеральные списки СП России, юбилеи). Некоторое время сайт будет функционировать в тестовом режиме.

Хозяйкой «Литературной гостиной» СП России назначается Дьякова Нина Николаевна, которой поручено подготовить формат и список мероприятий, проводимых в первом полугодии.

На имя председателя СП России пришло письмо из Министерства культуры РФ, в котором уточнен перечень премий Правительства РФ в области культуры. На сегодняшний день остаются премии:

- премия за значительный вклад в развитие российской культуры творческим работникам и деятелям культуры;
- премия имени Федора Волкова за вклад в развитие театрального искусства;
- премия «Душа России» за вклад в развитие народного творчества;
- премия имени Луначарского за значительный вклад в развитие российской культуры.

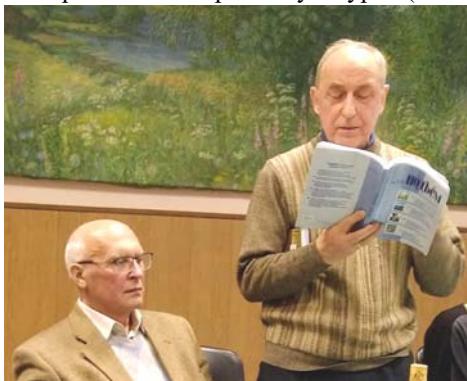
Положения о данных премиях опубликованы на сайте Министерства культуры РФ в разделе «Деятельность».

Секретариат проинформирован о регистрации Устава Ассоциации союзов писателей и издателей с юридическим адресом: Москва, Поварская ул, дом 52. Первое заседание Наблюдательного совета АСПИ запланировано на начало февраля.

Секретариат дал «добро» на проведение в июне выездного секретариата на Алтае (ответственная — А. Самойлова), осенью — в Костроме (ответственная — Н. Мусинова). П. Г. Кренев дал информацию о поездке в Тюмень и Тобольск.

Добрые вести пришли из Воронежа: руководство области прислушалось к мнению писателей и объявило конкурс на изготовление и установку памятника Гавриилу Троепольскому. Вопрос об этом поднимался на встрече губернатора Воронежской области и председателя СП России: памятник Белому Биму в центре города стоит, а писателю, создавшему этот образ — нет.

Проговорены все организационные вопросы по завтрашнему проведению вручения премии «Имперская культура» (ответственный С. Котыкало).

На 27 января намечен выезд группы писателей в город Талдом, на конференцию, посвященную М. Е. Салтыкову-Щедрину. Ответственный — В. Фролов.

Секретариат утвердил приветствие Врио Главы республики Дагестан С. Меликову, направленное от имени писателей России в честь 100-летия образования автономии.

Секретариат утвердил дату приемной комиссии — 3 марта.

Иван Тараев

САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИНУ 195 ЛЕТ

В городе Талдоме Московской области начались торжества в честь юбилея великого писателя. Делегацию Союза писателей России возглавляет председатель правления СПР Николай Иванов. В делегации Игорь Янин, Виктор Фролов, Валентина Ерофеева, Нина Дьякова, Евгений Калачев, Дмитрий Силкан, Игорь Шумейко и другие. В программе мероприятий Вторые Щедринские чтения в поселке Спас-Угол.

«ОН БЫЛ ПИСАТЕЛЬ ПО ПРИРОДЕ...»

27 января — особая дата в литературном календаре. В этот день 195 лет назад в селе Спас-Угол родился великий писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Наступивший 2021 год в Талдомском округе Московской области объяснили Годом М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Первым большим событием в связи с этим стали II Всероссийские Щедринские чтения, которые проходили в день рождения писателя.

— Важно, чтобы Год Салтыкова-Щедрина стал поводом для многих и многих людей страны открыть для себя этого великого писателя, оценить масштаб личности, масштаб его значимости для отечественной и мировой культуры,— отметил, открывая чтения, глава Талдомского городского округа Юрий Крупенин.

Выступая перед почитателями писателя, Николай Иванов подчеркнул: «Время нередко судят по песням, которые слагаем, и по памятникам, которые возводим. Да, бывает мода и на слова, и на имена. Но мода — это как раз то, что быстро выходит из моды. А за нашей спиной вместе с памятником писателю — почти два века глубинной истории России.

У нашей страны есть имя — Россия. Фамилию ей дали Чудское озеро, Куликово поле, Бородино. А отчество — сказитель Баян, Пушкин, Тургенев, Лесков, Салтыков-Щедрин... Для Запада мы, конечно, ненормальные люди, «марсиане», потому что на первом месте у нас все же, в отличие от Запада, не материальные блага, а духовные ценности»...

Вторые «Щедринские» чтения, по мнению его участников (хоть в условиях пандемии приехали и немногие), стали духовно укрепляющим событием, подтверждающим нашу идентичность в вопросах уважения к истории.

Прозвучало порядка десяти выступлений, в которых приняли участие поэт, прозаик, драматург Нина Дьякова, заведующая музеем М. Е. Салтыкова-Щедрина Анна Комлева, журналист, поэт, писатель Дмитрий Силкан, корреспондент Пушкинского информагентства, секретарь краеведческого общества Ольга Соловьева, поэт, краевед, член Международной академии русской словесности Татьяна Хлебянкина...

Оценивая блистательный русский язык писателя-сатирика, секретарь Союза писателей России Александр Ананичев привел десятки неологизмов Салтыкова-Щедрина, которые вошли в обиход полтора века назад и которыми мы пользуемся до сих пор. Одно из них — слово «халатный», то есть расхлябанный. Он ненавидел праздного отношения к делу. Эту мысль подтвердила и Татьяна Хлебянкина в своем докладе «Салтыков-Щедрин в космическую эру».

Произведения Салтыкова-Щедрина по праву вошли в золотой фонд не только русской, но и мировой классики. К примеру, кандидат филологических наук Ксения Нагайцева провела целое исследование о роли и влиянии писателя на английское литературоведение. Выводы она представила в виде доклада «Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в английском литературоведении», а педагог МГУ Маргарита Сосницкая продолжила эту тему в выступлении «50 оттенков серого».

На встрече близких по духу людей вновь обсудили учреждение литературной премии имени Салтыкова-Щедрина, результаты которого станут известны к концу года.

Анализируя разные аспекты жизни и творчества писателя — эталонный облик государственного чиновника, талант редактора, дар сатирика, глубину философской мысли, современность и актуальность в реалиях сегодняшнего дня — выступавшие были едини в том, насколько глубинно верным является труд по сохранению, популяризации Салтыкова-Щедрина. И главное, что руководство округа не отказалось от плана воссоздать усадьбу господ Салтыковых и реставрации парка. Имея мощную поддержку писательского сообщества, округ рассчитывает на участие в региональных и федеральных программах, чтобы осуществить эти планы.

— 2021-й объявлен у нас годом Салтыкова-Щедрина,— подчеркнул глава округа Юрий Крупенин.— В то же время мы должны постоянно помнить и о предстоящем 200-летнем юбилее, о воссоздании усадебного комплекса...

Салтыков-Щедрин очень любил Россию, желал ей процветания и свободы: «...отчество привлекает», «отчество — святыня», «я желал видеть мое отчество не столько славным, сколько счастливым — вот существенное содержание моих мечтаний на тему о величии России, и если я в чем-нибудь виноват, именно только в этом».

27 января родился писатель. 27 января 1944 была снята блокада города, где он погребен (Ленинград — С.-Петербург)...

Своим литературным трудом и государственной службой (из-за своей принципиальности и честности Щедрин не задерживался на государственных поприщах более двух лет) писатель всего себя отдавал России и ее народу.

С днем рождения, Михаил Евграфович, лучший сын земли Талдомской, земли Подмосковья, России!

Алексей ПЛОТНИКОВ

* * *

Елизавета Хапланова

4 февраля — день рождения **МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ПРИШВИНА**. Пусть нес-колько рассуждений писателя настроят нас прожить этот день нераздельно с красотой, мечтой и всеобъемлющей любовью!

«На рассвете дня и на рассвете года все равно: опушка леса является убежищем жизни. Солнце встает, и куда только ни попадет луч,— везде все просыпается, а там внизу, в темных глубоких овражных местах, наверное, спят часов до семи. У края опушки лен с вершком ростом и во льну — хвош. Что это за диво восточное — хвош-минарет, в росе, в лучах восходящего солнца!»

// «Лесная капель», 1943 г.

*

...Надо мечтать как можно больше, как можно сильнее мечтать, чтобы будущее обратить в настоящее!

*

Бойся думать без участия сердца.

*

Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня — я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя.

*

Так оно так, вся Земля наш общий дом, куда приходим мы, рождаясь как гражда-не мира. И лучше бы как-нибудь работать гражданином мира, но как перешагнуть через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не боль-но?»... Другой-то разве станет так церемониться, разве он за естественным богатст-вом железа, нефти захочет чувствовать человека? Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и главное через страстную любовь к природе, увенчан-ную родным словом, я неотделим от России...

* * *

Анатолий Бесперстых

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

13 февраля 1769 — родился великий русский баснописец **ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ** (ум. 1844).

А. С. Пушкин:

«Конечно, ни один француз не осмелился кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие есть врожденное

свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов (О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова).

Н. В. Гоголь:

«...Крылов. Выбрал он себе форму басни, всеми пренебреженную, как вещь старую, негодную для употребления и почти детскую игрушку — и в сей басне умел сделаться народным поэтом. <...> Его басни отнюдь не для детей. Тот ошибается грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа. Звери у него мыслят и поступают слишком по-русски: в их проделках между собою слышны проделки и обряды производств внутри России. Кроме верного звериного сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медведь, волк, но даже сам горшок поворачивается как живой, они показали в себе еще и русскую природу ("В чем же, наконец, существо русской поэзии и ее особенность")».

В. Г. Белинский:

«Личность Крылова вся отразилась в его баснях, которые могут служить образцом русского себе на уме,— того, что французы называют задней мыслью. Человек, живой по натуре, умный, хорошо умевший понять и оценить всякие отношения, всякое положение, знавший людей,— Крылов тем не менее искренно был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался и в образе жизни своей был оригинал до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом: напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою ("Иван Андреевич Крылов")».

* * *

Иван Тараев

НЕ СТАЛО ВАЛЕНТИНА КУРБАТОВА...

Пошел за цветами супруге. При возвращении осел около подъезда собственного дома. И не стало...

Владимир Мартышин

Круг сужается...

Не стало Валентина Курбатова, нашего дорогого, любимого великого современника... На душе печаль и скорбь... Утрата невосполнима, замены нет... Друг за другом уходят светочи Земли Русской, великие русские люди...

Вчера вечером думал о нем и не один раз. Думал, что нужно все бросить и поехать... И вот... Царствие Небесное и вечный покой рабу Божию Валентину.

Станислав Минаков

«Русская литература потеряла кормчего». И русская культура в целом. Я же потерял и старшего друга. Ушел из жизни Валентин Яковлевич Курбатов.

Здесь я собрал несколько остановленных мной мгновений Пушкинских праздников во Пскове, Пушкинских горах и в Михайловском — 2014 и 2016 гг.

Лариса Вигандт (Барнаул) пишет: «Невозможно нести такие потери. Невозможно. Не стало Валентина Яковлевича Курбатова. Близкий мне человек, родной. Не потому ли так необъяснимо тревожно было на душе и вчера и сегодня?

Списывались третьего числа. Отвечая, шутил как всегда: «а обниматься?» «Так с радостью, Валентин Яковлевич!» Все надеялась, что снова «опсковлюсь». Вот уж и обнимемся. Кажется, лишь трижды я общалась с Курбатовым вживую. Сохранилось замечательное видеоинтервью с ним.

Первый номер «Алтая» за 2021 год сделан и после праздников уйдет в типографию. Журнал открывает фрагмент из книги, которую Валентин Яковлевич готовил к изданию. «И каждый день сначала» — его переписка с Валентином Григорьевичем Распутиным. Гибельные 1990-е. Битва мировоззрений и характеров великих писателей XX — начала XXI веков: Астафьева, Распутина, Белова, Курбатова».

Царство Небесное и Вечный покой Вам, друже!

* * *

Иван Тараев

ЕСЛИ БЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ БЫЛ Я...

27—30 мая 2021 года Союз писателей России совместно с Московским государственным институтом культуры проводит Конференцию Союза писателей России в рамках Всероссийского Совещания молодых литераторов СПР в Химках.

В Конференции участвуют члены Союза писателей России (или рекомендованные по результатам всероссийских совещаний и конкурсов) до 45 лет. В программе — обсуждения книг участников, круглые столы, презентации книг, мероприятия по организации литературного процесса.

Одна из тем для обсуждения молодыми литераторами предложена председателем СП России

Николаем ИВАНОВЫМ и звучит так: «Если бы председателем Союза писателей России был я».

При этом автор идеи готов выслушать предложения от всех, у кого есть как очень конструктивные, так и самые заоблачные пожелания по улучшению работы нашего Союза.

* * *

Алексей Шорохов

БУНИНСКАЯ АУДИТОРИЯ ОТКРЫЛАСЬ В ОСАЖДЕННОЙ ГОРЛОВКЕ

27 марта в Горловском институте иностранных языков в год 150-летия великого русского писателя И. А. Бунина открыли памятную аудиторию его имени.

На открытии присутствовал заместитель главы городской администрации, профессор Донецкого национального университета Валерий Михайлович Калинкин. Ректор ГИИЯ С. А. Кочетова зачитала приветствие ректора Елецкого университета имени И. А. Бунина (с которым у ГИИЯ подписан договор о сотрудничестве). В. М. Калинкин прочитал лекцию о названиях космических тел в творчестве И. Бунина.

Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки», поэт Алексей Шорохов поприветствовал своих друзей и коллег из ГИИЯ в видеоформате.

Перед открытием аудитории был проведен очередной Международный научно-практический очно-заочный семинар «Проблемы изучения и преподавания литературы в школе и вузе: вызовы времени».

По словам С. А. Кочетовой: «Аудитория задумана как рабочая. В ней будут проходить лекционные и практические занятия, литературные встречи, мероприятия, связанные с популяризацией литературы для студентов и школьников Горловки, научные встречи, семинары для учителей, кандидатские экзамены, обсуждение диссертаций. Короче говоря, хотим, чтобы эта аудитория была «живой».

Вне зависимости от того, что и как «решают» по Донбассу официальные власти РФ — он был и остается русским! Пока там звучит русское слово и стоят русские храмы, а их защищает русский солдат — это Россия! И есть, и будет!

* * *

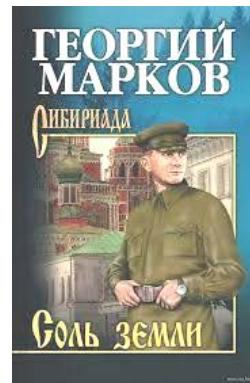
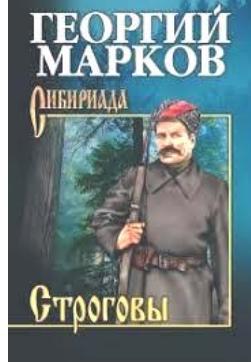
Анатолий Бесперстыых

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

19 апреля — 110 лет со дня рождения русского советского писателя, сценариста и драматурга, журналиста, военного корреспондента, общественного деятеля ГЕОРГИЯ МОКЕЕВИЧА МАРКОВА (1911—1991).

Георгий Марков

писатель, сценарист,
военный корреспондент,

Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей с 1943 года. Автор историко-революционного романа «Строговы» (1939—1946), романов «Сибирь» (1969—1973), «Соль земли» (1954—1960), «Отец и сын».

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редакция и редакция «Приокских зорь» поздравляют:

Члена редакции журнала и нашего постоянного автора **ЕФИМА ГАММЕРА** с наградой на Международном литературно-художественном конкурсе «Они шагнули в зарево войны» за очерк «Орден Славы в 12 лет».

АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» с наградой виртуального книжного фестиваля «Тульский библиогид» государственного учреждения культуры Тульской области «Региональный библиотечно-информационный комплекс» Тульская областная научная библиотека.

Члена редакции журнала и нашего постоянного автора **НИКОЛАЯ ТИМОХИНА** с награждением медалью «Николай Рубцов».

Всех своих авторов и читателей с юбилейным ДНЕМ КОСМОНАВТИКИ!

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СОВЕТСКИЕ КОСМОНАВТЫ

А также с ДНЕМ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ!

Парижская коммуна (фр. Commune de Paris) — революционное правительство Парижа во время событий 1871 года, когда вскоре после заключения перемирия с Пруссиею во время Франко-Прусской войны в Париже начались волнения, вылившиеся в революцию и установление самоуправления, длившегося 72 дня (с 18 марта по 28 мая). Во главе Парижской коммуны стояли объединенные в коалицию неоякобинцы, социалисты и анархисты. Уже 26 марта прошли выборы в Парижскую коммуну...

Была объявлена марксистами первым в истории примером диктатуры пролетариата. Стала важным символом государственной пропаганды в СССР и других социалистических странах*.

В. И. Ленин «ПАМЯТИ КОММУНЫ»

«Рабочая Газета» № 4—5, 15(28) апреля 1911 г.**

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По уставившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклоняется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деяниях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготавлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики,— все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

* Материал из Википедии — свободной энциклопедии «Парижская коммуна»

** В. И. Ленин, ПСС (изд. 5-ое), М.: Госполитиздат, 1961, т. 20, стр. 217—222.

<http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HISTORY/PARIS71.HTM>

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и капиталистов, т.е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, порабощенный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т.е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых основ современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцами и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и устали поддерживать свое правительство, только они сражались и умирали за него, то есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100 000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели.

Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т.е. государственное жалованье попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах.

В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов — этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства.

И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской Думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампфы и Меллер-Закомельские* устроили такую резню, какой Париж еще не видел. Около 30 000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45 000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «*Теперь с социализмом покончено надолго!*», — говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение.

Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «Да здравствует социальная революция! Да здравствует Коммуна!». А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставили господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и проле-

* Кровавые царские генералы, руководившие подавлением восстания 1905 года (Цит. источника).

тариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В Туле в Издательстве ТулГУ вышли в свет две книги члена Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана **НИКОЛАЯ МАКАРОВА**:

«ПИСАТЕЛИ — ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ»

УДК 82-052(470)"17/19 ББК 83.3(2)6-8
М15 Писатели — лауреаты премий императорской России. Тула: Изд-во ТулГУ, 2021. 159 с. © Макаров Н. А., 2021. © Издательство ТулГУ, 2021

В книге приведены биографии писателей: лауреатах Демидовской, Ломоносовской, Уваровской и других премий дореволюционной России.

«ПУШКИН И МЕДИКИ: ХРОНИКА БОЛЕЗНЕЙ И ВСТРЕЧ С МЕДИКАМИ»

УДК 821.161.1-1 ББК 83.3(2)51-8
М15 Пушкин и медики: хроника болезней и встреч с медиками. 6-е изд., перараб. иодоп. Тула: Изд-во ТулГУ, 2021. 149 с. ISBN 978-5-7679-4776-8

Книга о болезнях А. С. Пушкина и его встречах с современниками-медиками. Приведены биографии медиков из различных источников.

СОЮЗ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ (НОВОЕ ВРЕМЯ)

В 1903 году в России возникло одно из самых известных художественных объединений — Союз Русских Художников. В его рядах числились такие известные художники, как Константин Коровин, Станислав Жуковский, Василий Переплетчиков, Станислав Жуковский, Сергей Виноградов, Константин Юон, Филипп Малявин, Николай Рерих. Союз просуществовал до 1923 года. Спустя столетие, в 2008 году, небольшая группа художников-реалистов возродила знаменитое объединение. У истоков возрождения стояли яркие художники Валентин Сидоров, Алексей и Сергей Ткачевы, Григорий Чайников, Михаил Абакумов, Николай Зайцев, Николай Пластов, Николай Колупаев. Идейным вдохновителем возрожденного Союза Русских Художников стал директор Русской Галереи Искусств Юрий Герасимов. Как и сто лет назад, возрожденный Союз Русских Художников объединил лучшие и самые талантливые художественные силы России. Его основу составляют сегодня Дмитрий Шмарин, Николай Зайцев, Виктор Орлов, Максим Фаустов, Андрей Алехин, Виктор Корсаков, Василий Куракса, Андрей Уделов, Анна Боганис, Дмитрий Петров, Василий Худяков, Наталья Зайцева, Валерий Копняк, Юлия Блинова, Юрий Ткачев, Андрей Мочалин, Эльмира Петрова, Виталий Графов. В 2013 году — в год столетия организации — возрожденный Союз Русских Художников провел юбилейную и крупнейшую в своей истории выставку в Музее-Заповеднике «Царицыно». В 2014—2015 годах Союз Русских Художников выставлялся в столице Кувейта Эль-Кувейте по приглашению правительства этой страны. С 2018 года Союзом Русских Художников реализуется новый выставочный проект «Горжество Русского Реализма».

Андрей Уделов «Венеция», 2020 год, холст-масло, 70x50.

Картина 2020 года «Венеция» убеждает, как мастерски передает едва уловимые оттенки художник Андрей Уделов. Взглядите сами. Вода и небо удивительного города, издавна привлекавшего живописцев и поэтов, его здания и каналы. Как будто нет границ между ними. Все живо, все дышит, все плавно колеблется. Все пластично перетекает из одной формы в другую, все несет на себе цветовое отражение друг друга. И эти отражения дрожат в водной ряби. Художнику удивительным образом удалось запечатлеть на холсте подвижность воды. Но это не только дыхание приливов и отливов, это еще и дыхание прошлого, дыхание подлинного искусства.

Еще одно полотно нашего современника, созданное в традициях Союза русских художников: картина Василия Худякова «Октябрь. Урал». Завершенный в 2011 году холст словно вобрал в себя историю предыдущего столетия отечественной живописи. За внешней простотой знакомого каждому россиянину пейзажа кроются волнующие загадки. Куда ведет чуть приметная тропка? Брезжится ли утро или близятся вечерние сумерки?

Василий Худяков «Октябрь. Урал», 2011, холст, масло

Отчего осерчал разметавший листву осенний ветер? Почему контрастные краски осени вместе с тем странным образом кажутся нам гармоничными? Есть ли упорядоченность в хаотичной случайности произрастания кустов и деревьев? Что говорит вдумчивому наблюдателю красота увядающей природы? Давайте приглядимся внимательнее!

Чистый понедельник. Новодевичий. Художник Наталья Зайцева

В полотне Натальи Зайцевой на первый план выходит деталь. Кажется, что выписана каждая веточка, каждое перышко слетевшихся в монастырский двор голубей, каждая трещинка мостовой, чуть ли не каждая снежинка. Вместе с тем картина не распадается на отдельные фрагменты. Это целостное и завершенное произведение. Произведение о красоте будней, о чистоте помыслов и намерений, о покое и гармонии, которые сквозят в городском пейзаже, как силуэты зданий видны через ветви не пробудившихся еще от зимней спячки, однако уже готовых к пробуждению деревьев. Так сквозь красоту окружающего мира сквозит внутренняя красота человека, приготовившегося к Великому посту, укрепившего дух свой перед началом духовного подвига.

Этот мужичок с самокруткой... Кто он? Не догадались? Это же Емеля из русской сказки. Да-да, он самый. Наш современник Емеля. По щучьему велению полные водой ведра вернулись от колодца. По щучьему велению велено, по Емелиному хотению закипел чайник, заварился чаек, поджидает хозяина на терраске. Но самое-то главное — по щучьему велению зима повернула на весну. Вот уже теплыми красками пополнится небо. Вот уже в полдень капель стучит по крылечку, хотя к вечеру и застывает сосульками. Вот уже и скворцы прилетели, заселяются в скворечник, взгромоздившийся по щучьему велению на длинной жердине... А потому хорошо на душе у Емели. Он сдержанно улыбается...

* * *

Встречи творческой интеллигенции под эгидой «Союза русских художников» продолжаются. На очередное собрание сторонники реалистического искусства пригласили Владимира Алексеевича Конкина, заслуженного артиста Российской Федерации, кавалера Ордена Дружбы, члена Союза писателей России, лауреата премии им. Дельвига «За верность слову и Отечеству».

В. А. Конкин — человек огромной эрудиции, неистощимой энергии, огромного человеческого и профессионального опыта и яркого дарования. Все это позволяет ему досконально и обоснованно судить о самых разных аспектах культуры. Беседа касалась практически всех видов искусства. В живописи Владимир Конкин высоко ценит как художественную манеру реалистов (в том числе эпохи социалистического реализма), так и модернистов масштаба Дали. Музыкальные пристрастия гостя «СРХ» простираются от Берлиоза до Моцарта, от «Могучей кучки» до классики рока.

Повествуя о композиторах прошлого, актер удивительным образом перевоплощался в героев своих рассказов: то в бегущего на урок к Моцарту начинающего австрийского музыканта, то в юного Мишу Глинку, то в участника ливерпульской четверки...

Разумеется, много и интересно рассказывал В. Конкин о театре и кино, о своей работе с А. Кончаловским и В. Высоцким, С. Говорухиным и В. Самойловым. К сожалению, в настоящее время секреты сценического и режиссерского мастерства практически утрачены. Нынешнее состояние театрального и кинематографического процесса маститый актер оценивает как критическое. Тем не менее, есть надежда, что молодое поколение служителей Мельпомены, отринув меркантильность и растлевавшее влияние навязываемых обществу в качестве «новаторов» бездарностей, сможет поддержать традиции русской актерской школы.

В литературе Владимир Конкин ценит внимание к художественной детали, глубокое погружение в психологию героя. Конкин-писатель обращается то к «Матушке Клио», то к образам Дон Кихота и Санчо Пансы, то к актерам своего круга, живым и уже ушедшим, то к вымышленным персонажам.

Важной частью личности такого интересного собеседника, как Владимир Конкин, являются воспоминания. Воспоминания о родителях, о детстве, проведенном на великой нашей Волге, в дорогом сердцу актера Саратове. Воспоминания о студенческих годах. Воспоминания о друзьях и коллегах, жене и детях. Воспоминания о забавных и опасных эпизодах в процессе съемок. Воспоминания о жизни на Советской Украине, творческих поездках по Средней Азии, посещении зарубежных стран.

На фото автор вручает свою книгу В. Конкину

«Приокские зори» на встрече представлял наш постоянный автор, член редколлегии журнала Игорь Карлов. Писатели обменялись книгами. Владимиру Конкину был вручен недавно вышедший в свет «Том второй» Игоря Карлова.

Владимир Алексеевич Конкин впитал достижения высокой культуры, отечественной и зарубежной. Это большой мастер, слово и мнение которого важно и ценно для каждого, кто имеет счастье общаться с ним. К сожалению, подлинные мастера культуры сегодня не становятся лидерами общественного мнения, не получают доступа к средствам массовой информации, соответствующего масштабам их дарования.

*Игорь Карлов,
г. Москва*

ТВОРЧЕСТВО В. КОВАЛЕВА (ЮРМАЛА, ЛАТВИЯ)

В. Ковалев. Старый дом. Бумага, акварель

В. Ковалев. Пляж. Бумага, пастель

ПОЗДРАВЛЕНИЯ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» С МАЙСКИМИ ПРАЗДНИКАМИ И ПАСХОЙ

В адрес гл. редактора А. А. Яшина, редакции и редколлегии «Приокских зорь» поступили поздравления от Межиныш Петра и Людмилы (Рига, Латвия), Шугли Владимира (Тюмень), Авдеевых Геннадия и Людмилы (Москва), Савельева Петра (Тула), Сычевского Юрия (Рочестер, США), Свиридова Виталия (Алчевск, ЛНР), Андрея Новикова (Липецк), Икитян Людмилы (Армянск, Крым), Егорова (Омск), Воробьевой Людмилы (Минск), Трусова Владимира (Мончегорск, Мурманская обл.), Борисовой Ольги (Самара), Григорьва Бориса (Москва), Доценко Марины (Мурманск), Корнилова Владимира (Братск), Арестова Анатолия (Рубцовск, Алтайский край), Павлова Юрия (Владимир), Кузнецова Петра (Сельцо, Брянская обл.), Севрюкова Олега (Москва), Тимохина Николая (Семипалатинск, Казахстан), Зайцева Олега (Минск), Лебедева Сергея (Тольятти, Самарская обл.).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присыпать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); межстрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присыпать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, межстрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присыпать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); межстрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, межстрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин

Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов

Компьютерная верстка и изготовление

оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2021
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ВРУЧЕНИЕ ЗНАКОВ ЛАУРЕАТА ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2020 ГОДУ**

*Алла Анатольевна Новикова-Строганова у фасада Музея
Николая Семеновича Лескова в городе Орле*

*Елизавета Михайловна Баранова (Весина)
после вручения знаков премии (г. Тула)*

**ВРУЧЕНИЕ ЗНАКОВ ЛАУРЕАТА ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2020 ГОДУ**

*Награждение Валентина Михайловича Огнева (слева).
Знаки премии вручает заместитель главного редактора «Приокских зорь»
Геннадий Николаевич Маркин (г. Щекино)*

*Vyacheslav Mikhaylovich Ljamskin после вручения знаков премии
(г. Бийск, Алтайский край)*